Касслер Клайв

«Ночной рейд»

С благодарностью Джерри Брауну, Терезе Буркетт, Чарли Дэвису, Дереку и Сусанне Гудуин, Клайду Джоунсу, Дону Мерсьеру, Валерии Палле-Петти, Биллу Ши и Эдду Уордуэллу, которые помогли мне остаться на верном пути.

Май 1914 г., штат Нью-Йорк

1

Вспышки молний предвещали страшную грозу, а по железнодорожному полотну, проложенному в окрестностях Нью-Йорка, мчался «Манхеттен лимитед». Из трубы паровоза вырывались клубы черного дыма, заволакивающие ночное небо, усеянное звездами. Машинист в кабине паровоза вытащил из кармана комбинезона серебряные часы «Уолтмен», открыл крышку и начал изучать циферблат в свете горящей топки. Его беспокоила не приближающаяся гроза, а беспощадный ход времени. Поезд опаздывал.

Выглянув в правое окно кабины, машинист наблюдал за шпалами, проносящимися под восьмью огромными ведущими колесами паровоза «Консолидейшн» типа 2-8-0. Он гордился своим локомотивом и любовно называл его «Стремительной Леной». Построенная в 1911 году, она сверкала черным блеском с красной полосой, номер 88 был аккуратно выведен вручную золотом.

Машинист прислушивался к звуку стальных колес, отбивающих ритм на стыках рельсов. Затем увеличил подачу пара еще на одно деление.

ПРОЛОГ

ДЕНЬ СМЕРТИ

В отдельном пульмановском вагоне длиной семьдесят футов, прицепленном в конце состава, Ричард Эссекс сидел за письменным столом в библиотеке, устроенной около тамбура. Слишком утомленный изнурительной поездкой, он никак не мог уснуть и, чтобы скоротать время, писал письмо жене.

Эссекс описывал изысканный интерьер вагона, искусную резьбу по дереву, прекрасные бронзовые электрические светильники, красные бархатные вращающиеся стулья и пальмы в горшках. Упомянул даже о конусообразных зеркалах и о полах из керамической плитки в туалетах четырех просторных спальных купе.

За ним в гостиной, богато облицованной панелями, пять военных охранников в гражданской одежде играли в карты, дым сигар медленно поднимался голубым облаком к потолку, задрапированному парчой. Пистолеты были небрежно разбросаны тут и там. Время от времени какой-нибудь игрок наклонялся над одной из бронзовых плевательниц, стоящих на персидском ковре. «Возможно, для них это предел роскоши, и они никогда не видели ничего подобного раньше, — размышлял Эссекс. — Великолепие путешествия, наверно, обходится правительству почти в семьдесят пять долларов в день, и всё это для того, чтобы привезти клочок бумаги».

Он вздохнул и закончил письмо. Потом запечатал конверт и положил его в нагрудный карман. Сон не приходил, поэтому Эссекс сидел и смотрел в окна на темный пейзаж, слушая свисток паровоза перед каждым полустанком или переездом. Наконец он встал, потянулся и прошел в изящную столовую, где сел за стол красного дерева, покрытый белоснежной скатертью, на которой были расставлены хрустальные бокалы и серебряный сервиз. Взглянув на часы, увидел, что сейчас без нескольких минут два часа ночи.

— Что желаете, мистер Эссекс?

Словно по волшебству появился официант.

Эссекс взглянул на него и улыбнулся:

— Нельзя ли мне получить что-нибудь легкое? Хочется перекусить.

— К вашим услугам, сэр. Что угодно заказать?

— Что-нибудь, что поможет мне сомкнуть глаза.

На лице официанта появилась широкая улыбка.

— Могу предложить небольшую бутылку бургундского «Поммард» и чашку вкусного, горячего бульона из морских моллюсков.

— Чудесно, спасибо.

Позднее, попивая маленькими глотками вино, Эссекс размышлял о том, сумел ли в эту ночь заснуть Харви Шилдс.

2

Харви Шилдса мучил кошмар.

Его разум отказывался принимать какое-либо другое объяснение. Скрежет стали и крики агонии и ужаса были ужасными. Он стремился отвлечься от этой дьявольской сцены и снова заснуть, но боль мучительно давала знать о себе. Он понял, что это не сон.

Откуда-то снизу доносился шум воды, будто она вырывалась из туннеля, подгоняемая резкими порывами ветра, от которых перехватывало дыхание. Шилдс попытался открыть глаза, но веки приклеились намертво. Он не знал, что его голова и лицо в крови. Тело застыло в неудобном положении, зажатое холодным металлом. Горьковатый электрический запах ударил в ноздри, и Шилдс начал осознавать происходящее.

Попытался пошевелить руками и ногами, но они не слушались. Вокруг наступило странное безмолвие, нарушаемое лишь тихим плеском воды. Шилдс вновь сделал попытку вырваться из невидимых тисков, сковывающих его. Он собрался с силами и напряг все мышцы тела.

Внезапно рука освободилась, и искореженный кусок металла разрезал ему предплечье. Боль привела его в полное сознание. Он протер глаза и осмотрел то, что раньше было его отдельной каютой на борту роскошного канадского лайнера, направляющегося в Англию.

Большой шкаф из красного дерева исчез, также исчезли письменный стол и ночной столик. Вместо переборки правого борта и палубы была огромная зияющая дыра. За искореженным неровным краем угадывалась лишь окутанная туманом тьма и черная вода реки Святого Лаврентия. Он будто смотрел в бездонную пропасть. Затем взгляд упал на какое-то мягкое белое пятно, и Шилдс понял, что он не один.

На небольшом расстоянии от него, куда он почти мог дотянуться рукой, среди обломков была похоронена юная девушка из соседней каюты. Золотистые волосы разметались по полу. Голова свернута набок под неестественным углом, кровь, сочившаяся из губ, струилась по лицу, медленно окрашивая ниспадающие волосы в малиновый цвет.

Шилдс оправился от шока. До этого момента он не думал о смерти, но в безжизненном облике девушки он смог прочитать свое неотвратимое будущее.

Его глаза тщетно пытались найти среди обломков дорожный несессер, который он никогда не выпускал из вида. Несессера нигде не было. Пот выступил из каждой поры, когда Шилдс постарался высвободить торс из оков. Попытка оказалось бесплодной, чувствительность ниже груди исчезла, и он понял: спина сломана.

Огромный лайнер погибал, быстро кренясь и оседая в холодную воду. Пассажиры беспорядочно носились по наклоняющимся палубам, пытаясь забраться в спасательные лодки, или прыгали в холодную реку, прихватывая с собой всё, что могло оказаться плавучим. Осталось только несколько минут до того, как корабль окончательно уйдет под воду всего в двух милях от берега.

— Марта?

Шилдс застыл и повернул голову на слабый крик, который раздавался из-за разрушенной перегородки, отделяющей его от внутреннего коридора. Он напряженно прислушивался. Крик повторился.

— Марта?

— Она здесь, — попытался крикнуть Шилдс. — Пожалуйста, помогите мне.

Ответа не последовало, но он услышал звук шагов по груде обломков. Вскоре кусок обрушившего потолка отодвинули в сторону, и появилось лицо с седой бородой.

— Моя Марта, вы видели мою Марту?

Человек находился в состоянии шока, произносил слова механически, не меняя тона. Лоб в глубоких ранах, глаза безумно блуждали.

— Юная девушка с длинными светлыми волосами?

— Да, да, моя дочь.

Шилдс сделал жест в сторону тела девушки.

— Боюсь, она покинула нас.

Бородатый человек лихорадочно расширил отверстие и влез через него. Он подошел к девушке, и его лицо застыло в непонимании. Мужчина поднял окровавленную голову. В течение нескольких мгновений он не произносил ни звука.

— Она не страдала, — мягко произнес Шилдс.

Незнакомец не отвечал.

— Простите, — пробормотал Шилдс.

Он чувствовал, как корабль резко кренился на правый борт. Снизу быстро поступала вода, времени почти не осталось. Нужно было спасти несессер.

— Вы знаете, что произошло? — начал он.

— Столкновение, — последовал ответ. — Я находился на палубе. Из тумана появился другой корабль. Протаранил нас в борт, носом.

Отец сделал паузу, вытащил носовой платок и вытер кровь с лица мертвой девушки.

— Марта умоляла меня взять ее с собой в Англию. Мать оставалась непреклонной, но я сдался. О, Боже, если бы я знал…

Его голос затих.

— Вы ничего не можете сделать, — сказал Шилдс. — Нужно спасаться.

Отец медленно повернулся и посмотрел на него невидящими глазами.

— Я убил ее, — хрипло прошептал он.

Шилдс не мог выдержать этого. В нем закипела злоба, вылившаяся в порыв отчаяния.

— Слушайте! — громко сказал он. — Потерян несессер с документом, который должен попасть в министерство иностранных дел в Лондоне!

Теперь он перешел на крик:

— Пожалуйста, найдите его!

Вода уже кружилась небольшими водоворотами на расстоянии нескольких футов от них. Поток, который поглотит всё, подберется к ним всего через несколько секунд. На поверхности наступающей воды виднелись пятна нефти и угольной пыли, ночной воздух снаружи пронизывали крики умирающих.

— Прошу, выслушайте меня, пока еще есть время, — умолял Шилдс. — Ваша дочь умерла.

Он бил сжатыми кулаками по металлу, сдирая кожу и не чувствуя боли.

— Уходите, пока не поздно. Найдите мой дорожный несессер и заберите его с собой. Отдайте его капитану, он знает, что делать.

Губы отца задрожали.

— Не могу оставить Марту одну: она боится темноты, — прошептал он, словно на исповеди.

Ничто не могло пронять сраженного горем отца. Мужчина склонился над дочерью и поцеловал ее в лоб. Затем он разразился рыданиями.

Странно, но ярость, охватившая Шилдса от безысходности, исчезла. Он смирился со смертью. За несколько оставшихся кратких мгновений он перешагнул за грань реальности и увидел вещи с потрясающей ясностью.

Затем из глубин корабля раздался грохот разорвавшихся бойлеров. Корабль перевернулся на правый борт и ушел вперед кормой на дно реки. С момента столкновения в темноте глубокой ночи до полного исчезновения корабля прошло менее пятнадцати минут.

Было 2 часа 10 минут ночи.

Шилдс даже не старался сопротивляться и задерживать дыхание. Он открыл рот и проглотил отвратительную на вкус воду, давясь, когда она прошла в горло. Погрузился в безвоздушную могилу. Не пришлось задыхаться и долго страдать. Сознание отключилось быстро.

И затем уже ничего не было, абсолютно ничего!

3

«Жуткая ночь», — думал Сэм Хардинг, билетный агент Северной железной дороги «Нью-Йорк — Квебек», стоя на платформе своей станции. Он видел, как тополя, окаймляющие железнодорожное полотно, гнутся под ужасными порывами ветра.

Сэм ощущал конец теплой волны, которая сожгла штаты Новой Англии; самый жаркий май с 1880 года, как объявила газета «Уэкетширс уикли», напечатав это красными буквами. Молнии зигзагами сверкали в предрассветном небе, температура за один час упала на двадцать четыре градуса. Хардинг обнаружил, что дрожит от внезапного похолодания, когда ветер продувал его хлопчатобумажную рубашку, мокрую от пота, выступившего из-за высокой влажности воздуха.

Внизу на реке он видел огни цепочки барж, когда они разрезали носом встречное течение. Один за другим желтые огни гасли и затем загорались вновь, когда баржи проходили под быками огромного моста.

Станция Хардинга размещалась на внешнем периметре города, где пересекались и расходились в разные стороны железнодорожные пути. Главный путь уходил на север в Олбани, боковая ветвь сначала шла на восток через мост Дьювилль — Гудзон к Колумбиавиллю, а затем поворачивала на юг к Нью-Йорку.

Хотя с неба еще не упало ни капли, в воздухе определенно запахло дождем. Хардинг прошел к гаражу депо, где стоял его «форд-Т», соединил ряд небольших шнуров под краем крыши и опустил боковые ставни из искусственной кожи над дубовыми боковыми панелями. Затем закрепил их на месте с помощью застежек и вновь отправился на станцию.

Хайрам Мичум, ночной дежурный «Вестерн юнион», склонился над шахматной доской, поглощенный своим любимым времяпровождением, — игрой в шахматы с коллегой-телеграфистом на другом конце линии. Стекла в окнах дрожали от ветра. Хардинг снял кофейник с керосиновой печки и налил себе чашку.

— Кто выигрывает?

Мичум поднял глаза.

— Играю со Стендишем из Джермантауна. Он заядлый игрок.

Телеграфный ключ заплясал вновь, и Мичум передвинул одну из шахматных фигур.

— Ферзь и конь, — ворчал он. — Совсем не радует.

Хардинг вытащил часы из кармана жилета и изучал циферблат, задумчиво хмуря брови.

— «Манхеттен лимитед» опаздывает на двенадцать минут.

— Возможно, отстает от графика из-за грозы, — сказал Мичум.

Он отстучал свой следующий ход, положил ноги на стол и откинулся на спинку стула в ожидании ответа собеседника.

Молния, озарив небо, попала в дерево на ближнем пастбище. Хардинг глотнул дымящийся кофе и бессознательно уставился в потолок, пытаясь понять, в порядке ли громоотвод на крыше. Громкий металлический звонок телефона над бюро с откидной крышкой прервал его мысли.

— Ваш диспетчер с новостями о поезде, — предсказал Мичум, не задумываясь.

Хардинг отогнул вверх телефонный рычаг, подтянув его к себе, и прижал небольшой круглый приемник к уху.

— Уэкетшир, — ответил он.

Голос диспетчера из Олбани был едва слышен из-за статического электричества, образующегося во время грозы.

— Вы видите мост?

Хардинг повернулся к восточному окну. В его поле зрения оказалась лишь конец платформы в темноте.

— Не вижу. Нужно подождать следующей вспышки молнии.

— Он все еще стоит на месте?

— А почему бы ему не стоять? — раздраженно ответил Хардинг.

— Капитан буксира только что позвонил из Катскилла, — протрещал в ответ голос диспетчера. — Говорит, что упала ферма моста и разбила одну из его барж. Здесь все в панике. Агент в Колумбиавилле сообщает, что «Манхеттен лимитед» опаздывает.

— Скажи им, пусть успокоятся. Поезд еще не пришел в Уэкетшир.

— Уверен?

Хардинг покачал головой в ответ на то, что диспетчер не верит ему, задавая такой глупый вопрос.

— Черт возьми! Неужели ты думаешь, что я не знаю, когда поезд проследует через мою станцию?

— Слава Богу, мы успели вовремя.

В голосе диспетчера послышалось облегчение, несмотря на помехи.

— В поезде девяносто пассажиров, не считая бригады и специального правительственного вагона, в котором какая-то крупная официальная птица едет в Вашингтон. Останови его и проверь мост.

Хардинг подтвердил, что сделает всё необходимое, и повесил трубку. Он снял с крюка на стене старый фонарь с красными стеклами, тряхнул его, чтобы проверить, есть ли керосин, и зажег фитиль. Мичум вопросительно взглянул поверх своих шахматных фигур.

— Ты будешь сигналить машинисту?

Хардинг кивнул.

— Из Олбани сообщают, что упала ферма моста. Они хотят, чтобы мы проверили его до того, как пройдет поезд.

— Хочешь, чтобы я посветил семафорным фонарем вместо тебя?

Снаружи, преодолевая шум ветра, раздался резкий свисток. Хардинг напряг слух, словно измеряя звук. Он раздался снова, на этот раз немного громче.

— Времени нет. Я посигналю этим.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появился незнакомец, его глаза рыскали по внутреннему помещению станции, словно ища что-то. Он был сложен как жокей, тощий и невысокого роста. Усы, такие же светлые, как волосы, торчали из-под соломенной панамы на голове. Одежда свидетельствовала о его изысканном вкусе. Костюм английского покроя «Уэбер и Хейлбронер» с шелковой строчкой, брюки с отутюженной стрелкой, ровно лежащие на паре двухцветных туфель из кожи, поверхность которой специально обработана до бархатистости. Однако самой яркой, бросающейся в глаза деталью был автоматический пистолет «маузер» в его изящной женственной руке.

— Что, черт возьми, происходит? — пробормотал Мичум в ужасе.

— Ограбление, джентльмены, — произнес незваный гость с едва заметной улыбкой на лице. — Думаю, это очевидно.

— Ты сошел с ума, — вырвалось у Хардинга. — У нас нечего взять.

— У вас на станции есть сейф, — сказал незнакомец, кивая в сторону стального бокса, стоящего на высоких ножках с колесиками в углу той части офиса, которая принадлежала Хардингу. — А в сейфах содержится ценный товар, возможно, зарплата постоянным служащим?

— Мистер, ограбление железной дороги является государственным преступлением. Помимо этого, Уэкетшир — сельскохозяйственный район. Зарплата не поступает сюда. Черт возьми, у нас нет даже банка.

— Я не собираюсь обсуждать экономику Уэкетшира.

Он оттянул курок маузера.

— Открой сейф.

Вновь прозвучал свисток, на этот раз значительно ближе. Хардинг по опыту знал, что такой звук раздается с расстояния, равного четверть мили от станции.

— Ладно, говори, что захочешь, но после того, как я просигналю.

Раздался выстрел, разлетелась шахматная доска Мичума, разбрасывая фигуры по полу.

— Прекратить глупые разговоры об остановке поезда. Предлагаю продолжить нашу беседу.

Хардинг уставился на грабителя, в глазах внезапный ужас.

— Ты не понимаешь. Возможно, моста уже нет.

— Понимаю, что ты хочешь показаться умником.

— Клянусь Богом!

— Он говорит правду, — вступил в разговор Мичум. — Только что из Олбани поступило предупреждение относительно моста.

— Пожалуйста, выслушай нас, — умолял Хардинг. — Ты можешь погубить сотни людей.

Он сделал паузу, его лицо белело, освещенное яркими фарами приближающегося паровоза, свет которых мелькал в окнах станции. Пронзительный свисток раздался уже с расстояния не более двухсот ярдов.

— Ради Бога!

Мичум выхватил фонарь из руки Хардинга и рванулся в сторону открытой двери. Раздался еще один выстрел. Пуля попала железнодорожнику в бедро, и он рухнул на пол в футе от порога. Встал на колени и вытянул руку, чтобы бросить фонарь на железнодорожное полотно снаружи. Человек в соломенной шляпе схватил его за запястье и одновременно поднес дуло пистолета к голове Мичума, курок щелкнул.

Затем резко повернулся к Хардингу и заревел:

— Открой проклятый сейф!

У Хардинга свело живот при виде крови Мичума, разбрызганной по полу, и он сделал, что ему было приказано. Набрал код, слабея от беспомощности, когда поезд прогромыхал по железнодорожным путям всего в двадцати футах от него, мерцающие огни пульмановских вагонов проносились мимо станции, отражаясь в окнах. Менее чем через минуту грохот колес последнего вагона по рельсам затих, поезд промчался мимо, направляясь к насыпи моста.

Код набран, тумблеры встали на место, и Хардинг, повернув рычаг, открыл тяжелую дверь и отступил в сторону. Внутри были невостребованные пакеты, старые станционные журналы регистрации и записей и коробка с наличностью. Грабитель схватил коробку и пересчитал содержимое.

— Восемнадцать долларов и четырнадцать центов, — безразлично произнес он. — Не скажешь, что сумма значительная, но на еду мне хватит на несколько дней.

Он аккуратно сложил купюры в небольшой кожаный бумажник, мелочь опустил в карман брюк. Потеряв всякий интерес, преступник бросил пустую коробку на письменный стол, перешагнул через Мичума и растворился во тьме бури.

Мичум застонал и шевельнулся. Хардинг, опустившись на колени, поднял голову телеграфиста.

— Поезд? — пробормотал Мичум.

— У тебя жуткое кровотечение, — сказал Хардинг.

Он вытащил большой носовой платок из набедренного кармана и прижал его к кровоточащей ране.

Стиснув зубы от жгучей боли, Мичум мрачно уставился на Хардинга.

— Позвони на восточный берег, узнай, цел ли поезд.

Хардинг осторожно опустил голову друга на пол. Он схватил телефон и нажал рычаг, включая сеть передатчика. Он что-то прокричал в микрофон, в ответ последовала полная тишина. Он на мгновение закрыл глаза и помолился. Затем попытался позвонить еще раз. Линия на другом берегу реки оставалась безмолвной. Он лихорадочно повернул колесико селектора на диспетчерскую Каммингс-Рей и вызвал диспетчера из Олбани. В ответ он услышал лишь треск статического электричества.

— Ничего не могу добиться.

Почувствовал горечь во рту.

— Гроза повредила связь.

Заработал телеграфный ключ.

— Телеграфные линии еще действуют, — пробормотал Мичум. — Это Стендиш со своим ходом.

Он едва смог подтянуться к столу, протянул руку, принимая входящее послание, отстукивая строку чрезвычайного сообщения. Затем оба на мгновенье уставились друг на друга, страшась того, что могут узнать в утреннем свете, который едва забрезжил в небе на востоке. Ветер ворвался в открытую дверь, разбросал бумаги на столе, растрепал волосы.

— Я сообщу в Олбани, — наконец слабо сказал Мичум. — Ты проверь мост.

Как во сне, Хардинг бросился к железнодорожному полотну и без оглядки побежал по неровным шпалам. Вскоре начал задыхаться от бега, сердце билось, как птица, готовое вырваться из груди. Он забрался на мост и двинулся дальше. Хардинг шел мелкими шагами, споткнулся, упал, ударившись коленом о выступающую шпалу. Поднялся на ноги и пошел дальше. Остановился на внешнем краю центрального пролета.

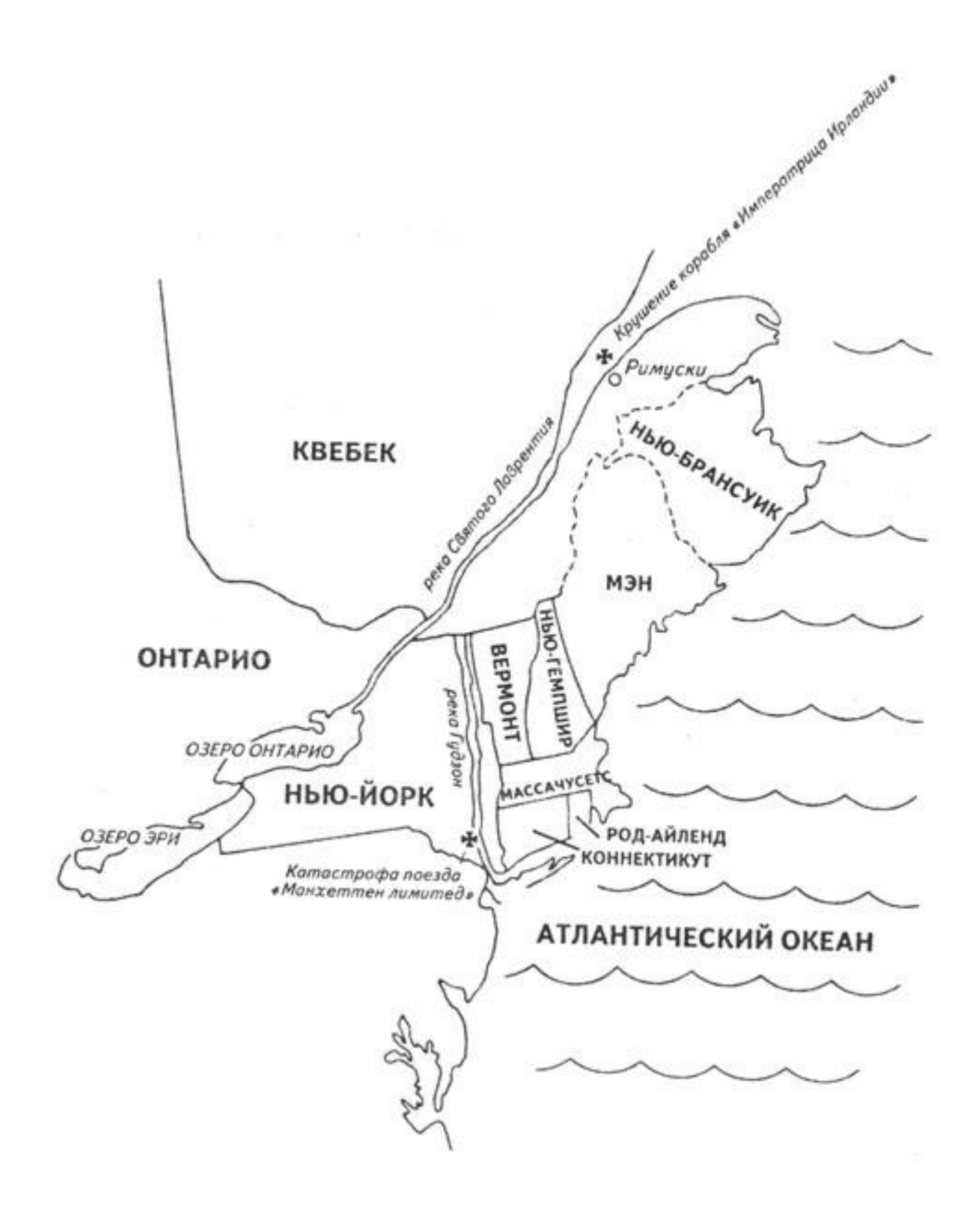
Отчаяние охватило его, когда он стоял в немом изумлении, глядя вниз, не веря своим глазам.

В середине моста зияла огромная дыра. Центральная опора исчезла в холодных серых водах реки Гудзон, протекавшей в 150 футах под ним. Исчез также и пассажирский поезд, в котором ехало сто мужчин, женщин и детей.

— Погибли! Все погибли! — кричал Хардинг в беспомощной ярости. — Все за восемнадцать долларов и четырнадцать центов.

Часть I

УДАВКА РУБЕКА

Февраль 1989 г., Вашингтон

4

Не было ничего необычного в человеке, сидевшем на заднем сиденье «форда», медленно следовавшего по улицам Вашингтона. Пешеходам, пробегавшим торопливыми шагами перед машиной на перекрестках со светофорами, пассажир, сидящий в машине, мог показаться продавцом газет, которого подвозит на работу племянник. Никто не обращал ни малейшего внимания на эмблему Белого дома на номерном лицензионном знаке машины.

Ален Мерсьер был полным лысеющим человеком с жизнерадостным лицом Фальстафа, скрывающим его проницательный аналитический

разум. Он носил мятые костюмы, купленные по сходной цене, с белым носовым платком, небрежно торчащим из нагрудного кармана. Они были его отличительной особенностью, которую политические карикатуристы преувеличивали с неистребимым энтузиазмом.

Мерсьер не был продавцом газет. Недавно назначенный советником по национальной безопасности нового президента страны, он до сих пор не нашел признания в глазах общественности. Пользуясь огромным уважением в академическом сообществе, он заработал репутацию превосходного аналитика международных событий. В то время, когда Мерсьер привлек к себе внимание президента, он занимал пост директора комиссии прогнозирования мирового кризиса.

Водрузив на нос очки, Мерсьер положил свой кейс на колени и открыл его. На обратной стороне крышки находился экран дисплея и панель с клавиатурой, внизу которой было два ряда цветных индикаторов. Он напечатал комбинацию цифр и немного подождал, пока сигнал передавался по спутниковой связи в его угловой офис в Белом Доме. Там включился компьютер, запрограммированный ассистентом, и ему передали рабочую программу на этот день.

Микропроцессор расшифровал закодированные поступающие данные за миллисекунды, на экране появился текст, напечатанный зелеными строчными буквами.

Сначала перечислялась корреспонденция, за ней следовала серия меморандумов из штаба Совета безопасности. Затем шли ежедневные отчеты и доклады различных правительственных агентств, начальников Объединенного штаба и директора ЦРУ. Он быстро запоминал их перед тем, как стереть содержимое в блоке памяти микропроцессора.

Все, кроме двух.

Он все еще размышлял, когда машина проехала через западные ворота Белого Дома. В его глазах отражалось недоумение. Затем он вздохнул. Потом нажал кнопку и закрыл кейс.

Сразу после прибытия в свой офис Мерсьер устроился за письменным столом и набрал личный номер энергетического департамента. Ответил мужской голос.

— Офис доктора Клейна.

— Это Ален Мерсьер. Рон на месте?

Последовала непродолжительная пауза, затем прозвучал голос доктора Рональда Клейна, директора энергетического департамента.

— Доброе утро, Ален. Что могу сделать для тебя?

— Хочу узнать, сможешь ли ты уделить мне сегодня несколько минут.

— У меня довольно плотный график.

— Это важно, Рон. Назови время.

Клейн не привык к тому, чтобы с ним обращались подобным образом, но железные нотки в голосе Мерсьера свидетельствовали о том, что советник по вопросам безопасности не намерен отступать. Закрыл ладонью микрофон телефона и вместе с ассистентом по административным вопросам проверил свой рабочий график. Затем вернулся на линию.

— Где-нибудь в промежутке между двумя тридцатью и тремя часами подойдет?

— Никаких проблем, — ответил Мерсьер. — У меня совещание во время ленча в Пентагоне, заскочу к тебе в офис на обратном пути.

— Ты же сказал, что это важно.

— Давай поставим вопрос иначе, — сказал Мерсьер, выдерживая театральную паузу. — Сначала я хочу испортить день президенту.

В Овальном кабинете Белого дома президент откинулся на спинку стула за рабочим столом и закрыл глаза. Он позволил себе отвлечься от вереницы бесконечных дел в течение дня и расслабиться на несколько минут. Для человека, который прошел инаугурацию на высшую должность в государстве всего несколько недель назад, он выглядел слишком измотанным и усталым. Предвыборная кампания была очень продолжительной и изнурительной. Он еще не успел полностью восстановить свои силы после нее.

Он был некрупного телосложения, редеющие волосы уже порядком поседели, черты лица, когда-то жизнерадостные и подвижные, теперь стали напряженными и мрачными. Президент приоткрыл глаза, когда на огромные окна от пола до потолка за его спиной обрушился порыв ветра. Транспорт двигался в замедленном темпе, дороги обледенели. Он скучал по более теплому климату родного штата Нью-Мексико. Мечтал о поездке в кемпинг в горы Сангре-де-Кристо около Санта-Фе.

Этот человек никогда не помышлял о том, чтобы стать президентом. Никогда не руководствовался слепыми амбициями во время службы в сенате, продолжавшейся в течение двадцати лет. Пошедший на выборы как темная лошадка, он был избран большинством партии левого крыла, когда один из репортеров откопал ряд теневых финансовых сделок в прошлом его оппонента.

— Господин президент?

От размышлений отвлек голос помощника.

— Да?

— Прибыл мистер Мерсьер для брифинга по безопасности.

— Прекрасно, пусть войдет.

Мерсьер вошел в кабинет и сел по другую сторону письменного стола. Протянул внушительного вида папку.

— Что сегодня происходит в мире? — спросил президент с едва заметной улыбкой.

— Довольно мрачная картина, как обычно, — отвечал Мерсьер. — Мой штаб завершил разработку проектов по энергетическим резервам страны. Заключение не очень обнадеживает.

— Ты не сказал мне ничего нового. Каковы самые последние перспективы?

— ЦРУ отводит Ближнему Востоку еще два года на то, чтобы исчерпать ресурсы месторождений. Таким образом, мировые запасы нефти смогут удовлетворять спрос всего на пятьдесят процентов. Русские стараются сберечь свои истощенные резервы, мексиканские морские месторождения не имеют никакой перспективы. Что же касается наших собственных нефтяных месторождений...

— Я видел цифры, — ответил президент. — За последние годы открыто лишь несколько небольших нефтяных месторождений.

Мерсьер пролистал папку.

— Солнечное излучение, ветряные мельницы, электрические автомобили — вот частичное решение проблемы. К сожалению, технология их разработки находится приблизительно на том же уровне, на котором было телевидение в сороковых годах.

— Жаль, что программы синтетического топлива развиваются очень медленно.

— Только через четыре года, а это самая ранняя дата, предприятия по очистке нефти, добытой из мелкозернистых пород, смогут вступить в строй. А пока американский транспорт продолжает загрязнять окружающую среду.

Президент изобразил подобие улыбки.

— Безусловно, на горизонте должна же появиться хоть какая-то надежда.

— Есть залив Джеймса.

— Энергетический проект Канады?

Мерсьер кивнул и приступил к изложению статистических данных.

— Восемнадцать дамб, двенадцать электростанций, рабочая сила около девяноста тысяч человек, изменение русел двух рек, размером сравнимых с Колорадо. И, как утверждает канадская правительственная литература, крупнейший и самый дорогой гидроэлектрический проект в истории человечества.

— Кто проводит его?

— «Квебек-гидро», энергетические власти провинции. Они приступили к разработке проекта в тысяча девятьсот семьдесят четвертом. Цена довольно внушительная. Двадцать шесть миллиардов долларов, основная доля поступает из банков Нью-Йорка.

— Какова мощность?

— Более сотни миллионов киловатт, возрастет в два раза за следующие двадцать лет.

— Сколько поступает к нам?

— Достаточно, чтобы освещать пятнадцать штатов.

Лицо президента выразило недовольство.

— Мне не нравится такая большая зависимость по электричеству от Квебека. Я чувствовал бы себя в большей безопасности, если энергия поступала бы от наших атомных станций.

Мерсьер покачал головой, не соглашаясь.

— Печально, но атомные предприятия США обеспечивают менее одной трети наших потребностей.

— Как обычно, мы едва сводим концы с концами, — устало сказал президент.

— Отставание отчасти объясняется повышением цен на строительство, — согласился Мерсьер. — Частично тем, что спрос на уран не удовлетворяется его поставками. И еще активностью защитников окружающей среды.

Президент сидел в задумчивом молчании.

— Мы рассчитывали на бесконечные запасы, которых не существует, — продолжал Мерсьер. — И пока наша страна загоняла себя в угол избыточным потреблением, наши соседи на севере ушли далеко вперед и кое-что сделали в этом направлении. У нас нет выбора, мы должны переключиться на их источник.

— А цены в пределах нормы?

Мерсьер кивнул головой.

— Канадцы, благослови их души Господь, держат цены на уровне наших собственных энергетических компаний.

— Наконец-то луч света.

— Но есть и ловушка.

Президент вздохнул.

— Перед нами неприятный факт, — продолжал Мерсьер, — летом Квебек предполагает провести референдум по вопросу полной независимости.

— Премьер-министр Сарве дважды нарушал планы сепаратистов Квебека. Вы думаете, что теперь он не сделает этого?

— Совершенно верно. Источники нашей службы разведки сообщают, что премьер Гуэррьер из партии борцов за независимость Квебека имеет полномочия не допустить этого в следующий раз.

— Они дорого заплатят за отделение от Канады, — сказал президент. — Их экономика уже в хаосе.

— Их стратегия заключается в том, чтобы при формировании правительства получить поддержку от Соединенных Штатов.

— А если мы не пойдем навстречу?

— Они могут либо поднять тарифы на электричество, либо отключить его, — ответил Мерсьер.

— Гуэррьер должен быть полным дураком, чтобы отключить нам подачу электричества. Он знает, что мы ответим обширными экономическими санкциями.

Мерсьер мрачно уставился на президента.

— Пройдут недели, даже месяцы прежде, чем Квебек почувствует ужасные последствия этого. А за это время могут оказаться парализованными наши основные индустриальные центры.

— Мрачная картина.

— Это только фон. Тебе, конечно, известно про «Общество свободного Квебека».

Президент кивнул. Так называемое «Общество свободного Квебека» было подпольным террористическим движением, которое организовало политические убийства ряда канадских официальных лиц.

— Так что с ними?

— В недавнем докладе ЦРУ утверждается, что это общество имеет московскую ориентацию. Если оно каким-то образом получит контроль в правительстве, мы столкнемся еще с одной Кубой.

— Еще одна Куба, — повторил президент невыразительным тоном.

— Та, у которой будет возможность поставить Америку на колени.

Президент встал со стула, подошел к окну, пристально разглядывая здания на территории Белого дома, покрытые мокрым снегом. Молчание продолжалось почти полминуты. Наконец он произнес:

— Мы не можем допустить энергетических игр Квебека. Особенно в течение предстоящих месяцев.

Повернулся и посмотрел на Мерсьера озабоченным взглядом.

— Страна по уши в долгах, Ален. Осталось лишь несколько лет, и у нас уже не будет выбора. Если застой не прекратится, нам придется объявить государственное банкротство.

Мерсьер глубже сел на стуле. Казалось, что он съежился.

— Мне было бы крайне неприятно, если бы это произошло именно сейчас.

Президент тактично пожал плечами.

— Начиная со времен правления Франклина Рузвельта, каждый новый генеральный управляющий играет в пятнашки, возлагая непосильную финансовую ношу на кабинет своего последователя. Игра должна вот-вот закончиться, а я крайний. Если мы потеряем электроэнергию, поставляемую в наши северо-восточные штаты, даже на двадцать дней, последствия окажутся трагическими. Крайний срок объявления мною девальвации приближается. Мне требуется время для подготовки общественности и делового сообщества к неприятным новостям. Время для безболезненного перехода на новую денежную единицу. Время для того, чтобы наши нефтеочистительные предприятия смогли прекратить нашу зависимость от иностранной нефти.

— Каким образом мы можем не допустить, чтобы Квебек совершил какую-нибудь глупость?

— Не знаю. Наш выбор ограничен.

— Остаются только два варианта, если остальные провалятся, — сказал Мерсьер, и вокруг рта образовались тонкие складки от испытываемого напряжения. — Два варианта, старые как мир, для спасения экономики от полного краха. Один вариант заключается в том, чтобы молиться о чуде.

— А второй?

— Спровоцировать войну.

Точно в 2.30 дня Мерсьер вошел в здание «Форрестол» на Индепенденс-авеню и поднялся на лифте на седьмой этаж. Его проводили в роскошный офис министра энергетики Рональда Клейна.

Клейн, человек ученого вида с длинной седой шевелюрой и крупным носом кондора, поднял свою стройную фигуру ростом шесть футов и пять дюймов из-за заваленного бумагами длинного стола для конференций и вышел, чтобы пожать руку Мерсьеру.

— Какое неприятное событие вызвало этот визит? — спросил Клейн, пропуская вступительный дружеский краткий диалог.

— Ужасное, а не просто неприятное, — ответил Мерсьер.

— Мне попался запрос Центральной счетной палаты на данные относительно расхода шестисот восьмидесяти миллионов долларов федерального финансирования на разработку «Дудлбага».

— Чего?

— «Дудлбага», — просто ответил Мерсьер. — Такое название присваивают инженеры-геологи любому новому устройству, предназначенному для поиска залежей подземных полезных ископаемых.

— Какое отношение это имеет ко мне?

— Деньги были предназначены для департамента энергетики три года назад. С тех пор не поступало никаких отчетов. Будет вполне разумно, если твои служащие прозондируют, куда они делись. Это из Вашингтона. Ошибки прошлого отличаются отвратительным обыкновением сваливаться на головы последующего руководства. Если бывший министр энергетики потратил потрясающую сумму денег на

белого слона, тебе лучше подготовиться к данному факту, если какому-нибудь новичку-конгрессмену придет в голову заняться расследованием этого дела.

— Благодарю за предупреждение, — искренне сказал Клейн. — Мои люди займутся тщательными поисками денег.

Мерсьер поднялся на ноги и протянул руку.

— А кто сказал, что будет легко?

— Да, — улыбаясь, сказал Клейн. — Легко никогда не бывает.

После ухода Мерсьера Клейн подошел к камину и бесцельно уставился на огонь, склонив голову набок и держа руки в боковых карманах пиджака.

— Совершенно непонятно, — прошептал он пустой комнате, — как можно потерять след шестисот восьмидесяти миллионов долларов.

5

Помещение гидроэлектростанции потрясло Шарля Сарве, когда он осматривал двенадцать квадратных акров, размещенных под землей на глубине четырехсот футов и расположенных в сплошной гранитной породе, часть которой была удалена. Три ряда огромных генераторов высотой в пять этажей, работающих от водяных турбин, гудели миллионами киловатт электричества. Сарве был восхищен этим зрелищем и выразил свое глубокое удовлетворение к радости директоров гидроэлектростанции Квебека. Это был его первый визит на проект после победы на выборах. Он задал все ожидаемые вопросы.

— Сколько электрической энергии дает каждый генератор?

Персиваль Стаки, генеральный директор, сделал шаг вперед:

— Пятьсот тысяч киловатт, господин премьер-министр.

Сарве кивнул, и на его лице появилось едва заметное выражение удовлетворения. Это умение было подобно жесту одобрения и обеспечило ему хорошие результаты во время избирательной кампании на пост премьер-министра.

Красивый мужчина, по мнению мужчин и женщин, Сарве, возможно, мог выиграть в состязании с Джоном Ф. Кеннеди или Энтони Иденом. Его светло-голубые глаза оказывали гипнотическое воздействие, резко очерченные черты лица подчеркивались густой седой шевелюрой, небрежно стилизованной под модную, но неофициальную прическу. Стройное тело среднего роста было мечтой любого портного, но он никогда не прибегал к услугам модельеров, предпочитая покупать

костюмы с полок универмагов. Это была одна из особенностей его характера, подчеркиваемая для того, чтобы канадские избиратели могли считать себя равными ему.

Компромиссный кандидат либералов, партии независимой Канады и франкоязычной партии борцов за независимость Квебека, он прошел по политическому канату первых трех лет на посту премьер-министра, обеспечив сохранение единства страны, не допуская ее развала. Это было нелегко: только военная сила сдерживала радикальных сепаратистов. Призыв Сарве к созданию сильного централизованного правительства тонул в расширяющемся море глухих.

— Возможно, вы пожелаете посмотреть центр управления, — предложил директор Стаки.

Сарве повернулся к главному секретарю:

— Что у нас со временем?

Ян Джеффри, тридцатилетний человек с серьезным лицом, посмотрел на часы:

— Мы едва успеваем. Через тридцать минут должны быть в аэропорту.

— Полагаю, что можно немного сжать график, — улыбнулся Сарве. — Будет жаль, если пропустим что-нибудь стоящее и важное.

Стаки кивнул и направился к двери лифта. Поднявшись на десять этажей выше генераторной, Сарве и сопровождающие его лица оказались перед дверью с надписью: «Только для служащих с удостоверением отдела безопасности». Стаки снял с висящего на шее шнурка пластиковую карточку и вставил ее в щель под ручкой двери. Затем повернулся лицом к остальным.

— Прошу прощения, джентльмены, но из-за того, что в центре управления пространство ограниченное, могу разрешить войти вместе со мной только премьер-министру.

Служащие из охраны стали протестовать, но Сарве жестом попросил их замолчать и последовал за Стаки по длинному коридору, в конце которого повторилась процедура с карточкой.

Центр управления электростанции был действительно небольшим и отличался спартанским видом. Четыре инженера сидели перед пультами управления, заполненными морем огней, внимательно глядя на панель датчиков и циферблатов, смонтированных на стене перед ними. За исключением телевизионных мониторов, свисающих с потолка, в помещении были лишь кресла, занятые инженерами.

Сарве оценивающе осмотрелся.

— Считаю недопустимым, что такое грандиозное количество энергии контролируется всего четырьмя операторами и довольно скромным количеством приборов.

— Вся электростанция и передающие подстанции управляются компьютерами, установленными в помещении на два этажа ниже этого, — объяснил Стаки. — Весь проект автоматизирован на девяносто девять процентов. То, что вы видите здесь, господин Сарве, — система ручного мониторинга четвертого уровня, которая может заменить компьютеры в случае их отказа.

— Таким образом, люди всё ещё играют определенную роль, — улыбнулся Сарве.

— Мы еще не устарели, — улыбнулся в ответ Стаки. — Осталось еще несколько областей, в которых нельзя полностью положиться на электронику.

— Куда же будет направлено это изобилие электроэнергии?

— Через несколько дней, когда проект полностью вступит в строй, мы будем полностью обслуживать Онтарио, Квебек и северо-восточные регионы Соединенных Штатов.

В разуме Сарве зарождалась новая идея.

— А если произойдет невозможное?

Стаки посмотрел на него:

— Сэр?

— Поломка, стихийное бедствие, саботаж?

— Ничто, кроме землетрясения огромной силы, не может полностью вывести электростанцию из строя. Отдельные неполадки или повреждения можно обойти с помощью двух резервных систем безопасности. Если откажут и они, в этом помещении у нас сохраняется ручное управление.

— А как с нападением террористов?

— У нас всё запланировано на случай такой угрозы, — уверенно сказал Стаки. — Наша электронная система безопасности является чудом передовой технологии. На нее работает охрана в составе пятисот человек. Элитное подразделение войск не сможет попасть в это помещение в течение двух месяцев.

— Тогда кто-то один из работающих здесь сможет вырубить электричество.

— Не кто-то один из служащих, — Стаки решительно покачал головой. — Для отключения электричества должны действовать все служащие, находящиеся в этом помещении, включая меня. Двое или даже трое не могут сделать это. У каждого из нас имеется описание независимой процедуры, которая неизвестна остальным и встроена в эту систему. Ничто не упущено, всё учтено.

Сарве не был настолько уверен.

Он протянул руку.

— Самый впечатляющий осмотр. Благодарю всех.

Фосс Глай был очень точным и осторожным в выборе средства и места убийства Шарля Сарве. Он учел каждую деталь, какой бы маловероятной она ни казалась, и предпринял соответствующие меры. Самым тщательным образом был измерен угол набора высоты самолета, его скорость. Фосс провел много долгих часов, тренируясь в стрельбе, пока не добился безупречной точности.

Выбранным местом была площадка для гольфа, расположенная в одной миле от юго-западного конца главной взлетно-посадочной полосы аэропорта Джеймс-Бей. В этой точке, согласно тщательным расчетам Глая, самолет премьер-министра поднимется на высоту 1500 футов при скорости 180 узлов. Для нападения предполагалось использовать две ручные пусковые установки ракет земля-воздух британского производства, украденные в арсенале Вал-Джалберт. Они были компактными, весили всего тридцать фунтов каждая вместе с зарядом. В разобранном виде их легко было спрятать в рюкзаке.

Весь план, просчитанный от начала до конца, был классическим по эффективности. Требовалось не более пяти человек, включая троих, ожидающих на площадке для гольфа, переодетых лыжниками, и еще одного, наблюдающего с балкона здания терминала аэропорта со спрятанным радиопередатчиком. После запуска ракет по цели нападающая группа должна на лыжах добраться до заброшенного здания клуба и уехать на машине-вездеходе, охраняемой пятым человеком, ожидающим на парковке.

Глай осмотрел небо в бинокль, пока его группа собирала пусковые установки. Шел небольшой снег, поле зрения было ограничено одной третью мили.

Это было одновременно и благо.

Белая завеса прикроет их действия, но оставит лишь несколько секунд, чтобы прицелиться и выстрелить в быстро перемещающийся объект во время того короткого интервала, когда он будет находиться в поле

зрения. Над Глаем пролетел реактивный английский самолет. Глай засек его нахождение в поле зрения. Едва ли шесть секунд. Плохо. Шанс двух прямых попаданий резко снижался.

Фосс стряхнул снег с густых волос светлого песочного цвета и опустил бинокль, открывая прямоугольное румяное лицо. На первый взгляд, оно было привлекательным и казалось мальчишеским. Карие добродушные глаза, твердый, хорошо очерченный подбородок, но при более внимательном рассмотрении всех черт лица главным оказывался нос. Огромный, бесформенный из-за многочисленных переломов, полученных в жестоких боях в темных переулках он размещался между щек, странно красуясь своим безобразием. По какой-то непонятной причине женщины считали его привлекательным, даже сексуальным.

Включилось крошечное радио в кармане куртки.

— Это связной с сообщением полевому мастеру.

Глай нажал кнопку передачи:

— Продолжай, связной.

Клод Моран, тощий, как тростинка, ярый марксист, работавший секретарем у генерал-губернатора, надел наушники и начал мягко говорить в микрофон на лацкане, глядя через окно наблюдательного балкона на взлетную полосу внизу.

— У меня партия труб, мастер. Готов принять её?

— Смотря когда, — ответил Глай.

— Грузовик вскоре подойдет, сразу после того, как бригада докеров разгрузит товар из Соединенных Штатов.

Невинно звучащий разговор был придуман для того, чтобы не привлечь внимания того, кто настроится на ту же частоту. Глай понял сообщение так, что самолет премьер-министра был вторым на взлет после пассажирского реактивного самолета Соединенных Штатов.

— Хорошо, связной. Сообщи, когда грузовик выйдет из дока.

Лично Глай не чувствовал ненависти к Шарлю Сарве. Для него премьер-министр был просто именем в газетах. Глай даже не был канадцем.

Он родился во Флагстаффе, штат Аризона, в результате пьяных отношений между профессиональным борцом и дочерью шерифа округа. Его детство прошло в кошмаре постоянных порок деда. Для того чтобы выжить, Глаю пришлось стать очень сильным и жестоким. Наступил день, когда он забил шерифа до смерти и бежал из штата.

После этого он постоянно дрался, чтобы остаться в живых. Начинал с пьяных побоищ в Денвере, затем возглавил банду похитителей автомобилей в Лос-Анджелесе, а потом угонял бензовозы в Техасе.

Глай не считал себя простым политическим убийцей. Он предпочитал называть себя координатором. Его приглашали тогда, когда все остальные отказывались. У него была репутация хладнокровного успешного исполнителя.

На платформе наблюдения Моран придвинул лицо по возможности ближе к окну перед тем, как от его дыхания стекло запотело. Самолет Сарве почти не было видно из-за снега.

— Полевой мастер.

— Да, связной.

— Извини, ничего не могу разобрать в документах, чтобы сообщить тебе точное время прибытия партии труб.

— Понял, — ответил Глай. — Свяжись со мной после ленча.

Моран не подтвердил сообщение. Он спустился на эскалаторе в главный зал и вышел наружу, где взял машину. На заднем сиденье он позволил себе роскошь выкурить сигарету и думал о том, какое назначение в новом правительстве Квебека он должен потребовать за свои услуги.

На площадке для гольфа Глай повернулся к людям, державшим ракетные пусковые установки. Их глаза были прижаты к линзам прицелов.

— Еще один вылет до нашей мишени, — предупредил он.

Прошло пять медленных минут перед тем, как Глай услышал рев реактивных двигателей на расстоянии, включенных, чтобы оторваться от заснеженного асфальта. Взглядом он старался проникнуть через белую пелену, ожидая увидеть красно-синие знаки воздушного лайнера Соединенных Штатов.

Слишком поздно до него дошло, что самолет, принадлежащий главе правительства, имеет преимущество перед коммерческими полетами. Слишком поздно через снежную пелену проявился знакомый красно-белый канадский кленовый лист.

— Это Сарве! — закричал он. — Огонь, ради Бога, огонь!

Оба мужчины нажали кнопки с интервалом не более секунды. Первый послал ракету в общем направлении самолета, но она взлетела высоко и сделала дугу слишком далеко от хвостового оперения, чтобы её механизм поиска тепла сработал по мишени. Второй выстрелил,

прицелившись точнее. Он следил за окнами кабины на расстоянии сотни ярдов перед тем, как нажать пусковую кнопку.

Основная часть взрыва пришлась на выхлоп внешнего двигателя правого борта, но попала в цель и ударила по хвосту турбины. Наблюдателям с земли могло показаться, что приглушенный взрыв произошел чуть позднее, чем самолет исчез из вида.

Они ждали звука падения самолета, но затихающий шум двигателей ничем не был нарушен. Нападавшие быстро разобрали пусковые установки, встали на лыжи и направились к парковке. Вскоре они смешались с движением в южном направлении на магистрали Джеймс-Бей — Оттава.

Двигатель загорелся при взрыве, турбинные лопатки разрушились и разлетелись в разные стороны, ударяясь о двигатель на борту самолета, разрезая трубы подачи топлива и разбивая компрессор второй ступени.

В кабине пилотов включилась пожарная сигнализация, и пилот Рэй Эмметт выключил клапан подачи топлива и нажал кнопку системы пожаротушения. Второй пилот Джек Мей начал читать контрольный перечень процедур в случае чрезвычайных ситуаций.

— Служба управления полетами аэродрома Джеймс-Бей, это Канада-один. У нас проблема на борту, мы возвращаемся, — сказал Эмметт спокойным тоном.

— Вы заявляете о чрезвычайном положении? — задал рутинный вопрос авиадиспетчер.

— Совершенно верно.

— Мы очистим взлетно-посадочную полосу двадцать четыре. Можете совершить стандартный подход?

— Отрицательно, Джеймс-Бей, — ответил Эмметт. — Два двигателя выведены из строя, один из них горит. Предлагаю подготовить все необходимое для нашего приема.

— Противопожарное и спасательное оборудование вызвано, Канада-один. Можете садиться. Удачи.

Люди в башне управления полетами, зная, что пилот Канады-один испытывает ужасный стресс, не могли нарушать его собранность дальнейшими переговорами. Они могли лишь беспомощно стоять и ждать последствий.

В самолете не работало два двигателя, и Эмметт направил его носом вниз, увеличивая скорость до 210 узлов, разворачиваясь в сторону

широкого мелководья у берега. К счастью, снегопад почти прекратился, видимость увеличилась до двух миль, он мог увидеть внизу плоские фермерские поля и конец взлетно-посадочной полосы.

В кабине для руководящих работников в хвосте самолета два сотрудника Королевской канадской конной полиции, охранявшие премьер-министра двадцать четыре часа в сутки, начали действовать сразу после того, как почувствовали удар ракеты. Они надежно привязали Сарве к сиденью и уложили гору мягких подушек вокруг его тела. Впереди перед кабиной команда секретарей и постоянно присутствующий контингент новостных репортеров нервно смотрели на обугливающийся двигатель, который, казалось, готов был расплавиться на крыле самолета.

Гидравлическая система была разрушена. Мей перешел на ручное управление. Пилоты вместе сражались с самолетом, а земля неотвратимо приближалась снизу. Даже при полной нагрузке два двигателя левого борта едва справлялись с тем, чтобы обеспечивать равновесие огромного воздушного лайнера в воздухе. Они падали уже ниже высоты шестисот футов, но Эмметт не включал средства приземления, сохраняя по возможности до последнего мгновенья ту драгоценную скорость, которая еще оставалась.

Самолет пролетел над зеленым поясом, окружающим аэропорт. Всё приближалось к развязке. На высоте двухсот футов Эмметт выпустил шасси. Казалось, что лента взлетно-посадочной полосы длиной три километра расширяется в замедленном темпе. Затем они пролетели над началом асфальтового покрытия на расстоянии не более шести футов от земли. Эмметт и Мей со всей силы отбросили назад ручки управления. Мягкая посадка была бы чудом, любая посадка была бы чудом. Удар был жестким, он вырвал почти все заклепки из металлической обшивки, три шины шасси лопнули.

Разбитый двигатель правого борта вырвало с места его установки, чудовищно вращаясь, он упал на землю и, подскочив от удара, врезался во внутреннюю часть крыла, срывая структурные элементы и разбивая внешний топливный бак. Пять тысяч галлонов керосина для реактивных самолетов превратились в огромный огненный шар, в котором исчез правый борт самолета.

Эмметт перевел два действующих двигателя на реверс, чтобы свести до минимума тенденцию самолета крениться влево. Куски и части резины от лопнувших шасси разлетались во все стороны. Тридцать футов пылающего крыла неслись по подъездной полосе, едва не задевая припаркованный авиалайнер. Немного отставая, самолет пытались догнать пожарные машины, ревя сиренами.

По взлетно-посадочной полосе проносился умирающий самолет, оставляя за собой хвост горящих обломков. Пламя перекинулось на фюзеляж, который начал медленно плавиться. Внутри самолета жар был уже нестерпимым. Пассажиры были на грани сожжения заживо, обугливалась изоляция, по проходу клубились облака дыма. Один из охранников распахнул дверь аварийного выхода напротив бушевавшего пожара, второй расстегнул ремни безопасности на премьер-министре и бесцеремонно подталкивал его к образовавшемуся отверстию.

Впереди в главном салоне над крылом умирали люди, одежда на них дымилась, а интенсивный жар сжигал легкие. Ян Джеффри, крича и спотыкаясь, направился в кабину пилотов, но упал без сознания на пол. Эмметт и Мей не обращали на все это ни малейшего внимания. Они были слишком поглощены тем, чтобы заставить разваливающийся на части самолет двигаться прямо по быстро уменьшающейся взлетно-посадочной полосе.

Охранники выбросили аварийный парашют, но он бесполезно болтался рядом с хвостом самолета, потому что воздушный мешок был проколот раскаленным докрасна обломком, попавшим в него. Они оглянулись и с ужасом увидели, что передняя переборка воспламенилась. В полном безумии один из них схватил одеяло и обмотал им голову Сарве.

— Придерживай его! — закричал он.

Затем схватил премьер-министра и выбросил в люк.

Одеяло спасло жизнь Сарве. Он приземлился на плечо, покатился, переворачиваясь, по неровной поверхности взлетно-посадочной полосы, удары по голове амортизировало одеяло. Кость левой голени была сломана. Он несся в таком положении еще метров тридцать, затем остановился. Костюм был изорван в клочья, которые медленно окрашивались в густой темно-красный цвет от множественных ранений.

Эмметт и Мей погибли на месте за пультами управления. Они умерли вместе с остальными сорока двумя мужчинами и тремя женщинами, когда две тонны самолета превратились в огненный оранжево-красный гроб. По инерции огромный вал пламени летел вперед, разбрасывая обломки самолета еще на четверти взлетно-посадочной полосы. Пожарные атаковали огонь, но трагедия подошла к финалу. Вскоре почерневший скелет самолета был похоронен в океане белой пены. Люди в асбестовых костюмах зондировали дымящиеся останки, стараясь загнать внутрь желчь, которая поднималась к горлу, когда им попадались фигуры сгоревших людей.

Сарве в состоянии полного недоумения поднял голову и уставился на катастрофу. Сначала медики не могли установить, кто он. Затем один из них, опустившись перед ним на колени, рассмотрел его лицо.

— О Боже! — выдохнул он. — Это премьер-министр!

Сарве попытался ответить или просто сказать что-нибудь осмысленное. Но слова не прозвучали. Он закрыл глаза и с благодарностью погрузился в темноту, поглотившую его.

6

Включили огни прожекторов, и телевизионные камеры направили свои защищенные колпаками линзы на тонкие черты лица Даниэлы Сарве, когда она проплывала через море репортеров с безмолвной грацией ростра корабля.

Она задержалась в дверях коридора госпиталя не потому, что была напугана, а только для того, чтобы создать соответствующий эффект. Даниэла Сарве не просто вошла в помещение, она ворвалась, как тайфун. Вокруг нее существовала необъяснимая аура, вызывавшая восхищение и зависть женщин. Мужчин она просто покоряла. Мировые лидеры и пожилые государственные мужи часто становились в ее присутствии застенчивыми школьниками.

У тех, кто знал Даниэлу хорошо, ее холодное самообладание и твердокаменная уверенность вызывали раздражение. Но для основной массы людей она стала символом, почти образцом, который доказывал, что Канада не была страной простых лесорубов.

Независимо от того, выполняла ли эта женщина общественную функцию или спешила навестить своего раненого мужа в больнице, она всегда одевалась так, что была образцом тщеславной элегантности. Она скользила между репортерами, чувственная, но сохраняющая полное самообладание, в бежевом крепдешиновом платье с элегантным разрезом и жакете из натурального серого каракуля. Ее блестящие черные волосы волной ниспадали на правое плечо.

Хором прозвучала сотня вопросов, лес микрофонов протянулся к ней, но она спокойно игнорировала всё и всех. Четыре полицейских проложили ей путь к лифту госпиталя. На четвертом этаже главный врач сделал шаг вперед и представился как доктор Эрикссон.

Она взглянула на него, сдерживаясь, чтобы задать самый важный вопрос. Эрикссон ожидал этого и улыбнулся своей лучшей профессиональной улыбкой, вселяющей надежду.

— Состояние вашего мужа серьезное, но не критическое. У него содрана кожа на пятидесяти процентах тела, но нет никаких серьезных осложнений. На руки, где особенно высока утрата тканей, будет трансплантирована кожа. Несмотря на большое количество переломов, хирургические операции, выполненные бригадой

специалистов-ортопедов, оказались успешными. Однако пройдет, возможно, четыре месяца прежде, чем он сможет подняться на ноги.

По его глазам она поняла, что он что-то не договаривает.

— Можете ли вы пообещать мне, что к тому времени Шарль будет как новенький?

Загнанный в угол, Эриксcон был вынужден сказать:

— Должен признаться, что премьер-министр будет постоянно прихрамывать.

— Полагаю, что у вас это называется незначительным осложнением?

Доктор посмотрел ей в глаза:

— Да, мадам, я так называю это. Премьер-министру здорово повезло. У него нет крупных внутренних травм, функции мозга и тела не нарушены, а шрамы, в конце концов, исчезнут. В самом худшем случае ему потребуется трость.

Он удивился, когда ее губы растянулись в улыбке.

— Шарль с тростью, — сказала она циничным тоном. — Боже, это бесценно.

— Прошу прощения, мадам?

«Прихрамывание будет стоить двадцати тысяч голосов», — вот ответ, который возник у нее в голове, но с легкостью хамелеона она изобразила выражение озабоченной жены.

— Я могу его увидеть?

Эриксcон кивнул и провел ее к двери в конце коридора.

— Еще не кончилось действие обезболивающих препаратов, введенных во время операции, поэтому у него может быть не совсем ясная речь. В дополнение к этому он может ощущать боль, прошу вас по возможности сократить свой визит. Служащие на этаже приготовили для вас соседнюю палату, если вы пожелаете быть рядом с ним во время его выздоровления.

Даниэла отрицательно покачала головой.

— Советники моего мужа полагают, что мне лучше находиться в официальной резиденции, где я могу оказывать содействие в выполнении обязанностей от его имени.

— Понимаю.

Он открыл дверь и отступил в сторону. Возле постели стояли врачи, медсестры и полицейский крайне свирепого вида. При ее появлении все отошли.

Запах антисептиков и вид незабинтованных красных рук Сарве вызывали тошноту. В течение минуты она колебалась. Он узнал ее через полуоткрытые глаза, губы искривились в попытке изобразить улыбку.

— Даниэла, — произнес он слегка дрожащим голосом. — Прости, что не могу обнять тебя.

Впервые жена увидела Сарве беззащитным, без брони его гордости. Она никогда раньше не считала его уязвимым и не могла связать переломанное, неподвижное тело на кровати с тщеславным человеком, с которым прожила десять лет. Восковое лицо, искаженное болью, не было тем лицом, которое знала Даниэла. Словно она смотрела на незнакомца.

Неуверенно она подошла к кровати и нежно поцеловала его в обе щеки. Затем убрала спутанные седые волосы у него со лба, не зная, что сказать.

— Твой день рождения, — произнес он, нарушая молчание. — Я пропустил твой день рождения.

Она смущенно взглянула на него.

— Мой день рождения через несколько месяцев, дорогой.

— Я хотел сказать, что не купил подарок.

Она повернулась к доктору.

— В том, что он говорит, нет никакого смысла.

Эрикссон отрицательно покачал головой.

— Действие анестезии.

— Слава Богу, что пострадал я, а не ты, — глухо произнес Сарве. — Моя вина.

— Нет, нет, ты ни в чем не виноват, — спокойно ответила Даниэла.

— Дорога обледенела, снег запорошил ветровое стекло, я ничего не видел. Слишком резко пошел на поворот и нажал на тормоза. Ошибка. Потерял управление…

Теперь она поняла.

— Много лет назад он попал в аварию, — объясняла Даниэла Эрикссону. — Погибла его мать.

— Ничего необычного. Разум под действием лекарственных средств часто возвращается к прошлому.

— Шарль, — сказала она. — Сейчас тебе нужно отдохнуть. Я вернусь утром.

— Нет, не уходи. — Глаза Сарве смотрели через ее плечо на доктора Эрикссона. — Я должен поговорить с Даниэлой наедине.

Эрикссон подумал немного и затем пожал плечами.

— Если настаиваете.

Он посмотрел на Даниэлу.

— Пожалуйста, мадам, не более двух минут.

Когда палата опустела, Сарве начал что-то говорить, но его тело сразу же задергалось в приступах боли.

— Позволь мне позвать врача, — сказала она испуганно.

— Подожди! — простонал он сквозь сжатые зубы. — У меня инструкции.

— Не сейчас, мой дорогой. Позднее, когда окрепнешь.

— Проект Джеймс-Бей.

— Да, Шарль, — сказала она, стараясь успокоить его. — Проект Джеймс-Бей.

— Комната управления над помещением генераторов… усилить безопасность. Передай Анри.

— Кому?

— Анри Вийону. Он знает, что нужно сделать.

— Обещаю, Шарль.

— Возникнет страшная опасность для Канады, если враждебно настроенные люди обнаружат…

Внезапно его лицо исказилось, голова утонула глубоко в подушках, он застонал.

Даниэла была не настолько сильной, чтобы наблюдать, как он страдает. Комната начала вращаться. Она прижала руки к лицу и отступила назад.

— Макс Рубек, — его дыхание стало прерывистым. — Скажи Анри, чтобы он проконсультировался с Максом Рубеком.

Даниэла больше не могла выдержать. Она повернулась и исчезла в коридоре.

Доктор Эриксcон сидел за своим письменным столом, изучая медицинскую карту Сарве, когда в кабинет вошла старшая медсестра. Она поставила перед ним чашку кофе и тарелку с печеньем.

— Осталось десять минут до шоу, доктор.

Эриксcон протер глаза и взглянул на наручные часы.

— Полагаю, репортеры устали ждать.

— Эти журналисты похожи на убийц, — сказала сестра. — Они готовы разорвать всё здание, если кухня не сможет накормить их.

Она сделала паузу и расстегнула молнию сумки для одежды.

— Ваша жена привезла чистый костюм и рубашку. Она настаивает, чтобы вы выглядели по возможности лучше, когда появитесь перед телевизионными камерами, чтобы сообщить о состоянии здоровья премьер-министра.

— Есть изменения?

— Он спокойно отдыхает. Доктор Мунсан ввел ему наркотик сразу после ухода мадам Сарве. Красивая женщина, но бесчувственная.

Эриксcон взял печенье и бесцельно смотрел на него.

— Наверное, я сошел с ума, когда позволил премьер-министру уговорить себя ввести ему стимулирующее средство сразу после операции.

— Как ты думаешь, что у него было на уме?

— Не знаю.

Эриксcон встал и снял халат.

— Но какова бы ни была причина, его безумный акт был весьма убедительным.

7

Даниэла выскользнула из «роллс-ройса», управляемого шофером, и взглянула на особняк — резиденцию главы Канады. Для нее трехэтажный каменный внешний вид был слишком холодным и скучным, как в романе Эмилии Бронте. Она прошла по длинному фойе с высоким потолком и традиционной мебелью и поднялась по широкой винтовой лестнице в свою спальню.

Это было ее убежище, единственная комната в доме, в которой Шарль позволил ей изменить всё. В луче света из ванной виднелись очертания какой-то массы, лежащей в постели. Она закрыла дверь в зал и прильнула к тому, что скрывалось под одеялом. Страх сменился ощущением теплоты, которое внезапно возникло внутри.

— Ты сошел с ума, если посмел прийти сюда, — прошептала она.

В тусклом свете блеснули зубы.

— Хотел бы я знать, сколько жен во всем мире произносят точно такие же слова своим любовникам сегодня вечером.

— Полицейские, охраняющие резиденцию...

— Преданные французы, которые внезапно ослепли и оглохли.

— Тебе нужно уйти.

Непонятные очертания превратились в обнаженного мужчину, стоявшего во весь рост на кровати. Он протянул руки.

— Иди ко мне, моя нимфа.

— Нет... не здесь.

Хриплые нотки в ее голосе выдавали пробуждающуюся страсть.

— Нам нечего бояться.

— Шарль жив! — внезапно выкрикнула она. — Неужели ты не понял? Шарль по-прежнему жив!

— Знаю, — сказал он сухо.

Пружины кровати заскрипели, когда он ступил на пол и затем мягко прошел по ковру. У него было внушительное тело; огромные, накачанные мышцы, приобретенные в результате многолетних тренировок, напряглись и выступали под кожей. Он протянул руку, чтобы пригладить волосы, но сразу же опустил ее. Череп был выбрит, как и каждый дюйм его тела. Ноги, грудь и лобок тоже были гладко выбриты. Он сжал голову Даниэлы железными руками и прижал ее лицо к мышцам груди. Она вдохнула едва ощутимый аромат мускуса, источаемый тонким слоем масла для тела, которым он всегда натирался перед тем, как они занимались сексом.

— Не думай о Шарле, — приказал он. — Он больше не существует для тебя.

Она ощущала возбуждающую силу, исходившую от него. У нее закружилась голова, когда пылкое желание этого безволосого

животного охватило ее полностью. Жар между ног становился невыносимым, она бросилась в его объятия.

Солнце проникало через полуоткрытые шторы и освещало две переплетенные на кровати фигуры. На животе Даниэлы лежала бритая голова, черные волосы женщины разметались веером по подушке. Она поцеловала гладкую голову несколько раз и затем отпустила.

— Тебе пора уходить, — сказала она.

Он протянул руку и повернул будильник к свету.

— Восемь часов. Слишком рано. Уйду около десяти.

В ее глазах появилось напряжение. Она с беспокойством посмотрела на него.

— Повсюду шныряют репортеры. Тебе следовало уйти значительно раньше, когда еще было темно.

Он зевнул и сел.

— Десять часов утра — вполне достойное время, чтобы увидеть старого друга семьи в официальной резиденции. Никто не обратит внимания на мой поздний уход. Я затеряюсь в толпе озабоченных членов парламента, протаптывающих в эту минуту тропу, предлагая свои услуги жене премьер-министра в такой ужасный момент.

— Ты капризный негодяй, — сказала она, поправляя ночную рубашку на плечах. — Тепло и любовь, а затем без перехода холод и расчет.

— Как быстро меняется настроение у женщин утром. Интересно, была бы ты хоть наполовину столь же ворчливой, если бы Шарль погиб в катастрофе?

— Работа сорвана, — зло огрызнулась она.

— Да, работа сорвана, — пожал он плечами.

На ее лице появилось холодное решительное выражение.

— Только когда Шарль будет лежать в могиле, Квебек сможет стать независимым социалистическим государством.

— Ты хочешь, чтобы твой муж погиб за общее дело? — скептически спросил он. — Неужели твоя любовь превратилась в такую ненависть, что он стал для тебя всего лишь символом, который нужно устранить?

— Мы никогда не знали любви.

Она взяла сигарету из коробки на ночном столике и закурила.

— С самого начала Шарль интересовался только политической поддержкой, которую я могла ему оказать. Общественное положение моей семьи обеспечило ему доступ в общество. Я постаралась придать ему блеск и стиль. Но всегда была для Шарля только инструментом для создания и укрепления его общественного имиджа.

— Почему ты вышла за него?

Она затянулась сигаретой.

— Он сказал, что когда-нибудь станет премьер-министром, и я поверила ему.

— А потом?

— Слишком поздно обнаружила, что Шарль не способен ни на какое чувство. Когда-то страстно жаждала взаимной любви. Теперь каждый раз вздрагиваю, когда он прикасается ко мне.

— Я смотрел по телевизору новости из больницы. Доктор, у которого брали интервью, рассказал, что ты беспокоилась и заботилась о Шарле и растрогала всех врачей и сестер.

— Настоящее представление, — рассмеялась она. — Я хорошо умею это делать. К тому же репетировала в течение десяти лет.

— Во время твоего посещения Шарль сказал что-нибудь интересное?

— Ничего, что имело хотя бы какой-нибудь смысл. Его только что привезли после операций, мозг был еще под анестезией. Он нес какую-то бессмыслицу, копался в прошлом, вспомнил автомобильную аварию, в которой погибла его мать.

Любовник Даниэлы выбрался из постели и вошел в ванную.

— По крайней мере, не выболтал секреты обороны.

Она затянулась сигаретой и медленно выпустила дым через нос.

— Может быть, и выболтал.

— Продолжай, — сказал он из ванной. — Мне всё слышно отсюда.

— Шарль просил меня передать тебе, чтобы усилили безопасность в Джеймс-Бее.

— Полная ерунда, — рассмеялся он. — Там охраны в два раза больше, чем требуется.

— Но не для всего проекта. Только для отделения управления.

Он подошел к дверному проему, вытирая голову полотенцем.

— Какого отделения управления?

— Над помещением, где установлены генераторы, — кажется, так сказал он.

Казалось, это его озадачило.

— Он сказал что-нибудь еще?

— Потом он бормотал что-то о «большой опасности для Канады, если ненужные люди обнаружат».

— Обнаружат что?

Она сделала беспомощный жест.

— Боль заставила его замолчать.

— Это всё?

— Нет, он хотел, чтобы ты проконсультировался с человеком, которого зовут Макс Рубек.

— Макс Рубек? — повторил он со скептическим выражением на лице. — Ты уверена, что он назвал именно это имя?

Она пристально посмотрела в потолок, стараясь вспомнить точно, затем кивнула головой.

— Да, совершенно точно.

— Как странно.

Без дальнейших расспросов он вернулся в ванную, встал перед большим зеркалом в полный рост и принял позу, которая в бодибилдинге называется «вакуум». Вдыхая и выдыхая, он расширял грудную клетку, так задерживая дыхание и напрягаясь, что все кровеносные сосуды, казалось, вот-вот разорвутся под кожей. Затем сделал выпад грудью вбок, левая кисть на запястье правой руки, рука на верхней части торса.

Анри Вийон критически изучал свое отражение в зеркале. Состояние его тела было совершенно идеальным. Затем он начал пристально разглядывать точеные черты своего лица, римский нос, безразличные серые глаза. Сбросил свое обычное выражение, и его черты мгновенно стали жесткими, словно в мраморной статуе затаился грубый и жестокий дикарь.

Жена и дочь Анри Вийона, товарищи по либеральной партии и половина населения Канады даже в своих самых диких фантазиях не смогли бы поверить, что он ведет двойную жизнь. Уважаемый член парламента и министр внутренних дел в обычной открытой жизни

параллельно тайно возглавлял «Общество свободного Квебека», радикальное движение за полную независимость франкоязычной территории.

У него за спиной появилась Даниэла в простыне, закрепленной наподобие тоги, и провела пальцами по его бицепсам.

— Ты его знаешь?

Он расслабился, сделал глубокий вдох, медленно выдыхая.

— Рубека?

Она кивнула.

— Только по репутации.

— Кто он?

— Лучше задать этот вопрос в прошедшем времени, — сказал он, беря парик с коричневыми волосами, седеющими по бокам, и аккуратно водружая его на свой скальп. — Если память не изменяет мне, Макс Рубек — серийный убийца, повешенный более ста лет назад.

февраль 1989 Принстон, Нью-Джерси

8

Казалось, что Хейди Миллиган не на своем месте среди студентов, толпящихся группами около столов архивного читального зала Принстонского университета. Аккуратно подогнанная по фигуре форма лейтенанта-коммандера военно-морского флота великолепно сидела на стройном теле ростом шесть футов, начиная от накрашенных ноготков пальчиков ног до корней волос естественного светло-пепельного цвета.

Для юношей в зале она была приятным объектом отвлечения от занятий. Интуитивно она чувствовала, что они раздевают ее догола в своем воображении. Но после того как ей исполнилось тридцать, она стала безразлична к этому, хотя, возможно, и не совсем безразлична.

— Похоже на то, что вы просиживаете здесь все ночи напролет, коммандер.

Хейди взглянула в постоянно улыбающееся лицо Милдред Гарднер, главного архивариуса университета.

— Просиживаю ночи напролет?

— Занятия в вечернее время. В наши дни мы называли это полуночным бдением с керосиновой лампой.

Хейди откинулась на спинку стула.

— Приходится выбирать любое свободное время для работы над диссертацией.

Милдред отбросила пряди волос, падавшие на глаза, и села.

— Такая привлекательная девушка не должна тратить все ночи напролет на занятия. Вам нужно найти хорошего человека и хотя бы иногда проводить время с ним.

— Сначала получу докторскую степень по истории, затем буду проводить свое время так, как пожелаю.

— В вас не вспыхнет страсть от листа бумаги, который гласит, что вы доктор наук.

— Возможно, от звука голоса доктора Миллиган она и вспыхнет, — рассмеялась Хейди. — Если не удастся сделать карьеру в военно-морском флоте, мне понадобятся различные сертификаты.

— А мне кажется, что вы решили соревноваться с противоположным полом.

— Секс не имеет ко мне никакого отношения. Моя единственная любовь — военно-морской флот. Что в этом плохого?

Милдред показала жестом, что сдается.

— Бесполезно спорить с упрямой женщиной и твердолобым моряком до кончика волос.

Она встала и посмотрела на документы, разбросанные на столе.

— Что-нибудь достать вам с полок?

— Я ищу документы, относящиеся к военно-морскому флоту, появившиеся во время правления Вудро Вильсона.

— Какая страшная тоска. Откуда такая тема?

— Я занимаюсь еще не изученными вопросами истории.

— Вы имеете в виду такие темы, до исследования которых еще не добрались мужчины.

— Вы сказали это, не я.

— Не завидую тому парню, который женится на вас, — сказала Милдред. — После возвращения домой с работы он должен будет заниматься армрестлингом. Проигравший готовит обед и моет посуду.

— Я уже была замужем. Шесть лет. За полковником из «Марии корпорейшн». Шрамы остались до сих пор.

— Физические или душевные?

— Всякие.

Милдред больше не развивала эту тему, взяла фанерный ящик, в котором хранились документы, проверила номер файла.

— Вы попали в цель. В этом файле основная военно-морская корреспонденция Вильсона.

— Я изучила почти все, — сказала Хейди. — Не подскажете мне, что я могла пропустить?

Милдред на несколько минут задумалась, глядя в пространство.

— Малая вероятность. Дайте мне десять минут.

Она вернулась в пять часов с другим ящиком документов.

— Неопубликованный материал, который еще не занесли в каталог, — сказала она с величественным видом, широко улыбаясь. — Возможно, стоит посмотреть.

Хейди внимательно просмотрела пожелтевшие письма. Большинство из них президент держал в своих руках. Советы своим трем дочерям, объяснение его доводов против Хола Тамани Уильяму Дженнингсу Брайану во время принятия демократической конвенции 1912 года, личные послания первой жене Элен-Луизе Аксон и второй жене Эдит Гелт.

За пятнадцать минут до закрытия Хейди развернула письмо, адресованное Герберту Генри Асквиту, премьер-министру Британии. Бумага имела такой вид, словно ее когда-то смяли. Стояла дата 4 июня 1914 года, но не было отметки о доставке, — возможно, что его вообще не отсылали. Она приступила к чтению топко стилизованного письма, написанного от руки.

«Дорогой Герберт,

так как есть основания полагать, что официально подписанные экземпляры нашего договора потеряны, то, учитывая обостряющуюся критику в твой адрес со стороны членов твоего кабинета, возможно, следует считать, что наша сделка вообще не предполагалась. В связи с тем, что о формальной передаче никому не известно, я дал указание своему секретарю уничтожить все упоминания об этом пакте. Этот необычный шаг, как я понимаю, независимо от моей воли, оправдан, так как народ моей страны — настоящий собственник и никогда не сможет смириться, зная наверняка, что...»

На следующую строку пришелся сгиб, в результате она стерлась. Письмо продолжалось с нового параграфа.

«По запросу сэра Эдварда и при содействии Брайана, я записал объем финансирования, переведенного твоему правительству из нашего казначейства в качестве займа.

Твой друг Вудро Вильсон».

Хейди уже готовилась отложить письмо в сторону, так как в нем ничего не говорилось о военно-морском флоте, когда ее внимание, только из простого любопытства, привлекли слова «уничтожить все упоминания о пакте».

Она задержалась на этих строчках почти минуту. После двухлетних тщательных исследований ей казалось, что она знала Вудро Вильсона почти так же хорошо, как своего собственного дядю. Она не обнаружила в делах бывшего президента ничего, что давало бы основания предполагать что-то подобное Уотергейту в течение всех лет его правления.

Прозвучал сигнал предупреждения о закрытии архива через десять минут. Она быстро переписала письмо в желтый личный блокнот. Затем проверила две папки на переднем письменном столе.

— Наткнулись на что-то полезное? — спросила Милдред.

— Может быть, — туманно ответила Хейди.

— Куда направляетесь отсюда?

— В Вашингтон… Национальный архив.

— Удачи. Думаю, попадете в цель.

— В цель?

— Найдете ранее упущенную ценную информацию.

Хейди пожала плечами.

— Всегда неизвестно, что получится в самом конце.

Она не планировала уделять внимание странному письму Вильсона.

Но теперь, когда приоткрылась дверь, Хейди решила, что стоит заглянуть за нее.

9

Историк сената откинулся на спинку стула.

— Прошу прощенья, коммандер, но у нас на верхнем этаже Капитолия нет места для хранения документов конгресса.

— Понимаю, — сказала Хейди. — Вы специализируетесь на старых фотографиях.

Джек Мерфи кивнул.

— Да, мы храним довольно обширную коллекцию фотографий, имеющих отношение к правительству.

Он лениво переставил пресс-папье на письменном столе.

— А вы пытались обращаться в Национальный архив? У них массивное хранилище для материалов.

— Напрасные усилия, — пожала плечами Хейди. — Я ничего не нашла, что могло бы оказаться полезным для моей работы.

— Чем могу помочь?

— Меня интересует договор между Англией и Америкой. Думала, что во время подписания делались фотографии.

— У нас их огромное множество. Еще не родился такой президент, который не приглашал бы художника или фотографа на подписание договора.

— Мне известно о нем только то, что оно имело место в течение первых шести месяцев тысяча девятьсот четырнадцатого года.

— Ничего не могу вспомнить о таком событии, — сказал Мерфи с задумчивым видом. — Был бы рад найти что-нибудь для вас, но это может потребовать один или два дня. Должен выполнить несколько исследовательских проектов перед тем, как приступить к вашему запросу.

— Понимаю. Спасибо.

Мерфи колебался, затем пристально посмотрел на Хейди.

— Мне кажется странным, что в официальных архивах нет упоминания об англо-американском договоре. У вас есть ссылка на него?

— Я нашла письмо президента Вильсона премьер-министру Асквиту, в котором он упоминает об официально подписанном договоре.

Мерфи встал из-за письменного стола.

— Мои служащие попытаются, коммандер Миллиган. Если фотография есть, то мы найдем ее.

Хейди сидела в своей комнате в гостинице «Джефферсон», глядя в косметическое небольшое зеркальце на морщинки, которые образовались во внешнем уголке широко открытого глаза. Учитывая все обстоятельства, она смирилась с неумолимым ходом времени и делала по возможности всё, чтобы сохранить молодость лица и тела, которое могло прибавить еще унцию жирка.

За последние три года Хейди перенесла хирургическое удаление матки, развод и нежный роман с мая по декабрь с адмиралом вдвое старше ее, который недавно умер от сердечного приступа. Но выглядела такой же жизнерадостной и эмоциональной, как после окончания школы в Аннаполисе.

Она придвинулась ближе к зеркалу и начала изучать пару кастильских карих глаз. На радужной оболочке правого глаза было небольшое пятнышко, небольшое серое пятно в форме пирожка. Гетерохромная радужная оболочка — такое претенциозное название дал офтальмолог. Когда ей было десять лет, одноклассники дразнили ее. Но позднее мальчишки нашли это весьма привлекательным.

После смерти адмирала Вальтера Басса она не почувствовала необходимости в поисках замены и в эмоциональном взаимодействии с другим человеком. Но прежде, чем осознала, что делает, голубая форма уже была отправлена в кладовку, а Хейди стояла в лифте в шелковом облегающем платье медного цвета с дьявольски соблазнительным шафрановым кантом, заканчивающимся серебряным цветком в V-образном вырезе значительно ниже ее груди. В дополнение к сумочке, подходящей к платью, ее единственными аксессуарами были длинное перо и серьги с драгоценными камнями, свисавшие до плеч. Для тепла в мрачном зимнем воздухе Вашингтона она укуталась в пальто с узким воротником из темной коричнево-черной синтетической лисицы.

Швейцар вздохнул, глядя на такой экстравагантный вид, и открыл дверь такси.

— Куда? — спросил водитель, не оборачиваясь.

Простой вопрос застал ее врасплох.

Она решила выйти в город; не планировала, куда именно. Сделала паузу, но тут у нее засосало в животе.

— Ресторан, — выпалила она. — Можете порекомендовать хороший ресторан?

— Что бы вы хотели съесть, леди?

— Не знаю.

— Мясо, китайская кухня, морепродукты? Назовите.

— Морепродукты.

— Сейчас приедем, — сказал водитель, нажимая кнопку на счетчике. — Я как раз знаю одно местечко. С видом на реку. Очень романтично.

— То, что надо, — рассмеялась Хейди. — Звучит великолепно.

Вечер уже был в разгаре. Сидя в свете канделябров и наслаждаясь вином, наблюдая огни Капитолия, отсвечивающиеся в водах реки Потомак, она была лишена возможности поговорить с кем-нибудь, что лишь подчеркивало ее одиночество. Женщина, обедающая одна, до сих пор для некоторых людей оставалась непривычным зрелищем. Она ловила отдельные взгляды, которые бросали на нее посетители. Старалась понять, о чем они думают, чтобы провести время. Чье-то несостоявшееся свидание? Жена, ищущая приключений? Проститутка, сделавшая перерыв на обед? Последнее предположение ей понравилось больше всех остальных.

Вошел мужчина и сел за столик на два столика дальше от того места, где она устроилась. Освещение в ресторане было тусклым, Хейди смогла сказать о нем только то, что он был высокого роста. Ей хотелось обернуться и бросить на него оценивающий взгляд, но она не могла преодолеть воспитанную скромность.

Внезапно Хейди почувствовала, что кто-то стоит рядом, ощутила слабый запах мужского одеколона после бритья.

— Прошу прощенья, прекрасное создание, — прошептал голос ей на ухо, — но не чувствуешь ли ты в глубине души желания купить бедному любителю дешевого вина стаканчик мускателя?

От удивления она вздрогнула и взглянула, ее глаза широко раскрылись.

Лицо незваного собеседника было трудно рассмотреть: на него падала тень. Затем он обошел ее и сел напротив. Волосы густые и черные, в свете свечи она увидела его теплые зеленые глаза. Лицо обветренное, загорелое. Он пристально смотрел на нее, словно ожидая приветствия, черты лица были холодные и невыразительные. Затем улыбнулся, и показалось, что его улыбка озарила весь зал.

— Хейди Миллиган, неужели ты не вспомнила меня?

Она вздрогнула, на нее нахлынула волна воспоминаний.

— Питт! Боже мой, Дирк Питт!

Хейди импульсивно подняла руки и притянула его к себе так, что их губы встретились. В глазах Питта появилось смущенное выражение. Когда Хейди отпустила его, он откинулся назад и потряс головой.

— Поразительно, насколько мужчина может ошибаться в женщине. Я рассчитывал лишь на рукопожатие.

Щеки Хейди слегка зарделись.

— Ты застал меня в момент слабости. Я сидела, жалея себя, а когда увидела друга, то поняла, что пережила это.

Он сжал ее руки нежным пожатием, улыбка исчезла.

— Было очень грустно, когда узнал, что адмирал Басс покинул нас. Он был хорошим человеком.

Ее глаза потемнели.

— Уход был безболезненным. После погружения в кому он просто не вернулся.

— Только одному Богу известно, чем могло обернуться дело, если бы он добровольно не ушел со службы.

— Помнишь, как мы встретились?

— Я прибыл, чтобы взять интервью у адмирала в гостинице около Лексингтона, Виргиния, куда он удалился.

— А я думала, что ты какой-то официальный представитель правительства, который хочет шантажировать его, и отнеслась к тебе отвратительно.

Питт выдержал паузу и пристально посмотрел на нее.

— У вас были очень близкие отношения.

Она кивнула.

— Мы жили вместе почти восемь месяцев. Он человек старой закалки, но и думать не хотел о женитьбе. Говорил, что молодой женщине не стоит связывать себя с человеком, который одной ногой уже в могиле.

Питт заметил, что у нее уже выступили слезы, и быстро переменил тему.

— Не возражаешь, если я скажу, что ты напоминаешь мне студентку на первом свидании.

— Прекрасный комплимент в прекрасный момент, — прямо сказала Хейди, оглядывая столики. — Не собираюсь нарушать твои планы. Наверное, ты кого-нибудь ждешь.

— Нет, я без женщин, — ответил он, улыбаясь глазами. — Я сейчас на распутье, решил отдохнуть, спокойно поужинав.

— Я рада, что мы встретились, — сказала она, сияя.

— Тебе следует только скомандовать, и я твой раб до рассвета.

Она посмотрела на него, все звуки и всё окружение зала отошли на задний план.

Внимательно осмотрела сервировку стола.

— Всё это мне очень нравится.

Когда они вошли в номер гостиницы, который занимала Хейди, Питт нежно поднял ее на руки и отнес в постель.

— Не двигайся, — сказал он. — Я сделаю всё.

И начал раздевать ее, очень медленно. Она не могла припомнить, чтобы мужчина раздевал ее полностью, от сережек до туфель. Он старался по возможности не касаться ее пальцами, и ожидание в ней нарастало с невиданной силой. Хейди ощущала удивительный прилив желания.

Питт не собирался торопиться. Ей было интересно, сколько же других женщин он мучил с такой же нежностью. Страсть загоралась в бездонных глазах Питта, от этого ее возбуждение только увеличивалось.

Неожиданно его губы коснулись ее губ. Они были теплыми и влажными. Она ответила, когда его руки обвились вокруг ее бедер, и он притянул ее к себе. Ей казалось, что она растворилась, из горла вырвался стон.

Только тогда, когда кровь готова была взорваться, а мышцы бесконтрольно пульсировали, она открыла рот, чтобы вскрикнуть. Только тогда Питт вошел в нее, и она погрузилась в удовольствие, которое, казалось, будет бесконечным.

10

Самое роскошное время сна наступает не в начале и не в середине ночи, а непосредственно перед пробуждением. Именно тогда сны следуют друг за другом в калейдоскопе ярких фантазий. Прерывание этого состояния телефонным звонком и погружение в реальность подобно скрипу ногтя по школьной доске.

Пробуждение Хейди осложнялось стуком в дверь ее номера. Ее разум был еще затуманен сном, она подняла трубку и пробормотала:

— Пожалуйста, подождите минуту.

Затем выскользнула из постели и остановилась на полпути, понимая, что она голая.

Схватив махровый халат из чемодана, накинула его на плечи и открыла дверь. Неслышно вошел посыльный и поставил на стол огромную вазу с белыми розами. Всё еще одурманенная сном, Хейди дала ему чаевые и вернулась к телефону.

— Прошу прошенья за задержку. Коммандер Миллиган слушает.

— Коммандер, — ответил голос Джека Мерфи, историка сената, — я разбудил вас?

— В любом случае пора вставать, — сказала она, стараясь замаскировать желание в тоне своего голоса.

— Я подумал, что вам приятно было бы кое-что узнать. Ваш запрос пробудил воспоминания в моем разуме. Поэтому я начал поиски вчера вечером после закрытия архива и наткнулся на кое-что очень интересное.

Хейди протерла глаза от сна.

— Слушаю.

— В папке отсутствуют фотоснимки подписания договора от тысяча девятьсот четырнадцатого года, — сказал Мерфи. — Однако мне удалось найти старый снимок Уильяма Дженингса Брайана, госсекретаря Вильсона в тот период, заместителя министра Ричарда Эссекса и Харви Шилдса, названного в подписи представителем правительства Его Величества, сделанный в тот момент, когда они садились в автомобиль.

— Не улавливаю никакой связи, — ответила Хейди.

— Простите, я не собирался сбить вас с толку. Фотография сама по себе почти ни о чем не говорит. Но на обратной стороне есть надпись, сделанная карандашом в нижнем левом углу. Её едва можно прочесть. Там названа дата, двадцатое мая тысяча девятьсот четырнадцатый год. Она гласит: «Брайан покидает Белый Дом с Североамериканским договором».

Хейди сжала трубку.

— Таким образом, он действительно существовал.

— Думаю, что это был лишь предполагаемый договор.

В тоне голоса Мерфи слышалась явная гордость за успешный ответ на брошенный ему вызов.

— Если хотите получить копию фотоснимка, мы должны назначить небольшую плату.

— Да, пожалуйста. Можете увеличить подпись на обратной стороне снимка?

— Без проблем. Можете всё забрать в любое время после трех часов.

— Замечательно. Большое спасибо.

Хейди повесила трубку и снова легла в постель, счастливо погружаясь в ощущение сделанного дела. В конце концов существует связь. Вспомнила о цветах. К одной из белых роз была прикреплена записка.

«Ты бесподобна без формы. Прости, что меня не будет рядом, когда ты проснешься.

Дирк».

Хейди прижала розу к щеке, губы растянулись в ленивой улыбке. Часы, проведенные с Питтом, вернулись, словно она смотрела на них через замерзшее стекло, звуки и все остальное слились в одной туманной фантазии. Он похож на фантома, который пришел и снова ушел в фантазию. Ясно напоминало о себе только соприкосновение их тел, только это и нарастающая внутри щемящая тоска.

Неохотно она освободилась от навязчивого состояния и взяла телефонный справочник Вашингтона с ночного столика. Длинным ногтем Хейди нашла нужный номер и набрала его. После третьего звонка ей ответили:

— Государственный департамент, чем могу помочь?

11

Около двух часов дня Джон Эссекс, подняв воротник пальто для защиты от резкого холодного северного ветра, приступил к проверке поддонов с искусственно выращиваемыми моллюсками. Сложное фермерское хозяйство Эссекса, расположенное в Коулз-Пойнт, Виргиния, занималось искусственным выращиванием устриц в прудах около реки Потомак.

Старик занимался забором проб воды, когда услышал, как кто-то позвал его. Женщина в голубой шинели офицера военно-морского флота стояла в проходе между прудами, хорошенькая женщина, если ему не изменяли его семидесятипятилетние глаза. Он убрал свои аналитические приборы и медленно пошел ей навстречу.

— Мистер Эссекс? — спросила она с теплой улыбкой. — Я звонила сегодня. Меня зовут Хейди Миллиган.

— Вы не назвали свое звание, коммандер, — сказал он взглянув на погоны.

Затем его губы расплылись в дружеской улыбке.

— Не использую это против вас. Я старинный друг военно-морского флота. Не хотите ли пройти в дом на чашку чая?

— Звучит превосходно, — ответила она. — Надеюсь, я ничему не помешала?

— Нет, всё можно отложить до наступления более теплой погоды. Я у вас в долгу за то, что вы, наверное, спасли меня от пневмонии.

Она почувствовала запах, которым был насыщен воздух.

— Пахнет, как на рыбном рынке.

— Вы любите устрицы, коммандер?

— Конечно. В них образуются жемчужины, не так ли?

Он засмеялся.

— Так может сказать только женщина. Мужчина восхвалял бы их гастрономические качества.

— Не хотите ли вы сказать, что они возбуждают сексуальные желания?

— Ничем не оправданный миф.

Она сделала кислую мину.

— Боюсь, у меня никогда не возникнет любовь к сырым устрицам.

— К счастью для меня, у многих людей она уже есть. В прошлом году пруды вокруг нас дали более пятнадцати тысяч тонн с акра. И это уже после извлечения из раковины.

Хейди попыталась принять заинтересованный вид, пока Эссекс распространялся на тему разведения устриц, когда они шли по дорожке, покрытой гравием, к колониальному кирпичному дому, расположенному среди цветущих яблонь. Удобно устроив ее на кожаном диване в кабинете, он принес чайник. Хейди внимательно изучала мужчину, пока он наливал чай.

У Джона Эссекса были сияющие голубые глаза и выдающиеся скулы. Нижняя половина лица скрывалась под роскошными белыми усами и бородой. Его тело не покрылось жирком пожилого горожанина. Даже когда он был одет в старый комбинезон, водонепроницаемую куртку и длинные болотные сапоги до колена, светская манера поведения,

которая когда-то украшала американского посла в Лондоне, все еще давала знать о себе.

— Итак, коммандер, этот визит официальный? — спросил он, передавая ей чашку чая с блюдцем.

— Нет, сэр, я здесь по персональному делу.

Брови Эссекса удивленно поднялись.

— Юная леди, тридцать лет назад я мог бы подумать, что это начало флирта. Сейчас же мне грустно говорить об этом, но вы смогли всего лишь пробудить прежнюю любознательность старого анахорета.

— Едва ли можно назвать старым анахоретом одного из самых уважаемых дипломатов страны.

— Давно минувшие времена, — улыбнулся Эссекс. — Чем могу услужить?

— Во время исследований для докторской диссертации мне попалось письмо, написанное президентом Вильсоном Герберту Асквиту.

Она сделала паузу, достала рукопись из сумочки и передала ее ему.

— В этом письме речь идет о договоре между Англией и Америкой.

Эссекс надел очки и дважды прочитал письмо. Затем взглянул на девушку.

— Откуда у вас уверенность, что письмо подлинное?

Не отвечая, Хейди передала ему две увеличенные фотографии и ждала, как он прореагирует на них.

Уильям Дженнингс Брайан, мужчина довольно плотного телосложения и с широкой улыбкой, наклонился, чтобы сесть в автомобиль. За ним стояли два человека, явно добродушно беседуя друг с другом. Ричард Эссекс, безукоризненно одетый и элегантный, широко улыбался, Харви Шилдс, отклонив голову назад, весело смеялся, показывая два больших выступающих верхних зуба, окруженных золотыми коронками. Шофер, который открыл дверь автомобиля, стоял в застывшей позе со строгим выражением лица.

Пока Эссекс рассматривал снимки, его лицо ничего не выражало. Через несколько мгновений он взглянул на Хейди.

— За чем вы охотитесь, коммандер?

— Североамериканский договор, — ответила она. — В исторических архивах или в записях Государственного департамента нет никакого

намека на него. Я считаю совершенно невероятным, чтобы пропали все следы такого важного документа.

— И думаете, что я могу что-нибудь сообщить об этом?

— Человек на снимке с Уильямом Дженнингсом Брайаном — ваш дед, Ричард Эссекс. Я проследила связи вашей семьи, надеясь, что он оставил документы или корреспонденцию, которые могут хоть немного разъяснить это.

Эссекс предложил сливки и сахар. Хейди взяла два кусочка.

— Боюсь, вы напрасно теряете время. Все его личные бумаги переданы в Библиотеку Конгресса после его смерти, каждая строчка, каждый листик.

— Всегда можно сделать попытку, — сказала Хейди, не соглашаясь с ним.

— Вы были в библиотеке?

— Сегодня утром провела там четыре часа. Какой деятельный человек ваш дед! Том с его посмертными документами просто огромный.

— А вы смотрели бумаги Брайана?

— Там тоже ничего не получилось, — ответила Хейди. — Несмотря на его религиозную преданность и вдохновенное ораторское искусство, Брайан не был слишком плодовитым автором меморандумов во время службы госсекретарем.

Эссекс задумчиво и медленно пил чай.

— Ричард Эссекс был очень точным и внимательным человеком. Брайан целиком полагался на него в вопросах политики и подготовки дипломатической корреспонденции. Бумаги деда свидетельствует почти о патологическом внимании к деталям. Только немногие документы проходили через Государственный департамент без его пометок.

— Я считаю, что он был довольно скрытным человеком.

Эти слова вырвались у Хейди непроизвольно.

Глаза Эссекса потемнели.

— Почему вы так говорите?

— Его записи как заместителя министра по вопросам политики очень хорошо документированы. Но невозможно понять, каким человеком был Ричард Эссекс. Конечно, я нашла обычную краткую биографию в справочнике «Кто есть кто», в которой указано место рождения,

родители и школы, всё в последовательном хронологическом порядке. Но нигде мне не попалось описание его личности или характера, его предпочтений, того, что ему не нравилось. Даже все его документы написаны от третьего лица. Он похож на портрет человека, который художник забыл дописать.

— Вы что же, хотите сказать, что он не существовал? — саркастически спросил Эссекс.

— Да нет, — покорно сказала Хейди. — Вы сами живое доказательство его существования.

Эссекс пристально смотрел в свою чашку чая, словно видел на дне какую-то неясную картину.

— Это правда, — наконец произнес он. — Кроме его ежедневных наблюдений за жизнью Госдепартамента и нескольких снимков в семейном альбоме, на память от моего деда осталось очень немногое.

— Вы можете что-нибудь вспомнить о том, каким он был в ваши школьные годы?

Эссекс торжественно покачал головой.

— Нет, он умер молодым, когда ему было всего сорок два. В тот же год я родился.

— Тысяча девятьсот четырнадцатый.

— Двадцать восьмого мая, если быть абсолютно точным.

Хейди метнула на него изумленный взгляд.

— Через восемь дней после подписания договора в Белом доме.

— Думайте, что хотите, коммандер, — терпеливо сказал Эссекс. — Договора не было.

— Но вы же не можете отбросить доказательство?

— Брайан и мой дед неоднократно наносили визиты в Белый дом. Подпись на обороте снимка является ошибкой, вне всяких сомнений. Что же касается письма, то вы просто не понимаете его смысла.

— Факты говорят сами за себя, — настаивала Хейди. — Сэр Эдвард, о котором пишет Вильсон, — это сэр Эдвард Грей, министр иностранных дел Британии. И заем, предоставленный Британии на неделю раньше даты, указанной в письме, на сумму сто пятьдесят миллионов долларов, зарегистрирован со всеми подробностями.

— Предоставлен, хотя эта сумма была огромной по тем временам, — сказал Эссекс понимающе. — Но перед Первой мировой войной Великобритания проводила программу социальных реформ, приобретая одновременно вооружение для приближающего военного конфликта. Скажем просто, ей нужны были доллары, чтобы продержаться до тех пор, пока примут законы о более высоком налогообложении. Едва ли этот заем можно назвать каким-то особенным. По сегодняшним международным стандартам его можно рассматривать как довольно обычное соглашение.

Хейди встала.

— Извините, что побеспокоила вас, мистер Эссекс. Более не могу позволить себе занимать ваше время сегодня.

Его глаза заблестели вновь.

— Можете беспокоить меня в любое время.

В дверях Хейди обернулась.

— Еще одно. В библиотеке есть полный комплект ежемесячных дневников вашего деда, кроме последнего за май. Оказывается, он отсутствует.

Эссекс пожал плечами.

— Здесь нет никакой тайны. Он умер раньше, чем успел закончить его. Возможно, пропал во время реорганизации, когда всё выносили из его офиса.

Эссекс стоял около окна, пока машина Хейди не исчезла среди деревьев. Его плечи ссутулились. Он почувствовал себя старым и усталым. Он прошел по украшенному резьбой античному залу и повернул голову одного из четырех херувимов с отсутствующими глазами, которые были расставлены по углам. Внизу всего в одном дюйме выше ковра показался небольшой плоский ящичек. Внутри лежала тонкая книга в кожаном переплете, обложка с гравировкой потрескалась от времени.

Он сел в очень мягкое кресло, утопая в нем, поправил очки и приступил к чтению. Это с давних пор стало ритуалом, повторяющимся с различными интервалами в течение многих лет. Его глаза давно не видели слов на страницах; за многие годы он выучил их наизусть.

Он оставался в таком положении, когда солнце уже село, а тени вытянулись и растаяли в темноте. Эссекс прижал книгу к груди, его душа металась от ужаса, разум разрывался от нерешительности.

Одинокий старик в темной комнате погрузился в прошлое.

12

Лейтенант Ивен Бертон-Ангус поставил свою машину на стоянку теннисного клуба «Глен эко», взял большую сумку с пассажирского сиденья и вышел из машины на холод. Он быстро прошел мимо пустого бассейна и теннисных кортов, занесенных снегом, направляясь в теплое здание клуба.

За столом рядом со стеклянной витриной, на которой рядами были выставлены награды, полученные членами клуба, сидел менеджер.

— Могу чем-нибудь помочь? — спросил он.

— Да, меня зовут Бертон-Ангус. Я по приглашению Генри Ангуса.

Менеджер внимательно просмотрел свои записи.

— Правильно, лейтенант Бертон-Ангус. Прошу прощенья, сэр, но господин Ангус звонил и сказал, что не может выполнить свое обещание. Он просил меня передать, что пытался застать вас в посольстве, но вы уже ушли.

— Жаль, — сказал Бертон-Ангус. — Но поскольку я уже здесь, нет ли у вас свободного теннисного корта, где я мог бы потренироваться?

— Мне пришлось изменить все запланированные игры, когда господин Ангус сообщил об отмене. Однако сейчас другой джентльмен играет один. Возможно, вы сможете поиграть вместе с ним.

— Где его можно найти?

— Сейчас он в баре. Его корт не освободится еще в течение получаса. Его зовут Джек Мерфи.

Бертон-Ангус увидел Мерфи за столиком с напитками, который стоял около окна с видом на канал Чизапик. Он представился.

— Ты не против того, чтобы играть с противником?

— Совершенно не возражаю, — ответил Мерфи с улыбкой. — Плохо играть одному, но будем играть вместе, если ты не размажешь меня по корту.

— Вряд ли смогу.

— Ты давно играешь в теннис?

— На самом деле предпочитаю сквош.

— Догадался об этом по твоему британскому произношению.

Мерфи жестом пригласил сесть.

— Выпей. Еще масса времени до того, как освободится наш корт.

Бертон-Ангус с удовольствием воспользовался возможностью расслабиться и заказал джин.

— Прекрасное место. Канал напоминает мне канал около моего дома в Девоне.

— Протекает через Джорджтаун и впадает в реку Потомак, — сказал Мерфи, изображая гида. — Когда зимой вода замерзает, местные жители катаются на коньках и занимаются подледным ловом рыбы.

— Ты работаешь в Вашингтоне? — спросил Бертон-Ангус.

— Да, я историк сената. А ты?

— Адъютант военно-морского атташе посольства Великобритании.

Выражение отчуждения промелькнуло на лице Мерфи. Бертону-Ангусу показалось, что американец смотрит прямо сквозь него.

— Что-нибудь не так?

Мерфи отрицательно покачал головой.

— Нет, всё в порядке. То, что ты служишь в военно-морских силах и в то же самое время британец, напомнило мне о женщине, коммандере ВМС США, которая приходила ко мне в поисках данных, относящихся к договору между двумя нашими странами.

— Не сомневаюсь, что это договор о торговле.

— Не могу сказать. Странная особенность в том, что, кроме старой фотографии, в архивах сената нет никаких записей.

— Фотографии?

— Да, с надписью о Североамериканском договоре.

— Могу попросить, чтобы кто-нибудь порылся в документах посольства для тебя.

— Пожалуйста, не беспокойся. Это не столь важно.

— Никакого беспокойства, — настаивал Бертон-Ангус. — У тебя есть дата?

— Двадцатого мая тысяча девятьсот четырнадцатого года или около этого.

— Древняя история.

— Возможно, всего лишь предполагаемый договор, который был отклонен.

— Тем не менее я посмотрю, — сказал Бертон-Ангус, когда принесли напиток.

Поднял свой бокал и произнес тост:

— За нас!

За письменным столом в Британском посольстве на авеню Массачусетс сидел Александр Моффет, вид и поведение которого полностью соответствовали типу государственного чиновника. Казалось, что он, коротко подстриженный, с невероятно приглаженными волосами, зачесанными на левую часть головы, с невообразимо прямой спиной, точной правильной речью и безупречными манерами, и тысячи его коллег из иностранных ведомств были сделаны из одного теста. На его письменном столе не было ничего. Единственными предметами, находящими на полированной поверхности стола, были его сложенные друг на друга руки.

— Ужасно извиняюсь, лейтенант, но я не ничего не нашел в записях департамента, где было хоть какое-то упоминание об англо-американском договоре в начале тысяча девятьсот четырнадцатого года.

— Очень странно, — сказал Бертон-Ангус. — Американский парень, который предоставил мне эту информацию, был совершенно уверен, что такой договор либо существовал, либо находился на стадии обсуждения.

— Возможно, неправильно указан год.

— Не думаю. Он историк сената и вряд ли путает факты и даты.

— Хотите продолжить расследование? — спросил Моффет официальным тоном.

Бертон-Ангус задумчиво сложил руки.

— Возможно, стоит проверить в министерстве иностранных дел в Лондоне, чтобы рассеять туман.

Моффет безразлично пожал плечами.

— Неясный намек на невероятное событие, имевшее место три четверти века назад, едва ли будет иметь сколь либо значительное влияние на настоящее.

— Возможно. Но всё же я обещал парню, что постараюсь найти что-нибудь. Должен ли я сделать официальный запрос в письменном виде?

— Необязательно. Позвоню школьному товарищу, возглавляющему департамент связи, и попрошу его просмотреть старые записи. Он мой должник. Ответ должен поступить в это же время завтра. Не огорчайтесь, если он не сможет ничего найти.

— Не буду, — ответил Бертон-Ангус. — С другой стороны, никогда не знаешь, что можно найти в архивах иностранного ведомства.

13

Питер Бисли знал о министерстве иностранных дел больше всех в Лондоне. Будучи главным библиографом, на которого возложена ответственность за хранение документов, где зарегистрированы события за период более тридцати лет, он считал всю историю британских международных дел своей частной областью. Особое внимание он уделял исследованию ошибок в политике и скандальных интриг среди дипломатов прошлого и настоящего, сведения о которых хранились под грифом секретности.

Бисли пригладил несколько прядей седых волос и протянул руку к одной из нескольких курительных трубок, лежащих на большом круглом подносе. Он фыркнул на бумаги официального вида, лежащие на письменном столе, как фыркает кошка на еду, которая ей не нравится.

— Североамериканский договор, — сказал он громко пустой комнате. — Никогда не слышал о таковом.

Для его служащих это должно было бы прозвучать как приговор суда божьего. Если Питер Бисли ничего не слышал о договоре, очевидно, его никогда и не было.

Он раскурил трубку и лениво наблюдал за дымом. 1914 год означал конец тонкой дипломатии, размышлял он. После Первой мировой войны аристократическую элегантность международных переговоров заменили механические маневры. Мир обмельчал.

Его секретарь постучалась и просунула голову в дверь.

— Господин Бисли.

Он взглянул, совершенно не видя ее.

— Да, мисс Госсет.

— Сейчас я ухожу на ленч.

— Ленч?

Достал часы из кармана жилета и уставился на них.

— О, да. Перестал следить за временем. Где вы собираетесь поесть? У вас свидание?

Два неожиданных вопроса, последовавших непредсказуемо друг за другом, застали мисс Госсет врасплох.

— Нет, я обедаю в одиночестве. Думала, что попробую сходить в этот новый индийский ресторан на площади Глендовер.

— Хорошо, это решает дело, — величественно произнес Бисли. — Приглашаю на ленч со мной.

Такое приглашение было редкой честью, и мисс Госсет удивилась.

Бисли заметил растерянное выражение у нее на лице и улыбнулся.

— У меня тайный мотив, мисс Госсет. Можете считать это взяткой. Вы нужны мне для того, чтобы оказать помощь в поисках старого договора. Четыре глаза быстрее двух. Не хочу терять слишком много времени, напрасно занимаясь этим делом.

У нее едва хватило времени, чтобы накинуть пальто перед тем, как он вытащил ее на улицу и махнул зонтом, останавливая такси.

— Здание Святилища, улица Грейт-Смит, — проинструктировал Бисли шофера.

— В разных местах Лондона разбросаны пять зданий, забитых старыми архивами министерства иностранных дел, — сказала она, поправляя шарф, — для меня остается загадкой, откуда вы знаете, где нужно искать.

— Корреспонденция, относящаяся к Америке за тысяча девятьсот четырнадцатый год, хранится на полках третьего этажа восточного крыла в здании Святилища, — просто сказал он.

Мисс Госсет, на которую такой ответ произвел неизгладимое впечатление, хранила молчание, пока они не прибыли к месту назначения. Бисли расплатился с шофером, и они вошли в прихожую, показали свои официальные удостоверения и поставили подписи в списке посетителей. Поднялись на третий этаж на старом лифте, внушающем опасения. Он безошибочно направился к требуемому отделу.

— Вы проверяете апрель. Я возьму май.

— Вы не сказали, что искать, — вопросительно произнесла она.

— Любую ссылку на Североамериканский договор.

Она почувствовала, что ей нужно знать больше, но Бисли уже наклонился над огромным кожаным переплетом, в котором хранилось огромное количество пожелтевших официальных документов и меморандумов департамента, листая его. Она приступила к неизбежным поискам и взяла первый том за апрель 1914 года, морща нос от запаха грязи и пыли.

Через четыре часа под аккомпанемент протестующего желудка мисс Госсет они не нашли ничего. Бисли поставил на место просмотренные тома документов, вид у него был задумчивый.

— Простите меня, мистер Бисли, но как быть с ленчем?

Он посмотрел на часы.

— Я очень виноват, не обратил внимания на время. Позвольте мне пригласить вас на обед.

— Принимаю с благодарностью, — вздохнула мисс Госсет.

Они поставили свои подписи об уходе, когда Бисли неожиданно обратился к дежурному.

— Мне бы хотелось изучить официальные секретные хранилища в подвалах, — сказал он. — Мой допуск позволяет сделать это.

— Но не юной леди, — сказал дежурный в форме с вежливой улыбкой. — Ее допуск позволяет пользоваться только библиотекой.

Бисли похлопал мисс Госсет по плечу.

— Прошу проявить еще немного терпения. На это уйдет всего несколько минут.

Он последовал за дежурным на три пролета вниз по лестнице в подвал к большой железной двери в бетонной стене. Наблюдал, как два тяжелых бронзовых ключа поворачивают смазанные тумблеры двух огромных старинных висячих замков без малейшего звука. Дежурный распахнул дверь и отступил в сторону.

— Мне придется закрыть вас внутри, сэр, — сказал он в соответствии с книгой правил. — На стене есть телефон. Позвоните по номеру три-два, когда захотите выйти.

— Я знаком с процедурой, спасибо.

Папка, в которой хранились документы, относящиеся к весне 1914 г., содержала всего сорок страниц, но в ней не было ничего нового. Бисли уже начал вставлять ее на место, когда заметил нечто странное.

Несколько папок с каждой стороны выступали почти на полдюйма по сравнению с остальными, которые стояли в ряду ровно. Он вытащил их.

Одна из папок была каким-то образом засунута за остальные, что и мешало установить их ровно. Он открыл ее. На титульном листе содержимого, которое казалось докладом, были написаны слова «Североамериканский договор».

Он сел за металлический стол и начал читать.

Через десять минут у Бисли был вид человека, которого похлопали по плечу на кладбище в полночь. Трясущимися руками он едва смог нажать на нужные кнопки телефона.

14

Хейди проверила свой посадочный талон и взглянула на телевизионный монитор, на котором появилось время вылета ее самолета.

— Нужно убить еще сорок минут, — сказала она.

— Вполне достаточно времени для прощального тоста, — ответил Питт.

Он провел ее по переполненному залу аэропорта Даллес в уютный коктейль-бар. В каждом углу было полно бизнесменов с расстегнутыми воротничками и в мятых костюмах.

Питт занял небольшой столик и сделал заказ официантке, проходившей мимо.

— Хотела бы остаться, — сказала Хейди мечтательно.

— Что же мешает?

— ВМС всегда недовольны офицерами, которые появляются на корабле в последний момент.

— Когда заканчивается твой отпуск?

— Должна доложить на военно-морскую коммуникационную станцию в Сан-Диего завтра в полдень, что готова приступить к исполнению обязанностей в море.

Он посмотрел ей в глаза.

— Кажется, наш роман стал жертвой географии.

— Мы не дали ему шанса, правда?

— Возможно, он вообще не предполагался, — сказал Питт.

Хейди пристально посмотрела на него.

— Именно так сказал он!

— Кто?

— Президент Вильсон в письме.

Питт рассмеялся.

— Боюсь, ты потеряла меня.

— Прости.

Она постаралась избавиться от этой мысли.

— Так, просто пустяк.

— Мне кажется, что твое исследование захватило тебя целиком.

— Осложнения, — сказала она. — Я пошла не тем путем. Это бывает в научных исследованиях. Занимаешься одним вопросом, но вдруг находишь потрясающую информацию, которая уводит тебя совершенно в другую сторону.

Принесли напитки, Питт расплатился с официанткой.

— Ты уверена, что невозможно продлить отпуск?

Она отрицательно покачала головой.

— Я полностью использовала все время. Только еще через шесть месяцев у меня появится возможность снова взять отпуск.

Затем внезапно ее глаза оживились.

— Почему бы тебе не поехать со мной? У нас было бы несколько дней, которые мы могли бы провести вместе перед моим уходом в море.

Питт взял ее руку.

— Прости меня, моя дорогая, но мой график не позволит сделать это. Я сам отправляюсь в путь, проект в море Лабрадор.

— На какое время ты уезжаешь?

— На месяц, может быть, на шесть недель.

— Мы увидимся когда-нибудь снова?

Её голос смягчился.

— Твердо убежден, что хорошие воспоминания следует поддерживать и возобновлять.

Через двадцать минут после того, как они покончили со второй порцией напитков, Питт проводил Хейди к контрольному пункту на посадку. Там уже почти никого не было, дежурная контрольного пункта давала последнее объявление о посадке. Хейди положила сумочку на свободный стул и взглянула на Дирка глазами, полными надежды. Он ответил ей поцелуем. Затем откинул голову назад, широко улыбаясь.

— Вот так распространяется моя репутация мачо.

— Как — так?

— Как только пойдут слухи, что я поцеловал моряка, я погиб.

— Ты клоун.

Она наклонила его голову к себе и жарко поцеловала долгим поцелуем. Потом отстранилась. На глазах показались слезы.

— Прощай, Дирк Питт.

— Прощай, Хейди Миллиган.

Она взяла свой багаж и направилась к посадочному пункту. Затем остановилась, словно вспомнив что-то, и вернулась. Порывшись в сумочке, вытащила конверт и сунула ему в руку.

— Послушай! Прочитай эти бумаги, — нетерпеливо сказала она. — Они объяснят тебе, что сбило меня с пути. И… Дирк… За этим, возможно, что-то стоит. Что-то очень важное. Подумай об этом. Если почувствуешь, что это нужно исследовать глубже, позвони мне в Сан-Диего.

Питт не успел ответить, как она повернулась и исчезла.

15

Говорят, что после смерти не существует более идеального места, чем кладбище английской деревни. Вокруг приходской церкви молчаливо стоят надгробные камни, покрытые мхом в вечном покое. Время выветрило высеченные на них имена и даты. Их почти невозможно прочитать на камнях, установленных раньше девятнадцатого столетия.

За пределами Лондона в заброшенной деревне Мануден одинокий колокол звонил по покойнику, призывая на похороны. День, хотя холодный и сырой, был прекрасным. Солнце проглядывало сквозь несущиеся перламутровые облака.

Пятьдесят или шестьдесят человек собрались вокруг военного гроба, задрапированного флагами, когда местный викарий читал заупокойные молитвы.

Женщина величественного вида, недавно переступившая шестидесятилетний порог, ничего не слышала из происходящего. Всё ее внимание было приковано к мужчине, который одиноко стоял в нескольких шагах от группы провожающих покойного.

«На вид ему действительно можно дать шестьдесят шесть», — подумала она. Черные, аккуратно причесанные волосы с сединой слегка поредели. Лицо до сих пор было красивым, но безжалостный взгляд смягчился. С оттенком зависти женщина заметила, что он сохранил стройность, в то время как она раздалась вширь. Его взгляд был устремлен на купол церкви, мысли витали далеко.

Только после того как гроб опустили и толпа рассеялась, он подошел к могиле и пристально смотрел в нее, словно проделывая окно в прошлое.

— Годы не сказались на тебе, — сказала она, подходя к нему сзади.

Он обернулся и только сейчас впервые заметил ее присутствие. Затем он улыбнулся прежней обворожительной улыбкой, которую она помнила очень хорошо, и поцеловал ее в щеку.

— Просто невероятно, что ты выглядишь еще более привлекательно, чем я помню.

— Ты не изменился, — засмеялась она, поправляя волосы и сознательно маскируя седину несколькими оставшимися прядями светло-песочного цвета. — Всё тот же старый льстец.

— Когда же всё это было?

— Ты ушел со службы двадцать пять лет назад.

— Боже, кажется, что прошло не меньше двух столетий.

— Сейчас тебя зовут Брайан Шо.

— Да.

Шо кивнул на гроб, который ожидал, когда могильщики закопают его.

— Он настоял на том, чтобы я взял новое имя, когда уходил в отставку.

— Мудрое решение. У тебя больше врагов, чем у Аттилы, вождя гуннов. Агент СМЕРША, который убил тебя, наверное, стал героем Советского Союза.

— Больше нет оснований для беспокойства, — улыбнулся он. — Сомневаюсь, что мои прежние противники живы до сих пор. К тому же я старый и давно потерял всякую ценность. Моя голова не стоит цены одного литра бензина.

— Ты так и не женился.

Это было утверждение, не вопрос.

Он отрицательно покачал головой.

— Только ненадолго. Ее убили. Ты же помнишь.

Она слегка покраснела.

— Думаю, что я никогда не понимала, что у тебя есть жена.

— А ты?

— Через год после того, как ты ушел. Мой муж работал в отделе криптографического анализа. Его зовут Грэм Хастон. Мы живем в Лондоне и прекрасно справляемся на свои пенсии и доходы от антикварного магазина.

— Совсем не то, что в былые дни.

— Ты до сих пор живешь в Вест-Индии?

— Там сложились довольно нездоровые условия, я вернулся домой. Купил небольшую рабочую ферму на острове Уайт.

— Не могу представить тебя фермером.

— То же самое могу сказать и о тебе, продающей антиквариат.

Из паба через дорогу появились могильщики и взялись за свои лопаты. Вскоре грязь полетела на деревянную крышку гроба.

— Я любил этого старика, — сказал Шо доброжелательно. — Были времена, когда хотел убить его, но иногда мечтал обнять, как родного отца.

— Он тоже испытывал особые чувства к тебе, — сказала она. — Он всегда суетился и беспокоился, когда ты был на задании. К другим агентам он относился скорее как к шахматным фигурам.

— Ты знаешь его лучше всех, — мягко сказал он. — У человека не было мало тайн от секретаря, работавшего с ним в течение двадцати лет.

Она слегка кивнула с пониманием.

— Это стало раздражать его. Я научилась читать его мысли во многих случаях...

Ее голос срывался, она больше не могла смотреть на могилу и отвернулась. Шо взял ее за руку и увел с церковного двора.

— У тебя есть время, чтобы выпить?

Она открыла сумку, достала бумажный носовой платок и чихнула в него.

— Мне необходимо вернуться в Лондон.

— Тогда прощай, миссис Хастон.

— Брайан.

Она произнесла звуки так, словно они застревали у нее в горле, но всё же не решилась произнести его настоящее имя.

— Никогда не смогу привыкнуть к тому, чтобы думать о тебе, как о Брайане Шо.

— Те два человека умерли намного раньше своего старого шефа, — нежно сказал Шо.

Она сжала ему руку, глаза были влажными от слез.

— Жаль, что мы не можем вернуть прошлое.

Он еще не успел ответить, как она достала конверт из своей сумочки и быстро сунула в боковой карман его пальто. Он ничего не сказал и не подал вида, что заметил это.

— Прощай, мистер Шо, — сказала она едва слышным голосом. — Береги себя.

Холодная смесь дождя и мокрого снега обрушилась вечером на Лондон, когда дизельный двигатель черного такси «остин» замолчал перед огромным каменным зданием в Гайд-Парке. Шо расплатился с водителем и вышел на тротуар. Постоял несколько мгновений, не обращая внимания на колкие льдинки, приносимые ветром, летящие ему в лицо, и внимательно глядя на безобразный огромный дом, где он когда-то работал.

Окна были грязными с множеством трещин, стены покрылись сажей и грязью в результате полувекового недосмотра. Шо показалось странным, что здание никогда не чистили с помощью пескоструйного аппарата.

Он поднялся по ступеням и вошел в приемную. Охранник службы безопасности попросил предъявить удостоверение и сверил его имя со списком, в котором перечислялись имена приглашенных людей.

— Пожалуйста, поднимитесь на одиннадцатый этаж на лифте, — сказал охранник. — Вас встретят.

Лифт задрожал и загрохотал, как обычно, но лифтера не было, его заменила панель с кнопками. Шо остановил лифт на десятом этаже и вышел в коридор. Он нашел свой прежний офис и открыл дверь, ожидая

увидеть секретаршу, быстро печатающую на пишущей машинке, и человека, сидящего за письменным столом в глубине кабинета.

Он застыл от изумления, когда увидел, что обе комнаты пусты, не считая небольших куч пыли.

Печально покачал головой. Кто это сказал, что нельзя вновь вернуться домой?

По меньшей мере, лестница оказалась там, где и должна была быть, хотя охранника из службы безопасности больше не было. Шо поднялся на одиннадцатый этаж и оказался за спиной светловолосой девушки в свободном вязаном платье, стоящей лицом к лифту.

— Полагаю, что вы ждете меня, — сказал он.

Она с удивлением оглянулась.

— Мистер Шо?

— Да, прошу прощенья за задержку, но так как это немного напоминает отпуск на неделю домой, я решил совершить ностальгический тур.

Девушка посмотрела на него с плохо скрываемым любопытством.

— Бригадный генерал ждет вас, прошу следовать за мной.

Она постучалась в знакомую дверь и открыла ее.

— Господин Шо, сэр.

Исключая лишь письменный стол и мужчину, поднимавшегося из-за него, все остальное было прежним. Наконец-то он почувствовал, что ступил на родную землю.

— Мистер Шо, войдите.

Бригадный генерал Моррис В. Симмс протянул руку, которая оказалась твердой и сухой. Павлиньи голубые глаза старались выражать дружеское расположение. Но Шо обмануть было трудно. Он ощущал, как этот взгляд читал его, словно на процедуре компьютерного сканирования тела.

— Прошу садиться.

Шо сел в кресло с высокими подлокотниками, твердое, как мрамор. Довольно незатейливый прием, предназначенный для того, чтобы посетители бригадного генерала оказались в неудобном положении. Его прежний шеф проклял бы такой любительский подход.

Заметил, что на письменном столе беспорядок. Папки свалены в кучу, некоторые лежат заголовками вниз. Везде следы пыли. Она не лежит

ровно на поверхности письменного стола, а скопилась в тех местах, где ее вообще не должно быть. На верхних ободках корзин для входящих и исходящих, под телефонной трубкой, между краями документов, которые торчат из папок.

Внезапно Шо понял, что это всего лишь мистификация.

Во-первых, исчез лифтер, который всегда доставлял посетителей туда, куда им следовало прибыть. На лестнице не было охранников из службы безопасности, патрулировавших и принимавших посетителей на каждом этаже. И, наконец, его покинутый офис.

Его прежний отдел Британской службы тайной разведки находился не в этом здании.

Всё это было лишь моделью, сценой, сделанной специально для того, чтобы разыграть на ней пьесу, его бенефис.

Бригадный генерал тяжело опустился в свое кресло и пристально взглянул на Шо. Выражение на гладком лице старого солдата не располагало к откровению. Оно было непроницаемым, как у нефритового Будды.

— Полагаю, что это ваш первый визит в старую обитель после отставки.

Шо кивнул.

— Да.

Он понял, что ему непривычно сидеть в этом помещении напротив человека, который был моложе его.

— Наверное, вам показалось, что всё по-прежнему.

— Есть некоторые изменения.

Левая бровь Симмса слегка поднялась.

— Вы, вне сомнений, имеете в виду служащих.

— Время затуманивает память, — философски ответил Шо.

Бровь вернулась на место.

— Видимо, вам любопытно, зачем я попросил вас прийти?

— Передача приглашения, положенного мне в карман во время похорон, показалась мне несколько театральной, — сказал Шо. — Можно было просто отправить письмо или позвонить по телефону.

Симмс ответил ледяной улыбкой.

— У меня были на то свои причины, веские причины.

Шо решил сохранять дистанцию. Ему не нравился Симмс.

— Очевидно, мое присутствие потребовалось не для воссоединения отдела.

— Нет, — сказал Симмс, вытаскивая нижний ящик и кладя на него свой начищенный до блеска ботинок. — На самом деле, мне бы хотелось вновь запрячь вас в упряжку.

Шо оцепенел. Что, черт возьми, происходит? Он удивился, в нем поднялась волна возбуждения.

— Не могу поверить, что служба стала настолько напряженной, что приходится призывать изношенных старых агентов, вытаскивая их из кучи мусора.

— Вы слишком жестоки к себе, мистер Шо. Возможно, вы лучший из всех, кого когда-либо вербовала служба. В свое время вы превратились в настоящую легенду.

— Дурная слава, которая привела меня к вынужденной отставке.

— Может быть. У меня есть предложение, которое как нельзя лучше подходит только для вас и вашего таланта. Требуется зрелый человек с мозгами. Не требуется физическая ловкость или кровопускание. Это просто дело для человека с пытливым умом, владеющим умениями вести расследование. Несмотря на ваши жалобы на возраст, у меня не возникает вопросов. Только человек с вашим опытом может справиться с этим.

У Шо закружилась голова. Он никак не мог уловить смысл того, что говорил Симмс.

— Почему именно я? Существует целая армия агентов, имеющих лучшую квалификацию. И русские. Они никогда не выбрасывают свои сведения. КГБ сразу же вычислит меня, стоит мне лишь снова появиться на поверхности.

— Наступила эра электронного мозга, мистер Шо. Руководители отделов больше не сидят в старых затхлых офисах и не принимают решения, основанные на чьем-то мнении. Все данные по текущим назначениям вводят в компьютер. Только банки памяти решают, какого агента лучше всего выбрать для того или иного дела. Очевидно, никто не подошел из служащих, работающих в настоящее время. Поэтому мы составили список отставников и ввели в компьютер. Ваше имя оказалось первым. Что же касается русских, то не следует беспокоиться. С ними не придется иметь дела.

— Нельзя ли сказать мне, для чего же я подхожу настолько идеально?

— Работа, связанная с наблюдением.

— Если не за русскими, то за кем же?

— За американцами.

Шо сидел молча. Ему показалось, что он ослышался. Наконец сказал:

— Простите, бригадный генерал, но ваши роботы допустили ошибку. Никогда не считал американцев столь же цивилизованными, как британцы, но они хорошие люди. В течение своей многолетней службы завязал множество теплых отношений с ними. Работал в тесном сотрудничестве с ЦРУ. Отказываюсь шпионить за ними. Думаю, лучше поискать кого-нибудь другого.

Симмс покраснел.

— Вы слишком бурно реагируете. Послушайте факты, мистер Шо. Я не прошу вас выкрадывать секретную информацию у янки; всего лишь требуется пристально следить за ними в течение нескольких недель. Не хочу, чтобы это прозвучало слишком сентиментально, но данный вопрос связан с возможной угрозой правительству Её Величества.

— Я не одобряю это, — сказал Шо. — Пожалуйста, продолжайте.

— Благодарю вас, — величественно ответил Симмс. — Тогда всё в порядке. Рутинное расследование по поводу того, что называют Североамериканским договором. Американцы откопали ржавую банку с червяками. Вам следует изучить, что им известно, собираются ли они предпринять что-то по этому поводу.

— Звучит довольно туманно. Что точно представляет собой дело об этом договоре?

— Полагаю, что будет лучше, если вы не слишком глубоко вникнете в детали в данный момент, — сказал Симмс, не вдаваясь в подробности.

— Понимаю.

— Нет, пока не совсем понимаете. Договорились?

Шо метался от невозможности принять решение. Его рефлексы ослабли, осталась лишь половина прежних сил. Не мог читать без очков. Еще попадал в куропатку с пятидесяти ярдов из ружья, но не стрелял из пистолета ни разу за двадцать лет. Не забыл и о том, что он стареющий человек.

— Моя ферма?

— Во время вашего отсутствия ею будет управлять профессор сельскохозяйственных наук, — улыбнулся Симмс. — Увидите, что мы стали более либеральны в отношении расходов, чем в ваши дни. Могу добавить, что на ваше имя будет приобретено восемьдесят акров земли, которые вы хотели получить для расширения границ своей фермы после выполнения задания с разрешения нашей службы.

Времена меняются, но эффективность отдела остается прежней. Шо и не знал, что за ним ведется наблюдение. Действительно, он состарился.

— Вы, правда, делаете всё, чтобы мне было чрезвычайно трудно сказать «нет», бригадный генерал.

— Тогда скажите «да».

Старая строка из песенки «всего за пенни и за фунт» прозвучала в голове Шо. Затем он пожал плечами и заговорил с прежней самоуверенностью:

— Попытаюсь.

Симмс слегка ударил кулаком по письменному столу.

— Превосходно.

Открыл ящик и вынул конверт, положив его перед Шо.

— Ваши авиабилеты, чеки на определенную сумму, которые вступают в законную силу после того, как на них будет стоять ваша подпись, а также бронь на гостиницу. Безусловно, вы отправляетесь с новым именем. Ваш паспорт в порядке?

— Да, — ответил Шо. — Мне нужно две недели, чтобы привести дела в порядок.

Симмс весело махнул рукой.

— Ваш самолет вылетает через два дня. Обо всем позаботятся. Удачной охоты.

Лицо Шо напряглось.

— Вы были чертовски уверены во мне.

Губы Симмса растянулись в улыбке, обнажая зубы.

— Я сделал ставку на старого боевого коня, который рвется в бой.

Теперь наступала очередь Шо улыбаться. Он хотел уйти, сохраняя достойный вид.

— Тогда зачем же весь этот маскарад?

Симмс окаменел.

— Да, именно маскарад, — выпалил Шо. — Это здание не использовали в течение многих лет. Мы могли бы просто встретиться в парке на скамейке.

— Это так очевидно? — спросил Симмс тихим голосом.

— Вы поставили бы еще и указатель.

Симмс передернулся.

— Возможно, я пошёл на крайности, но у американцев свои методы следить за тем, что происходит в кругах британской разведки. В дополнение к этому, нужно было посмотреть, сохранили ли вы способность восприятия.

— Тест?

— Называйте это, как вам угодно.

Симмс поднялся на ноги и обошел вокруг письменного стола. Подал руку Шо.

— Мне на самом деле жаль, что я нарушил ваш график. Мне не нравится зависимость от того, кто уже пережил годы расцвета, но я слепец, бродящий в тумане, а вы единственная надежда на то, что наступит какая-то ясность.

Через десять минут бригадный генерал Симмс и его секретарь стояли рядом в лифте, спускающемся вниз. Она поправляла на голове шапочку от дождя, а Симмс, казалось, был занят только своими мыслями.

— Он очень странный, — сказала она.

Симмс посмотрел на нее.

— Простите?

— Мистер Шо. Он двигается, как кошка. Испугал меня, когда неожиданно появился за спиной, а я ждала, что он выйдет из лифта.

— Он поднялся по лестнице?

— С десятого этажа, — сказала она. — Определила это по показанию индикатора.

— Я надеялся, что он поступит именно так, — сказал Симмс. — Меня успокаивает, что он не утратил своего непрямолинейного подхода.

— Он показался мне дружественным старым парнем.

Симмс улыбнулся.

— Этот дружественный старый парень убил более двадцати человек.

— Мог бы обмануть меня.

— Ему необходимо обманывать массу людей, — пробормотал Симмс, когда с шумом открылась дверь лифта. — Он и понятия не имеет о том, какая ответственность возложена ему на плечи. Пожалуй, это равноценно тому, что мы бросили беднягу к акулам.

16

Офицер в форме Королевских ВМС вышел вперед, как только Брайан Шо прошел таможенный досмотр в аэропорту.

— Мистер Шо?

— Да, я Шо.

— Лейтенант Бертон-Ангус, британское посольство. Сожалею, что не оказался рядом с вами во время таможенного досмотра. Застрял в дорожной пробке. Добро пожаловать в Вашингтон.

Пока они пожимали друг другу руки, Шо бросил недовольный взгляд на форму.

— Мы несколько раскрылись, не так ли?

— Вовсе нет, — улыбнулся Бертон-Ангус. — Если я неожиданно появлюсь в аэропорту в гражданской одежде, то кое-кто может подумать, что я шпионю. Лучше появляться в обычном виде.

— Как пройти в пункт выдачи багажа?

— В этом нет необходимости. На самом деле, боюсь, что ваше пребывание в столице будет очень недолгим.

Шо всё понял.

— Когда и куда мне следует вылететь?

— Вы отправляетесь в Лос-Анджелес через сорок минут. Пожалуйста, вот ваш билет и посадочный талон.

— Обсудим это?

— Конечно.

Бертон-Ангус взял Шо за руку.

— Предлагаю поговорить, пока мы в толпе. Тайное подслушивание частных разговоров, независимо от того, выполняет его человек или электроника, почти исключено.

Шо понимающе кивнул.

— Давно на службе?

— Генерал Симмс завербовал меня шесть лет назад.

Бертон-Ангус вел его в книжный отдел магазина подарков.

— Вы знаете о моем участии в этой работе.

— Прочитал доклад. Ты тот самый парень, кто обнаружил первый след к договору.

— Да, от историка сената — Джека Мерфи.

— Удалось ли тебе получить от него еще какую-нибудь информацию? — спросил Шо.

— Генерал Симмс полагает, что лучше не оказывать на него давления. Я сообщил Мерфи, что в Лондоне нет записи о договоре.

— Он поверил этому?

— У него нет причин не верить.

— Поэтому мы отказались от Мерфи и начали в другом месте, — сказал Шо.

— Это и есть причина вашей поездки в Лос-Анджелес, — сказал ему Бертон-Ангус. — Мерфи стало известно о договоре, когда запрос сделал военно-морской офицер, женщина. Она нашла старую фотографию и сделала копию. Один из наших людей проник в его офис и сканировал папку с требованиями на поиск. Единственным военно-морским офицером-женщиной оказалась лейтенант-коммандер Хейди Миллиган.

— Есть шанс добраться до нее?

— Коммандер Миллиган является офицером связи на борту транспортного судна-амфибии, направляющегося в Индийский океан. Оно вышло из Сан-Диего два часа назад.

Шо остановился.

— Если Миллиган вне досягаемости, то зачем мы?

— К счастью, ее кораблю «Арвада» приказано встать на стоянку в порту Лос-Анджелеса на три дня. Что-то, связанное с модификацией автоматизированной системы управления.

Они продолжили свой путь. Шо смотрел на лейтенанта с возрастающим уважением.

— Ты очень хорошо информирован.

— Это часть моей работы, — пожав плечами, скромно ответил Бертон-Ангус. — У американцев мало секретов от англичан.

— Это приятная мысль.

Бертон-Ангус слегка покраснел.

— Нам лучше пойти по центральному проходу. Ваш самолет отправляется из пункта двадцать два.

— Так как в плане появились изменения, — сказал Шо, — мне интересно изучить свои новые инструкции.

— Я думал, это очевидно, — ответил Бертон-Ангус. — У вас около семидесяти двух часов, чтобы выяснить, что известно коммандеру Миллиган.

— Мне потребуется помощь.

— После того как вы остановитесь в гостинице, с вами свяжется господин Грэм Хамберли, довольно преуспевающий дилер компании «Роллс-Ройс». Он организует встречу с коммандером Миллиган.

— Он организует мне встречу с коммандером Миллиган, — саркастическим тоном повторил Шо.

— Именно, — сказал Бертон-Ангус, моментально воспринимая очевидный скептицизм Шо и реагируя на него. — Хамберли — бывший британский подданный. Человек создал обширный канал важных связей, особенно в ВМС США.

— И мы с ним собираемся промаршировать по трапу американского военно-морского судна, размахивая нашим флагом и насвистывая «Британия правит морями», и потребовать переговоров с офицером корабля.

— Из всех, кто способен на такое, можно назвать только Хамберли, — решительно сказал Бертон-Ангус.

Шо глубоко затянулся сигаретой и пристально посмотрел на лейтенанта.

— Почему я? — холодно спросил он.

— Мне удалось понять, мистер Шо, что когда-то вы были самым способным оперативным агентом службы. Вы знаете, как обращаться с американцами. К тому же Хамберли предполагает представить вас как британского бизнесмена, старого друга по его службе в Королевских ВМС, который также заслужил флотское звание. Естественно, что и возраст ваш вполне подходит.

— Звучит логично.

— Генерал Симмс не ожидает чудес, но нам необходимо действовать. Нам остается надеяться, что Миллиган послужит отправным камнем.

— Еще раз, — сказал Шо, — почему я?

Бертон-Ангус остановился и посмотрел на расписание отправления самолетов на телеэкране.

— Время отправления вашего самолета. Вот билеты. О багаже не беспокойтесь. О нем позаботятся.

— Уже понял.

— Ну, я полагаю, всё основано на ваших прошлых заслугах, скажем так, в успешных делах с представительницами противоположного пола. Конечно, тот факт, что у коммандера Миллиган совсем недавно был роман с адмиралом старше ее в два раза, вам только на пользу.

Шо бросил на него презрительный взгляд.

— Просто собираешься продемонстрировать, что привык смотреть в будущее, парнишка.

— Ничего личного, — едва улыбнулся Бертон-Ангус.

— Говоришь, на службе уже шесть лет?

— И четыре месяца, если точно.

— Разве тебя не учили, как определять скрытое наблюдение?

Глаза Бертона-Ангуса вопросительно сузились.

— Занятия были обязательными. Почему вы задали такой вопрос?

— Потому что ты провалился, — сказал Шо.

Немного подождал, чтобы это дошло до Бертона-Ангуса, затем, наклонив голову влево, сказал:

— Мужчина с металлическим атташе-кейсом, невинно уставившийся на свои часы. Он не отставал от нас после того, как мы вышли из таможни. Стюардесса в двадцати футах за нами. Ее авиалиния в противоположном

конце аэропорта. Она его поддержка. У них был и третий глаз, мелькавший впереди. Я еще не зафиксировал его.

Бертон-Ангус явно побледнел.

— Невозможно, — пробормотал он. — Они не могут быть у нас на хвосте.

Шо повернулся и, показав свой билет, передал его девушке на входе на посадку. Затем обернулся к лейтенанту.

— Может получиться так, — сказал своим лучшим саркастическим голосом, — что у британцев будет совсем мало секретов от американцев.

Шо откинулся в своем кресле, расслабился и почувствовал, что желает выпить шампанского. Стюардесса принесла ему две небольшие бутылки и пластиковые стаканы. Из этикетки следовало, что оно калифорнийское. Он предпочел бы «Таттингер», брют эксклюзивного производства. Калифорнийское шампанское и пластиковые стаканы. Станут ли американцы хоть когда-нибудь цивилизованными?

Прикончив одну бутылку, подвел итоги. ЦРУ село ему на хвост в тот момент, когда он поднялся на борт самолета в Англии; именно так они и должны были поступить. Он предполагал это, и генерал Симмс также знал это.

Шо это нисколько не беспокоило. Он работал лучше, когда всё было открыто. Скрываться в аллеях как человек без имени не в его стиле. Он почувствовал необыкновенный приток сил от выполнения того, что он когда-то выполнял с таким успехом. Его чувства, возможно немного замедленные, не покинули его, но они по-прежнему оставались достаточно острыми.

Он играл в свою игру и раскрывался в ней.

17

На углу в одном из промышленных предместий Оттавы стояла обветшалая газовая станция. Построенная вскоре после Второй мировой войны, она представляла собой прямоугольник с тремя газовыми колонками, изношенными в течение многолетнего напряженного использования, нуждающихся в срочной покраске. Внутри офиса на пыльных полках разбросаны канистры с маслом и засохшие мухи, на окнах, покрытых грязью и сажей, остались старые плакаты, рекламирующие давно забытую торговлю шинами.

Анри Вийон развернул свой «мерседес» в проезде и остановил его около колонок. Из-под машины на эстакаде вышел дежурный в комбинезоне с пятнами грязи, вытирая руки о тряпку.

— Что надо? — спросил он устало.

— Заполните, пожалуйста, — ответил Вийон.

Дежурный глазами показал на пожилого мужчину и женщину, сидящих на ближней автобусной остановке, затем ответил так громко, чтобы они могли услышать.

— Пять галлонов — лимит, установленный правительством. Вы знаете, с чем это связано.

Вийон молча кивнул, дежурный накачал газ. Закончив работу, он подошел к передней части машины и подал знак. Вийон нажал рычаг, дежурный поднял капот.

— Вам нужно обратить внимание на ремень вентилятора. Он изношен.

Вийон вышел из машины и наклонился к двигателю напротив дежурного. Произнес, понижая голос:

— Ты имеешь хоть какое-нибудь представление о том, какой шум вызвала твоя неудачная попытка?

Фосс Глай бросил на него пристальный взгляд поверх двигателя.

— Что сделано, то сделано. В последнюю минуту испортилась погода, и первая ракета потеряла цель. Всё просто.

— Всё совсем не просто! — взорвался в ответ Вийон. — Почти пятьдесят человек погибли ни за что. Если инспектора безопасности полетов обнаружат истинную причину катастрофы, в парламенте поднимется страшная шумиха, требующая проведения расследования в каждой организации, включая бойскаутов. Средства массовой информации потребуют крови, как только узнают о гибели двадцати ведущих политических журналистов. И самое худшее: все будут подозревать в этом «Общество свободного Квебека».

— Никто не сможет возложить вину на «Общество свободного Квебека». — Голос Глая прозвучал холодно и непререкаемо.

— Проклятье! — Вийон ударил по капоту кулаком. — Если бы Сарве погиб! В правительстве возникло бы замешательство, а мы смогли бы предпринять действия в Квебеке.

— Твоим приятелям в Кремле это понравилось бы.

— Я не смогу рассчитывать на их поддержку, если у нас будет еще одна неудача такого масштаба.

Глай протянул руку к двигателю, будто что-то регулировал в нем.

— Зачем так близко сходиться с красными? Как только ты у них будешь на крючке, они никогда не отстанут от тебя.

— А это тебя совершенно не касается. Как бы то ни было, но правительство, занимающее коммунистические позиции, — единственная надежда Квебека на получение независимости.

Глай безразлично пожал плечами, продолжая делать вид, что копается в моторе.

— Что от меня-то тебе надо?

Вийон задумался.

— Никакой паники. Думаю, что лучше всего, если ты и твоя команда специалистов, как ты их называешь, будут прикрываться своей работой, как обычно. Ни один из вас не является французом, поэтому вряд ли вы попадете под подозрение.

— Не вижу смысла находиться здесь, ожидая, что нас могут схватить.

— Ты забыл, что я министр внутренних дел, все секретные распоряжения проходят через мое ведомство. Все нити, указывающие на вас, спокойно затеряются в бюрократической волоките.

— Всё равно я почувствую себя в большей безопасности, если мы покинем страну.

— Ты недооцениваешь события, мистер Глай. Мое правительство трещит по швам. Провинции вцепились друг другу в глотку. Существует только один вопрос. Когда рухнет Канада? Я знаю, что это уже совсем близко, Шарль Сарве знает это, знают об этом и те английские твердолобые, которые стараются переговорить друг друга в древнем каменном реликтовом доме на реке Темза. Скоро, очень скоро Канада в том виде, в котором она известна миру, перестанет существовать. Поверь мне, ты потеряешься в хаосе.

— Затерянный и без работы.

— Временная ситуация, — сказал Вийон с цинизмом в голосе. — До тех пор пока существуют правительства, финансовые корпорации и богатые отдельные личности, которые могут позволить себе твой специальный набор грязных трюков, мистер Глай, людям твоего типа никогда не придется продавать пылесосы, чтобы заработать себе на жизнь.

Глай в знак нежелания продолжать разговор неодобрительно покачал головой и переменил тему.

— Как мне связаться с тобой в случае необходимости?

Вийон обошел вокруг капота машины и сжал плечо Глая железной хваткой.

— Тебе следует хорошо запомнить только две вещи. Во-первых, никаких проблем больше не будет. И, во-вторых, при любых обстоятельствах не пытайся связаться со мной. Я не могу подвергать себя риску быть уличенным в любой связи с «Обществом свободного Квебека».

На краткое мгновенье глаза Глая закрылись от внезапной боли. Он сделал глубочайший вдох и напряг бицепс в тот момент, когда Вийон усилил давление. Оба мужчины стояли, не двигаясь с места, не уступая друг другу ни дюйма. Затем губы Глая очень медленно начали растягиваться в улыбке удовлетворения, он с ненавистью смотрел в глаза Вийона.

Вийон ослабил свою хватку и мрачно улыбнулся.

— Мои комплименты. Твоя сила почти равна моей.

Глай поборол в себе желание помассировать руку, избавляясь от страшной боли.

— Подъем тяжестей — неплохой способ скоротать время между политическими убийствами.

— Большое сходство можно заметить и в чертах наших лиц, — сказал Вийон, садясь в машину. — Если бы не твой отвратительный нос, мы могли бы сойти за братьев.

— Иди ты к черту!

В голосе Глая безошибочно угадывалась лютая враждебность. Он посмотрел на пожилую пару, по-прежнему ожидающую автобус на скамейке, затем на показания счетчика газового насоса.

— С тебя тысяча восемьсот шестьдесят.

— Запиши в счет! — огрызнулся Вийон со злостью и уехал.

18

Вийон намазал тост маслом и прочитал заголовок на второй странице своей утренней газеты:

«НИКАКИХ СЛЕДОВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО НАПАДЕНИЯ НА САМОЛЕТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА»

Фосс Глай сумел хорошо замаскировать все следы. Вийон тщательно контролировал расследование и знал, что с каждым прошедшим днем интерес к нему будет остывать. Он по возможности использовал влияние своего министерства, чтобы подавить малейший намек на связь между

политическими убийцами и «Обществом свободного Квебека», пока не будут найдены неопровержимые улики. До сих пор всё шло гладко.

Его удовлетворение полностью разрушала мысль о Глае. Этот человек — просто кровожадный наемник, его божеством всегда были деньги. Совершенно непредсказуемым будет путь этого бешеного пса, если не держать его на коротком поводке.

На пороге комнаты для завтраков появилась жена Вийона. Хорошенькая женщина с темными волосами и голубыми глазами.

— Тебе звонят по телефону в кабинете, — сказала она.

Он вошел в кабинет, закрыл дверь и снял трубку.

— Вийон слушает.

— Начальник отдела полиции Маккомб, сэр, — прозвучал голос, глубину которого можно сравнить только с угольной шахтой. — Надеюсь, не помешал вашему завтраку.

— Совсем нет, — солгал Вийон. — Вы отвечаете за архивные документы Королевской конной полиции?

— Да, сэр, — ответил Маккомб. — Том на Макса Рубека, который вы потребовали, передо мной на письменном столе. Нужно сделать копию и послать ее в министерство?

— Необязательно, — сказал Вийон. — Прошу сообщить мне основные данные по телефону.

— Он очень объемистый, — сопротивлялся Маккомб.

— Постарайтесь уложиться в пять минут.

Вийон улыбнулся сам себе. Он почти мог представить состояние ума Маккомба. Семейный человек, раздраженный до крайности тем, что вынужден покинуть уютную постель и теплую жену, не может отоспаться в воскресенье и должен рыться в старых пыльных архивах, чтобы удовлетворить внезапный каприз министра.

— Этим страницам уже более ста лет, они написаны от руки, но я постараюсь разобраться. Ну, посмотрим. Почти ничего нет о жизни Рубека в самом начале. Нет даты рождения. Числится сиротой. Первая официальная запись относится к двенадцати годам. Его привели к местному констеблю за убийство цыплят.

— Цыплят?

— Отрезал им головы ножницами для проволоки. Нанес огромный ущерб фермеру, у которого уничтожил целое поголовье. Затем он

перебрался в следующий город и перешел на лошадей. Успел перерезать глотки у половины табуна, прежде чем его схватили.

— Малолетний психопат, жаждущий крови.

— Люди считали его просто деревенским идиотом, как было принято в прежние времена, — сказал Маккомб. — Термин «психическая мотивация» отсутствовал у них в словарях. Они не могли понять, что следующим шагом мальчишки, который убивал животных ради развлечения, будет убийство людей. Рубека приговорили к двум годам тюремного заключения, но, учитывая возраст, — ему было четырнадцать, — разрешили жить с констеблем, отрабатывая положенный срок в качестве садовника и домашнего мальчика на побегушках. Вскоре после окончания этого срока народ из ближайших окрестностей стал находить тела бродяг и пьяных, которые были задушены.

— Где всё это происходило?

— В радиусе пятидесяти миль от современного города Мусс-Джо, Альберта.

— Конечно, Рубека арестовали как главного подозреваемого?

— Полиция тогда не работала так быстро, как сейчас, — сказал Маккомб. — К тому времени, как Рубека связали с этими преступлениями, он уже был в девственных лесах северо-западной территории. Не появлялся вплоть до восстания Риэла в тысяча восемьсот восемьдесят пятом.

— Восстание потомков французских торговцев и индейцев, — сказал Вийон, вспоминая историю.

— Их называли метисами. Лидером был Льюис Риэл. Рубек присоединился к вооруженным силам Риэла и прославился в канадской легенде как наш самый эффективный киллер.

— А что сказано о времени его исчезновения?

— Через шесть лет, — ответил Маккомб. — Не зарегистрировано никаких сведений. Была серия убийств, исполнителя которых не нашли, но приписывали их Рубеку. Только схема убийств давала основания полагать, что действовал Рубек.

— Схема?

— Да, все жертвы погибли в результате травм, нанесенные в области горла, — сказал Маккомб. — В основном путем удушения. Рубек не использовал нож. Поднятая суета вскоре затихла. У людей в те дни была

другая мораль. Они рассматривали человека, устранявшего нежелательных людей, как общественного благотворителя.

— Я вспоминаю, что он стал легендой, убив несколько полицейских во время восстания Риэла.

— Если точно, то тринадцать.

— Должно быть, Рубек был очень сильным человеком.

— Вовсе нет, — ответил Маккомб. — Он был тщедушного телосложения и довольно больным. Доктор, осматривавший его перед казнью, утверждал, что Рубек умирал от чахотки, сейчас мы называем это заболевание туберкулезом.

— Разве возможно, чтобы такой слабый человек мог справиться с мужчинами, обученными рукопашному бою? — спросил Вийон.

— У Рубека была удавка, сделанная из сыромятной кожи, чуть толще проволоки. Страшное оружие, которое наполовину перерезало горло жертвы. Он нападал неожиданно, обычно во сне. Вы заслужили высокую репутацию в кругах бодибилдинга, господин Вийон, но осмелюсь сказать, что даже ваша жена может задушить вас с помощью удавки Рубека ночью в постели.

— Вы говорите так, будто удавка существует до сих пор.

— Она существует, — сказал Маккомб. — Она выставлена на всеобщее обозрение в криминальном отделе музея Королевской конной полиции, если желаете посмотреть на нее. Как и некоторые другие серийные убийцы, которые ухаживали за любимым орудием убийства, Рубек холил и лелеял свою удавку. Ручные деревянные захваты, которые прикреплены к узкой кожаной полоске, искусно вырезаны в форме волка. Это действительно образец мастерского исполнения.

— Возможно, я взгляну на нее, как только мне позволит график, — с энтузиазмом сказал Вийон.

На мгновение он задумался, пытаясь осмыслить инструкции, которые Даниэла получила от Сарве в больнице. Серия зашифрованных загадок. Вийон продолжил обсуждение с другой точки зрения.

— Если вам пришлось бы описывать дело Рубека, как бы вы изложили его в одном предложении?

— Не понял, что вы хотите, — сказал Маккомб.

— Хорошо, скажем по-другому. Кем был Макс Рубек?

Несколько мгновений стояла полная тишина. Вийон почти слышал, как тяжело вращаются шарики в голове Маккомба. Наконец полицейский сказал.

— Думаю, вы можете назвать его маньяком-убийцей, чей любимый прием — удушение.

Вийон весь напрягся, затем расслабился.

— Спасибо, начальник-суперинтендант.

— Что-нибудь еще...

— Нет, вы сделали мне одолжение, я благодарен вам.

Вийон медленно положил телефонную трубку. Уставился в пространство, представляя себе, как больной человек затягивает удавку. Застывшее выражение непонимания на лице жертвы. Последний взгляд перед тем, как выкатившиеся глаза перестают видеть.

Бредни Сарве, выслушанные Даниэлой, внезапно начали обретать смысл.

19

Сарве, лежа в больничной койке, кивнул, когда в палату вошел заместитель премьер-министра Малькольм Хант. Затем улыбнулся.

— Хорошо, что ты пришел, Малькольм. Представляю, через какой ад тебе приходится проходить в палате общин.

По привычке Хант протянул ладонь, но быстро убрал ее, увидев руки премьер-министра, покрытые мазью.

— Возьми стул и устраивайся удобнее, — приветливо сказал Сарве. — Кури, если захочешь.

— Дым от моей трубки может стоить мне потери медицинского вотума доверия на следующих выборах, — улыбнулся Хант. — Спасибо, я лучше потерплю.

Сарве сразу перешел к делу.

— Я говорил с директором службы безопасности полетов. Он уверяет меня, что трагедия в Джеймс-Бее не была несчастным случаем.

Внезапно лицо Ханта стало белым, как полотно.

— Почему он так уверен?

— Найдена часть кожуха двигателя на расстоянии полмили от взлетно-посадочной полосы, — объяснял Сарве. — Анализ показал, что

застрявшие в ней фрагменты соответствуют типу ракеты, используемой для армейских пусковых устройств «Арго» типа земля-воздух. При инвентаризационной проверке в арсенале Вал-Джалберт установлено, что не хватает двух устройств и нескольких боеголовок.

— Боже мой. — Голос Ханта дрожал. — Это значит, что пассажиры самолета убиты.

— Улики указывают именно на это, — спокойно сказал Сарве.

— «Общество свободного Квебека», — сказал Хант злобно.

— Не могу представить себе, что ответственность может нести кто то еще.

— Согласен, но их вину трудно доказать.

— Почему? — спросил Хант. — «Общество свободного Квебека» либо утратило связь с реальностью, либо там полные идиоты, которые думают, что смогут остаться безнаказанными. Полиция никогда не позволит террористам, стоящим за преступлением такого масштаба, уйти от ответственности. С ними будет покончено как с радикальным движением.

— Не будь слишком оптимистичным, мой старый друг. Попытка убить меня не похожа на подобные преступления последних сорока лет. Все они выполнялись политическими любителями, принадлежащими к ячейкам «Общества свободного Квебека», и все они были пойманы и осуждены. Убийство в Джеймс-Бее было разработано профессионалами, потому что они не оставили и следа своего существования. Лучшее предположение поступило от главного комиссара полиции. Он считает, что они были наняты за пределами страны.

Глаза Ханта застыли.

— Но террористы «Общества свободного Квебека» могут довести нас до состояния гражданской войны.

— Это не должно случиться, — спокойно сказал Сарве. — Я не допущу.

— Но именно ты угрожал ввести войска, чтобы сдержать сепаратистов.

Сарве сухо улыбнулся.

— Блеф. Ты первый узнаёшь об этом. Никогда серьезно не думал о военной оккупации Квебека. Репрессии среди враждебно настроенного народа ни к чему хорошему не приведут.

Хант потянулся к карману.

— Кажется, трубка сейчас у меня.

— Пожалуйста, кури.

Оба мужчины сидели молча, пока заместитель премьер-министра раскуривал трубку. Наконец он выпустил голубое облако в потолок.

— Итак, что происходит сейчас? — спросил Хант.

— Мы знаем, что Канада распадется, и бессильны предотвратить это, — печально ответил Сарве. — С самого начала был неизбежен абсолютно независимый Квебек. Ассоциация, основанная на суверенности, просто глупая полумера. Сейчас Альберта тоже хочет жить самостоятельно. Онтарио и Британская Колумбия также проявляют признаки стремления к национальной независимости.

— Ты провел замечательный бой, чтобы мы сохранили единство, Шарль. Никто не может отнять у тебя это.

— Ошибка, — сказал Сарве. — Вместо запоздалых действий ты и я, партия и вся страна должны были планировать их заблаговременно. Слишком поздно. Мы стоим на пороге деления Канады навсегда.

— Не могу принять твой мрачный прогноз, — сказал Хант, но голос его был далеко не жизнерадостным.

— Слишком велика пропасть между твоими англоязычными провинциями и моим франкоязычным Квебеком, ее нельзя преодолеть патриотическими речами, — сказал Сарве, пристально глядя в глаза Ханта. — Ты британского происхождения, выпускник Оксфорда. Ты принадлежишь к элите, которая всегда преобладала в политической и экономической структуре нашей страны, к сливкам общества. Твои дети учатся в классах под фотографией королевы. А на французских детей Квебека строго смотрит Шарль де Голль. И, как известно тебе, у них незначительный шанс на финансовый успех или выдающееся положение в обществе.

— Но мы все канадцы, — запротестовал Хант.

— Нет, не все. Среди нас есть и такие, кто продался Москве.

Хант остолбенел.

— Кто? — спросил он недоверчиво. — О ком ты говоришь?

— Лидер «Общества свободного Квебека», — ответил Сарве. — Я узнал перед поездкой в Джеймс-Бей, что он заключил сделку с Советским Союзом, которая вступит в силу после того, как Квебек выйдет из конфедерации. Но еще хуже то, что его слушает Жюль Гуэррьер.

Хант был в полной растерянности.

— Премьер Квебека? Не могу этому поверить. Жюль до глубины души французский канадец. Он не испытывает симпатий к коммунизму, не делает секрета из своей ненависти к «Обществу свободного Квебека».

— Но ведь Жюль, как и мы сами, всегда считал, что нам противостоит террорист из самых низов. Ошибка. Этот человек не просто запутавшийся радикал. Мне сказали, что он занимает высокое положение в нашем правительстве.

— Кто он? Откуда у тебя такая информация?

Сарве покачал головой.

— Могу лишь сказать, что она поступила из-за пределов нашей страны, но источник не могу раскрыть даже тебе. Что же касается личности предателя, то нет никакой уверенности. Русские обращаются к нему по различным закодированным именам. Его настоящая фамилия держится в полной тайне.

— Боже мой, а вдруг что-то случится с Жюлем?

— Тогда партия сторонников независимости Квебека развалится, «Общество свободного Квебека» уйдет в небытие.

— Ты полагаешь, что Россия имеет небольшой плацдарм в Северной Америке.

— Да. — Сарве утвердительно кивнул. — Именно так.

20

Анри Вийон пристально смотрел через окна центра управления электростанции Джеймс-Бей, мрачная улыбка удовлетворения на его лице отражалась в безупречно чистом стекле.

Загадка удавки Рубека находилась этажом ниже в большом генераторе.

Персиваль Стаки в полном смятении стоял у него за спиной.

— Я должен опротестовать этот акт, — сказал он. — Это выходит за всякие разумные рамки.

Вийон повернулся и пристально посмотрел на Стаки холодными глазами.

— Как член парламента и министр внутренних дел кабинета Сарве, уверяю вас, что этот тест имеет особо важное значение для страны, стандартные рамки не имеют к этому никакого отношения.

— Это против всяких правил, — упрямо бормотал Стаки.

— Говорите как истинный чиновник, — циничным тоном сказал Вийон. — Ну, а теперь можете ли вы сделать то, о чем вас просит правительство?

Стаки на мгновенье задумался.

— Выполнить отвод миллионов киловатт очень сложно, он включает в себя сложное управление частотой и всей процедурой при правильной синхронизации. Хотя большая часть внезапного выброса избыточной энергии будет заземлена, наши собственные системы подвергнутся огромной перегрузке.

— Вы можете сделать это? — настаивал Вийон.

— Да, — пожимая плечами, сдался Стаки. — Но не понимаю цели отключения энергии в каждом городе между Миннеаполисом и Нью-Йорком.

— Всего на пять секунд, — сказал Вийон, игнорируя зондирующее замечание Стаки. — Вам нужно отключить электроэнергию, подаваемую в Соединенные Штаты, всего на пять секунд.

Стаки бросил последний протестующий взгляд и склонился к инженерам, сидящим у пультов, затем повернул несколько ручек. Включились телевизионные мониторы, расположенные вверху, на экранах появились различные панорамные изображения небосводов над городами.

— Контраст, кажется, становится светлее при сканировании слева направо, — отметил Вийон.

— Более темными городами являются Бостон, Нью-Йорк и Филадельфия.

Стаки посмотрел на свои часы.

— Сумерки в Чикаго, в Миннеаполисе солнце еще садится.

— Каким образом мы сможем узнать, что достигли полного отключения, если в одном из городов еще продолжается день и он залит дневным светом?

Стаки выполнил небольшую настройку, на мониторе Миннеаполиса появился перекресток с оживленным движением. Изображение было настолько четким, что Вийон мог рассмотреть уличные дорожные знаки на углу Третьей улицы и авеню Хеннепин.

— Светофоры. Мы сможем узнать то, что вас интересует, сразу после того, как они погаснут.

— Электроэнергия в канадских городах тоже выключится?

— Только в городах около границы ниже наших взаимно соединенных терминалов.

Инженеры выполнили ряд операций на пультах и сделали паузу. Стаки повернулся и посмотрел на Вийона пристальным взглядом.

— Я не буду нести ответственность за последствия.

— Ваши возражения зарегистрированы соответствующим образом, — ответил Вийон.

Он внимательно следил за мониторами, а в его разуме зашевелился холодный червь сомнения, вслед за этим вихрем закружились опасения последней минуты. Ответственность за то, что он собирался сделать, тяжелым грузом обрушилась на его плечи. Пять секунд. Предупреждение, которое невозможно не заметить и которым нельзя пренебречь. Наконец он отбросил все страхи и сомнения и кивнул.

— Можете приступать.

И увидел, как четверть Соединенных Штатов погрузилась во тьму.

Часть II

ПОДВОДНЫЙ АППАРАТ «ДУДЛБАГ»

Март 1989 Вашингтон

21

В разуме Алена Мерсьера царили полная безнадежность и ощущение страха, когда поздно ночью он анализировал самым скрупулезным образом пачку военных рекомендаций относительно государственной безопасности. Он не мог удержаться от любопытства, способен ли новый президент полностью понимать реальность. Объявление государственного банкротства ставило вопрос об импичменте, независимо от того, насколько стране был необходим этот акт.

Мерсьер откинулся назад и протер глаза. Эти простые машинописные предложения и прогнозы уже перестали быть только пачкой листов бумаги размером восемь на десять. Сейчас они уже превратились в решения, которые окажут воздействие на миллионы людей из плоти и крови.

Внезапно он почувствовал полное бессилие. Вопросы, имеющие огромнейшие последствия, выходили за пределы его понимания, его взглядов. Мир, правительство стали слишком сложными, чтобы горстка людей могла управлять адекватно. Он увидел, как его подхватила волна прилива и неумолимо несет на скалы.

Его подавленное угнетенное состояние прервал вошедший в кабинет секретарь, который молча кивнул на телефон.

— Сэр, вам звонят, от доктора Клейна.

Мерсьер взял трубку.

— Привет, Рон, понимаю, что тебе также не хватает времени днем.

— Ты прав, — ответил Клейн. — Думаю, тебе будет приятно узнать, что я кое-что нашел по поводу твоего вопроса о расходах.

— А точнее можешь?

— Сейчас не могу. Здесь ни у кого нет ни малейшего представления.

— Ты должен объяснить.

— Финансирование было направлено в департамент энергетики, это правда. Но сразу же после этого переадресовано в другое правительственное агентство.

— Какое?

— В Государственное агентство подводных и морских научных исследований.

Мерсьер не отвечал. Он сидел молча в задумчивости.

— Ты здесь, Ален?

— Да, прости.

— Кажется, что мы были лишь посредниками, — продолжал Клейн. — Хотел бы сообщить тебе больше, но это всё, что мне пока удалось обнаружить.

— Звучит непонятно, — произнес Мерсьер. — С какой стати департамент энергетики мог перенаправить такую огромную сумму денег агентству, занимающемуся морской наукой?

— Ничего не могу сказать. Следует ли моим служащим работать над этим вопросом далее?

Мерсьер задумался.

— Нет, лучше передай это дело мне. Зондирование из нейтрального источника встретится с меньшим сопротивлением.

— Не завидую тебе, придется иметь дело с Сандекером.

— Ах, да, директор Государственного агентства подводных и морских исследований. Никогда не встречался с ним, но слышал, что он отъявленный негодяй.

— Я знаю Сандекера, — сказал Клейн. — Ты недооцениваешь его. Если ты сможешь распять его шкуру на двери амбара, то я гарантирую, что половина Нью-Йорка наградит тебя медалью.

— Но ходят слухи, что он хороший человек.

— Он не идиот. Избегает политики, но водится с правильной компанией. Чтобы выполнить работу, без колебаний наступает на пятки, «будь прокляты эти торпеды» и все такое. Никому из тех, кто пытался сражаться с ним, не удалось выйти победителем. Если у тебя возникли лукавые мысли по его поводу, то думаю, что дело будет серьезным.

— Невиновен, пока вина не доказана, — заметил Мерсьер.

— Его довольно трудно застать. Почти всегда не отвечает на звонки или попытки попасть к нему на прием в офисе.

— Подумаю о том, как найти его, — уверенно произнес Мерсьер. — Спасибо за помощь.

— Не стоит, — сказал Клейн. — Удачи. Чувствую, что она тебе понадобится.

22

Каждый день точно без пяти минут четыре адмирал Джеймс Сандекер, генеральный директор Государственного агентства подводных и морских исследований, выходил из своего офиса и спускался на лифте в отдел коммуникаций на десятом этаже.

Это был крепкий невысокий человек, рост пять футов и несколько дюймов, аккуратная рыжая борода очень подходила к густой шевелюре, в которой только начинала пробиваться седина. В шестьдесят один год он был настоящим крепким орешком. Для поддержки тела ежедневно проглатывал необходимые дозы витаминов и чесночные пилюли, дополняя это утренней пробежкой от своей квартиры до высокого

застекленного здания штаба агентства подводных и морских научных исследований, находящегося на расстоянии шести миль.

Он вошел в огромное помещение отдела коммуникаций площадью пятнадцать тысяч квадратных метров, уставленное аппаратурой, которую обслуживали сорок пять инженеров и техников. Шесть спутников на орбитах вокруг земли соединяли агентство с метеостанциями, океанографическими научно-исследовательскими экспедициями и сотнями морских проектов, действующих во всём мире.

Директор коммуникационного отдела лишь едва взглянул на Сандекера, когда тот вошел. Ему была хорошо известна ежедневная привычка адмирала.

— Адмирал, пройдите, пожалуйста, в проекторскую «В».

Сандекер кивнул в знак благодарности и вошел в помещение, казавшееся небольшим кинотеатром. Опустился в мягкое кресло и терпеливо ждал, когда на экране появится изображение.

Высокий худой человек, находящийся за три тысячи миль, смотрел с экрана проницательным взором. Волосы черные, широкая улыбка на лице, похожем на скалу, на которую обрушивалась океанская волна.

Дирк Питт сидел, откинувшись на спинку стула, ноги неуважительно подняты на электронную панель. Он поднял надкушенный сэндвич и сделал им приветственный жест.

— Простите, адмирал, вы застали меня в тот момент, когда я решил подкрепиться.

— Ты никогда не придерживался формальностей, — добродушно проворчал Сандекер. — Зачем же начинать сейчас?

— Внутри этого плавающего недоноска холоднее, чем в прямой кишке медведя. Мы сжигаем тонны калорий, пытаясь согреться.

— «Дудлбаг» не круизный корабль.

Питт отложил сэндвич в сторону.

— Конечно, но для следующего путешествия нужно лучше продумать систему обогрева.

— На какой глубине вы находитесь?

Питт посмотрел на показания прибора.

— Семьсот тридцать футов. Температура воды — двадцать девять градусов. Условия совсем не подходят для игры в водное поло.

— Есть проблемы?

— Нет, — ответил Питт, продолжая широко улыбаться. — «Дудлбаг» ведет себя как воспитанная дама.

— У нас кончается время, — сказал Сандекер спокойно. — Я жду телефонного звонка от нового президента в любой момент. Он хочет узнать, как продвигаются у нас дела.

— Мы с экипажем останемся здесь, пока не кончится топливо, адмирал. Больше ничего не обещаю.

— Нашли какие-нибудь минералы?

— Мы прошли над огромными залежами железа, над месторождениями урана, тория и марганца, возможна добыча в промышленном масштабе. Встретились почти все минералы, кроме того, который мы хотим найти.

— Геология и сейчас перспективна?

— Показания усиливаются, но нет ничего, что указывало на структурное поднятие, антеклизу или соляной купол.

— Надеюсь на стратиграфическую ловушку. У нее самый высокий потенциал.

— «Дудлбаг» не может создать доходный песчаный остров, адмирал. Он может только найти его.

— Не меняй темы, но внимательно смотри в свое зеркало заднего вида. Я не смогу помочь, если вас поймают за нарушение границ на чужой стороне улицы.

— Хотел спросить вас, что можно сделать, чтобы аудитория не производила триангуляцию моих видеопередач?

— Один шанс к сорока.

— Что вы имеете в виду?

— Спутниковая коммуникационная сеть Государственного агентства подводных и морских научных исследований имеет прямую связь с сорока другими станциями. Все они принимают и одновременно транслируют ваши передачи. Запаздывание менее чем одна миллисекунда. Для любой станции, настроенной на эту передающую частоту, ваш голос и изображение поступают из сорока различных мест земного шара. Не существует возможности определения оригинала.

— Думаю, что с этим я смогу жить дальше.

— Оставляю тебя с твоим сэндвичем.

Если Питт и почувствовал пессимизм, то постарался не проявить его. Он сделал уверенное лицо и небрежно заметил:

— Не беспокойтесь, адмирал. Закон среднего обязательно сработает.

Сандекер смотрел, как фигура Питта исчезала с экрана. Затем встал со стула и вышел из помещения. Он поднялся на два лестничных пролета вверх в компьютерный отдел и прошел через охрану. В кабинете, отгороженном стеклянными стенами от остального помещения с включенными вычислительными машинами, человек в белом лабораторном халате изучал стопку компьютерных распечаток. Он смотрел поверх очков на приближающегося адмирала.

— Добрый день, доктор, — поздоровался Сандекер.

Доктор Рамон Кинг лениво ответил на приветствие, подняв карандаш вверх. У него было узкое мрачное лицо со светлой кожей, выступающая челюсть и клочковатые брови.

Доктор Кинг мог позволить себе такую неприглядную внешность. Он был гениальным творцом, разработчиком «Дудлбага».

— Все идет гладко? — спросил Сандекер, пытаясь завязать разговор.

— Зонд функционирует превосходно, — ответил Кинг.

— Точно так, как вчера, позавчера и две недели назад. Если у вашего детища начнут резаться зубки, вы будете первым, кто узнает об этом.

— Отсутствию новостей я предпочитаю хорошие новости.

Кинг отложил листы с распечаткой и посмотрел на Сандекера.

— Вы требуете не только луну, а еще и звезды. Зачем продолжать эту рискованную экспедицию? Успех «Дудлбага» уже доказан и признан. Он погружается глубже, чем мы имели право предполагать. Двери открытий, распахиваемые им, завораживают разум. Ради Бога, прекратите отговорки и сделайте его существование достоянием общественности.

— Нет, — взорвался в ответ Сендекер. — Только после всех испытаний.

— Что вы пытаетесь доказать? — настаивал Кинг.

— Я хочу доказать, что он значительно больше, чем напыщенный «рудознатец» или «волшебный жезл».

Книг поправил очки и вернулся к сканированию компьютерных данных.

— Я не азартный человек, адмирал, но так как вы принимаете на свои плечи всё бремя ответственности, я также оказываюсь втянутым в это

дело, отлично зная, что окажусь в списке соучастников департамента юстиции, — он сделал паузу и посмотрел на Сандекера. — Я самым непосредственным образом заинтересован в успехе «Дудлбага». Мне бы очень хотелось увидеть, как он побьет рекорд. Но если что-нибудь будет не так и этих парней там в океане схватят, как воров ночью, то лучшее, на что мы можем рассчитывать, это то, что нас измажут дегтем и обваляют в перьях, а затем вышлют в Антарктиду. О самом худшем я и думать не желаю.

23

Спортивная общественность Вашингтона смотрела с подозрением на любовь Сандекера к утренним пробежкам.

Он был единственным бегуном, кого приходилось видеть с окурком сигары в стиле Черчилля, постоянно торчащим у него изо рта.

Он дымил всю дорогу до здания Государственного агентства подводных и морских научных исследований под утренним хмурым небом, когда полный человек в мятом костюме, сидевший на скамейке автобусной остановки, взглянул поверх газеты.

— Адмирал Сандекер, можно мне поговорить с вами?

Сандекер повернулся из любопытства, но не узнал советника президента по безопасности и продолжил свой путь.

— Позвоните мне, чтобы назначить встречу, — безразличным тоном ответил он, продолжая бежать. — Не люблю, когда нарушают мой темп.

— Пожалуйста, адмирал, я Ален Мерсьер.

Сандекер остановился, глаза сузились.

— Мерсьер?

Ален сложил газету и встал.

— Примите мои извинения за то, что я прерываю ваше утреннее упражнение, но, как я понимаю, вас очень трудно поймать для беседы.

— Ваш офис занимает более высокое положение, чем мой. Можно было просто приказать мне явиться в Белый дом.

— Не страдаю фанатической любовью к официальному протоколу, — ответил Мерсьер. — Неофициальная встреча, подобная этой, имеет свои преимущества.

— Равноценно тому, чтобы схватить свой источник информации, оторвав его от родной почвы, — сказал Сандекер, поймав на слове Мерсьера. — Коварная тактика. Иногда сам пользуюсь ею.

— По слухам, вы мастер коварной тактики.

На мгновение на лице Сандекера отразилось полное удивление. Затем он разразился смехом. Вытащил зажигалку из кармана своего пропотевшего костюма и зажег окурок сигары.

— Знаю, когда хотят взять надо мной верх. Вы ни за что не сможете провести меня, мистер Мерсьер. Что у вас на уме?

— Очень хорошо, предположим, вы расскажете мне о подводном аппарате.

— Подводном аппарате?

Адмирал слегка наклонил голову, движение, равноценное выражению полного удивления любым другим человеком.

— Превосходнейший инструмент, полагаю, вы знакомы с его задачей.

— Почему вы не расскажете мне?

Сандекер пожал плечами.

— Думаю, что вы можете называть его водным «волшебным жезлом» или «рудознатцем».

— Водные рудознатцы не стоят шестьсот восемьдесят миллионов долларов налогоплательщиков.

— Так что же точно вы хотите знать?

— Существует ли такой экзотический инструмент?

— Проект «Дудлбаг» — реальность, и, кстати, весьма успешная, могу добавить.

— Вы готовы объяснить его принцип действия и представить отчет о суммах, израсходованных на его разработку?

— Когда?

— При первой возможности.

— Дайте мне две недели, и я положу аппарат вам на колени аккуратно сложенным и упакованным.

Мерсьера нельзя было уговорить на это.

— Два дня.

— Знаю, о чем вы думаете, — серьезно сказал Сандекер. — Но обещаю, что нет никакой опасности скандала, до этого далеко. Верьте мне. Нужна

еще минимум неделя. Я просто не смогу собрать всё вместе за меньшее время.

— Начинаю чувствовать себя соучастником в нечестной игре.

— Пожалуйста, только одну неделю.

Мерсьер посмотрел в глаза Сандекеру. «Боже мой, — подумал он, — человек действительно просит». Едва ли этого он ожидал. Мерсьер направился к своему водителю, который припарковался на небольшом расстоянии, и кивнул.

— Ладно, адмирал, у вас есть одна неделя.

— Вы заключили хорошую сделку, — сказал Сандекер с лукавой улыбкой.

Без лишних слов адмирал повернулся и продолжил свой утренний бег к штаб-квартире Государственного агентства подводных и морских научных исследований.

Мерсьер наблюдал, как невысокий человек становился всё меньше, удаляясь от него. Казалось, что он не замечал своего водителя, терпеливо ожидающего его перед машиной, держа дверь открытой.

Мерсьер стоял как вкопанный, внутри нарастала сводящая с ума уверенность, что его сделали.

24

Для Сандекера этот день оказался очень тяжелым. После неожиданной встречи с Мерсьером он предстал перед комитетом по бюджету сената, где отвечал на вопросы до восьми часов вечера, рассказывал о целях и достижениях Государственного агентства по подводным и морским научным исследованиям, просил, а в некоторых случаях требовал дополнительного финансирования для операций агентства. Он ненавидел это бюрократическое сборище.

После легкого обеда в клубе армии и военно-морских сил он вернулся в свою квартиру и налил себе стакан пахты.

Снял туфли и начал раздеваться, когда неожиданно зазвонил телефон. Он проигнорировал бы звонок, если не повернулся бы и не увидел, откуда звонят. Мигала красная лампочка прямой связи с Государственным агентством по подводным и морским научным исследованиям.

— Сандекер.

— Это Рамон Кинг. У нас проблема на «Дудлбаге».

— Поломка?

— Нет, не это, — ответил Кинг. — Система наблюдения засекла незваного гостя.

— Он сближается с нашим судном?

— Нет.

— Тогда, возможно, есть шанс, что это одна из наших подводных лодок, — оптимистически предположил Сандекер.

В голосе Кинга явно ощущалась тревога.

— Объект идет параллельным курсом, расстояние четыре тысячи метров. Есть основания полагать, что он преследует «Дудлбаг».

— Плохо.

— Я полностью контролировал ситуацию, когда компьютер дал более подробный анализ неизвестного пришельца.

Сандекер замолчал. Он медленно пил свою пахту, сосредоточенно размышляя, наконец, сказал:

— Позвони в службу безопасности и попроси найти Эла Джиордино. Хочу обсудить этот вопрос с ним.

С сомнением в голосе Кинг спросил:

— А разве Джиордино в курсе?

— Он знает, — заверил Сандекер Кинга. — Лично я кратко проинформировал его о проекте в самом начале на случай, если ему придется заменить Питта. Поторопись с этим делом, я буду через пятнадцать минут.

Адмирал повесил трубку. Стали сбываться его самые страшные опасения. Он пристально разглядывал белую жидкость в своем стакане, словно представлял себе, как таинственное судно выслеживает беззащитный «Дудлбаг».

Затем отставил стакан в сторону и поспешил к дверям, забыв, что на ногах только носки.

Глубоко под поверхностью моря Лабрадор недалеко от северной оконечности Ньюфаундленда в полной тишине Питт стоя изучал электронное изображение на экране монитора. Неопознанная подводная лодка следовала по внешним границам диапазона действия приборов «Дудлбага». Дирк нагнулся вперед, когда появилась строка данных. Затем внезапно экран дисплея погас, контакт был потерян.

Билл Ласки, оператор, повернулся к Питту и покачал головой.

— Прости, Дирк, наш гость довольно застенчивый. Он не хочет спокойно ждать, когда его просканируют.

Питт положил руку на плечо Ласки.

— Продолжай действовать. Рано или поздно он появится с нашей стороны забора.

Он прошел по рубке управления мимо сложного комплекса электронных приборов, бесшумно шагая по резиновому покрытию палубы. Сбросив трап на нижнюю палубу, он вошел в небольшое помещение, размеры которого не превышали площадь двух соединенных вместе телефонных будок.

Питт сел на край складной койки, развернул светокопию на небольшом письменном столе, склонился над ней, изучая структурную схему «Дудлбага».

Деформация при погружении была меньше того смелого значения, которое возникло в разуме Питта, когда он впервые увидел самое сложное в мире научно-исследовательское судно. Раньше никогда не создавалось ничего подобного для погружения в море.

Компактная форма «Дудлбага» выходила за рамки всякого воображения. Самое лучшее описание, которое подходит ему, звучит следующим образом: «внутренняя половина крыла самолета, стоящая вертикально» и «труба-лаз подводной лодки, потерявшей свой корпус». Короче говоря, это был кусок металла, который передвигался в вертикальном положении.

Для необычных обводов «Дудлбага» были свои причины. Принятая концепция была значительным прорывом в подводной технологии. В прошлом все механические и электронные системы встраивали в соответствии с пространственными ограничениями стандартного сигарообразного корпуса. Алюминиевую оболочку «Дудлбага», наоборот, строили вокруг приборного пакета.

Для экипажа из трех человека предусматривалось очень мало удобств. Люди требовались только для работы в чрезвычайных условиях или для ремонта. Судном автоматически управлял мозговой компьютерный центр в штабе Государственного агентства подводных и морских научных исследований в Вашингтоне, расположенном на расстоянии почти три тысячи миль.

— Не хочешь ли принять немного лекарства, чтобы прочистить горло?

Питт поднял голову и посмотрел на страдальческие покрасневшие глаза Сэма Квейла, электронного мага экспедиции. Квейл взял пару пластиковых стаканов и полпинты бренди, остатки которого едва покрывали донышко бутылки.

— Позор, — сказал Питт, не в силах подавить широкую улыбку. — Тебе известно, что правила запрещают алкоголь на борту научно-исследовательских кораблей.

— Не смотри на меня так, — ответил Квейл с мнимой невинностью. — Нашел это дьявольское изобретение, или то, что от него осталось, у себя в койке. Наверное, его забыл какой-нибудь странствующий рабочий строитель.

— Странно, — сказал Питт.

Квейл вопросительно посмотрел на него.

— Что странно?

— Совпадение.

Питт полез под подушку и вытащил бутылку шотландского виски «Белл», поднял ее. Она была наполовину полной.

— Странствующий рабочий строитель оставил ее и у меня в койке.

Квейл улыбнулся и передал чашки Питту.

— Если тебе всё равно, то оставлю свою для лечения.

Питт наполнил чашку и передал ее Квейлу. Затем снова сел на койку и медленно произнес:

— Что ты думаешь по поводу нашего незваного гостя, Сэм? Что может помешать ему вести преследование и изучать нас? Зачем эта игра в кошки-мышки?

Квейл отпил глоток шотландского виски и пожал плечами.

— По всей вероятности, конфигурацию «Дудлбага» не может вычислить система детектирования подводной лодки. Капитан, вне всяких сомнений, связался со своим штабом, запрашивая сводку о подводных судах в районе его патрулирования перед тем, как объявить нам о незаконном нарушении границы.

Квейл допил содержимое чашки и жадно смотрел на бутылку.

— Не возражаешь, если я выпью еще?

— Угощайся.

Квейл налил себе щедрую порцию виски.

— Я почувствую себя значительно безопаснее, если смогу определить, кто эти парни.

— Они не войдут в диапазон нашего сканирования. Больше всего меня удивляет, что они идут на четко выбранном расстоянии. Кажется, что они уходят на большую глубину и затем всплывают, словно дразнят нас.

— Нет ничего удивительного, — сказал Квейл, морщась, когда порция виски обожгла ему горло. — Их датчики чувствуют наши зонды. Они знают с точностью до метров, где исчезают наши сигналы.

Питт сел, его глаза сузились.

— Предположим… только предположим?..

Он не закончил фразу. Он почти выбежал из своей каюты, несясь вверх по трапу в помещение управления. Квейл проглотил еще виски и продолжал. Он никуда не бежал.

— Есть изменения? — спросил Питт.

Ласки покачал головой.

— Незваный гость продолжает свою игру.

— Постепенно отключай зонды. Возможно, они подойдут ближе. Когда они войдут на наш двор, ударь по ним всеми чувствительными приборами, которые у нас есть.

— Ты полагаешь, что можно заманить атомную подводную лодку, управляемую первоклассной командой профессионалов, с помощью такого детсадовского приема, как этот? — скептически спросил Квейл.

— Почему бы и нет? — широко улыбнулся дружеской улыбкой Питт. — Ставлю своё спиртное против твоего, что они пойдут на это.

Квейл взглянул как моряк, который только что продал лот береговой линии пустыни Гоби.

— Ты поставил.

В течение следующего часа всё шло как обычно. Экипаж следил за показаниями мониторов всех приборов и оборудованием. Наконец Питт посмотрел на часы и жестом указал в направлении Ласки.

— Перевести приборы в режим готовности, — приказал он.

— Системы готовы, — подтвердил Ласки.

— Отлично, засекай негодяя!

Ожил блок данных перед ними, на экране появились дистанционные данные.

«Контакт: 3480 метров.

Курс: пеленг один-ноль-восемь.

Скорость: десять узлов».

— Он попался на крючок!

Квейл не мог подавить возбуждение в своем голосе.

— Мы взяли его.

«Общая длина: 76 метров.

Ширина (приблизительно): 10, 7 метра.

Вероятное водоизмещение при погружении: 3 650 тонн.

Двигатель: один атомный реактор с водяным охлаждением.

Класс: „Амберджек“.

Флаг: „США“».

— Это один из наших, — сказал Ласки с явным облегчением.

— По меньшей мере, мы среди друзей, — пробормотал Квейл.

Глаза Питта оставались напряженными.

— Но мы еще не вышли из леса.

— Наш выслеживающий друг изменил курс на ноль-семь-шесть. Скорость увеличилась, — громко читал Ласки с экрана. — Сейчас он уходит от нас.

— Очень хотел бы ошибиться, — задумчиво сказал Квейл, — но похоже, что он готовится к нападению.

Питт посмотрел на него.

— Объясни.

— Несколько лет назад я работал в команде конструкторов, разрабатывающих системы подводного вооружения для военно-морских сил. Я узнал, что подводная лодка увеличивает скорость и отходит от мишени перед запуском торпеды.

— Подобно тому, как стреляют через плечо из револьвера, несясь из города на полном галопе.

— Хорошее сравнение, — сказал Квейл. — Современная торпеда напичкана ультразвуковыми, тепловыми и магнитными датчиками. После запуска она преследует цель с невероятной цепкостью. Если упускает ее при первом заходе, то кружит вокруг, делая попытки до тех пор, пока не попадет в цель. Именно поэтому подводная лодка-торпедоносец, определив, что лодка-мишень оснащена вооружением такого же типа, немедленно уходит из района обстрела.

На лице Питта появилось озабоченное выражение.

— На каком расстоянии от дна мы находимся?

— Двести тридцать метров, — ответил Ласки.

Питт так и не смог полностью перейти на метрическую систему мер. По привычке перевел эти данные в футы, получилось около 750 футов.

— А контур?

— Довольно неровный. Гористая местность, высота около пятнадцати метров.

Питт подошел к небольшому столу с картами, изучил карту морского дна. Затем сказал:

— Переключи на блокировку автоматической системы управления. Спускаемся ниже.

Ласки вопросительно смотрел на него.

— Наше агентство не одобрит, что мы выключили их систему управления.

— Мы находимся здесь. Вашингтон на расстоянии трех тысяч миль. Полагаю, будет лучше, если мы возьмем управление на себя, пока не узнаем, с чем нам приходится иметь дело.

По лицу Квейла было видно, что его мучают сомнения.

— Надеюсь, ты все-таки не думаешь, что на нас собираются напасть?

— До тех пор пока существует хотя бы один процент вероятности этого, я не собираюсь его игнорировать. — Питт кивнул Ласки. — Погружай нас глубже. Будем надеяться, что затеряемся в геологии морского дна.

— Мне нужен гидролокатор, чтобы не разбиться о выступающие горы.

— Пусть останется сфокусированным на подводной лодке, — приказал Питт. — Воспользуйся огнями и телевизионными мониторами. Используем визуальный контроль.

— Это неправильно, — сказал Квейл.

— Если бы мы плавали у берегов Сибири, неужели ты считаешь, что русские колебались бы, наносить нам удар или нет в том месте, где мы находимся?

— Пресвятая Матерь Божья! — выдохнул Ласки.

Питт и Квейл остолбенели, увидев собственными глазами, что на них охотятся, когда на экране монитора появились зеленые буквы.

«Чрезвычайное положение: КРИТИЧЕСКОЕ.

Новый контакт: пеленг один-девять-три.

Скорость: семьдесят узлов.

Состояние: неизбежное столкновение.

Время до компакта: одна минута одиннадцать секунд».

— Они ушли, но сделали это, — прошептал Ласки с видом человека, который увидел свою могилу. — Они выпустили в нас торпеду.

У Джиордино возникло дурное предчувствие, и он увидел его в глазах доктора Кинга и адмирала Сандекера, когда ворвался в дверь компьютерного зала.

Никто не поздоровался с ним. Они были полностью поглощены наблюдением за огромным электронным дисплеем, занимающим целую стену. Джиордино быстро понял неминуемость катастрофы.

— Остановить движение вперед, полный назад, — сказал он спокойно.

— Не могу, — беспомощно поднял руки Кинг. — Они отключили наше управление.

— Тогда передайте им это! — сказал Джиордино неожиданно резким голосом.

— Не имею возможности, — напряженно и глухо сказал Сандекер. — Отказ голосовой связи через спутник связи.

— Установите контакт через компьютеры.

— Да, да, — пробормотал Кинг, слабый проблеск понимания блеснул у него в глазах. — Я всё еще командую их вводом данных.

Джиордино наблюдал за экраном, считая последние секунды приближения торпеды, а Кинг наговаривал в голосовой блок связи, передающий сообщение на борт «Дудлбага».

— Питт ждал от тебя этого, — сказал Сандекер, кивая на экран.

Все вздохнули с облегчением, когда скорость погружаемого аппарата стала снижаться.

— Десять секунд до контакта, — сказал Джиордино.

Сандекер схватил телефон и закричал на потрясенного дежурного оператора.

— Свяжи меня с адмиралом Джо Кемпером, главнокомандующим военно-морскими операциями!

— Три секунды… две… одна…

В комнате воцарилась полная тишина; все боялись заговорить, первыми произнести слова, которые могли стать эпитафией погружаемому аппарату и его команде. Экран оставался темным. Затем появилась надпись.

— Мимо, — с тяжелым вздохом сказал Кинг. — Торпеда прошла мимо борта на расстоянии девяносто метров.

— Магнитные датчики не могут надежно настроиться на алюминиевый корпус «Дудлбага», — прокомментировал Сандекер.

Джиордино широко заулыбался, получив ответ Питта:

«Первый раунд. Выиграли по очкам.

Есть какие-нибудь блестящие идеи для второго раунда?»

— Торпеда кружит для следующего захода, — сказал Кинг.

— Какая у нее траектория?

— Кажется, идет по плоскому курсу.

— Скажите им, чтобы повернули «Дудлбаг» на бок, под углом к горизонтальной плоскости, направив киль в сторону торпеды. Это сократит площадь удара.

Сандекера соединили с одним из адъютантов Кемпера, лейтенантом-коммандером, сообщившим, что главнокомандующий военно-морскими операциями спит, его нельзя будить ни при каких обстоятельствах. С тем же успехом адъютант мог бросить пирожок в товарный поезд.

— Послушай меня, сынок, — сказал Сандекер своим угрожающим тоном, которым он славился. — Я адмирал Джеймс Сандекер, глава Государственного агентства подводных и морских научных исследований, у нас дело чрезвычайной важности. Самым настоятельным образом советую тебе дать телефон Джо, или следующая

твоя командировка будут на метеостанцию на гору Эверест. Выполняй немедленно.

Через несколько минут в трубке раздался сонный голос адмирала Кемпера.

— Джим? Что, черт возьми, происходит?

— Одна из твоих подводных лодок только что атаковала мои научно-исследовательские корабли, в этом и есть проблема.

Кемпер отреагировал так, будто в него выстрелили.

— Где?

— В десяти милях от островов Баттон в море Лабрадор.

— Так это же в канадских водах.

— У меня нет времени для объяснений, — сказал Сандекер. — Прикажи своей подводной лодке уничтожить торпеды, пока у нас не произошла бессмысленная трагедия.

— Оставайся на связи, — сказал Кемпер. — Сейчас вернусь к тебе.

— Пять секунд, — напомнил Джиордино.

— Круг сужается, — заметил Кинг.

— Три секунды... две... одна...

Следующий интервал тянулся как черная патока, пока они ждали. Затем Кинг произнес:

— Еще один промах. На этот раз выше всего на десять метров.

— Сколько метров до морского дна? — спросил Джиордино.

— Тридцать пять метров — и всё. Наверное, Питт пытается спрятаться за скалами. Ситуация выглядит безнадежно. Рано или поздно торпеда проделает брешь у них в корпусе.

Сандекер замер, когда Кемпер вернулся на линию.

— Я говорил с начальником арктической обороны. Он посылает срочный сигнал командиру подводной лодки. Надеюсь, что он успеет вовремя.

— Ты не одинок в этой надежде.

— Извини за путаницу, Джим. ВМС США, как правило, сначала не стреляют, а задают вопросы. Но обнаружено неопознанное подводное судно близко к береговой линии Северной Америки. Кстати, что там делает твой корабль?

— Военно-морские силы не единственные, кто проводит секретные работы, — сказал Сандекер. — Благодарю за содействие.

Он повесил трубку и уставился на экран.

Торпеда бороздила глубины с целью убить, это было задано ее электронному мозгу. Головка детонатора была в пятнадцати секундах от «Дудлбага».

— Погружайтесь, — громко умолял Кинг. — Двенадцать метров до дна. Боже, они не собираются делать это.

Разум Джиордино метался в поисках дополнительных вариантов спасения, но их не оставалось. Спасение было невозможно. Если торпеда не будет уничтожена в следующие несколько мгновений, «Дудлбаг» и три человека внутри него останутся в море навсегда.

Во рту у него пересохло. На этот раз он вел обратный отсчет времени. Во время стресса люди воспринимают странные вещи, которые не соответствуют месту и времени, с необычной ясностью. Джиордино недоумевал, почему он сразу не заметил, что на ногах Сандекера не было вообще никакой обуви.

— На этот раз она собирается попасть в цель, — сказал Книг.

Это была простая констатация факта, не более. На лице отсутствовали вообще какие-либо эмоции, кожа словно выцвела, побелела, когда он поднес руки к глазам, отгораживаясь от экрана.

Компьютеры не передавали никаких звуков, когда торпеда врезалась в «Дудлбаг». Безучастные аппараты не зафиксировали взрыва или скрежета металла, превращающегося в искореженный металлолом. Они не реагировали на крики задыхающихся людей, умирающих в черных и ледяных глубинах.

Одна за другой отключались бездушные машины. Свет экранов померк, терминалы остывали. Они стали безмолвными.

Для них «Дудлбаг» более не существовал.

25

Мерсьер не ощущал энтузиазма по поводу того, что он должен сделать. Ему нравился Джеймс Сандекер, он уважал искренность этого человека и прямолинейность работы организации. Но он не мог отложить немедленный запрос относительно потери «Дудлбага». Он позволил себе не ждать и пошел на риск нарушения безопасности, что заставит средства массовой информации рыскать, подобно стервятникам. Ему нужно было быстро сформулировать планы, чтобы провести адмирала и

Белый дом через всю эту неприятность, не вызывая общенационального гневного протеста.

По внутренней связи раздался голос секретаря.

— Прибыл адмирал Сандекер, сэр.

— Пусть войдет.

Мерсьер почти ожидал увидеть человека, измученного бессонницей, человека, страдающего из-за ненужных смертей и трагедии, но он ошибся.

Сандекер, в адмиральской форме, застегнутой на все пуговицы, украшенной галунами, вошел в кабинет крупным уверенным шагом. Только что раскуренная сигара в уголке рта надежно зажата зубами. Глаза сверкали обычным блеском величия и превосходства. Вид у него был стильный.

— Прошу садиться, адмирал, — сказал Мерсьер, поднимаясь со стула. — Заседание Совета безопасности начнется через несколько минут.

— Имеете в виду инквизицию, — сказал Сандекер.

— Совсем нет. Президент просто желает знать все факты, стоящие за разработкой «Дудлбага», и расставить события последних тридцати шести часов в правильном порядке.

— Вы не теряете времени. Не прошло и восьми часов, как погибли мои люди.

— Это большое несчастье.

— Как еще вы можете назвать это?

— Я не жюри, — спокойно сказал Мерсьер. — Хочу, чтобы вы знали: я искренне сожалею, что проект не удался.

— Готов нести ответственность.

— Мы не ищем козла отпущения, хотим знать лишь факты, которые вы так не хотите раскрыть.

— У меня есть свои причины.

— Нам будет очень интересно выслушать их.

Раздался телефонный звонок внутренней связи.

— Да?

— Все ждут вас.

— Уже идем.

Мерсьер направился к двери.

— Пойдемте.

Они вошли в зал заседаний Белого дома. Синий ковер соответствовал драпировке. На северной стене над камином висел портрет Гарри Трумена. Президент сидел в центре огромного овального стола из красного дерева, спиной к террасе, с которой открывался вид на розарий. Прямо напротив вице-президент делал заметки в блокноте. Присутствовали адмирал Кемпер, министр энергетики доктор Рональд Клейн, госсекретарь Дуглас Оутс и директор ЦРУ Мартин Броган.

Президент подошел и тепло поздоровался с Сандекером.

— Приятно видеть вас, адмирал. Прошу садиться, устраивайтесь удобнее. Полагаю, что вы знакомы со всеми присутствующими.

Сандекер кивнул и сел на свободный стул в конце стола. Он сидел в одиночестве, на расстоянии от остальных.

— А сейчас, — сказал президент, открывая заседание, — надеюсь, вы расскажете нам о вашем таинственном «Дудлбаге».

Секретарь Дирка Питта Зерри Почински вошла в компьютерный зал с чашкой кофе и сэндвичем на подносе. На глазах были слезы. Трудно смириться со смертью босса. Зерри еще полностью не осознала потерю такого близкого человека. Но она точно знала, что почувствует это позднее, когда останется одна.

Джиордино сидел верхом на стуле, локти и подбородок лежали на спинке. Он, не отрывая взгляда, смотрел на ряд бездействующих компьютеров.

Она села рядом с ним.

— Ваш любимый, — тихо сказала она. — Копченая говядина с приправами на пшеничном хлебе.

Джиордино отказался от сэндвича, но выпил кофе. Кофеин не помог смягчить чувство разочарования и безысходности, вызванные смертью Питта и всех остальных, и злости на собственное бессилие предотвратить это.

— Почему бы вам не пойти домой и немного поспать, — сказала Зерри. — Оставаясь здесь, всё равно ничего не добьетесь.

Джиордино заговорил, словно в трансе:

— Мы с Питтом прошли через многое.

— Да, знаю.

— Мы играли вместе в футбол в средней школе. Он был самым сильным и непредсказуемым полузащитником в лиге.

— Вы забыли, что я присутствовала, когда вы вдвоем предавались воспоминаниям. Могу всё воспроизвести слово в слово.

Джиордино повернулся к ней и улыбнулся.

— Неужели мы были настолько плохи?

Зерри в ответ улыбнулась сквозь слезы.

В дверь вошла команда компьютерных техников. К Джиордино подошел начальник.

— Извините, что прерываю вас, но у меня приказ закончить работу над проектом и отправить аппаратуру в другой отдел.

— Вовремя стереть все доказательства, не так ли?

— Сэр?

— Ты уточнил это у доктора Клейна?

Служащий торжественно кивнул головой.

— Два часа назад. Перед тем как он вышел из здания.

— Пойдемте, — сказала Зерри. — Я помогу.

Джиордино покорно встал на ноги и потер свои разболевшиеся глаза. Он открыл дверь и жестом пригласил Зерри выйти первой. Пошел за ней, но на пороге внезапно остановился.

Он едва не пропустил это. Позднее он так и не смог понять, какой необъяснимый позыв заставил его обернуться, чтобы бросить последний взгляд.

Мерцание света было настолько мгновенным, что он не заметил бы его, если глаза не смотрели бы в нужном направлении в нужный момент. Он закричал на техника, который только что отключил питание.

— Включить все снова!

— Зачем? — требовательно спросил техник.

— Проклятье! Включи питание немедленно!

Одного взгляда на искаженные черты лица Джиордино было вполне достаточно. На этот раз вопросов не последовало. Техник выполнил, что ему приказали.

Внезапно зал потерял свои размеры. Все вспоминают, что стали свидетелями рождения какого-то фантастического видения. Все, кроме Джиордино. Он замер на месте, губы растянулись в удивленной, радостной улыбке.

Один за другим оживали все компьютеры.

— Позвольте мне поставить вопрос прямо, — сказал президент с сомнением на лице. — Вы говорите, что «Дудлбаг» способен видеть сквозь десять миль сплошной коренной породы?

— И распознавать более пятидесяти различных минералов и следовые концентрации металлов в них, — ответил Сандекер, не моргнув глазом. — Да, господин президент, я говорил именно это.

— Не думаю, что это возможно, — сказал директор ЦРУ Броган. — Электромагнитные приборы обладают ограниченными возможностями измерения удельного сопротивления подземных минералов, безусловно, ничего похожего на этот названный масштаб.

— Почему исследования для проекта такого значения и последующая разработка проводились без уведомления президента и конгресса? — задал вопрос вице-президент.

— Прежний президент знал, — объяснил Сандекер. — У него была страсть к поддержке футуристических концепций. Он секретно финансировал тайно задуманный проект танка, названный «Мета-секцией». Ученые «Мета-секции» и разработали «Дудлбаг». Под покровом секретности планы передали в Государственное агентство подводных и морских научных исследований. Президент обеспечил поступление финансирования, мы построили его.

— И он действует? — давил президент.

— Доказательства положительные, — ответил Сандекер.

— В наших первоначальных испытаниях обнаружены залежи золота, марганца, хрома, алюминия и, по меньшей мере, десятка других элементов, включая уран, доступных для промышленной разработки и добычи.

На лицах людей вокруг стола появились различные выражения. Президент странно смотрел на Сандекера. Лицо адмирала Кемпера сохраняло безмятежность. Остальные явно не верили ни единому слову.

— Вы даже предполагаете, что можете определить объем залежей, а также дать оценку стоимости? — с сомнение в голосе спросил Дуглас Оутс.

— За считанные минуты после обнаружения элемента или минерала «Дудлбаг» дает точную оценку данных запасов руды, проектную стоимость разработки, возможный доход и точные координаты месторождения.

Если аудитория Сандекера изначально была настроена скептически, то сейчас она выражала полное недоверие. Министр энергетики Клейн задал вопрос, который был у всех на уме:

— Как действует этот аппарат?

— Тот же самый основной принцип радара или морских глубинных эхолотов с тем исключением, что «Дудлбаг» передаст резко сфокусированный, концентрированный импульс энергии. Этот высокоэнергетический луч, теоретически аналогичный радиостанции, передающей различные оттенки звука по воздуху, выдает различные частоты сигналов, которые отражаются от геологических формаций, встречающихся ему. Мои инженеры называют это модуляций развертки. Можно сравнить это с криком в каньоне. Когда голос сталкивается со стеной коренной породы, вы слышите далекое эхо. Но если на пути встречаются деревья и другая растительность, то поступает приглушенное эхо.

— Но я так и не понимаю, как он может определять отдельные минералы, — сконфуженно спросил Клейн.

— Каждый минерал, каждый элемент в составе земли резонирует на своей собственной частоте. Медь резонирует на частоте около двух тысяч герц. Железо на частоте две тысячи двадцать герц. Цинк на частоте четыре тысячи. Глина, коренные породы и песок дают свои собственные отклики, определяющие качество сигнала, который поступает на их поверхность и отражается от нее. На дисплее компьютера изображение похоже на яркий поперечный разрез земли, потому что различные формации закодированы цветом.

— А глубина залежи полезного ископаемого определяется по времени запаздывания сигнала, — прокомментировал адмирал Кемпер.

— Вы правы.

— Мне кажется, что сигнал слабеет и искажается по мере углубления в недра, — сказал Мерсьер.

— Да, — подтвердил Сандекер. — Луч теряет энергию по мере прохождения через различные слои земли. Но, регистрируя каждый

слой во время прохождения луча, мы научились ожидать и понимать различные отражения. Мы называем это отслеживанием плотности. Компьютеры анализируют и передают откорректированные данные в цифровой форме.

Президент беспокойно заерзал на стуле.

— Это кажется совершенно невозможным.

— Но, тем не менее, это совершенно реально, — сказал Сандекер. — Дело сводится к тому, джентльмены, что флот из десяти «Дудлбагов» может исследовать все дно мирового океана за пять лет.

В зале воцарилась полная тишина. Затем Оутс с уважением пробормотал:

— Боже, непостижимый потенциал.

Директор ЦРУ Броган спросил, наклоняясь через стол:

— Существует ли хоть малая возможность, что русские разрабатывают аналогичный аппарат?

Сандекер отрицательно покачал головой.

— Не думаю. Всего несколько месяцев назад у нас не было технологии для совершенствования высокоэнергетического луча. Им потребуется десятилетие, чтобы догнать нас.

— Еще один вопрос, — сказал Мерсьер. — Почему выбрано море Лабрадор? Почему испытания «Дудлбага» не проводятся на нашем континентальном шельфе?

— Я полагал, что лучше всего провести испытания в изолированном районе, удаленном от оживленного морского движения.

— Но почему так близко к канадским берегам?

— «Дудлбаг» наткнулся на признаки нефти.

— Нефти?

— Да. След ведет в пролив Гудзона на севере Ньюфаундленда. Я приказал «Дудлбагу» отклониться от заданного курса и проследовать в канадские территориальные воды. Ответственность за потерю моего самого дорогого друга, его экипажа и научно-исследовательского подводного аппарата лежит только на мне одном. Больше никто не виноват.

Адъютант бесшумно вошел в зал и предложил кофе. Подойдя к Сандекеру, он положил около его локтя записку. В ней говорилось:

«Нужно срочно увидеться. Джиордино».

— Может быть, следует объявить короткий перерыв, — сказал Сандекер. — У одного из моих служащих есть новая информация о трагедии.

Президент бросил на него понимающий взгляд и кивнул в сторону двери.

— Конечно. Пусть он присоединяется к нам.

Джиордино провели в зал заседаний, его лицо сияло.

— Появился «Дудлбаг» и все, находящиеся на борту, — выпалил он без преамбулы.

— Что случилось? — воскликнул Сандекер.

— Торпеда ударилась о выступающие горы в пятидесяти метрах от погружаемого аппарата. Толчок вызвал короткое замыкание главных терминалов. Для устранения неполадок Питту и его людям потребовалось время, около часа назад они закончили ремонт и восстановили связь.

— Никто не ранен? — спросил адмирал Кемпер. — Корпус остался герметичным?

— Синяки и ушибы, — ответил Джиордино как в телеграмме. — Один сломанный палец. О протечках сообщений нет.

— Слава Богу, они целы, — сказал президент, и все заулыбались.

Джиордино более не мог оставаться сдержанным.

— Я не сказал о самом приятном.

Сандекер вопросительно посмотрел на него.

— Самом приятном?

— Сразу после того, как были восстановлены компьютеры, анализаторы словно сошли с ума. Поздравления, адмирал. «Дудлбаг» нашел прадедушку стратиграфических ловушек.

Сандекер напрягся.

— Они нашли нефть?

— Первоначальные данные дают основания предполагать наличие месторождения на площади длиной девяносто пять миль на три четверти мили шириной. Перспектива добычи потрясающая. Общий запас оценивается в восемь миллиардов баррелей нефти.

Никто из сидящих за столом не мог вымолвить ни слова. Могли лишь продолжать сидеть, размышляя над безграничными последствиями этого открытия.

Джиордино открыл атташе-кейс и передал Сандекеру стопку бумаг.

— У меня не было времени перевязать ее ленточкой, но здесь предварительные цифры, расчеты и перспективы, включая оценочную стоимость бурения и добычи. Доктор Кинг составит краткий отчет после того, как «Дудлбаг» завершит более подробное обследование месторождения.

— Куда точно попала торпеда? — спросил Клейн.

Джиордино развернул морскую карту на столе перед президентом. Начал карандашом показывать курс, по которому следовал «Дудлбаг».

— После близкого промаха торпеды экипаж выполнил маневры уклонения. На борту не знали о том, что подводной лодке дан приказ прекратить атаку. Уходя на северо-запад по дуге из моря Лабрадор, они держались ближе к морскому дну, проходя по проливу Грей южнее островов Баттон, и вошли в залив Унгава. Здесь, — Джиордино сделал паузу, чтобы отметить место на карте, — они открыли нефтяное месторождение.

В глазах президента сразу исчезло радостное возбуждение.

— Значит, оно не около берегов Ньюфаундленда?

— Нет, сэр. Граница, проходящая по периферии Ньюфаундленда, заканчивается в точке земли на входе в пролив Грей. Месторождение нефти открыто в водах Квебека.

На лице президента появилось выражение полного разочарования. Он и Мерсьер смотрели друг на друга с абсолютным пониманием.

— Из всех мест во всем северном полушарии, — сказал президент почти шепотом, — оно почему-то оказалось именно в Квебеке.

Часть III

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЙ ДОГОВОР

Апрель 1989 г. Вашингтон

26

Питт бросил заметки Хейди по Североатлантическому договору в кейс и кивнул, когда стюардесса авиалинии проверяла, застегнуты ли ремни безопасности и находится ли спинка его кресла в вертикальном положении. Он помассировал виски, бесполезно стараясь избавиться от

головной боли, которая беспокоила его с тех пор, как он сделал пересадку в аэропорту Сент-Джонса на острове Ньюфаундленд.

Сейчас, когда уже закончены изнурительные морские испытания «Дудлбага», небольшое научно-исследовательское судно подняли на корабль-носитель и отправили в Бостон на ремонт и модификацию. Билл Ласки и Сэм Квейл сразу же отправились в недельный отпуск к своим семьям. Питт завидовал им. Он не мог позволить себе роскошь отдыхать. Сандекер приказал ему вернуться в штаб Государственного агентства подводных и морских научных исследований для доклада об экспедиции из первых уст.

Шасси самолета коснулись взлетно-посадочной полосы Национального аэропорта Вашингтона за несколько минут до семи часов. Питт оставался в своем кресле, пока остальные пассажиры преждевременно толпились в проходах. Дирк вышел из самолета последним, заранее зная, что все равно придется ждать багаж.

Он нашел свою машину, красный «форд-кобра» 1966 года, на стоянке, где ее оставила его секретарь. К рулю была прикреплена записка:

«Дорогой босс,

добро пожаловать домой.

Простите, что не осталась, чтобы встретить вас, но у меня свидание. Спокойно поспите сегодня.

Я сказала адмиралу, что ваш самолет прилетит не раньше, чем завтра вечером. Оставьте этот день для себя.

Зерри.

P. S. Совершенно забыла, как управлять большой старой машиной. Забавно, забавно, но какой большой расход газа на милю!»

Питт улыбнулся, включил стартер, с удовольствием прислушиваясь, как оживает двигатель объемом 427 кубических дюймов. Ожидая, пока показания температурного датчика установятся на стрелке «тепло», прочитал записку второй раз.

Зерри Почински была жизнерадостной девушкой, на хорошеньком личике почти всегда заразительная улыбка, карие глаза озорные и теплые. Ей тридцать, никогда не была замужем, загадка для Питта, полненькая. Длинные, желтовато-коричневые волосы спадают ниже плеч. Он подумывал о романе с ней. Довольно часто получал сдержанные сигналы. Но, к сожалению, Дирк давно понял, что того, кто вступает в игры со своими служащими, ожидают неприятности.

Питт прогнал ее образ и включил передачу. Старая двухместная «кобра» со складывающейся крышей рванула с места и, визжа шинами, выехала на магистраль, ведущую от аэропорта. Он повернул от столичного города и направился на юг вдоль реки Потомак. Двигатель работал без усилий, когда Питт обогнал поток малолитражек, движущихся в хвосте оживленного вечернего движения.

В небольшом городке Гаага он свернул с магистрали и поехал по узкой дороге к Коулз-Пойнт. Когда показалась река, он начал изучать имена на сельских почтовых ящиках. В свете фар появилась пожилая женщина, прогуливающая крупного ирландского сеттера.

Питт остановил машину и выглянул в пассажирское окно.

— Прошу прощения, покажите, пожалуйста, дорогу к дому Эссекса.

Она подозрительно посмотрела на Питта и указала в направлении, откуда он приехал. — Вы пропустили его дом еще полмили назад. Ворота с железными львами. — Да, вспоминаю, что видел их.

Питт еще не успел пойти на разворот, как женщина наклонилась к открытому окну.

— Вы не застанете его дома. Мистер Эссекс уехал дней пять назад.

— Знаете, когда он вернется? — спросил Питт.

— Кто же знает? — она пожала плечами. — Он часто закрывает дом и уезжает в Палм-Спрингс в это время года. Ему легко, он один. Единственный способ узнать, что он уехал в пустыню, — это его переполненный почтовый ящик.

Из всех людей, у которых он мог спросить дорогу, Питт выбрал соседку-сплетницу.

— Спасибо, — сказал он. — Вы мне очень помогли.

Внезапно морщинистое лицо женщины превратилось в маску дружелюбия, ее голос стал слащавым.

— Если у вас для него сообщение, можете оставить его мне. Я уж обязательно передам. Обычно забираю всю его корреспонденцию. И газеты.

Питт взглянул на нее.

— Он не просит прекратить доставку газет?

Она покачала головой.

— Ему всё равно, доставляют их или нет. Когда на днях мой мальчик работал на прудах, то говорит, что видел, как пар шел из вентиляционных отверстий дома Эссекса. Можете представить — уехал, не отключив отопление. Ненужный расход, особенно учитывая дефицит энергии.

— Вы сказали, что мистер Эссекс живет один?

— Жена умерла десять лет назад, — ответила болтливая соседка. — Трое детей разбросаны по всему свету. Вряд ли пишут бедняге.

Питт еще раз поблагодарил ее и закрыл окно, не давая женщине возможности снова просунуть голову.

Ему не нужно было смотреть в зеркало обратного вида: Дирк знал, что она следила за машиной, пока он не повернул в проезд к дому Эссекса.

Питт проехал мимо деревьев, припарковал «кобру» перед домом и заглушил двигатель, но фары оставил включенными. Посидел немного в машине, слушая приглушенные гудки с другого берега реки в Мэриленде. Ночь была ясная и прохладная. Огни сверкали на реке, как рождественские украшения.

Дом стоял темный и безмолвный.

Питт обошел вокруг гаража. Поднял главную дверь на хорошо смазанных шарнирах и, заглянув в гараж, увидел два автомобиля, стоящих носом к воротам, полированные детали на решетках и бамперах сверкали, освещенные фарами «кобры». Одна из машин была компактным, крошечным «фордом» с передним двигателем, высокоэкономичная модель. Вторая — более старый «кадиллак-броухем», одна из последних моделей больших машин. Обе были покрыты тонким слоем пыли.

Интерьер «кадиллака» в идеальном порядке, одометр показывал только 6400 миль. Обе машины выглядели совершенно новыми, словно из демонстрационного зала; даже под крыльями не было дорожной грязи. Питт начал постепенно проникать во внутренний мир Эссекса. Судя по заботливому уходу, у бывшего посла была страсть к автомобилям. Он был дисциплинированным и педантичным человеком.

Дирк закрыл дверь гаража и повернулся к дому. Сын встретившейся ему женщины прав. Отдельные клубы беловатого пара поднимались из вентиляционных труб на крыше, исчезая в потемневшем небе. Он подошел к парадному входу, нашел кнопку звонка и нажал ее. Ответа не последовало, никакого движения за окнами, занавески которых не были задернуты. Только потому, что это было естественно, он нажал ручку двери.

Она открылась.

Питт удивился. Незапертая входная дверь не предусматривалась; также не предусматривался запах разложения, проникающий через порог и бьющий в ноздри.

Он вошел внутрь, оставляя за собой дверь открытой. Нашел выключатель и включил свет. В прихожей никого не было, никого не было и в соседней столовой. Он начал быстро осматривать дом, начиная со спален наверху. Казалось, что ужасный запах преследует его повсюду. Нельзя было определить, откуда он исходит. Питт спустился вниз и проверил гостиную и кухню. Он едва не пропустил кабинет, полагая, что закрытая дверь ведет в туалет.

Джон Эссекс сидел в очень мягком кресле, рот открыт, голова на боку, застыла в агонии, очки гротескно свисают с уха. Когда-то блестящие голубые глаза потухли и ввалились в череп. Разложение началось очень быстро, потому что термостат в комнате был установлен на 75° по Фаренгейту. Пожилой человек продолжал сидеть в такой позе, не обнаруженный никем в течение месяца, скоропостижно умерев, как потом установит коронер, в результате образования тромба в артерии. В течение двух первых недель тело позеленело и раздулось, оторвав пуговицы от рубашки Эссекса. Затем после свертывания и испарения внутренних жидкостей труп стал сжиматься и высыхать, кожа затвердела до состояния дубленой.

На лбу Питта выступил пот. Он был на грани потери сознания от спёртого воздуха и зловония в помещении. Прижав носовой платок к носу и пытаясь сдержать рвоту, он опустился на колени перед трупом Джона Эссекса. На коленях лежала книга; на уголке обложки выгравирована лапа с когтями. Холодный палец жуткого трупа был направлен к шее Питта. Ему и раньше приходилось сталкиваться со смертью, но у него всегда была одна и та же реакция: чувство отвращения, которое постепенно уступало место пугающему пониманию, что когда-нибудь и он сам превратится в разлагающийся труп в кресле.

Испытывая сомнения, словно опасаясь, что Эссекс может проснуться, осторожно взял книгу. Затем включил настольную лампу и пролистал страницы. Похоже, что это некое подобие дневника или личного журнала. Посмотрел на заглавие. Казалось, что слова выступают вверх из пожелтевшей бумаги.

Личные наблюдения
Ричарда Эссекса.
Апрель 1914 г.

Питт сел за письменный стол и начал читать. Приблизительно через час встал и посмотрел на останки Джона Эссекса, отвращение сменилось выражением, полным жалости.

— Несчастный старый дурак, — сказал он с печалью в глазах.

Затем выключил свет и ушел, оставляя бывшего посла в Англии снова одного в темной комнате.

27

Воздух стал тяжелым от запаха черного пороха, когда Питт шел позади ряда энтузиастов стрельбы из ружей, заряжаемых со ствола, на стрельбище в окрестностях Фредериксберга, штат Виргиния. Остановился около лысого человека, который сидел, перегнувшись через скамейку, напряженно вглядываясь в прицел ружья длиной сорок шесть дюймов.

Джо Эпштейн, журналист газеты «Балтимор сап» в течение рабочего времени и настойчивый стрелок черным порохом по уик-эндам, осторожно спустил курок. Последовал резкий звук выстрела, вслед за которым появился небольшой черный дымок. Эпштейн проверил попадание взглядом в телескоп и начал снова насыпать порох в ствол.

— Пока ты заряжаешь ружье, индейцы будут уже рядом, — сказал Питт с широкой улыбкой.

Глаза Эпштейна засияли, как только он узнал Питта.

— Знай, что я могу выстрелить четыре раза в минуту, если захочу.

Он проталкивал свинцовый шарик в ствол.

— Пытался дозвониться до тебя.

— Был в отъезде, — коротко сказал Питт.

Кивнув в сторону ружья, спросил:

— Что это?

— Кремневое ружье. Семьдесят пятый калибр. Было на вооружении английских солдат во время Войны за независимость.

Он передал ружье Питту.

— Хочешь попробовать?

Питт сел на скамью и прицелился в мишень на расстоянии двух сотен ярдов.

— Тебе удалось что-нибудь откопать?

— В газетном офисе есть микрофильм с обрывками информации.

Эпштейн положил немного пороха в углубление затвора.

— Задачка в том, чтобы не вздрогнуть, когда воспламенится порох в затворе.

Питт оттянул механизм затвора. Затем прицелился и спустил курок. Запал воспламенился почти у него на глазах и пошел по стволу. Заряд в стволе взорвался мгновеньем позже, отдача в плечо была такой, словно его протаранил копер.

Эпштейн пристально смотрел в телескоп.

— Восемь дюймов от неподвижного центра. Совсем неплохо для городского парня.

По громкой связи объявили о прекращении стрельбы. Стрелки отложили свое оружие и направились вперед для замены мишеней.

— Пойдем, и я расскажу тебе, что нашел.

Питт молча кивнул и пошел за Эпштейном по склону к участку с мишенями.

— Ты дал мне два имени, Ричард Эссекс и Харви Шилдс. Эссекс был младшим госсекретарем. Шилдс — его британский коллега, заместитель министра министерства иностранных дел. Оба усердно работали. Очень небольшая общественная известность. Выполняли свою работу за сценой. Очевидно, были теневыми фигурами.

— Ты только тянешь время. Должно быть больше.

— Совсем мало. Насколько мне известно, они никогда не встречались, по меньшей мере, в своих официальных ролях.

— У меня есть фотография, на которой они вместе выходят из Белого дома.

Эпштейн пожал плечами.

— Мое четырехсотое ошибочное заключение за год.

— Что произошло с Шилдсом?

— Он утонул на борту «Императрицы Ирландии».

— Мне известно об «Императрице». Пассажирский лайнер, затонувший в реке Святого Лаврентия после столкновения с норвежским угольщиком. Погибло более тысячи человек.

Эпштейн кивнул.

— Никогда не слышал об этом, пока не прочитал некролог Шилдса. Это было одной из самых страшных катастроф века.

— Странно. «Императрица», «Титаник», «Лузитания». Все погибли друг за другом в течение трех лет.

— Как бы то ни было, но тело так и не нашли. Его семья отслужила поминальную службу в какой-то небольшой деревушке в Уэльсе с непроизносимым названием. Вот и всё, что я могу сказать о Харви Шилдсе.

Они подошли к мишеням. Эпштейн принялся их изучать.

— Сгруппированы на шести дюймах, — сказал он. — Совсем неплохо для старого стрелка.

— Пуля семьдесят пятого калибра делает большую дыру, — сказал Питт, рассматривая пробитую мишень.

— Представь, что она делает с человеком.

— Лучше не стоит.

Эпштейн заменил мишень, и они пошли обратно к линии огня.

— Так что же об Эссексе? — спросил Питт.

— Что я могу рассказать тебе, чего бы ты еще не знал?

— Для начала — как он умер.

— Крушение поезда, — ответил Эпштейн. — Над рекой Гудзон разрушился мост. Сто человек погибло. Эссекс был одним из них.

Питт задумался.

— Где-то в забытых записях округа, в котором произошло крушение, должны быть зарегистрированы травмы, обнаруженные на теле.

— Маловероятно.

— Почему ты так говоришь?

— А вот сейчас мы подошли к самой интригующей параллели между Эссексом и Шилдсом.

Он сделал паузу и посмотрел на Питта.

— Оба погибли в один и тот же день. Двадцать восьмое мая тысяча девятьсот четырнадцатого года, ни одно из тел не найдено.

— Прекрасно, — вздохнул Питт. — Дождь так и не начался. Но я не ожидал, что всё до такой степени продумано.

— Расследование прошлого никогда не...

— Совпадение дня смерти Эссекса и Шилдса кажется нереальным. Не был ли это заговор?

Эпштейн покачал головой.

— Сомневаюсь в этом. Происходят непонятные вещи. К тому же, зачем топить корабль и убивать тысячу душ, когда можно просто сбросить за борт Шилдса где-нибудь посреди Атлантического океана?

— Конечно, ты прав.

— Ты не хочешь рассказать мне, ради чего вся эта затея?

— Сам еще не знаю, во что всё это выльется.

— Если в этом есть то, что достойно освещения в печати, надеюсь, ты посвятишь меня.

— Слишком рано говорить о гласности. Возможно, за этим вообще ничего не стоит.

— Я слишком давно знаю тебя, Дирк. Ты никогда не занимаешься тем, что не имеет никакого значения.

— Давай просто скажем, что я любитель исторических тайн.

— В таком случае, у меня для тебя есть еще одна.

— Отлично, выкладывай.

— Дно реки под мостом драгировали в течение месяца и более. Не удалось поднять ни одного тела пассажира или членов команды.

Питт пристально смотрел на Эпштейна.

— Не верю этому. Могло же течение вынести на берег хоть несколько тел.

— Это только половина того, что удалось узнать, — осторожно сказал Эпштейн. — Не нашли также и поезд.

— Господи Иисусе!

— Только из профессионального любопытства я прочитал материал о «Манхеттен лимитед», так он назывался. Водолазы спускались под воду в течение многих недель после трагедии, но достать ничего не смогли. Сообщали, что паровоз и все вагоны поглощены зыбучими песками. Директора Северной железной дороги «Нью-Йорк — Квебек» истратили целое состояние, пытаясь найти хотя бы следы крушения поезда. Ничего

не добились и, в конце концов, бросили заниматься этим. Вскоре после этого вся линия перешла в ведомство «Нью-Йорк сентрал».

— И дело этим кончилось.

— Нет, не совсем, — ответил Эпштейн. — Говорят, что этот поезд до сих пор появляется, как призрак.

— Ты шутишь.

— Честное слово. Местные жители в долине реки Гудзон клянутся, что видели, как призрачный поезд поворачивает с берега и направляется к старому мосту перед тем, как исчезнуть. Естественно, всё это происходит после наступления темноты.

— Разумеется, — ответил Питт с сарказмом. — Ты забыл еще полнолуние и леденящие душу вопли.

Эпштейн пожал плечами, затем рассмеялся.

— Думал, что тебе придется по душе налет таинственности.

— У тебя есть все эти россказни в напечатанном виде?

— Конечно. Думал, что тебе они понадобятся. Пять фунтов материала о катастрофе «Императрицы» и о расследованиях, проведенных относительно разрушения моста над рекой Гудзон. Мне удалось найти адреса и имена тех немногих людей, которые занимаются частным расследованием катастроф кораблей и крушений поездов. Всё это аккуратно упаковано в конверт и лежит в машине.

Эпштейн направился к стоянке стрельбища.

— Сейчас принесу.

— Ценю потраченное тобой время и вложенные усилия.

Эпштейн серьезно посмотрел на него.

— Еще один вопрос, Дирк, ты должен мне это.

— Да, я должен тебе это, — подтвердил Питт.

— Это проект Государственного агентства по подводным и морским научным следованиям или твоя собственная затея?

— Исключительно личное дело.

— Понимаю, — сказал Эпштейн, глядя в землю и подкидывая ногой камушек. — Ты знаешь, что недавно нашли мертвым потомка Ричарда Эссекса?

— Джона Эссекса. Да, знаю.

— Один из наших репортеров писал об этом. — Эпштейн сделал паузу и кивнул в сторону «кобры» Питта. — За час до анонимного звонка о его смерти соседка видела человека, по описанию похожего на тебя, в красной спортивной машине, который расспрашивал о том, как проехать к дому Эссекса.

— Совпадение, — пожал плечами Питт.

— Совпадение — твоя задница, — сказал Эпштейн. — Что, черт возьми, ты собираешься делать?

Несколько шагов Питт прошел в полном молчании с суровым выражением палице. Затем слегка улыбнулся. Эпштейн мог поклясться, что в этой улыбке был оттенок дурного предзнаменования.

— Верь мне, друг, когда я говорю, что тебе не нужно ничего знать.

28

Дом Грэма Хамберли стоял на вершине холма в Палос-Вердес, шикарном спальном районе Лос-Анджелеса. Архитектура представляла собой смесь современного и калифорнийского испанского стилей с грубо оштукатуренными стенами и потолками, украшенными массивными старыми потолочными перекрытиями. Крыша покрыта фигурной красной плитой.

Вода из огромного фонтана на главной террасе выливалась в круглый плавательный бассейн. С террасы открывался вид на море городских огней на востоке, а с обратной стороны дома — на Тихий океан и остров Каталина на западе.

Когда Шо вошел в дом Хамберли, его приветствовала музыка оркестра и невнятный шум сотен голосов. Бармены лихорадочно смешивали галлоны коктейля «текила Маргарита», а буфетчики спешно пополняли острые мексиканские блюда на буфетном столе, который, казалось, уходил в бесконечность.

Приблизился невысокий человек, голова которого казалась слишком большой для его плеч. Он был в черной обеденной куртке с восточным драконом на спине.

— Привет, я Грэм Хамберли, — сказал он с доброжелательной улыбкой. — Добро пожаловать на вечер.

— Брайан Шо.

Улыбка не изменилась.

— О, да, мистер Шо. Простите, что не узнал вас, но наши общие друзья не прислали мне фотографию.

— У вас совершенно потрясающий дом. Ничего похожего в Англии нет.

— Спасибо. Но все комплименты должны быть адресованы только моей жене. Я предпочитаю нечто более провинциальное. К счастью, у нее вкус лучше.

«Акцент Хамберли говорит о Корнуолле», — подумал Шо.

— Коммандер Миллиган здесь?

Хамберли взял его под руку и отвел в сторону.

— Да, она здесь, — мягко сказал он. — Пришлось пригласить всех офицеров корабля, чтобы она точно пришла. Пойдем, я представлю вас.

— Я не расположен к светским любезностям, — сказал Шо. — Предположим, вы укажете мне на нее, а я уже справлюсь со всем остальным сам.

— Как скажете.

Хамберли изучал всех, снующих на террасе. Затем его взгляд остановился, он кивнул в сторону бара.

— Высокая, довольно привлекательная женщина со светлыми волосами.

Шо сразу увидел ее в кругу восхищающихся военно-морских офицеров в белой форме. Казалось, что ей было где-то около тридцати пяти, она излучала тепло, так недостающее большинству женщин. Принимала оказываемое ей внимание естественно, без признаков кокетства. Шо с первого взгляда понравилось то, что он увидел.

— Может быть, мне стоит расчистить путь к ней, — сказал Хамберли.

— Не беспокойтесь, — ответил Шо. — Между прочим, нет ли машины, которую я могу позаимствовать?

— У меня целый парк машин. Что вы хотите? Лимузин с шофером?

— Что-нибудь более соответствующее случаю.

Хамберли на мгновенье задумался.

— Подойдет «роллс-ройс» с открывающимся верхом?

— Вполне.

— Увидите его в проезде, ключи будут в замке зажигания.

— Спасибо.

— Не стоит. Удачной охоты.

Хамберли вернулся к обязанностям хозяина. Шо направился к бару и, расталкивая всех плечами, подошел к Хейди Миллиган. Молодой светловолосый лейтенант бросил на него возмущенный взгляд.

— Не слишком ли толкаетесь, отец?

Шо не обратил на него ни малейшего внимания и улыбнулся Хейди.

— Коммандер Миллиган, я адмирал Брайан Шо. Можно вас отвлечь на словечко… одну?

Хейди в течение мгновенья изучала его лицо, стараясь поставить его на место. Сдалась и кивнула.

— Конечно, адмирал.

У светловолосого лейтенанта был крайне смущенный вид.

— Простите, сэр. Но я думал…

Шо великодушно улыбнулся ему.

— Запомни навсегда, парень: врага нужно знать в лицо.

— Мне нравится ваш стиль, адмирал, — стараясь перекричать ветер, крикнула Хейди.

Шо нажал на акселератор еще на полдюйма, «роллс-ройс» рванул на север по трассе на Сан-Диего. У него не было задумано какое-то определенное место назначения, когда они уходили с вечеринки вместе с Хейди. Прошло тридцать лет с тех пор, когда он в последний раз видел Лос-Анджелес. Вел машину бесцельно, ориентируясь лишь по дорожным знакам, не имея никакой уверенности в том, куда они приведут.

Посмотрел на нее уголком глаза. Ее глаза широко открыты, сверкают от возбуждения. Почувствовал, как она крепко сжала ему руку.

— Давайте поедем медленнее, — попросила она, — пока нас не остановила полиция.

Это совсем не нужно. Шо отпустил педаль газа, и машина сбросила скорость до допустимого уровня. Включил радио, в машине раздались звуки вальса Штрауса. Он начал искать другую станцию, она дотронулась до его руки.

— Нет, оставьте эту.

Откинулась назад на сиденье и смотрела на звезды.

— Куда мы едем?

— Излюбленное развлечение шотландцев, — засмеялся он. — Похищение женщин.

— Не годится, — засмеялась она. — Я уже за три тысячи миль от дома.

— И к тому же без формы.

— Правило ВМС: женщинам-офицерам разрешается носить гражданскую одежду при выполнении общественных функций.

— Трижды поздравляю американские военно-морские силы.

Она задумчиво посмотрела на него.

— Никогда не была знакома с адмиралом, который умел водить бы «роллс-ройс».

Он улыбнулся.

— Нас десятки на берегу, старых британских морских волков, которых не увидишь в другой машине.

— Трижды поздравляю ваши военно-морские силы, — засмеялась она.

— Серьезно, я сделал несколько мудрых инвестиций, когда командовал частью ВМС на Цейлоне.

— Что делаете сейчас, после отставки?

— В основном пишу. Исторические книги. «Нельсон в битве на Ниле», «Адмиралтейство в первой мировой войне», книги такого рода. Едва ли их можно назвать бестселлерами, но престижа вполне достаточно.

Она странно посмотрела на него.

— Вы издеваетесь надо мной.

— Прошу прощения?

— Вы на самом деле пишете книги по истории военно-морских сил?

— Конечно, — невинно ответил он. — Зачем мне лгать?

— Невероятно, — прошептала Хейди. — Я тоже, но еще не публикуюсь.

— Должен сказать, что невероятно это, — сказал Шо, по возможности сделав всё, чтобы показать своё удивление.

Затем потянулся к ее руке, нашел ее и слегка пожал.

— Когда ты должна вернуться на борт корабля?

Он почувствовал, что она слегка задрожала.

— Никакой спешки.

Он посмотрел на огромный зеленый знак с белыми буквами, когда он промелькнул мимо.

— Ты была в Санта-Барбаре?

— Нет, — ответила она почти шепотом. — Но слышала, что там красиво.

Утром именно Хейди заказала завтрак в службе обслуживания номеров. Когда наливала кофе, почувствовала восторг от прилива волны теплоты, охватившей ее. Любовь с незнакомцем после всего лишь получасового знакомства с ним вызвала внутреннее глубокое волнение, которое она не ощущала никогда раньше. Это ощущение было особенным для нее.

Она может легко перечислить всех своих мужчин: перепуганный курсант военно-морского училища в Аннаполисе, ее бывший муж, адмирал Вальтер Басс, Дирк Питт и теперь Шо… Она совершенно ясно видела их всех, словно они построились на смотр. Всего пять, достаточно, чтобы составить армию, хотя и значительно меньше взвода.

Почему так происходит, удивлялась она, чем старее становится женщина, тем больше она сожалеет, что не была в постели с большим количеством мужчин. Это вызвало у нее раздражение к самой себе. Она была слишком осторожной в свои молодые года, боялась показаться слишком нетерпеливой, никогда не могла заставить себя завести случайную связь.

Как глупо с ее стороны, подумала она. В конце концов, она часто ощущала, что получает десятикратное физическое удовольствие от любого мужчины. Её экстаз исходил из нее самой. Мужчины, знала она, получали удовольствие чисто внешнего характера. Казалось, что они полагаются больше на воображение, часто впоследствии ощущают разочарование. Секс для них не более чем поход в кинотеатр; женщина требует значительно большего… слишком многого.

— У тебя грустный вид сегодня утром, — сказал Шо.

Он погладил ее по голове и поцеловал в шею сзади.

— Испытываешь угрызения совести в холодных лучах рассвета?

— Скорее погрузилась в приятные воспоминания.

— Когда отплываешь?

— Послезавтра.

— Значит, у нас еще есть время.

Она покачала головой.

— Я буду на вахте, пока мы не отплывем.

Шо подошел к скользящим стеклянным дверям номера отеля с видом на океан и посмотрел на него. Видимость была всего несколько сотен футов. Все побережье Санта-Барбары окутал густой туман.

— Просто ужас, — сказал с сожалением. — У нас так много общего.

Она подошла и обняла его за талию.

— Что у тебя на уме? Любовь ночью и изучение днем?

Он рассмеялся.

— Американцы и их непосредственный юмор. Хотя и не совсем плохая идея. Мы прекрасно дополняем друг друга. О чем ты пишешь в данный момент?

— Работаю над докторской диссертацией. Военно-морские силы в период администрации президента Вильсона.

— Звучит страшно скучно.

— Так и есть.

Хейди замолчала и задумалась. Затем сказала:

— Ты когда-нибудь слышал о Североамериканском договоре?

Наконец-то, вот оно. Никаких уговоров, никакой интриги, никаких мучений. Она просто сама заговорила об этом.

Шо сразу не ответил. Он тщательно продумывал ответ.

— Да, вспоминаю, что-то встречалось.

Хейди взглянула на него, открыла рот, но ничего не произнесла.

— У тебя странное выражение на лице.

— Тебе известно о договоре? — с изумлением спросила она. — Ты видел ссылки на него?

— Никогда не читал точную формулировку. Дело в том, что совершенно забыл его цель. Вспоминаю, что последствия так и не наступили. Можно найти материал по этой теме почти в каждом архиве в Лондоне.

Шо старался говорить спокойным тоном. Закурил сигарету.

— Этот договор входит в твой научно-исследовательский проект?

— Нет, — ответила Хейди. — Совершенно случайно наткнулась на краткое упоминание. Только из любопытства стала искать соответствующий материал, но не нашла ничего, что доказывало бы его истинное существование.

— Буду счастлив сделать копию и прислать ее тебе.

— Не беспокойся. Просто знание того, что это не плод моего воображения, вполне достаточно, чтобы утешить мою любознательную душу. К тому же я передала все свои записи другу в Вашингтоне.

— Я пошлю их ей.

— «Она» — это он.

— Хорошо, ему, — сказал он, стараясь подавить нетерпение в своем голосе. — Скажешь его имя и адрес?

— Дирк Питт. Его можно найти в Государственном агентстве подводных и морских научных исследований.

Шо получил то, за чем приехал. Настоящий посвященный агент должен бы быстро перебросить Хейди обратно на ее корабль и сесть на борт первого самолета, направляющегося в Вашингтон.

Шо никогда не причислял себя к этому братству. Бывали такие времена, когда это не срабатывало, а этот случай как раз и был таким.

Он крепко поцеловал Хейди в губы.

— Достаточно о научных исследованиях. Давай вернемся в постель.

И они вернулись.

29

В начале дня с северо-востока подул ветер. Холодный ветер, от ледяных уколов которого немела незащищенная кожа. Температура была всего три градуса по Цельсию, но Питт, стоя над водами реки Святого Лаврентия под холодным ветром, ощущал себя как при минус двадцати.

Он вдыхал запахи доков, теснящихся в небольшой бухте всего в нескольких милях от города Римуски в провинции Квебек. Он ощущал острый запах дегтя, ржавчины и дизельного топлива. Прошел вдоль стареющей ограды до сходней, ведущих к катеру, спокойно пришвартованному в водах с нефтяными пятнами. Дизайнер создал прекрасные обводы, длина около пятнадцати метров, просторные блестящие палубы, двойной винт и дизельные двигатели. Не было и намека на сверкающий хром, корпус был выкрашен в черный цвет. Катер построен функционально, идеально для рыболовства, для

подводных экскурсий или для поиска нефти. Верхняя часть приведена в полный порядок, на ней не было ни пятнышка, все говорило о заботливом хозяине.

Из рулевой рубки показался человек. На голове вязаная шапочка, неспособная удержать гриву черных волос. Похоже, что его лицо выдержало сотню штормов, но глаза печально и внимательно наблюдали за тем, как Питт долго колебался, прежде чем ступить на ют.

— Меня зовут Дирк Питт. Ищу Жюля Ле Мата.

Возникла небольшая пауза, затем засверкали сильные белые зубы в широкой сердечной улыбке.

— Добро пожаловать, господин Питт. Пожалуйста, поднимайтесь на борт.

— Хороший катер.

— Возможно, не красавец, но, как хорошая жена, предан и надежен. — Рукопожатие было подобно тискам. — Вы выбрали прекрасный день для посещения. Помогает святой Лаврентий. Тумана нет, только небольшая зыбь на глубокой воде. Подайте мне руку, отдайте концы, и мы отплываем.

Ла Мат спустился вниз и завел дизели, а Питт отвязал носовые и кормовые лини от доковых кнехтов и замотал их на палубе. Зеленая вода бухты оставалась за кормой почти гладкой. Цвет реки медленно менялся на темно-синий по мере того, как они входили в главное русло. На расстоянии двадцати восьми миль на противоположном берегу блестели возвышающиеся холмы, покрытые зимним снегом. Катер оставил позади рыболовецкую лодку, направляющуюся в доки с недельным уловом, шкипер помахал рукой в ответ на звук лодочного рожка, поданный Ле Матом. За кормой под мартовским солнцем сверкали все детали шпилей живописных соборов города Римуски.

Ледяной бриз усилился, когда они вышли из-под защиты земли, и Питт нырнул в салон.

— Чашку чая? — спросил Ле Мат.

— Звучит хорошо, — с улыбкой сказал Питт.

— Чайник на камбузе.

Ле Мат говорил не оборачиваясь, держа руки на рулевом колесе и смотря вперед.

— Пожалуйста, угощайтесь. Мне нужно внимательно следить за льдинами. В это время года они довольно толстые.

Питт налил кипящий чай. Сел на высокий вращающийся стул и смотрел на реку. Ле Мат прав. Вода усеяна плавучими льдинами почти такого же размера, как катер.

— Какая погода была в ту ночь, когда утонул лайнер «Императрица Ирландии»? — спросил он, нарушая тишину.

— Ясное небо, — ответил Ле Мат. — Река спокойная, температура воды всего на несколько градусов выше температуры замерзания. Ветра почти не было. Несколько отдельных туманных пятен, характерных для весны, когда южный теплый воздух встречается с холодной рекой.

— «Императрица» была хорошим кораблем?

— Одним из лучших, — серьезно ответил Ле Мат на вопрос, который он считал наивным. — Построен по всем стандартам того времени для его владельцев, Канадской тихоокеанской железной дороги. Он и другой однотипный корабль, «Императрица Британии», были великолепными лайнерами, водоизмещение четырнадцать тысяч тонн, длина пятьсот пятьдесят футов. Каюты, возможно, не были такими же элегантными, как на «Олимпике» или «Мавритании», но они заслужили репутацию тем, что обеспечивали пассажиров при переходе через Атлантический океан всеми удобствами.

— Припоминаю, что «Императрица» вышла в свой последний вояж из Квебека, направляясь в Ливерпуль.

— Отдала швартовы около четырех тридцати дня. Уже через девять часов лежала на дне реки, правым бортом вниз. Туман написал эпитафию кораблю.

— А угольщик назывался «Сторстад».

Ле Мат улыбнулся.

— Вы выполнили домашнее задание, мистер Питт. До конца так и не была раскрыта тайна, как столкнулись корабли. Команды судов видели друг друга еще на расстоянии восьми миль друг от друга. Когда их разделяло менее двух миль, с берега пришел низкий туман. Капитан «Императрицы» Кендалл дал полный назад и остановил корабль. Это была ошибка; он должен был продолжать путь. Люди в рулевой рубке на борту «Сторстада» пришли в замешательство, когда «Императрица» исчезла в тумане. Они думали, что лайнер находится у них по левому борту, а на самом деле он дрейфовал с остановленными двигателями по правому борту. Первый помощник капитана норвежцев приказал право руля, и «Императрица Ирландии» вместе со всеми пассажирами была обречена на неизбежное крушение.

Ле Мат сделал паузу и показал на льдину размером около акра.

— У нас непостижимо холодная зима в этом году. Река все еще не растаяла на сто пятьдесят футов вверх по течению.

Питт хранил молчание и медленно пил чай небольшими глотками.

— «Сторстад», водоизмещение шесть тысяч тонн, — продолжал Ле Мат, — нагруженный одиннадцатью тысячами тонн угля, врезался в середину «Императрицы», проделывая зияющую брешь высотой двадцать четыре фута и шириной пятнадцать футов. За четырнадцать минут лайнер ушел на дно реки, прихватив с собой более тысячи душ.

— Странно, насколько быстро о корабле забыли, — задумчиво сказал Питт.

— Да, спросите любого в Штатах или в Европе об «Императрице», и узнаете, что они никогда и не слышали о ней. Почти преступление, что катастрофу так скоро вычеркнули из памяти.

— Но вы не забыли о ней.

— Не забыла и провинция Квебек, — сказал Ле Мат, показывая на восток. — Сразу за Пуант-о-Пер, по-английски Фазерс-Пойнт, лежат восемьдесят восемь неопознанных жертв трагедии на небольшом кладбище, за которым до сих пор ухаживает Канадская тихоокеанская железная дорога.

На лице Ле Мата отразилось глубокая печаль. Он говорил об ужасной математике погибших, словно трагедия произошла вчера.

— Армия Спасения помнит. Из ста семидесяти одного человека, отправившихся в Англию на конвенцию, выжило только двадцать шесть. Они организовали мемориальную службу по погибшим на кладбище Маунт Плезант в Торонто в годовщину крушения.

— Мне говорили, что «Императрица» стала вашей пожизненной работой.

— У меня глубокая страсть к «Императрице». Это похоже на огромную любовь, которую испытывают некоторые мужчины, любуясь картиной женщины, умершей задолго до их рождения.

— Я питаю большую склонность к плоти, чем к фантазии, — сказал Питт.

— Иногда фантазия вознаграждает больше, — ответил Ле Мат с мечтательным выражением на лице.

Внезапно он повернул штурвал, чтобы не столкнуться с плавучей льдиной, которая внезапно появилась по курсу катера.

— В период между июнем и сентябрем, когда стоит теплая погода, я ныряю к обломкам раз двадцать-тридцать.

— В каком состоянии находится «Императрица»?

— Большое количество разрушений. Хотя и не в таком плохом состоянии, которое можно предположить через семьдесят пять лет. Думаю, это связано с тем, что в реку поступает соленая вода из океана. Корпус лежит на правом борту, под углом сорок пять градусов. Некоторые из верхних переборок упали на верхнюю надстройку, но остальная часть корабля достаточно целая.

— На какой глубине?

— Около ста шестидесяти пяти футов. Довольно глубоко для погружения на сжатом воздухе, но у меня получается.

Ле Матт выключил двигатели, позволяя катеру дрейфовать по течению. Затем повернулся лицом к Питту.

— Скажите мне, мистер Питт, в чем ваш интерес к «Императрице»? Почему вы так подробно расспрашиваете меня?

— Я собираю информацию о пассажире, которого звали Харви Шилдс, он утонул вместе с кораблем. Мне сказали, что об «Императрице» больше всех знает Жюль Ле Мат.

Ле Мат какое-то время раздумывал над ответом, который дал ему Питт, затем сказал:

— Да, вспоминаю, что Харви Шилдс был одной из жертв. Его имя не упоминается среди оставшихся в живых. Должен сказать, что он один из почти семи сотен, которые всё еще лежат в разбитом корпусе.

— Возможно, его нашли, но не опознали, как тех, кого похоронили на кладбище Фазерс-Пойнт.

Ле Мат покачал головой.

— В основном там пассажиры третьего класса. Шилдс был британским дипломатом, важный человек. Его тело обязательно узнали бы.

Питт отставил чашку чая в сторону.

— Тогда мои поиски здесь и заканчиваются.

— Нет, мистер Питт, — сказал Ле Мат, — не здесь.

Питт посмотрел на него, не произнося ни слова.

— Вон там, — продолжал Ле Мат, кивая в сторону палубы. — «Императрица Ирландии» лежит под нами.

Он показал на иллюминатор каюты.

— Вон там плавает ее маркер.

В пятидесяти пяти футах от левого борта катера на реке, покрытой льдинами, медленно поднимался и опускался оранжевый буй. Его линь проходил через темные воды к безмолвным обломкам кораблекрушения внизу.

30

Вскоре после заката Питт на арендованной малолитражке свернул с трассы штата и въехал на узкую мощеную дорогу рядом с рекой Гудзон. Он проехал мимо каменного памятника, установленного на месте боев Войны за независимость, хотел остановиться и размять ноги, но решил гнать до места назначения, пока еще совсем не стемнело. Вид на реку был прекрасным в угасающем дневном свете, поля, доходившие почти до кромки воды, сверкали искрами поздно выпавшего зимнего снега.

Он остановился, чтобы заправиться газом на небольшой станции ниже города Коксеки.

Оператор, пожилой мужчина в поношенном комбинезоне, оставался внутри офиса. Он сидел, положив ноги на металлическую табуретку перед дровяной печкой. Питт заполнил бак и вошел. Оператор оглянулся на колонку за собой.

— Кажется, двадцать долларов, — сказал он.

Питт рассчитался с ним наличными.

— Далеко ли до Уэкетшира?

Его глаза подозрительно сузились, изучая Питта, как щупы.

— Уэкетшир? Его не называют так уже много лет. Дело в том, что этот город больше не существует.

— Город-призрак в штате Нью-Йорк? Я полагал, что более подходящим местом будет юго-западная пустыня.

— Никаких шуток, мистер. Когда железнодорожную линию отрезали в 1949 году, Уэкетшир ослабел и умер. Большую часть зданий сожгли вандалы. Больше там никто не живет, кроме парня, который делает статуи.

— Что-нибудь сохранилось от прежнего железнодорожного полотна? — спросил Питт.

— Большая часть исчезла, — сказал старик с задумчивым выражением лица. — Настоящий позор.

Затем пожал плечами.

— По меньшей мере, не приходится смотреть, как эти дымные дизели проносятся здесь. Последний поезд на старой линии работал на пару.

— Возможно, пар когда-нибудь вернется.

— Но я не доживу до этого.

Оператор смотрел на Питта с нарастающим уважением.

— Почему вы интересуетесь заброшенной железной дорогой?

— Поезда — мое хобби, — солгал Питт без тени сомнения.

Кажется, в последнее время ему удалось достичь больших успехов в этом.

— Особый интерес у меня вызывают классические поезда. В данный момент провожу исследования «Манхеттен лимитед» системы «Нью-Йорк — Квебек».

— Тот, который упал с моста. Погибла сотня человек.

— Да, — спокойно сказал Питт, — я знаю.

Старик повернулся и посмотрел в окно.

— «Манхеттен лимитед» — особенный, — сказал он. — Всегда можно определить, когда он идет по линии. У него свой особенный звук.

Питт не был уверен, что правильно расслышал. Оператор говорил в настоящем времени.

— Наверное, вы говорите о другом поезде.

— Нет, сэр. Я наблюдал, как «Манхеттен лимитед» идет по железнодорожным путям, гудя и громыхая, свистя во всю мощь, с включенными фарами, точно так, как в ту ночь, когда свалился в реку.

Старожил говорил о том, что видел поезд-призрак так же обыденно, словно он рассуждал о погоде.

Уже наступили сумерки, когда Питт остановил машину у поворота на небольшую дорогу. Дул северный холодный ветер, он застегнул молнию старой кожаной куртки до самого верха и поднял воротник. Натянул лыжную шапочку на лоб и вышел из машины, закрыв двери на замок.

Оранжевые краски неба на западе стали сине-багряными, пока он пробирался по замерзшему полю к реке, четырехдюймовый слой снега скрипел под его сапогами. Понял, что забыл перчатки, но вместо того,

чтобы вернуться к машине, Дирк глубже засунул руки в карманы, не теряя драгоценных минут последнего дневного света.

Пройдя четверть мили, Питт подошел к зарослям низкого кустарнику. Пробрался через замерзшие ветви, на которых образовались ледяные кристаллы причудливой формы, и подошел к высокой насыпи. Склоны были крутыми, и ему пришлось карабкаться наверх по скользкой поверхности, отполированной ветром до блеска, удерживаясь и цепляясь руками.

Наконец он поднялся на длинное заброшенное железнодорожное полотно, к этому времени пальцы его рук онемели, потеряв всякую чувствительность. Местами оно было совершенно разрушено и покрыто торчащей из снега мертвой и замерзшей растительностью.

Железная дорога, когда-то оживленная, превратилась в воспоминание.

В угасающем свете дня глаза Питта едва различали сохранившиеся реликвии прошлого. Несколько искореженных шпал, наполовину ушедших в землю, случайный ржавый костыль, осыпавшиеся камни балласта полотна. Телеграфные столбы еще стояли на месте, уходя в бесконечность, как шеренга солдат, измученных боями. Полусгнившие поперечины были на месте.

Питт собрался с силами и двинулся вперед по небольшой кривой тропинке, ведущей по склону, к разрушенному переезду через мост. Морозный воздух обжигал ноздри. При дыхании образовывались бесформенные небольшие шлейфы тумана, которые быстро исчезали. Перед ним выскочил кролик и прыгнул вниз с насыпи.

Сумерки переходили в ночь. Дирк уже не отбрасывал тени, когда остановился и уставился вниз на ледяную реку, несущую свои воды под ним на глубине 150 футов. Каменные береговые устои моста вели в никуда.

Два одиноких пирса возвышались из воды, бурлящей вокруг оснований, как одинокие стражи. Не было и признака 500-футовой фермы, для которой они когда-то служили опорой. Мост вообще не восстанавливали; главный железнодорожный путь проложили значительно южнее, переправа через реку пошла по новому и более мощному висячему пролету.

Питт долго сидел на корточках, пытаясь представить себе ту страшную ночь, почти видя, как уменьшаются красные огни последнего вагона, когда поезд проносился по большой центральной ферме, слыша скрежет изуродованного металла, страшный всплеск безразличной реки.

Его фантазии были прерваны другим звуком — пронзительным свистом на расстоянии.

Поднялся на ноги и прислушался. В течение нескольких мгновений он слышал лишь тихий шепот ветра. Затем свист раздался откуда-то с севера, разносясь эхом, повторно отражающимся от мрачных скал вдоль Гудзона, голых стволов деревьев, потемневших холмов долины.

Это был свисток поезда.

Он увидел слабое, расширяющееся желтое сияние, неотвратимо движущееся прямо на него. Вскоре другие звуки донеслись до него, лязганье колес по рельсам и шипение пара. Невидимые птицы, напуганные внезапным шумом, взлетали в черное небо. Питт не мог заставить себя поверить в реальность того, что он видел своими собственными глазами. Невероятно, чтобы поезд несся по несуществующим рельсам заброшенного железнодорожного полотна. Он стоял, не чувствуя холода, ища объяснения, разум отказывался воспринимать его чувства, но пронзительный свисток становился громче, а свет ярче.

В течение, возможно, десяти, возможно, двадцати секунд Питт стоял как вкопанный, подобно замерзшим деревьям вдоль железнодорожного полотна. В кровь резко поступал адреналин, распахнулись врата страха, унося прочь все устоявшиеся логические понятия. Он потерял ощущение реальности, когда щупальца паники судорожно сжались у него в животе.

Пронзительный свисток вновь нарушил безмолвие ночи. Поезд, вселяющий ужас, приближался к несуществующему мосту, головной прожектор локомотива вырвал Дирка из темноты, осветив ярким сиянием.

Питт никогда не мог вспомнить, сколько времени он наблюдал, совершенно потрясенный, то, что было сверхъестественным видением. У него вырвался слабый крик самосохранения, он осмотрелся вокруг, ища пути спасения. Узкие края берегового устоя моста уходили в темноту; за его спиной был крутой обрыв к реке.

Он почувствовал, что попался в ловушку и стоит на краю пропасти.

Призрачный локомотив неотвратимо приближался, сейчас он уже слышал звон колокола, который стал громче звука выпускаемого пара.

Внезапно злость вытеснила страх, злость Питта на свою собственную беспомощность и медлительность. Всего мгновенье, которое потребовалось ему для принятия решения, показалось ему длиной в целую жизнь.

Как спринтер, бегущий по сигналу стартового пистолета, он бросился вниз под откос в полную неизвестность.

Ослепительный свет внезапно погас, несмолкаемый шум растворился в ночи.

Питт остановился и застыл на месте в полном непонимании происходящего, выжидая, когда его глаза вновь адаптируются к темноте. Поднял голову, прислушался. Не слышно ни звука, кроме шепота северного ветра. Он чувствовал, как холод обжигает ему обнаженные руки, слушал, как бьется сердце.

Прошли две полные минуты, ничего не произошло. Он медленно пошел по заброшенной насыпи, останавливаясь каждые несколько ярдов и изучая снежный покров. Кроме его следов, ведущих в противоположном направлении, снежный покров не был ничем нарушен.

В полном замешательстве он прошел еще полмили, внимательно глядя под ноги, хотя и ожидая обнаружить признаки механического фантома, но и сомневаясь в возможности этого. Ему ничего не попадалась на глаза. Всё было так, словно поезда никогда не было.

Он споткнулся обо что-то твердое, неуклюже упал на площадку, покрытую гравием, очищенную ветром от снега. Проклиная свою неловкость, ощупал руками всё вокруг. Пальцы наткнулись на две параллельные полосы холодного металла.

«Боже мой, да это же рельсы!»

Дирк вскочил на ноги и побежал вперед. Обогнув резкий поворот, увидел голубое свечение телевизора в окнах дома. Оказалось, что рельсы подходили прямо к дому.

В доме залаяла собака, вскоре дверь дома открылась, освещая подходы к нему. Питт спрятался в тени. Огромный лохматый пёс, овчарка, прыгнул на шпалы, понюхал ледяной воздух, и, не желая более задерживаться, поднял заднюю лапу, сделал свои дела и вернулся в комфорт гостиной, где в камине горели дрова. Дверь закрылась.

Подойдя ближе, Питт в полной темноте различил очертания огромного черного корпуса, припаркованного на запасном пути. Это был локомотив с кочегаркой и служебным вагоном, прицепленным к нему. Он осторожно забрался в кочегарку и дотронулся до топки. Металл был ледяным. На руках осталась ржавчина, бойлеры не растапливали в течение длительного времени.

Перейдя через железнодорожное полотно, Дирк подошел к дому и постучался в дверь.

Собака залаяла, исполняя свой долг, вскоре на пороге появился человек в мятом банном халате. Свет падал на него сзади, поэтому черты лица

оказались в тени. Он был почти такой же широкий, как и дверной проем, и напоминал борца.

— Чем могу помочь? — спросил он голосом, словно из бочки.

— Простите, что побеспокоил, — ответил Питт, улыбаясь по-домашнему, — но нельзя ли мне поговорить с вами?

Человек холодно осмотрел Питта сверху вниз, затем кивнул.

— Конечно, входите.

— Меня зовут Питт, Дирк Питт.

— Энсел Маджи.

Имя показалось Питту очень знакомым, но, прежде чем он у него возникли какие-либо ассоциации, Маджи повернулся и громко произнес:

— Анни, у нас гость.

Из кухни появилась высокая женщина, худая, как карандаш, полная противоположность Маджи. Питт догадался, что она когда-то была известной моделью. Волосы пепельного цвета, стильная прическа, облегающий красный халат и соответствующий ему передник. В одной руке посудное полотенце.

— Моя жена Анни.

Маджи сделал соответствующие жесты рукой.

— Это мистер Питт.

— Здравствуйте, — тепло сказала Анни. — У вас такой вид, что чашечка кофе не будет лишней.

— С удовольствием, — сказал Питт. — Черный, спасибо.

У нее расширились глаза.

— У вас кровоточат руки, разве вы не видите?

Питт посмотрел на содранную на ладонях кожу.

— Ободрал руки, когда забирался на насыпь. Они совершенно занемели от холода, я ничего не замечал.

— Садитесь поближе к огню, — сказала Анни, провожая его к круглой софе. — Сейчас обработаю их.

Она быстро ушла на кухню и налила теплую воду в миску, потом отправилась в ванную за антисептиком.

— Я приготовлю кофе, — вызвался Маджи.

Овчарка стояла и тупо смотрела на Питта. «По меньшей мере, — подумал он, — хоть собака смотрит на меня». На глаза собаки падали густые пучки шерсти.

Он осмотрел интерьер гостиной. Мебель была изготовлена по индивидуальному современному дизайну. Каждый предмет, включая светильники и многочисленные художественные работы, был изящно окантован полиэтиленовой смолой, выкрашенной в белый или красный цвет. Комната представляла собой жилую художественную галерею.

Маджи вернулся с чашкой кофе, над которой поднимался пар.

Наконец-то на свету Питт узнал доброе лицо, как у сказочного эльфа.

— Вы Энсел Маджи, скульптор.

— Боюсь, что существует целый ряд искусствоведов и критиков, которые не согласятся с этим, — добродушно засмеялся Маджи.

— Вы скромничаете, — сказал Питт. — Однажды мне пришлось выстоять огромную очередь, чтобы попасть на вашу выставку в Национальной художественной галерее в Вашингтоне.

— Вы знаток современного искусства, мистер Питт?

— Едва ли я могу считать себя даже дилетантом. На самом деле мое любимое занятие — древние машины и механизмы. Коллекционирую старые автомобили и самолеты.

Это была правда.

— У меня также страсть к паровым локомотивам.

А это еще одна очередная ложь.

— Тогда у нас с вами много общего, — сказал Маджи. — Я сам поклонник старых поездов.

Затем протянул руку и включил телевизор.

— Я заметил, что у вас частная железная дорога.

— Паровоз типа 4-4-2, — ответил Маджи, словно декламируя. — Выпущен заводом «Болдуин» в тысяча девятьсот шестом году. Возил «Оверленд лимитед» из Чикаго до Каунсил-Блаффс, штат Айова. В свое время был настоящим скоростным.

— Когда работал в последний раз?

Питт сразу же почувствовал, что использовал неправильную терминологию: это подчеркивало кислое выражение на лице Маджи.

— Я растапливал его два лета назад после того, как построил полмили железнодорожного полотна. Катал соседей и их детишек. Отказался от этого после последнего сердечного приступа. С тех пор бездельничаю.

Анни вернулась и начала промывать раны Дирка.

— Простите, но смогла найти всего лишь старую склянку с йодом. Он жжет.

Она ошибалась. Руки Питта до сих пор не восстановили чувствительности. Он молча наблюдал, как она делала перевязку. Затем откинулась назад и стала нахваливать свою работу.

— Конечно, не заслуживает медицинской награды, но полагаю, что продержится, пока вы не доберетесь до дома.

— Всё замечательно, — сказал Питт.

Маджи устроился в своем кресле в виде тюльпана.

— А теперь, мистер Питт, скажите нам, что у вас на уме?

Питт перешел сразу к сути дела.

— Собираю данные о «Манхеттен лимитед».

— Понимаю, — сказал Маджи, но было ясно, что он ничего не понимает. — Полагаю, что вас интересует его последний рейс, а не история железнодорожного полотна.

— Да, — согласился Питт. — Существует несколько аспектов трагедии, которые ранее не объясняли со всеми подробностями. Я познакомился со статьями в старых газетах, но появилось больше вопросов, чем ответов.

Маджи подозрительно смотрел на него.

— Вы репортер?

Питт отрицательно покачал головой.

— Директор специальных проектов Государственного агентства подводных и морских научных исследований.

— Вы заодно с правительством?

— Дядюшка Сэм платит мне зарплату, это так. Но мое любопытство к катастрофе на мосту Дьювилль-Гудзон носит чисто личный характер.

— Любопытство? Скорее похоже на навязчивую идею, сказал бы я. Что еще может заставить человека бродить по сельской местности в морозную погоду глухой ночью?

— У меня напряженный график, — терпеливо объяснял Питт. — Должен быть в Вашингтоне завтра утром. Это мой единственный шанс осмотреть площадку, где был мост. К тому же, когда я прибыл сюда, был еще день.

Казалось, Маджи расслабился.

— Простите меня за допрос, которому я подвергаю вас, мистер Питт, но вы единственный незнакомец, который забрел в мое убежище. Кроме нескольких избранных друзей и коллег по бизнесу, общественность полагает, что я своего рода таинственный анахорет, лихорадочно отливающий формы в заброшенном складе в восточном районе Нью-Йорка. Вся эта фикция придумана специально. Я ценю свое затворничество. Если мне пришлось бы иметь дело со всеми этими критиками, газетчиками и любопытствующими бездельниками, то я не смог бы сделать ни одной скульптуры. Здесь, прячась в долине Гудзона, могу творить без стычек и скандалов.

— Еще кофе? — спросила Анни.

С женской проницательностью она выбрала самый подходящий момент, чтобы прервать мужа.

— Пожалуйста, — ответил Питт.

— А как насчет яблочного пирога?

— Звучит прекрасно. Ничего не ел после завтрака.

— Тогда позвольте мне приготовить вам что-нибудь.

— Нет, нет, яблочного пирога вполне достаточно.

Сразу после того, как она ушла, Маджи продолжил беседу.

— Надеюсь, вы понимаете, к чему я затеял наш разговор, мистер Питт.

— У меня нет причин разоблачать ваше уединение, — сказал Питт.

— Верю, что вы не сделаете этого.

К рукам Питта стала возвращаться чувствительность, они страшно разболелись. Анни Маджи принесла яблочный пирог, и Дирк набросился на него с жадностью батрака.

— Вы любите поезда, — сказал Питт, жуя пирог. — Живя здесь, вы наверняка составили свое собственное представление о крушении, которого нельзя найти в старых газетных подшивках.

Маджи пристально и долго смотрел на огонь, затем начал говорить безучастным голосом.

— Конечно, вы правы. Я изучил странные инциденты, сопровождающие крушение «Манхеттен лимитед». В основном, раскапывал местные легенды. Мне повезло, я взял интервью у Сэма Хардинга, станционного агента, дежурившего в ночь трагедии. Несколько месяцев назад он умер в доме престарелых в Джермантауне. Ему было девяносто восемь. Но память сохранил, как в банке данных компьютера. Боже, это было похоже на разговор с самой историей. Я почти видел, как события той трагической ночи разворачивались у меня на глазах.

— Всё внимание на том самом моменте, когда проходил поезд, — сказал Питт. — Грабитель, который не пустил станционного агента просигналить машинисту и спасти сотню жизней. Это звучит как фантастика.

— Никакая не фантастика, мистер Питт. Это произошло точно так, как Хардинг описал полиции и газетным репортерам. Телеграфист Хайрам Мичум получил пулю в бедро — вот доказательство.

— Я знаком с описанием, — кивнул Питт.

— Тогда вы должны знать, что грабителя так и не поймали. Хардинг и Мичум совершенно точно опознали его как Клемента Масси, или Даппера Дойля, как его называли в прессе. Франт, совершивший несколько ловких грабежей.

— Странно, что земля разверзлась и поглотила его.

— Перед войной, которая должна была покончить со всеми войнами, времена были другими. Представители закона не были такими умудренными, как сейчас. Дойль был не очень глупым человеком. Несколько лет за решеткой за грабеж — одно дело. А причинение, пусть косвенно, смерти сотне мужчин, женщин и детей — совершенно другое. Если бы его поймали, суду хватило бы пяти минут, чтобы отправить его на виселицу.

Питт доел пирог и откинулся на софе.

— Есть какие-нибудь соображения по поводу того, что поезд не подняли со дна реки?

Маджи покачал головой.

— Полагают, что он ушел в зыбучие пески. Местный клуб подводного плавания со специальным дыхательным аппаратом до сих пор занимается поиском артефактов. Несколько лет назад прожектор старого локомотива подняли со дна реки в миле по течению. Народ

считает, что он от «Манхеттен лимитед». Я думаю, что это только вопрос времени: дно реки сдвинется, и покажутся обломки.

— Еще немного пирога, мистер Питт? — спросила Анни Маджи.

— Очень соблазнительно, но нет, благодарю, — сказал Питт, поднимаясь. — Мне пора уходить. Должен успеть на самолет в аэропорт Кеннеди через несколько часов. Благодарю вас за гостеприимство.

— Перед тем, как вы уйдете, — сказал Маджи, — хочу показать вам кое-что интересное.

Скульптор поднялся с кресла и прошел к двери в дальней стене. Он открыл ее в темную комнату и исчез внутри. Через несколько мгновений вновь появился, держа в руках зажженную керосиновую лампу.

— Сюда, — сказал, приглашая Питта.

Питт вошел, его нос сразу распознал затхлые запахи старого дерева и кожи, образующиеся в результате взаимодействия с парами керосина, глаза разглядывали тени, дрожащие в мягком пламени лампы.

Он увидел, что интерьер комнаты оформлен в виде офиса, заставленного старинными предметами. В центре комнаты на полу стояла печь, дымоход был выведен непосредственно через крышу. В оранжевом свете виднелся сейф, стоявший в углу, дверь украшал рисунок крытой повозки в прерии.

Два письменных стола стояли у стены с окнами. Один из них — бюро с убирающейся крышкой и телефоном старой модели на столешнице, на втором, длинном и плоском, стоял шкаф с отделениями для бумаг. На краю перед стулом, отделанном кожей, с наклоняющейся назад спинкой, был телеграфный ключ, провода которого, загибаясь, уходили в потолок.

На стенах часы, плакат, рекламирующий передвижное развлекательное шоу Паркера и Шмидта, картина в раме с изображением перезрелой девицы с подносом в руках, уставленным бутылками пива, рекламирующим пивоварню Рупперта на 94-ой улице в городе Нью-Йорк, календарь страховой компании «Фини энд Кампени», датированный маем 1914 г.

— Офис Сэма Хардинга, — гордо сказал Маджи. — Я воссоздал его точно в таком виде, который у него был в день ограбления.

— Тогда ваш дом...

— Оригинальная станция Уэкетшира, — закончил Маджи.

— Фермер, у которого я купил эту недвижимость, использовал его как хранилище для кормов. Мы с Анни восстановили здание. Жаль, что ты не увидишь его при дневном освещении. Архитектура отличается ярко выраженными особенностями. Украшения по крыше, изящные изгибы. Восходит к тысяча восемьсот восьмидесятым годам.

— Вы проделали огромную работу по восстановлению, — польстил Питт Маджи.

— Да, у этого здания лучшая судьба, чем у большинства старых железнодорожных станций, — сказал Маджи. — Мы изменили только немногое. Ту часть, что раньше предназначалась для хранения грузов, превратили в спальни, наша гостиная — бывший зал ожидания.

— А обстановка оригинальная? — спросил Питт, дотрагиваясь до телеграфного ключа.

— В подавляющем большинстве. Бюро Хардинга стояло здесь, когда мы купили дом. Печку вытащили из груды мусора, Анни спасла сейф, нашла в магазине скобяных товаров в Селкирке. Но главный приз — вот это.

Маджи снял кожаный кожух, предохраняющий от пыли, под которым стояла шахматная доска. Фигуры, вырезанные вручную из черного дерева и березы, потрескались и потрепались с годами.

— Шахматы Хайрама Мичума, — объяснил Маджи. — Его вдова отдала их мне. Пулевое отверстие от выстрела Масси так и не залатано.

Питт молча изучал доску в течение какого-то времени. Затем посмотрел на темные окна.

— Почти ощущаешь их присутствие, — наконец сказал он.

— Часто сижу здесь в одиночестве, стараясь воспроизвести ту злосчастную ночь.

— Вы видите проносящийся мимо «Манхеттен лимитед»?

— Иногда, — мечтательно сказал Маджи. — Если моему воображению ничто не мешает…

Он остановился и подозрительно посмотрел на Питта.

— Странный вопрос. Почему вы задали его?

— Поезд-фантом, привидение, — ответил Питт. — Говорят, что он до сих пор совершает свой призрачный пробег по старому железнодорожному полотну.

— Долина Гудзона — плодородная почва для мифов, — усмехнулся Маджи. — Есть и те, кто утверждают, что видели даже всадника без головы, спаси Господи. То, что начинается с небылицы, быстро превращается в слухи. Приукрашенные временем и преувеличенные местным фольклором, слухи превращаются в полноправную легенду, выходящую за грань реальности. Явления поезда-фантома начались через несколько лет после разрушения моста. Некоторые верят, что «Манхеттен лимитед» никогда не сможет прийти в великое депо на небесах, пока не пересечет реку.

Питт рассмеялся:

— Мистер Маджи, вы великий скептик.

— А я и не отрицаю этого.

Питт посмотрел на часы.

— Мне пора.

Маджи проводил его, они пожали друг другу руки на старой станционной платформе.

— Я провел замечательный вечер, — сказал Питт. — Большое спасибо вам и вашей жене за гостеприимность.

— Мы также рады вашему визиту. Возвращайтесь к нам. Мне нравится беседовать о поездах.

Питт колебался.

— Существует одна вещь, которую вам стоит иметь в виду.

— Что же это?

— Легенды — забавная штука, — сказал Питт, взглядом ища глаза Маджи. — Как правило, они зарождаются из правды.

В лучах света от дома добродушное лицо немного помрачнело и стало задумчивым, не более. Затем Маджи уклончиво пожал плечами и закрыл дверь.

32

Даниэла Сарве тепло приветствовала премьера провинции Квебек Жюля Гуэррьера в коридоре больницы. Его сопровождали секретарь и Анри Вийон.

Гуэррьер расцеловал Даниэлу в обе щеки. Ему было далеко за семьдесят. Как премьер провинции, он также был лидером франкоязычной партии жителей Квебека.

— Замечательно, что я встретила тебя, Жюль, — сказала Даниэла.

— Старым глазам приятно видеть прекрасную женщину, — галантно ответил он.

— Шарль не может дождаться встречи с тобой.

— Как он чувствует себя?

— Врачи говорят, что у него всё хорошо. Но на процесс выздоровления потребуется много времени.

Сарве сидел, обложенный подушками, его кровать стояла около большого окна с видом на здание парламента. Сестра взяла их пальто и шляпы, затем они расположились в креслах и на диване вокруг кровати. Даниэла налила всем коньяк.

— Мне разрешили угостить всех посетителей коньяком, — сказал Сарве. — Но, к сожалению, алкоголь несовместим с моими лекарствами, поэтому я не могу присоединиться к вам.

— За твое быстрейшее выздоровление, — произнес тост Гуэррьер.

— За быстрейшее выздоровление, — поддержали остальные.

Гуэррьер поставил свой стакан на край стола.

— Для меня большая честь, что ты пожелал видеть меня, Шарль.

Сарве серьезно посмотрел на него.

— Меня только что проинформировали, что ты готовишь референдум по вопросу полной независимости.

Гуэррьер пожал плечами.

— Давно настало время для окончательного выхода из конфедерации.

— Согласен, намерен предоставить тебе полную поддержку.

Заявление Сарве удивило всех. Гуэррьер заметно напрягся.

— На этот раз не станешь бороться?

— Да, хочу, чтобы это произошло, и покончим с этим раз и навсегда.

— Слишком давно тебя знаю, Шарль, чтобы не заподозрить скрытый мотив в твоей неожиданной доброжелательности.

— Ты неправильно понимал меня, Жюль. Я не отступаю, как натасканная собака. Если Квебек хочет самостоятельности, то пусть он ее получит. Ваши референдумы, ваши мандаты, ваши бесконечные

переговоры. Всё это в прошлом. Канада достаточно настрадалась. Конфедерация более не нуждается в Квебеке. Мы выживем без вас.

— А мы без вас.

Сарве саркастически улыбнулся.

— Посмотрим, как вы начнете с нуля.

— Мы как раз и собираемся начать с этого, — ответил Гуэррьер. — Парламент Квебека закроем, назначим новое правительство. Возьмем за основу правительство французской республики. Напишем свои законы, будем взимать свои налоги, установим официальные связи с иностранными государствами. Естественно, что валюту сохраним общей, как и другие экономические связи с англоязычными провинциями.

— Ты не можешь съесть пирожок и иметь его, — сказал Сарве, его голос стал жестким. — Квебек должен напечатать свои деньги, все торговые соглашения должны быть пересмотрены. Также будут построены пункты таможенного досмотра вдоль наших общих границ. Все канадские институты и правительственные представительства будут отозваны с территории Квебека.

Лицо Гуэррьера исказилось от злости.

— Это суровые меры.

— Раз население Квебека поворачивается спиной к политическим свободам, процветанию и будущему объединенной Канады, разрыв должен быть безусловным и полным.

Гуэррьер медленно приходил в себя.

— Ожидал большего понимания со стороны коллеги-француза.

— Мои соотечественники-французы погубили пятьдесят невинных человек, пытаясь убить меня. Тебе повезло, Жюль, что я не обвиняю никого из партии сторонников свободного Квебека. Грубое нарушение закона и кнут нанесли бы непоправимый урон твоему делу.

— Даю тебе честное слово, что партия сторонников свободного Квебека не имеет никакого отношения к крушению самолета.

— А что ты скажешь о террористах из «Общества свободного Квебека»?

— Никогда не поощрял и не прощал действия «Общества свободного Квебека», — сказал, защищаясь, Гуэррьер.

— Всего лишь пустые слова. Ты ничего не сделал, чтобы прекратить их.

— Они как призраки, — запротестовал Гуэррьер. — Никому не известно, кто их возглавляет.

— Что же будет после провозглашения независимости, когда он предстанет перед общественностью?

— Как только Квебек получит независимость, не будет причины для существования «Общества свободного Квебека». Он и его организация зачахнут и уйдут в небытие.

— Ты забываешь, Жюль, что террористические движения имеют отвратительную привычку превращаться в законные и формировать оппозиционные партии.

— «Общество свободного Квебека» будет запрещено новым правительством Квебека.

— С тобой во главе, — добавил Сарве.

— Надеюсь, что да, — сказал Гуэррьер без намека на эгоизм. — У кого еще есть мандат народа на создание нового славного государства?

— Желаю удачи, — скептически сказал Сарве.

Он думал, что нет никакого смысла в страстных утверждениях Гуэррьера. Французы всегда были мечтателями. Они думают лишь о возвращении к романтическим временам, когда во всем мире царила геральдическая лилия. Благородный эксперимент потерпит неудачу, не успев начаться.

— Я не буду стоять на твоем пути. Но предупреждаю тебя, Жюль, никаких радикальных выступлений, никакого нарушения политического равновесия, которые могли бы оказать неблагоприятное воздействие на остальную Канаду.

— Уверяю тебя, Шарль, — доверительно сказал Гуэррьер, — рождение пройдет мирным путем.

Это доказывало лишь то, что обещания были напрасны.

Вийон был взбешен, Даниэла видела все признаки этого. Он подошел и сел рядом с ней на скамье около больницы. Она молча дрожала от холодного весеннего воздуха, ожидая взрыва, который последует обязательно.

— Негодяй, — наконец вырвалось у него. — Лукавый негодяй отдал Квебек Гуэррьеру без борьбы.

— До сих пор не могу поверить в это, — сказала она.

— Ты знала, должна была знать, что на уме у Шарля.

— Он ничего не говорил, не было никаких признаков.

— Почему? — прервал он с яростью на лице. — Почему он так резко изменил свои взгляды на объединенную Канаду?

Даниэла не отвечала ни слова, храня молчание. Она инстинктивно боялась его злобы.

— Он вытаскивает ковер у нас из-под ног, мы не успели еще построить мощную базу. Как только мои партнеры в Кремле узнают об этом, они отзовут все свои начинания.

— Что может выиграть Шарль? С политической точки зрения, он совершает самоубийство.

— Он затеял хитрую игру, — сказал Вийон, восстанавливая равновесие. — С дряхлым, старым дураком у руля Квебек будет не более чем марионеточным режимом Оттавы, умоляя о подачках, долгосрочных займах и торговых кредитах. Как государство Квебек еще хуже, чем провинция.

Она посмотрела на него, выражение ее лица стало суровым.

— Но так не должно случиться.

— О чем ты говоришь?

Она сжала ему руку.

— Похорони «Общество свободного Квебека». Действуй открыто, организуй кампанию против Гуэррьера.

— Я недостаточно силен, чтобы пойти против Жюля.

— Французы отчаянно нуждаются в более молодом, более напористом лидере, — настаивала она. — Анри Вийон, которого я знаю, никогда не пойдет на поклон к английской Канаде или к Соединенным Штатам.

— Твой муж уничтожит меня до того, как я успею сделать и полшага. Не имея времени для создания новой организации, всё это просто невозможно.

— Да, если Жюль Гуэррьер внезапно не погибнет.

Впервые Вийон рассмеялся.

— Маловероятно. У Жюля могут быть перечислены все возможные заболевания в его медицинской карточке, но сила духа позволит ему пережить нас всех.

На лице Даниэлы отразилось удивительное напряжение.

— Жюль должен умереть за дело спасения Канады.

Вывод был кристально понятен. Вийон вернулся к своим мыслям и хранил молчание почти целую минуту.

— Убийство тех пятидесяти было другое дело, это были инородцы. Их смерти были политической необходимостью. Но Жюль — преданный француз. Он сражался в течение более длительного времени, чем все мы.

— За нашу победу это ничтожная цена.

— Цена никогда не бывает ничтожной, — сказал он, как человек, который погрузился в свои мечты. — Недавно я думал о том, кто умрет последним перед тем, как всё будет кончено.

33

Глай перегнулся через испачканную раковину к зеркалу и приступил к изменению своего лица.

Наложил протез, изготовленный из белого пенистого каучукового латекса, на свой сломанный нос, удлиняя кончик и поднимая переносицу. Это фальшивое дополнение приклеивалось терпентинным маслом, оно было подкрашено специальным косметическим составом, предназначенным для тонирования поверхности каучука. Свой измененный нос припудрил полупрозрачной пудрой, чтобы избавиться от блеска.

Его естественные брови были выщипаны. Он отклеил искусственные брови с подложки и начал наклеивать креповые волосы терпентиновым маслом, аккуратно размещая отдельные крошечные пучки на месте с помощью пинцета. Дуга новых бровей размещалась выше, они были более густыми.

Сделал паузу, отступил от зеркала назад на некоторое время, сравнивая свою работу с фотографиями, приклеенными к нижнему краю зеркала. Удовлетворенный своими достижениями, добавил несколько оттенков более темного цвета, чем белый, к светлому косметическому средству и нанес его на лицо, начиная от точки на подбородке вдоль линии челюсти до точки под каждым ухом. Далее под подбородком нанес бледный землистый тон. В результате его художества овальная челюсть приобрела более прямоугольный, точеный вид.

Выровнял губы, покрыв их основным косметическим средством, а затем провел линию под нижней губой соответствующей по цвету губной помадой. Губы стали толще и более выпяченными.

Теперь очередь дошла до контактных линз. Эта часть работы вызывала у него отвращение. Изменение цвета глаз с коричневого на серый было равноценно изменению души. Теперь, после установки линз, он не узнавал Фосса Глая в этом человеке.

И последним штрихом был парик. Опустил его на свою гладко выбритую голову двумя руками, словно корону.

Наконец отошел назад и внимательно изучил лицо в фас и в профиль, освещая себя небольшой лампой под разными углами. Почти совершенство, решил он, почти совершенство, учитывая примитивные условия в крошечной ванной комнате ветхой гостиницы, где он зарегистрировался.

За стойкой не было ночного дежурного, когда Фосс проходил через вестибюль. Сначала улица с двусторонним движением, затем аллея. Он сидел за рулем «мерседеса». Еще раньше в тот день он украл его с парковки у банка и поменял номера.

Он ехал по старому району города Квебека, который назывался Нижний город, близко к тротуару спокойных тихих улочек, сигналя случайным пешеходам, уступавшим ему дорогу только после того, как замечали агрессивный взгляд Глая.

Было несколько минут десятого, огни Квебека отражались на льдинах, плывущих по реке Святого Лаврентия. Глай проехал ниже мимо известной гостиницы «Шато Фронтенак» и выехал на магистраль вдоль реки. Движение было оживленным, вскоре он оказался рядом с парком «Бэттлфилдс» в долине Авраама, где британская армия одержала триумфальную победу над французами в 1759 году, завоевав Канаду для империи. Затем повернул в фешенебельный пригородный район Силлери. Огромные каменные дома казались вечными, подобными фортам, защищающим богатых и знаменитых людей провинции. У Глая не возникало ощущения безопасности. Эти дома казались ему огромными чудовищными склепами, населенными людьми, которые не знали, что они мертвы.

Остановился у тяжелых железных ворот и представился в переговорное устройство. Ответа не последовало. Ворота распахнулись, и он въехал в круглый проезд, ведущий к гранитному особняку импозантного вида, окруженному несколькими акрами газона. Припарковал машину перед передним порталом и позвонил в дверной звонок.
Шофер-телохранитель премьера Жюля Гуэррьера вежливо провел Глая в фойе.

— Добрый вечер, монсеньор Вийон, это такая неожиданная радость.

Глай был польщен. Изменение лица прошло первый тест.

— Я навещал друзей в Квебеке и подумал, что могу заглянуть и выразить свое уважение монсеньору Гуэррьеру. Мне говорили, что он неважно себя чувствует.

— Слег с гриппом, — сказал шофер, принимая пальто Глая. — Самое страшное позади. Температура снизилась, но к работе он сможет приступить не сразу.

— Если он не готов к столь позднему визиту, возможно, я приеду завтра.

— Нет, пожалуйста. Премьер смотрит телевизор. Знаю, что будет рад увидеть вас. Я провожу вас к нему в комнату.

Глай отклонил это предложение.

— Не беспокойтесь. Я знаю дорогу.

Он поднялся на второй этаж по широкой круговой лестнице. Там он сделал паузу, чтобы сориентироваться. Запомнил план всего дома, в уме отметил каждый выход на случай поспешного бегства. Спальня Гуэррьера, как он знал, была третьей дверью справа. Он тихо вошел без стука.

Жюль Гуэррьер, полусидя в огромном очень мягком кресле, смотрел телевизор. Шелковый халат с рисунком был накинут поверх пижамы. Он не заметил вторжения Глая, потому что сидел спиной к двери.

Глай бесшумно прошел по ковру к постели. Взял большую подушку и подошел к Гуэррьеру сзади. Начал опускать подушку на лицо Гуэррьера, но заколебался.

«Он должен увидеть меня», — думал Глай. Его эго требовало признания. Он должен вновь доказать себе, что может стать Анри Вийоном. Казалось, Гуэррьер почувствовал постороннее присутствие. Он медленно повернулся, его глаза оказались на уровне пояса Глая. Взгляд медленно поднимался от груди к лицу, глаза расширились не от испуга, а от изумления.

— Анри?

— Да, Жюль.

— Ты не можешь быть здесь, — сказал Гуэррьер тихо.

Глай обошел телевизор и посмотрел на премьера.

— Но я здесь, Жюль. Я здесь, в телевизоре.

Именно там он и был.

Изображение Анри Вийона заполняло всю центральную часть экрана. Он произносил обращение по поводу открытия нового центра искусств в Оттаве. Рядом с ним сидели его жена и Даниэла Сарве.

Гуэррьер был не способен полностью осознать то, что его глаза передавали клеткам мозга. Передача шла без записи. У него не было никаких сомнений. Он получил официальное приглашение и заполнил программу событий церемонии. Речь Вийона была назначена именно на это время. Он пристально разглядывал лицо Глая, у него отвисла челюсть.

— Но как?

Глай не ответил. Он подбежал к креслу и прижал подушку к лицу Гуэррьера. Вырвавшийся крик ужаса затихал, становясь не более чем приглушенным животным звуком. У премьера не было сил для неравной борьбы. Его руки нашли толстые запястья Глая и слабо пытались оторвать их прочь. Его легкие словно пылали, охваченные огнем, превращаясь в огненные шары. Перед самым наступлением полной темноты у него в голове вспыхнул чрезвычайно яркий свет.

Через тридцать секунд руки ослабили свой захват и беспомощно опустились на подлокотники кресла. Старческое тело ослабело, но Глай не уменьшал давления еще полных три минуты.

В заключение он выключил телевизор, наклонился и послушал сердцебиение. Все жизненные функции прекратились. Премьер Квебека умер.

Глай быстро прошел через комнату и проверил холл снаружи. В нем никого не было. Вернулся к Гуэррьеру, снял подушку и бросил ее на кровать. Осторожно, чтобы не порвать ткань, снял халат и положил его на спинку кресла. Успокоился, увидев, что премьер не обмочился. Следующими были домашние тапочки. Он небрежно бросил их перед кроватью.

Глай не испытывал отвращения, не ощущал даже малейшей тошноты, когда взял труп и положил его на кровать. Затем с клинической собранностью он с усилием открыл рот и начал проверку.

Первое, что исследует полицейский патологоанатом при подозрении на удушение, — язык жертвы. Гуэррьер сотрудничал; на языке не было следов зубов.

Однако были слабые признаки синяков внутри рта. Глай достал из кармана небольшой набор с косметическими средствами, выбрал мягкий розоватый жирный карандаш. Он не мог добиться того, чтобы обесцвечивание исчезло полностью, но он мог изменить цвет, сделав его

одинаковым с окружавшими тканями. Он также убрал бледность вокруг внутренней части губ, ликвидируя еще один намек на удушение.

Глаза смотрели невидящим взглядом, Глай закрыл их. Он массировал искаженное лицо, пока оно не расслабилось, принимая почти умиротворенное выражение. Затем он придал телу положение мирного сна и поправил покрывала кровати.

Незначительное, навязчивое сомнение возникло у него в уме, когда он отходил от постели. Это было сомнение человека, склонного к педантизму, который всегда чувствовал, что пропущена какая-то мелкая, но важная деталь. Он спускался вниз по верхнему пролету лестницы, когда увидел, как из буфетной появился телохранитель с подносом, на котором стоял фарфоровый чайник.

Глай замер на месте. Он внезапно понял, что он пропустил. Зубы Гуэррьера были слишком хорошими. До него дошло, что они наверняка вставные.

Он скрылся из вида перед приближающимся телохранителем и бегом вернулся в спальню. Пять секунд, и они уже у него в руках. Где старик хранит их до утра? Он должен опускать их в чистящий раствор. На прикроватном столике ничего не было, кроме часов. Фосс нашел пластиковую миску, заполненную голубой жидкостью на полке в ванной. Времени на анализ содержимого не было. Он опустил туда протезы. Глай открыл дверь спальни в тот момент, когда телохранитель взялся за ручку двери со стороны холла.

— О, монсеньор Вийон, я подумал, что вы и премьер не откажетесь от чашки чая.

Глай кивнул через плечо в сторону кровати.

— Жюль сказал, что чувствует себя усталым. Думаю, он уснул, как только его голова коснулась подушки.

У телохранителя были свои соображения по этому поводу.

— Не хотите ли вы выпить чашку чая перед уходом, сэр?

Глай закрыл дверь.

— Спасибо, нет. Пора уходить.

Они вместе вернулись в фойе. Телохранитель поставил поднос и помог ему надеть пальто. Глай задержался на пороге, чтобы удостовериться, что человек Гуэррьера увидел «мерседес».

Пожелал доброй ночи и завел машину. Ворота открылись, и он выехал на опустевшую улицу. Через восемь кварталов он припарковал машину к

краю тротуара между двумя большими домами. Закрыл дверцы и пяткой затоптал в землю ключ зажигания.

Что может быть более обычным зрелищем, чем «мерседес», стоящий в стильном жилом районе. Люди, живущие в особняках, редко разговаривают со своими соседями. Каждый может подумать, что машина принадлежит друзьям, приехавшим с визитом в дверь рядом. На машину никто не обратит никакого внимания в течение ряда дней.

Глай вернулся в Квебек в десять часов десять минут на автобусе. Экзотический яд, который он приготовил, был все еще у него в кармане. Это был надежный метод убийства, используемый коммунистической службой разведки. Ни один патологоанатом не сможет определить его присутствие в трупе с уверенностью.

Решение использовать подушку было принято мгновенно уже потом. Она оказалась инструментом, который как нельзя лучше соответствовал претензиям Глая на нонконформизм.

Большинство убийц действуют по одной хорошо разработанной схеме. Схема Глая заключалась в том, что он вообще не имел схемы как таковой. Каждое убийство совершенно отличалось по исполнению от предшествующего. Он не оставлял никаких улик, которые могли связать его с прошлым убийством.

Он почувствовал прилив возбуждения. Первое препятствие устранено. Осталось еще одно, самое сложное, самое чувствительное из всех.

34

Даниэла лежала в постели и наблюдала за кольцами дыма от сигареты, поднимающимися к потолку. У нее были весьма смутные представления об этой теплой небольшой спальне в дальнем коттедже за пределами Оттавы.

Она села и посмотрела на часы. Антракт кончился, и она сожалела, что он не может продолжаться неопределенно длительное время. Взывала ответственность, она была обречена на возврат в реальность.

— Тебе пора уходить? — спросил лежащий рядом Вийон.

Она кивнула.

— Должна играть роль преданной жены и навестить своего мужа в больнице.

— Не завидую тебе. Больницы — это кошмар в белом.

— Сейчас я уже привыкла к этому.

— Как дела у Шарля?

— Врачи говорят, что сможет отправиться домой через несколько недель.

— Домой? Зачем? — сказал он презрительно. — Страна осталась без управления. Если выборы были бы завтра, он, определенно, потерпел бы поражение.

— А тебе на пользу.

Она поднялась из постели и начала одеваться.

— Теперь, когда Жюля Гуэррьера нет на пути, наступило самое походящее время, чтобы бы ты ушел в отставку из кабинета и публично выставил свою кандидатуру на пост президента Квебека.

— Придется внимательно продумать свою речь. Идея заключается в том, чтобы прийти как спаситель. Не могу позволить, чтобы меня считали крысой, спасающейся с тонущего корабля.

Она подошла и села рядом с ним. Тонкий запах его мужественности вновь возбудил ее. Она положила руку ему на грудь.

— Сегодня ты был другим человеком, Анри.

Казалось, что у него на лице появилось озабоченное выражение.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты был более брутальным во время нашей любви. Почти жестоким.

— Думал, тебе понравится перемена.

— Мне понравилось.

Даниэла улыбнулась и поцеловала его.

— Даже внутри меня ты был другим.

— Не могу представить себе, почему, — сказал он небрежно.

— Не могу и я, но мне понравилось это.

Она неохотно отодвинулась и встала. Надела пальто и перчатки. Он оставался в постели, наблюдая за ней.

Даниэла выдержала паузу и посмотрела на него проницательным взглядом.

— Ты так и не рассказал мне, что ты предпринял, чтобы смерть Жюля Гуэррьера выглядела естественной.

Его взгляд стал ледяным.

— Есть вещи, о которых тебе лучше не знать.

У нее был такой вид, будто ее ударили по лицу.

— Раньше между нами не было никаких секретов.

— Теперь появились, — сказал он бесстрастно.

Даниэла не представляла себе, как реагировать на его неожиданную холодность. Никогда не знала его таким, и это поразило ее.

— В твоих словах прозвучала злость. Это потому, что я что-то сказала?

Он посмотрел на нее безо всякого интереса и пожал плечами.

— Ожидал от тебя большего, Даниэла.

— Большего?

— Ты ничего не рассказала мне о Шарле, чего бы я не знал из газет.

Она вопросительно посмотрела на него.

— А что ты хотел бы знать?

— Его тайные, внутренние мысли. Разговоры с другими министрами кабинета. Каким образом он собирается вести дела с Квебеком после отделения? Думает ли он об отставке? Черт возьми, мне нужна информация, а ты не предоставляешь ее мне.

Она выразительно протянула руки.

— Шарль изменился после катастрофы самолета. Он стал больше утаивать. Он больше не доверяет мне так, как раньше.

Его глаза потемнели.

— Тогда ты становишься бесполезной для меня.

Она отвернулась, боль и злость нарастали в груди.

— Не трудись связаться со мной вновь, — ледяным голосом сказал он, — если тебе нечего мне сказать. Больше не буду рисковать, занимаясь сексуальными играми.

Даниэла рванулась к двери, но вернулась.

— Ты сукин сын! — вырвалось у нее сквозь рыдания.

«Как странно, — думала она, — что раньше я никогда не видела в нем монстра». Она подавила дрожь, вытерла слезы тыльной стороной руки и ушла.

Его смех преследовал ее до машины и звучал у нее в ушах в течение всего пути в больницу.

35

Начальник администрации президента лишь кивнул, безразлично здороваясь, и не поднялся из-за письменного стола, когда Питт вошел в его офис. Взглянул на посетителя без улыбки.

— Садитесь, мистер Питт. Президент появится через несколько минут.

Никакого рукопожатия. Питт поставил свой портфель на ковер и сел на кушетку около окна.

Начальник администрации, молодой человек около тридцати лет с напыщенным именем Гаррисон Мун четвертый, коротко ответил на три телефонных звонка, ловко переложил бумаги из одной корзины в другую. Наконец соизволил взглянуть в сторону Питта.

— Хочу, чтобы вы хорошо усвоили, мистер Питт: эта встреча выходит за всякие рамки. У президента нет времени даже на немногословные беседы с гражданскими служащими третьего уровня. Если ваш отец, сенатор Джордж Питт, не обратился бы с запросом и не сообщил, что дело срочное, вас не пустили бы дальше ворот.

Питт невинно взглянул на высокомерного осла.

— Пошел подальше, ты мне наговорил уже чертову кучу комплиментов.

Лицо Муна потемнело, как туча.

— Полагаю, что вам следует проявлять уважение к офису президента.

— Какое впечатление может произвести президент, — сказал Питт, саркастически улыбаясь, — если он нанял такого придурка, как ты.

Гаррисон Мун четвертый застыл на месте, словно в него выстрелили.

— Как вы смеете!

В этот момент в офис вошел секретарь президента.

— Мистер Питт, сейчас президент примет вас.

— Нет! — заорал Мун, вскакивая на ноги, его глаза покраснели от ярости. — Встреча отменяется!

Питт подошел к Муну, взял его за лацканы пиджака и приподнял, подтягивая к себе через письменный стол.

— Мой тебе совет, малыш: не забивай себе голову делами.

Затем толкнул его назад на вращающееся кресло, но слишком сильно. Кресло перевернулось, и Мун растянулся на полу.

Питт радушно улыбнулся пораженному секретарю президента и сказал:

— Не нужно показывать дорогу, я уже бывал в Овальном кабинете.

В отличие от начальника штаба, президент сердечно приветствовал Питта и протянул ему руку.

— Часто читал ваши исследования по проектам «Титаник» и «Виксен», мистер Питт. Глубокое впечатление произвело на меня и то, как вы справились с операцией «Дудлбаг». Большая честь встретиться с вами.

— Честь оказана мне.

— Пожалуйста, садитесь, — любезно сказал президент.

— У меня, возможно, не будет времени, — сказал Питт.

— Простите? — вопросительно поднял бровь президент.

— Начальник администрации был груб и чертовски высокомерно обошелся со мной, поэтому я назвал его придурком и немного потрепал.

— Вы серьезно?

— Да, сэр. Подозреваю, что сюда в любую секунду может ворваться служба охраны и вытащить меня из помещения.

Президент подошел к своему письменному столу и нажал кнопку внутренней связи.

— Мэгги, прошу не прерывать меня ни по каким вопросам, пока я не скажу, что освободился.

Питт почувствовал облегчение, когда на лице президента появилась широкая улыбка.

— Гаррисона иногда заносит. Возможно, вы преподали ему запоздалый урок скромности.

— Извинюсь, когда буду уходить.

— Не стоит.

Президент опустился в кресло с высокой спинкой около кофейного столика напротив Питта.

— Мы с вашим отцом прошли вместе длинный путь. В один и тот же год нас выбрали в конгресс. Он сказал мне по телефону, что вы наткнулись на откровение, которое будоражит разум.

— Отец любит преувеличивать, — рассмеялся Питт. — Но в этом случае он прав на все сто процентов.

— Расскажите мне, что вы обнаружили.

Питт открыл портфель и стал выкладывать бумаги на кофейный столик.

— Простите, что отниму у вас время на урок истории, мистер президент, но это необходимо, чтобы все стало понятно.

— Слушаю.

— В начале тысяча девятьсот четырнадцатого года, — начал Питт, — британцы не сомневались, что неизбежна война с империалистической Германией. К марту Уинстон Черчилль, в то время первый лорд Адмиралтейства, уже вооружил около сорока торговых кораблей. Военный департамент прогнозировал начало военных действий на сентябрь после сбора урожая в Европе. Фельдмаршал лорд Китченер, военный министр государства, понимая, что грядущее вооруженное столкновение потребует колоссальных человеческих и других ресурсов, был потрясен, обнаружив, что вооружения и снабжения едва достаточно для трехмесячной военной кампании. Одновременно с этим Соединенное Королевство было занято проведением ускоренной программы социальных реформ, которая уже привела к существенному увеличению налогообложения. Не нужно быть ясновидцем для понимания того, что взлетающие цены на вооружение, проценты по долгам, социальные и пенсионные выплаты подорвут основы экономики.

— Таким образом, Британия вычерпала бюджет до дна, когда вступила в первую мировую войну, — сказал президент.

— Не совсем, — ответил Питт. — Незадолго перед тем, как немцы вторглись в Бельгию, наше правительство выдало Британии заем на сто пятьдесят миллионов долларов. По меньшей мере это было зарегистрировано как заем. На самом деле это было первоначальным платежом.

— Боюсь, что не понимаю.

— Премьер-министр Герберт Асквит и король Георг V второго мая провели экстренное совещание при закрытых дверях, вынося решение,

рожденное отчаянием. Они тайно связались с президентом Вильсоном, сообщив о своем предложении. Он принял его. Ричард Эссекс, заместитель Уильяма Дженнингса Брайана, и Харви Шилдс, заместитель министра Британского министерства иностранных дел, разработали то, что известно как Североамериканский договор.

— В чем же суть этого договора? — спросил президент.

В течение, возможно, десяти секунд стояла полная тишина, Питт колебался. Наконец он прочистил горло.

— За сумму один миллиард долларов Великобритания продала Канаду Соединенным Штатам.

Слова Питта зависли над головой президента. Он молча сидел, не веря тому, что услышал.

— Скажите еще раз, — потребовал он.

— Мы купили Канаду за один миллиард долларов.

— Абсурд.

— Но это правда, — твердо сказал Питт. — До начала войны многие члены парламента Англии сомневались в том, что колонии и доминионы окажут законную поддержку. Некоторые либералы и консерваторы открыто заявляли, что Канада была тяжелым бременем для империи.

— Можете представить доказательство? — спросил президент. Его взгляд был скептическим.

Питт передал ему копию письма Вильсона.

— Это написано Вудро Вильсоном премьер-министру Асквиту четвертого июня. Письмо складывали, на месте перегиба отсутствует часть одного предложения. Я провел спектрографический анализ письма, который установил, что, дополняя предложение отсутствующими словами, строку следует читать следующим образом: «...мои соотечественники — настоящие собственники, и они не будут молча смотреть, зная с уверенностью, что наш сосед на севере и наша собственная возлюбленная страна стали единым целым».

Президент изучал письмо в течение нескольких минут. Затем положил его на кофейный столик.

— Что еще у вас есть?

Без лишних слов Питт передал фотографию Брайана, Эссекса и Шилдса, выходящих из Белого дома с договором. Затем он достал свой козырь.

— Это настольный дневник Ричарда Эссекса за май месяц. Вся программа конференции, на которой принято решение о Североамериканском договоре, изложена со всеми подробностями. Последняя запись датируется двадцать шестым мая тысяча девятьсот четырнадцатого года. В этот день Эссекс покинул столицу Канады и состоялось заключительное подписание договоров.

— Вы сказали — договоров?

— Было три экземпляра, по одному для каждой страны-участницы. Первыми подпись поставили Асквит и король Георг. Затем Шилдс повез исторические документы в Вашингтон, где двадцатого мая свои имена добавили Вильсон и Брайан. Через два дня Эссекс и Шилдс вместе отправились на поезде в Оттаву, где последнюю подпись поставил канадский премьер-министр, сэр Роберт Борден.

— Тогда почему не имела места официальная передача Канады в США?

— Серия неблагоприятных обстоятельств, — объяснил Питт. — Харви Шилдс утонул на трансатлантическом лайнере «Императрица Ирландии» после того, как он столкнулся с угольщиком и затонул в реке Святого Лаврентия. Его тело и британский экземпляр договора так и не были найдены.

— Но я уверен, что Эссекс прибыл в Вашингтон с американским экземпляром.

Питт покачал головой.

— Поезд, в котором ехал Эссекс, сорвался с моста в реку Гудзон. Крушение стало чем-то вроде классической тайны: не обнаружены ни пассажиры, ни паровозная бригада, и даже никаких следов поезда.

— Тогда остается один экземпляр в канадских руках.

— Здесь следы теряются вообще, — сказал Питт. — Остальное домыслы. Очевидно, кабинет Асквита восстал. Министры, без сомнения, включая Черчилля, пришли в бешенство, узнав, что премьер-министр и король пытались продать самый большой доминион у них за спиной.

— Сомневаюсь, что канадцы очень радовались сделке.

— Учитывая, что исчезли два экземпляра договора, сэр Роберт Борден, лояльный англичанин, между прочим, мог легко уничтожить третий, оставляя Вильсона без каких-либо материальных улик для вступления в силу американских притязаний.

— Кажется маловероятным, что официальная запись относительно переговоров такого масштаба также утрачена, — сказал президент.

— Вильсон утверждает в письме, что проинструктировал своего министра уничтожить все упоминания о пакте. Не могу отвечать за министерство иностранных дел, но предполагаю, что они лучшие хранители. По традиции британцы никогда не выбрасывают и не сжигают документы. Какие бы документы, касающиеся договора, ни сохранились, я уверен, что они похоронены под тонной пыли в каком-нибудь старинном викторианском хранилище.

Президент встал и начал ходить по кабинету.

— Мне бы очень хотелось изучить формулировку договора.

— Это можно, — улыбнулся Питт. — Эссекс записал проект в своем настольном дневнике.

— Я могу получить это?

— Конечно.

— Как к вам попал этот дневник?

— Он находился во владении его внука, — ответил Питт, не уточняя.

— Джона Эссекса?

— Да.

— Почему он скрывал его в течение всех этих лет?

— Возможно, боялся, что доведение его до сведения общественности приведет к международной напряженности.

— Наверное, он был прав, — сказал президент. — Если пресса разрекламирует это открытие в новостях, то нельзя предсказать стихийную реакцию людей по обеим сторонам границы. Вильсон прав: американцы — собственники. Могут потребовать передачу Канады. И только одному Богу известно, какой ад поднимется в Конгрессе.

— Есть зацепка, — сказал Питт.

Президент перестал ходить по кабинету.

— В чем же она?

— Платеж не зарегистрирован. Первоначальный депозит перевели в заем. Даже если появится экземпляр договора, британцы будут отрицать его на том основании, что они никогда не получали компенсации, и будут правы.

— Да, — медленно сказал президент, — отсутствие платежа может аннулировать договор.

Он направился к высоким окнам и посмотрел на газон Белого дома с почерневшей зимней травой, не произнося ни единого слова, борясь с собственными мыслями.

Наконец он повернулся и пристально посмотрел на Питта.

— Кому, кроме вас, известно о Североамериканском договоре?

— Коммандеру Хейди Миллиган, проводившей предварительные исследования с самого начала после того, как нашла письмо Вильсона, историку сената, который обнаружил фотографии, моему отцу, и конечно, адмиралу Сандекеру. Так как он мой непосредственный начальник, я считал своим долгом поставить его в известность о том, что я исследую.

— Больше никому?

Питт покачал головой.

— Нет.

— Давайте считать это клубом избранных, согласны?

— Как скажете, господин президент.

— Глубоко благодарен за то, что вы привлекли мое внимание к этому делу, мистер Питт.

— Следует ли мне продолжать расследование?

— Нет, думаю, будет лучше, если мы похороним договор там, где он лежал, по меньшей мере, в настоящий момент. Нет смысла портить отношения с Канадой и Соединенным Королевством. Рассматриваю это как тот простой случай, о котором не известно никому, поэтому никто не беспокоится.

— Джон Эссекс согласился бы с таким решением.

— А вы, мистер Питт, согласны?

Питт закрыл портфель и встал.

— Я морской инженер, господин президент. Избегаю всякого вмешательства в политику.

— Мудрый курс, — сказал президент с понимающей улыбкой. — Действительно, самый верный курс.

Не прошло и пяти секунд после того, как за Питтом захлопнулась дверь, а президент уже включил внутреннюю связь.

— Мэгги, соедини меня с Дугласом Оутсом по голографу.

И сел за письменный стол в ожидании.

Вскоре после переезда в Белый дом он приказал установить у себя в офисе систему голографической связи. Ему было почти по-детски интересно изучать выражение лица, движения тела и внешнюю реакцию членов кабинет во время визуальных разговоров с ними, когда сами они находились за много миль от Белого дома.

В середине Овального кабинета появилось трехмерное изображение человека с вьющимися рыжеватыми волосами в классическом консервативном сером костюме в тонкую полоску. Он сидел в кожаном председательском кресле.

Дуглас Оутс, госсекретарь, кивнул и улыбнулся.

— Доброе утро, господин президент. Как идет сражение?

— Дуглас, сколько денег Соединенные Штаты передали Британии после тысяча девятьсот четырнадцатого года?

Оутс вопросительно посмотрел.

— Передали?

— Да, ты знаешь, списанные военные займы, экономическая помощь, отчисления, как бы это ни называлось.

Оутс пожал плечами.

— Довольно значительная сумма, полагаю.

— Более миллиарда долларов?

— Легко, — ответил Оутс. — Почему вы спрашиваете?

Президент игнорировал вопрос.

— Организуй курьера. У меня есть кое-что интересное для друга в Оттаве.

— Еще данные о нефтяном предприятии? — настаивал Оутс.

— Даже лучше. У нас только что появился джокер для решения канадского вопроса.

— Нам потребуется настоящая удача.

— Думаю, ты можешь назвать это развесистой клюквой.

— Развесистой клюквой?

Президент был похож на кота, поймавшего лапой мышь.

— Великолепный тактический ход, — сказал он, — чтобы отвлечь внимание британцев от реального заговора.

36

Президент подплыл на боку к краю бассейна Белого дома и подтянулся на лестнице, когда Мерсьер и Клейн вышли из раздевалки.

— Надеюсь, ранний утренний заплыв не нарушит ваши графики.

— Конечно, нет, господин президент, — сказал Мерсьер. — Могу приступить к упражнениям.

Клейн осмотрел помещение внутреннего бассейна.

— Значит, это и есть знаменитый плавательный бассейн. Похоже, что последним президентом, которым пользовался им, был Кеннеди.

— Да, — ответил президент. — Никсон закрыл его и использовал для пресс-конференций. Что же касается меня, то лучше плавать, чем смотреть на орду болтающих репортеров.

Мерсьер широко улыбнулся.

— Что скажет корпус репортеров Вашингтона, если услышит, что их назвали болтающей ордой?

— Только не для протокола, — засмеялся президент. — Что скажете на то, что мы подвели новую трубу с горячей водой? Рабочие закончили работу только вчера.

Они разместились на небольшой круглой площадке, встроенной на мелководном участке бассейна. Президент включил циркуляционные насосы и установил температуру на 142° по Фаренгейту. Пока нагревалась вода, Мерсьер почувствовал, что умирает от ожогов. Даже начал сочувствовать омарам.

Наконец президент расслабился и сказал:

— Это место также подходит и для ведения дел. Предположим, что вы, джентльмены, скажете мне, каково наше положение в канадской энергетической ситуации.

— Новость довольно мрачная, — сказал Мерсьер. — Наши источники службы разведки узнали, что это министр парламента Анри Вийон приказал отключить подачу электричества из Джеймс-Бея.

— Вийон. — Имя прозвучало в устах президента так, будто имело дурной вкус. — Это тот краснобай, который обливает грязью Соединенные

Штаты каждый раз, когда ему удается задержать журналиста для утомительных и скучных излияний.

— Тот самый, — ответил Мерсьер. — Ходят слухи, что он причастен к смерти президента новой республики Квебек.

— Со смертью Гуэррьера появилась угрожающая возможность, что он может победить на выборах, — добавил Клейн.

Президент нахмурился.

— Не могу представить себе ничего хуже Вийона, диктующего цены и определяющего политику поставок для Джеймс-Бея и для нового нефтяного месторождения, открытого Государственным агентством подводных и морских научных исследований.

— Это дьявольски неприятно, — проворчал Мерсьер.

Он повернулся к Клейну:

— Действительно нефтяное месторождение такое огромное, как предсказывает адмирал Сандекер?

— Его данные несколько занижены, — ответил Клейн. — Мои эксперты проанализировали компьютерные данные Государственного агентства подводных и морских научных исследований. Оказалось, что десять миллиардов баррелей — более точная цифра, чем восемь.

— Как получилось, что канадские нефтяные компании упустили его?

— Из всех нефтяных месторождений труднее всего найти стратиграфическую ловушку, — объяснял Клейн. — Сейсмическая аппаратура, гравиметры, магнитометры — ни один из этих приборов не может обнаружить присутствие углеводородов в этом геологическом состоянии. Единственным надежным методом является бурение наугад. Канадцы пробурили скважину в двух милях от месторождения, открытого «Дудлбагом», но ничего не добились. Эта площадка была отмечена на нефтяных картах символом, обозначающим сухую скважину. Остальные разведочные партии держались подальше от этого места.

Мерсьер отмахнулся от пара, поднимающего прямо у него перед глазами.

— Похоже, мы сделаем Квебек очень богатым новым государством.

— При условии, что мы проинформируем их, — сказал президент.

Клейн взглянул на него.

— Почему мы должны держать это в секрете? Разработка нефтяных месторождений канадцами лишь вопрос времени. Правительство Квебека будет благодарно нам за то, что мы укажем им месторождение и будем сотрудничать с ними в его разработке. Конечно, нам будут продавать сырую нефть по разумным ценам.

— Ничем не оправданный ложный оптимизм, — сказал Мерсьер. — Посмотри, что произошло в Иране и других странах. Полмира думает, что Соединенные Штаты превратятся в объект нападок, когда дело дойдет до назначения цены.

Президент наклонил голову назад и закрыл глаза.

— Допустим, у нас есть документ, в соответствии с которым Канада принадлежит Соединенным Штатам?

Мерсьер и Клейн молчали, сбитые с толку, не понимая, что имеет в виду президент. Наконец Мерсьер произнес слова, которые были у них на уме.

— Не могу даже представить подобного документа.

— Я тоже, — сказал Клейн.

— Просто мечтательные раздумья, — сказал президент, весело махнув рукой. — Забудем об этом. У нас множество земных проблем, которые мы должны обсудить.

Мерсьер посмотрел на воду.

— Огромнейшую опасность для безопасности нашей страны представляет распад единой Канады. Чувствую, что мы должны содействовать премьер-министру Сарве по возможности всем, чтобы не допустить отделение Квебека.

— Ты всё сказал правильно, — сказал президент. — Но я собираюсь попросить тебя отложить этот вопрос в долгий ящик.

— Сэр?

— Хочу поручить тебе координацию сверхсекретной программы с Государственным департаментом и Центральным разведывательным управлением, чтобы получение независимости Квебеком произошло на самом деле.

У Мерсьера был такой вид, словно его искусала акула.

— Думаю, ты не понимаешь...

— Мое решение окончательное, — прервал президент. — Прошу тебя как друга выполнить то, что я сказал.

— Можно спросить, почему?

В глазах президента появился отсутствующий взгляд, Мерсьер почувствовал, что у него по спине пробежал холодок от внезапной жесткости, прозвучавшей в голосе президента.

— Верь мне, когда я говорю, что разделенная Канада намного благоприятнее для Северной Америки.

Клейн застегнул плащ на все пуговицы, пока стоял на южном портике Белого дома, ожидая свою машину и водителя. Угрожающие серые небеса не могли развеять его беспокойство.

— Не могу не задавать себе вопрос: неужели президент такой же сумасшедший, как Анри Вийон, — сказал он.

— Ты употребил не то слово, — ответил Мерсьер. — Хитрые — возможно. Но никто из них не сошел с ума.

— Странно выглядит его сказка об объединении Канады и США.

— Здесь он проявил себя нехарактерно для своей натуры. Но всё-таки что же у него на уме, черт возьми?

— Ты советник по госбезопасности. Если кто-то и может знать, то это ты.

— Ты всё слышал сам. Он что-то утаивает от меня.

— Так что же произойдет сейчас?

— Подождем, — ответил Мерсьер загробным голосом. — Будем ждать, пока я не узнаю, что у президента на уме.

37

— Продано!

Голос аукциониста прогремел через усилители, как выстрел из ружья. Толпа, как обычно, недовольно роптала, занося высокую предложенную цену на двухместный закрытый «форд» 1946 года в программу.

— Следующий автомобиль, пожалуйста.

Жемчужно-белый «мерседес-бенц» 540К 1939 года, сделанный на заказ, бесшумно появился в центре арены большого стадиона в Ричмонде, штат Виргиния. Шепот восхищения прокатился по трехтысячной толпе, как только прожекторы осветили сверкающую краску элегантного кузова. Выступающие на торгах кружили по арене, поедали глазами

подвеску и коробку передач, исследовали каждую деталь обшивки, изучали двигатель.

Дирк Питт сидел в третьем ряду и повторно проверял порядковый номер в программе. Мерседес числился четырнадцатым в ежегодном аукционе антикварных и классических автомобилей в Ричмонде.

— Это поистине красивая и экзотическая машина, — усиленно расхваливал автомобиль аукционист. — Королева среди всех классических автомобилей. Начнем, начальная цена четыре тысячи.

В толпе появился букмекер в смокинге. Внезапно кто-то поднял руку.

— Сто пятьдесят.

Аукционист продолжал непрерывно расхваливать товар, торги оживились, как только желающие приобрести автомобиль приступили к ритуалу соревнования за приз. Быстро добрались до отметки двести тысяч долларов и перешагнули ее.

Поглощенный торгами, Питт не заметил, как на свободное место рядом с ним сел молодой человек в тройке.

— Мистер Питт?

Питт повернулся и взглянул в младенческое лицо Гаррисона Муна четвертого.

— Забавно, — сказал Питт без удивления, — ты не похож на человека, интересующегося старыми машинами.

— На самом деле меня интересуете вы.

Питт бросил на него презрительный взгляд.

— Если ты гей, то напрасно теряешь время.

Мун нахмурился и огляделся вокруг, чтобы убедиться, что никто не прислушивается к их беседе. Все с головой ушли в торги.

— Я нахожусь здесь по официальному поручению правительства. Давайте отойдем куда-нибудь и поговорим.

— Подожди минут пять, — сказал Питт. — Принимаю участие в торгах за следующую машину.

— Пожалуйста, выслушайте меня, мистер Питт, — сказал Мун, стараясь командовать. — Мое дело к вам значительно важнее, чем наблюдать, как взрослые люди швыряют деньги за устаревшее барахло.

— Двести восемьдесят тысяч — объявил аукционист. — Кто-нибудь даст триста тысяч?

— По меньшей мере, ты не можешь назвать ее дешевкой, — сказал Питт спокойно. — Данная машина является образцом механического творчества, это инвестиция, которая будет приносить от двадцати до тридцати процентов в год. Твои внуки не смогут даже прикоснуться к ней менее чем за два миллиона долларов.

— Я нахожусь здесь не для того, чтобы спорить о будущем антиквариата. Пойдемте?

— Ни за что.

— Возможно, вы измените свое решение, если я скажу, что нахожусь здесь по поручению президента?

Выражение на лице Питта окаменело.

— Подумаешь, большое дело, будь оно проклято. Почему любой молокосос, который ходит на работу в Белый дом, полагает, что он может угрожать миру? Вернись и передай президенту, что ты не справился, мистер Мун. Также можешь сказать ему, что, если он хочет добиться чего-то от меня, пусть пришлет мальчика на побегушках, который сможет продемонстрировать высший класс.

Мун побледнел. Всё шло не так, как он планировал, совсем не так.

— Я… я не могу сделать это, — пробормотал он.

— Круто.

Аукционист поднял молоток.

— Продано за триста шестьдесят тысяч, — сделал паузу, осматривая аудиторию. — Если нет следующего предложения… продано мистеру Роберту Эсбенсону из Денвера, Колорадо.

Муна поставили на место, холодно, безжалостно. Оставался единственный путь для спасения ситуации. Он принял его.

— Ладно, мистер Питт, командуете вы.

«Мерседес» отогнали, его место занял двуцветный соломенно-бежевый четырехдверный автомобиль с открывающимся верхом. Аукционист сиял, описывая его достоинства.

— А сейчас, дамы и господа, номер пятнадцатый нашей программы. «Дженсен» 1950 года, сделан в Англии. Очень редкая машина. Известно, что существует всего одна модель с таким особенным кузовом. Настоящая красавица. Начнем с пятнадцати тысяч.

Первое предложение составило двадцать пять тысяч. Питт молчал, пока поднимали цену.

Мун изучал его.

— Вы не собираетесь торговаться?

— Всему свое время.

Стильно одетая женщина в возрасте около пятидесяти лет подняла карточку участника в торгах. Аукционист кивнул и одарил ее улыбкой.

— Двадцать девять тысяч от прекрасной мисс О'Лири из Чикаго.

— Он знает всех? — спросил Мун с искрой интереса, блеснувшей в глазах.

— Коллекционеров немного, довольно узкий круг, — ответил Питт. — Большинство из нас посещают одни и те же аукционы.

Торги приостановились на сорока двух тысячах. Аукционист почувствовал, что наступил пик.

— А сейчас, дамы и господа, сообщаю, что эта машина стоит дороже, значительно дороже.

Питт поднял карточку участника на торгах.

— Спасибо, сэр. Сорок три. Кто-нибудь скажет сорок четыре?

Мисс О'Лири, в двубортном шерстяном клетчатом пиджаке от модельера, в узкой серо-коричневой фланелевой юбке с откровенным разрезом впереди, просигналила увеличение цены.

Не успел аукционист объявить ее цену, как в воздухе оказалась карточка Пита.

— Теперь она знает, что началась настоящая борьба, — сказал он Муну.

— Сорок четыре и теперь уже сорок пять. Кто скажет сорок шесть?

Торги приостановились. Мисс О'Лири совещалась с более молодым спутником, сидевшим рядом с ней. Это была женщина, добившаяся успеха своим собственным трудом, сделав приличное состояние на торговле косметикой. Ее коллекция, одна из лучших в мире, насчитывала почти сто автомобилей. Когда букмекер наклонился, чтобы зафиксировать сделку, она подняла голову, повернулась и подмигнула Питту.

— Едва ли это подмигивание дружественного конкурента, — наблюдательно заметил Мун.

— Иногда приходится иметь дело с более пожилыми женщинами, — сказал Питт, словно поучая школьника. — Им лишь немногое неизвестно о мужчинах.

Привлекательная девушка направилась в сторону Питта и попросила его подписать соглашение о продаже.

— Может, сейчас? — с надеждой спросил Мун.

— Как ты добрался сюда?

— Моя подруга подкинула меня из Арлингтона.

Питт поднялся на ноги.

— Пока ты поговоришь с ней, я отправлюсь в офис и подпишу счет. Она может следовать за нами.

— Следовать за нами?

— Ты хотел поговорить наедине, мистер Мун. Поэтому хочу доставить тебе удовольствие и довести обратно до Арлингтона в настоящем автомобиле.

«Дженсен» легко катил по трассе на Вашингтон. Питт одним глазом следил за дорожным патрулем, вторым за спидометром. Скорость была около семидесяти миль в час.

Мун застегнул пальто на все пуговицы, вид у него был жалкий.

— Печка-то есть в этой реликвии?

Питт не заметил, что в машине стало очень холодно из-за холодного воздуха, проникающего через матерчатую крышу Он повернул ручку на приборной доске, вскоре тонкая струйка теплового воздуха начала поступать в салон «Дженсена».

— Итак, Мун, мы одни. Так в чем дело?

— Президент хочет, чтобы вы возглавили поисковую экспедицию на реках Святого Лаврентия и Гудзон.

Питт оторвал взгляд от дороги и уставился на Муна.

— Ты шутишь?

— Серьезнее не может быть. Он считает, что вы единственный квалифицированный человек, который может взять на себя ответственность за поиски экземпляров Североамериканского договора.

— Тебе известно об этом?

— Да, он доверил мне эту тайну через десять минут после вашего ухода из офиса. Во время исследований я буду действовать в качестве связного.

Питт сбросил скорость до допустимого уровня и хранил молчание в течение нескольких секунд. Затем сказал:

— Думаю, что он не понимает, о чем просит.

— Уверяю вас, что президент рассмотрел это со всех точек зрения.

— Он просит невозможного и ожидает чуда. — Выражение на лице Питта стало скептическим, голос спокойным. — Невозможно, чтобы хоть кусочек бумаги остался целым и невредимым после того, как пробыл в воде три четверти столетия.

— Согласен, что проект кажется бесперспективным, — согласился Мун. — И всё же, если на существование экземпляра договора есть хоть один шанс из миллиона, президент полагает, что мы должны приложить по возможности все усилия, чтобы найти его.

Питт пристально смотрел на дорогу, рассекающую сельскую местность Виргинии.

— На минуту допустим, что нам повезло, мы положили на стол президента договор. Что дальше?

— Не могу сказать.

— Не можешь или не хочешь?

— Я всего лишь адъютант президента по особым поручениям. Мальчик на побегушках, как вы грубо назвали это. Делаю то, что мне поручили. Мне приказали оказывать вам всяческое содействие, следить за тем, чтобы удовлетворялись ваши требования на финансирование и аппаратуру. Что будет, если вы найдете документ, — не мое и не ваше дело.

— Скажи мне, Мун, — произнес Питт, и на его губах появилась слабая улыбка. — Тебе приходилось читать «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей»?

— Даже никогда и не слышал об этом.

— Ничего нет удивительного.

Питт сел на хвост электромобилю, который отказался уступить скоростную полосу, и посигналил фарами «дженсена». В конце концов водитель той машины просигналил в ответ и уступил дорогу.

— А что будет, если я откажусь от этого дела?

Мун почти неправдоподобно застыл на месте.

— Президент очень расстроится.

— Это льстит мне.

Он продолжал вести машину, погруженный в свои мысли. Затем повернулся и добавил:

— Ладно, попытаюсь сделать по возможности всё, на что способен. Полагаю, что приступаем к делу немедленно.

Мун просто кивнул, чувствуя огромное облегчение.

— Первый пункт в твоем перечне, — сказал Питт. — Мне нужны люди и ресурсы Государственного агентства по подводным и морским научным исследованиям. Чрезвычайно важно проинформировать о проекте адмирала Сандекера. За его спиной я не буду работать.

— То, в чем вы будете принимать участие, мистер Питт, целиком соответствует избитому термину «деликатная ситуация». Чем меньше людей будут знать об этом договоре, тем меньше будет возможность того, что о нем станет известно канадцам.

— Сандекера необходимо проинформировать обязательно, — твердо настаивал Питт.

— Хорошо, назначу встречу и ознакомлю его с проектом.

— Годится, но не совсем. Хочу, чтобы адмирала ввел в курс дела президент, он заслужил это.

У Муна был такой вид, словно у него вырвали кошелек. Он уставился в пустоту, затем ответил.

— Хорошо, считайте, что это сделано.

— Второй пункт, — продолжал Питт. — Нам нужен профессионал для проведения исторических расследований.

— В Вашингтоне есть несколько руководителей высшего звена, занимающих ответственные государственные посты. Пришлю вам их резюме.

— Я думал о конкретном человеке.

— Какая-нибудь особенная причина?

— Коммандер Хейди Миллиган провела предварительное научное исследование относительно договора. Она знает работу в архивах, ее следует включить в круг разработчиков проекта.

— Имеет смысл, — задумчиво сказал Мун, — но следует учесть, что она где-то в Тихом океане.

— Позвони командующему военно-морскими операциями и отзови ее обратно, при условии, конечно, что она согласна, и прими на себя ответственность.

— Я принял на себя ответственность, — холодно ответил Мун.

— Третий пункт. Один экземпляр договора утонул вместе с «Императрицей Ирландии», которая лежит в канадских водах. Невозможно обеспечить секретность наших водолазных подводных операций. По существующим законам подъема затонувших судов мы обязаны поставить в известность их правительство, Канадскую тихоокеанскую железную дорогу, которой принадлежал корабль, страховые компании, выплатившие страховые премии.

Подавленное выражение на лице Муна превратилось в самоуверенное.

— Здесь я намного опередил вас. Уже запущена в работу необходимая документация. Для вас придумана легенда, что вы представляете археологическую партию, занимающуюся поисками предметов, которые пройдут специальную обработку и будут переданы в американские и канадские морские музеи. Вам придется заниматься всякой ерундой во время операции, чтобы успокоить и нейтрализовать возможные домыслы.

— Четвертый пункт, — сказал Питт. — Деньги.

— В ваше распоряжение передадут достаточно большие фонды, предназначенные для тщательного и полного проведения работ.

Немного колеблясь, он заговорил снова, прислушиваясь к звуку работы двигателя «дженсена» мощностью 130 лошадиных сил. Солнце опускалось уже ниже вершин деревьев, и Дирк включил огни.

— Не даю никаких гарантий, — наконец сказал он.

— Понятно.

— Каким образом будем поддерживать контакт?

Мун вынул ручку и что-то написал на обратной стороне программы аукциона, принадлежащей Питту.

— Я буду по этому номеру двадцать четыре часа в сутки. Мы не будем встречаться друг с другом до тех пор, пока у вас не возникнет неожиданный кризис.

Гаррисон выдержал паузу и посмотрел на Питта, стараясь понять этого человека. Но прочитать Дирка было невозможно.

— Еще вопросы есть?

— Нет, — ответил Питт, погруженный в свои мысли. — Больше вопросов нет.

В его голове вихрем носились сотни вопросов, но ни на один из них Мун не мог дать ответа.

Он старался зрительно представить себе, что он сможет найти под стремительными потоками рек Гудзон и Святого Лаврентия, но эта картина не возникала. Затем задумался над тем, что стоит за сводящим с ума непостижимым планом, бросающим его в полную неизвестность.

38

— Наступило время принятия решения.

Сандекер конкретно не обращался ни к кому, глядя на гидрографические карты, фотоснимки которых были увеличены, чтобы повесить на дальней стене рабочего зала Государственного агентства подводных и морских научных исследований. Постучал косточкой пальца по одной из них, где изображался участок реки Гудзон.

— Сначала займемся «Манхеттен лимитед»? — он выдержал паузу и жестом показал на соседнюю карту. — Или «Императрицей Ирландии»?

Осмотрел помещение, изучая четырех человек, сидящих за длинным столом.

— Как мы расставим приоритеты?

Хейди Миллиган, на лице которой отразилась усталость от длинного перелета из Гонолулу, начала что-то говорить, но сразу же замолчала.

— Дамы вперед, — широко улыбаясь, сказал Эл Джиордино.

— Моя квалификация не позволяет мне выразить мнение о подъеме затонувших объектов, — с сомнением в голосе сказала она. — Но полагаю, что корабль предлагает наилучший шанс найти экземпляр договора, который можно прочитать.

— Потрудитесь обосновать свое мнение, — сказал Сандекер.

— В те времена, когда еще не путешествовали по воздуху, — объясняла Хейди, — курьеры дипломатической службы, пересекающие океаны, пользовались стандартной процедурой и герметично заворачивали документы в несколько слоев клеенки, защищая их от воздействия воды. Вспоминаю один случай, когда важные документы нашли целыми и невредимыми на теле курьера британского министерства иностранных дел, выброшенном на берег через шесть дней после гибели «Лузитании».

Сандекер улыбнулся и кивнул ей в знак удовлетворения. Как раз такая женщина и нужна в команде.

— Благодарю, коммандер. Ты дала нам первый луч надежды.

Джиордино зевнул. Большую часть ночи Питт излагал суть проекта. Это было всё, что он мог сделать, чтобы не уснуть.

— Возможно, Ричард Эссекс также завернул свой экземпляр договора в клеенку.

Хейди отрицательно покачала головой.

— Скорее всего, он положил его в кожаный несессер.

— Мало вероятности, что он мог сохраниться, — признал Сандекер.

— Я голосую за поезд, — сказал Джиордино. — «Императрица» лежит на глубине ста шестидесяти пяти футов, достаточно безопасная глубина, недосягаемая для простых ныряльщиков. Поезд, с другой стороны, лежит на глубине не более чем сорок футов. Через семь десятилетий воздействия морской воды, поступающей из залива, корабль значительно разъело. Поезд значительно лучше сохранился в пресной речной воде. Сандекер повернулся к маленькому человечку, совиные карие глазки которого увеличивались огромными очками в роговой оправе.

— Руди, а ты что скажешь?

Руди Ганн, директор логистики Государственного агентства по подводным и морским исследованиям, оторвал взгляд от своего блокнота, заполненного каракулями, и бессознательного потер нос с одной стороны. Он редко входил в азарт или принимал традиционную точку зрения. Он принимал решения только на основе фактов.

— Я предпочитаю корабль, — спокойно сказал он.

— Единственное преимущество подъема «Манхеттен лимитед» в том, что он находится на нашей земле. Однако скорость течения реки Гудзон составляет три с половиной узла. Течение слишком сильное, чтобы водолазы могли работать хоть с какой-то эффективностью. И, как предполагает Эл, есть шансы, что паровоз и вагоны погребены в иле. Это приведет к необходимости проведения работ по чистке дна.

— Подъем судна в открытой воде значительно более сложное дело, требующее больше времени, чем подъем пульмановского вагона с небольших глубин, — возразил Джиордино.

— Это правда, — согласился Ганн. — Но нам известно, где лежит «Императрица». Могила «Манхеттен лимитед» так и не найдена.

— Поезда не растворяются. Мы исследуем ограниченный участок менее одной квадратной мили. При анализе с помощью магнитометра мы за несколько часов найдем его.

— Ты рассуждаешь так, словно локомотив и вагоны все еще сцеплены друг с другом. После падения с моста их, возможно, разбросало по всему речному дну. У нас могут уйти недели на подъем ненужного нам вагона. Я не могу пойти на риск. Это слишком неточно.

Джиордино не сдавался.

— А как ты подсчитываешь шансы поиска небольшого пакета внутри искореженного судна водоизмещением четырнадцать тысяч тонн?

— Проигнорируем все шансы, — спокойно заговорил Дирк Питт, впервые вступая в разговор.

Он сидел в конце стола, сложив руки за головой.

— Попытаемся поднимать оба объекта одновременно.

В рабочем зале наступила полная тишина. Джиордино маленькими глотками пил кофе и обдумывал слова, сказанные Питтом. Ганн размышлял, глядя через очки с толстыми линзами.

— А можем ли мы позволить себе разделение наших усилий?

— Лучше спросить, достаточно ли у нас времени? — ответил Питт.

— Нам поставлены сроки? — полюбопытствовал Джиордино.

— Нет, у нас нет жесткого графика, — сказал Сандекер.

Он отошел от карт и сел на угол стола.

— Но президент совершенно ясно дал мне понять, что если всё-таки экземпляр Североамериканского договора существует, то ему нужно получить его по возможности быстрее.

Адмирал покачал головой.

— Зачем, черт возьми, потребовался насквозь промокший кусок бумаги семидесятипятилетней давности нашему правительству и какова срочность его поисков, мне не объяснили. Мне не предложили роскошь объяснения причин. Дирк прав. У нас нет времени неторопливой поочередной работы над проектами.

Джиордино посмотрел на Питта и вздохнул.

— Ладно, постараемся одним выстрелом убить двух зайцев.

— Двумя выстрелами, — поправил его Питт. — Пока экспедиция по подъему корабля будет прокладывать путь внутри корпуса судна, отряд геологоразведчиков зондирует Гудзон.

— Сколько времени у нас на подготовку? — спросил Сандекер.

— Сорок восемь часов для сбора экипажа и снаряжения, двадцать четыре часа для погрузки и оснащения судна. Затем, при условии хорошей погоды для плавания, мы должны пришвартоваться над «Императрицей» через пять дней.

— А поезд?

— Могу обеспечить судно с магнитометром, гидролокатором бокового сканирования и профилометром нижнего дна на площадке послезавтра к этому времени, — утвердительно ответил Джиордино.

Оценки времени показались Сандекеру слишком оптимистическими, но он никогда не задавал вопросы людям, сидящим перед ним. Он встал, кивнул Джиордино.

— Эл, поиски «Манхеттен лимитед» на тебе. Руди, ты возглавляешь операцию по подъему «Императрицы Ирландии».

Повернулся к Питу.

— Дирк, ты действуешь как директор объединенных проектов.

— Где вы хотели бы видеть меня в начале работ? — спросила Хейди.

— В команде корабля. Синьки и чертежи строителей, планы палуб, точное местонахождение каюты Харви Шилдса. Все уместные данные, которые приведут нас к договорам.

Хейди кивнула.

— В Квебеке общественность сделала запрос относительно катастрофы. Начну с тщательного изучения сделанных выводов. Если твой секретарь закажет мне билет на следующий рейс, я вылетаю немедленно.

У нее был изнуренный вид, но Сандекер был слишком ограничен временем, чтобы сделать ей джентльменское предложение поспать несколько часов. Он выдержал паузу, внимательно глядя в лица, полные решимости.

— Хорошо, — сказал он бесстрастно. — Давайте так и сделаем.

39

Генерал Моррис Симмс, небрежно одетый рыбаком, чувствовал себя крайне неудобно с бамбуковой удочкой и плетеной корзиной для рыбы,

идя по протоптанной тропе к реке Блэкуотер около деревни Сьюордс-Энд в Эссексе. Остановился у самого края воды на берегу под живописным каменным мостом и кивнул, приветствуя мужчину, сидящего на складном стуле, терпеливо наблюдающего за поплавком на поверхности воды.

— Доброе утро, премьер-министр.

— Доброе утро, бригадный генерал.

— Страшно неудобно беспокоить тебя в выходной.

— Совсем нет, — сказал премьер-министр. — Чертов окунь не клюет почему-то.

Наклонил голову к портативному столику рядом с ним, на котором стояла бутылка вина и то, что показалось Симмсу пирогом с ветчиной и телятиной.

— В корзине запасные стаканы и тарелки. Угощайся хересом и пирогом.

— Спасибо, с удовольствием.

— Что у тебя на уме?

— Североамериканский договор, сэр.

Он выдерживал паузу, пока наливал херес.

— Наш человек в Штатах сообщает, что американцы собираются приложить все усилия, чтобы найти договор.

— Есть ли шанс, что они найдут его?

— Очень сомнительный, — поднял бутылку Симмс. — Еще хереса?

— Да, спасибо.

Симмс налил.

— Сначала я думал, что они проведут несколько простых зондирований. Ничего существенного, конечно, незначительная операция, чтобы убедиться в том, что почти нет надежды на то, что документ сохранился. Однако сейчас есть основания полагать, что они очень серьезно взялись за дело.

— Плохо, — проворчал премьер министр. — Это свидетельствует о том, что, даже в случае неполного успеха, они собираются реализовать все условия, перечисленные в договоре.

— Согласен, — ответил Симмс.

— Не могу даже представить себе Содружество без Канады, — сказал премьер-министр. — Вся структура нашей заморской торговой организации придет к неминуемому краху. Наша экономика едва сводит концы с концами. Потеря Канады будет катастрофой.

— Всё настолько плохо?

— И даже еще хуже.

Премьер-министр пристально смотрел на реку, пока говорил.

— Если уйдет Канада, через три года за ней последуют Австралия и Новая Зеландия. Мне не нужно объяснять тебе, где окажется Соединенное Королевство.

Чудовищность зловещих предсказаний премьер-министра выходила за грань понимания Симмса. Англия без империи немыслима. И всё же, как бы это ни было печально, глубоко внутри он понимал, что британский стоицизм может найти выход, чтобы принять и это.

Поплавок пару раз быстро нырнул, затем снова замер. Премьер-министр маленькими глотками задумчиво пил херес. Его черты лица были удивительно тяжелыми, голубые глаза лишены всякого блеска, рот казался постоянно улыбающимся из-за приподнятых кончиков губ.

— По каким инструкциям работают твои люди? — спросил он.

— Только наблюдение и доклады о действиях американцев.

— Им известно о потенциальной опасности договора?

— Нет, сэр.

— Тебе следует проинформировать их. Они должны знать об опасности, грозящей нашей стране. Так что же происходит?

— Используя Государственное агентство подводных и морских научных исследований в качестве прикрытия, президент приказал провести интенсивные операции по подъему «Императрицы Ирландии».

— Все это следует немедленно прекратить. Нам необходимо держать их подальше от «Императрицы».

Симмс прочистил горло.

— А какими мерами, сэр?

— Пришло время сообщить канадцам, что задумали американцы. Предложи наше сотрудничество в рамках закона Содружества. Потребуй, чтобы они аннулировали разрешение, выданное на проведение операций в реке Святого Лаврентия. Если президент будет

упорствовать в своем безрассудстве, взорвите останки кораблекрушения и уничтожьте британский экземпляр договора раз и навсегда.

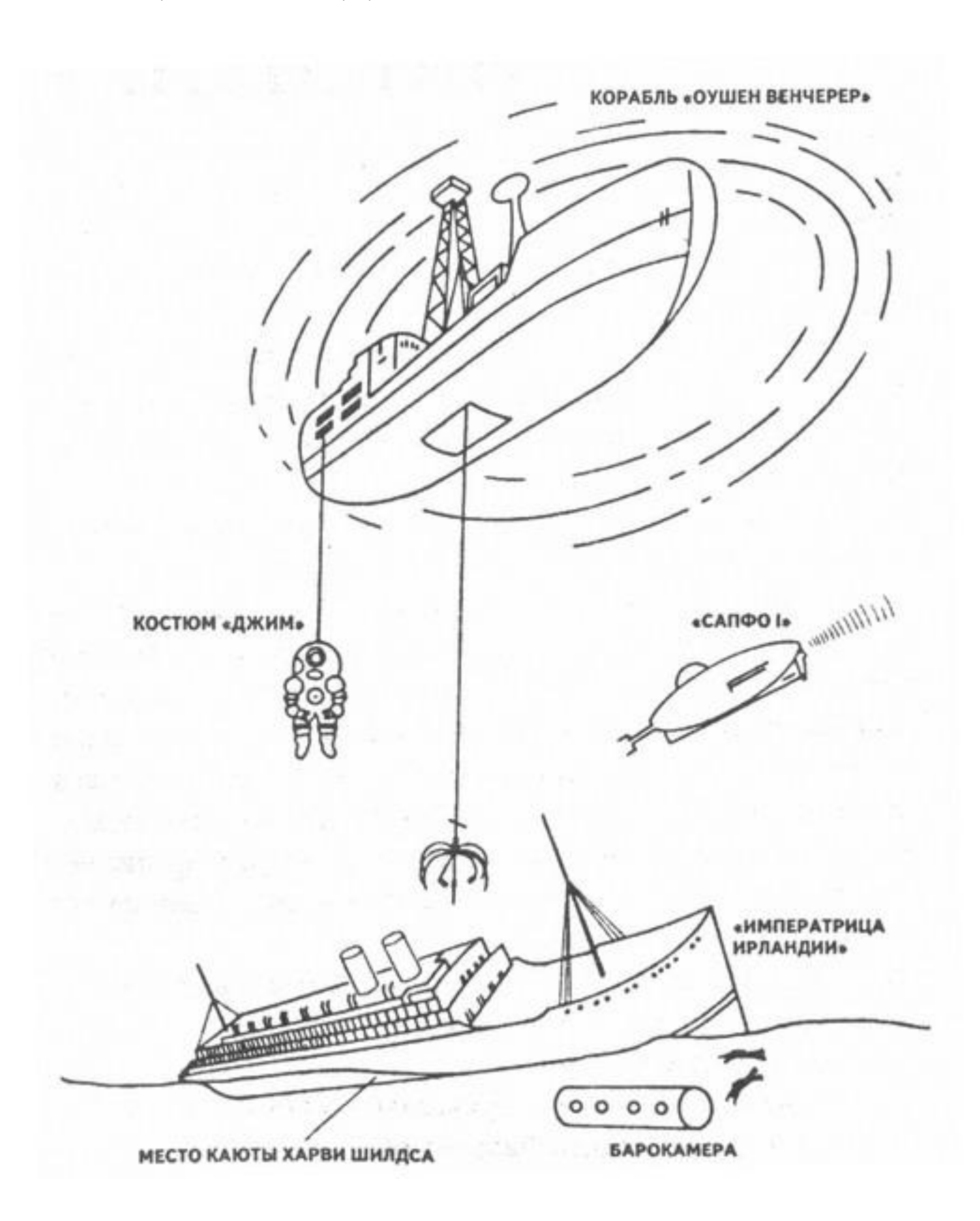
— А американский экземпляр, потерянный при крушении поезда? Мы не можем приказать им убраться с собственной реки.

Премьер-министр бросил на Симмса кислый взгляд.

— Тогда придется подумать о каких-то более решительных мерах, не так ли?

Часть IV

«ИМПЕРАТРИЦА ИРЛАНДИИ»

Май 1989 г. Оттава, Канада

Вийон закрыл папку и покачал головой.

— Чепуха.

— Уверяю вас, — сказал Брайан Шо, — это не чепуха.

— Что всё это значит?

— Точно то, что изложено в докладе, — сказал Шо, глядя прямо на Вийона. — Американцы приступили к поиску доказательств договора, по которому вся Канада передается им.

— До сих пор никогда ничего не слышал о подобном договоре.

— Вообще мало тех, кто слышал о нем, — сказал Шо, делая паузу, чтобы закурить сигарету. — Сразу после исчезновения документов тайно уничтожили все записи о переговорах по этому поводу.

— Какие у вас доказательства того, что американцы на самом деле приступили к поискам этого договора?

— Я прошел по нитке весь лабиринт. Она привела меня к парню, которого зовут Дирк Питт, занимающему высокое положение в Государственном агентстве подводных и морских научных исследований. За ним вели постоянно наблюдение служащие посольства. Ими установлено, что он возглавляет две поисковые экспедиции: одна на реке Гудзон, где потерпел крушение поезд Эссекса, вторая предназначена для подъема «Императрицы Ирландии». Уверяю вас, Вийон, он не ищет сокровища.

Какое-то время Вийон сидел молча. Затем зашевелился в своем кресле и наклонился вперед.

— Чем могу помочь вам?

— Для начала вы можете приказать Питту и его команде убраться из реки Святого Лаврентия.

Вийон отрицательно покачал головой.

— Не могу это сделать. Разрешение на спасательные операции прошло по всем официальным каналам. Трудно даже представить, что могут сделать американцы, если мы внезапно аннулируем эту лицензию. Они могут легко отомстить, отозвав права на рыболовство в своих водах.

— Генерал Симмс учел такую возможность. Поэтому подготовил другое предложение. — Шо выдерживал паузу в течение целой минуты. — Он предлагает, чтобы мы уничтожили останки «Императрицы».

— А можно ли сделать это, не создавая неприятного инцидента?

— При условии, что я доберусь до обломков раньше Питта.

Вийон откинулся назад, холодно анализируя, каким образом можно использовать информацию, изложенную Шо, для собственной выгоды. Его взгляд устремился к картине, висевшей на стене, на которой был изображен клипер в полном парусном снаряжении, плывущий по ветру. Наконец он собрался с мыслями и кивнул.

— Буду сотрудничать с вами по возможности полнее.

— Спасибо, — ответил Шо. — Мне потребуются услуги пяти человек, катер и надежное водолазное снаряжение.

— Вам потребуется хороший человек для координации планов.

— У вас есть кто-нибудь на примете?

— Есть, — сказал Вийон. — Постараюсь, чтобы он связался с вами. Это полицейский, хорошо подготовленный для работы подобного вида. Его зовут Глай, инспектор Фосс Глай.

41

Похоже, что с самого начала экспедицию, направленную для определения места погребения «Манхеттен лимитед», сглазили. Джиордино был расстроен до глубины души. Они уже отставали от графика на четыре дня.

После спешной погрузки снаряжения и людей новенький научно-исследовательский катер «Де Сото», длиной шестьдесят футов, сконструированный инженерами Государственного агентства подводных и морских научных исследований для плавания по внутренним водным путям, направился вверх по реке к месту катастрофы.

Рулевой зорко следил за бакенами канала и проплывающими мимо прогулочными лодками. Однако он был озабочен в большей степени падением показаний барометра и небольшими брызгами дождя на иллюминаторах рулевой рубки. Всё вместе предвещало серьезный шторм к ночи.

По мере наступления темноты зыбь на реке начала подниматься до палубы «Де Сото». Внезапно скорость ветра усилилась с двадцати миль в час до шестидесяти. Силой ветра лодку, идущую на большой скорости, снесло из главного канала. Не успел рулевой буквальной силой своих рук вернуть ее на правильный курс, как катер вынесло на мелководье, где он пропорол обшивку под носом по левому борту, видимо, задев топляк.

В течение следующих четырех часов Джиордино руководил своим экипажем крайне жестко. Позднее оператор гидролокатора утверждал, что агрессивный итальянский язык хлестал по его ушам, как хлыст. Это было мастерское представление. Брешь заделали, осталось лишь несколько маленьких трещин, но вода уже успела подняться выше трюмов, а на нижней палубе она была по щиколотку.

С двумя тоннами воды «Де Сото» двигался медленно. Джиордино игнорировал это в своей ярости и увеличил скорость до упора. Внезапный рывок скорости привел к тому, что пробоина вновь начала пропускать воду, и судно развернулось обратно в сторону Нью-Йорка.

Потеряли два дня. Катер поставили в сухой док, и корпус отремонтировали. Но они не успели отплыть, как обнаружили, что неисправен магнитометр, пришлось доставлять новый из Сан-Франциско. Потеряли еще двое суток.

Наконец при свете полной луны Джиордино внимательно следил за тем, как «Де Сото» проплыл под массивным каменным береговым устоем, который когда-то поддерживал мост. Он высунул голову в открытый иллюминатор рулевой рубки.

— Каковы показания эхолота?

Глен Чейз, неразговорчивый, лысеющий капитан лодки, бросил взгляд на красные цифры прибора.

— Около двадцати футов. Можно довольно безопасно остановиться здесь до утра.

Бросили якорь, лодку закрепили линями, привязанными к подходящему дереву на берегу и к проржавевшим останкам пирса моста на реке. Двигатели заглушили, включили вспомогательный блок питания. Чейз внимательно разглядывал разрушающийся береговой устой.

— Наверное, он был надежным в свое время.

— Пятый в мире по длине во время строительства, — сказал Джиордино.

— Как думаешь, почему он разрушился?

Джиордино пожал плечами.

— Согласно отчету, сделанные выводы неубедительны. Лучшая теория заключалась в том, что сильные ветры в сочетании с ударами молнии ослабили поддерживающую ферму.

Чейз кивнул головой в сторону реки.

— Думаешь, он ждет там, внизу?

— Поезд?

Джиордино посмотрело на воды, освещенные луной.

— С ним там всё в порядке. Обломки крушения не нашли в 1914 году, потому что всё, что было у спасателей, ограничивалось водолазами в медных шлемах и в неудобных костюмах из брезента, которые ходили ощупью из-за нулевой видимости, и кошками, которые тащили небольшие лодки.

Их оснащение было слишком ограниченным, да и искали то они не в том месте.

Чейз поднял свою фуражку и почесал голову.

— Всё узнаем через пару дней.

— Меньше, если повезет.

— А как насчет пива? — спросил Чейз, улыбаясь. — Я всегда покупаю для оптимизма.

— Думаю, что не повредит, — сказал Джиордино.

Чейз исчез на трапе и прошел в камбуз. Было слышно, как в главном обеденном салоне экипаж шутит, настраивая телевизионную антенну тарелку для приема сигналов от проходящего трансляционного спутника.

От внезапного холода по волосатым рукам Джиордино поползли мурашки, он протянул руку в рулевую рубку за ветровкой. Когда он застегивал молнию, ему что-то послышалось, он прислушался.

Появился Чейз и передал ему банку пива.

— Не подумал о стаканах.

Джиордино поднял руку, призывая к молчанию.

— Ты слышишь это?

Чейз нахмурился.

— Слышу что?

— Слушай.

Чейз наклонил голову, закрыл глаза, уставившись невидящим взглядом человека, сконцентрированного на звуках.

— Слабый свист, — безразлично произнес он.

— Ты уверен?

Чейз кивнул.

— Правда, слышу его. Определенно свисток поезда.

— Не находишь, что это странно? — спросил Джиордино.

— А почему я должен так считать?

— У дизельных локомотивов пневматический гудок. Только старые паровозы сигналят свистком, а последний снят уже тридцать лет назад.

— Может быть, это какие-то детские гонки в парке развлечений где-то вверх по реке, — предположил Чейз. — По воде звук может передаваться на очень большое расстояние.

— Не думаю, — сказал Джиордино, отгибая руками уши и раскачивая головой назад и вперед, как антенна радара. — Становится громче. Громче и ближе.

Чейз нырнул в рулевую рубку и вернулся с картой наземных дорог и фонариком. Развернул карту на ограждении палубы и включил фонарик, освещая ее.

— Взгляни сюда, — сказал, указывая на крошечные голубые линии. — Главная железнодорожная линия проходит на двадцать миль южнее от этого места.

— А ближайшая трасса?

— В десяти, возможно, в двенадцати милях.

— Но что бы ни издавало этот звук, он исходит с расстояния не более мили, — категорически заявил Джиордино.

Джиордино пытался определить направление. Сияющая луна освещала местность с кристальной ясностью. Он различал отдельные деревья на расстоянии двух миль. Звук приближался по западному берегу реки над ними. Не было никакого движения, не было огней, исключая лишь свет, включенный в нескольких дальних фермерских домах.

Еще один пронзительный звук.

Сейчас уже новые звуки. Лязг тяжелой стали, хриплый, пульсирующий выхлоп пара и газов в ночи. Джиордино ощущал себя, словно его подняло в воздух. Он стоял неподвижно. Замер в ожидании.

— Он поворачивает, поворачивает к нам, — выпалил Джиордино, будто пытался убедить самого себя. — Боже, он падает с развалившегося моста.

Они оба пристально смотрели вверх, на вершину берегового устоя, неспособные дышать, неспособные понять, что происходит. Внезапно оглушающий шум невидимого поезда вырвался из темноты над ними. Джиордино инстинктивно пригнулся. Чейз замер на месте, лицо побелело, как у мертвеца, расширенные зрачки глаз были похожи на черные пропасти.

И затем резко наступила тишина, тишина, подобная смерти, зловещее молчание.

Никто из них не мог произнести слово или шевельнуться. Они стояли как вкопанные на палубе, подобные восковым фигурам, лишенным сердца и легких. Медленно Джиордино собрался с мыслями и взял фонарик из безвольной руки Чейза. Он осветил им верхушку берегового уступа.

Смотреть было не на что: кроме выветрившегося от времени камня и непроницаемых теней, там ничего не было.

42

«Оушен венчерер» стоял на якоре над обломками кораблекрушения «Императрицы Ирландии». Рано утром прошел небольшой дождь, белый корпус судна переливался оранжевыми отблесками в лучах утреннего солнца. Резким контрастом на расстоянии двухсот ярдов от него была потрепанная старая рыболовная лодка, выцветшая голубая краска которой растрескалась и местами отвалилась. «Оушен венчерер», силуэт которого четко вырисовывался на фоне светлеющего горизонта, казался рыбакам творением художника с извращенным чувством юмора.

Обводы корпуса были эстетически выдержанными и современными. Начиная с изящно закругленного носа, линия главной палубы проходила приятной для глаза плавной кривой к овальному веерообразному хвосту. Не было и намека на острые углы, характерные для большинства других кораблей; даже мостик в форме яйца размещался на арочном основании. Но здесь и кончалось все прекрасное. Вышка, похожая на нефтяную, вызывающе торчала вверх из среднего отсека, что совершенно противоречило общему дизайну судна. Функционально, несмотря на отсутствие привлекательности, вышка отличалась возможностью опускать разнообразное оборудование и приборы для научных исследований через корпус на морское дно или поднимать тяжелые предметы, например обломки кораблекрушения, прямо в трюмы корабля. «Оушен венчерер» представлял собой идеальное судно для поиска договора.

Питт стоял на корме, плотно прижимая к голове шапку португальского рыбака, чтобы ее не унесло порывами ветра, создаваемыми лопастями

вертолета Государственного агентства подводных и морских научных исследований, летающего в воздухе вокруг него. В течение какого-то времени вертолет находился в режиме зависания, пока пилот определял направление потоков воздуха. Затем машина стала медленно снижаться, и вскоре салазки коснулись посадочной площадки, размеченной краской.

Питт пригнулся, подбежал к вертолету, открыл дверь. Показалась Хейди Миллиган в комбинезоне из хлопковой ткани художественной работы потрясающего бледно-голубого цвета. Дирк помог ей спуститься и взял чемодан, переданный ему пилотом.

— Следующим рейсом, — громко сказал Питт, перекрикивая рев турбин, — привези нам упаковку арахисового масла.

Пилот помахал, приветствуя их всех, и крикнул:

— Привезу.

Питт эскортировал Хейди по палубе, вертолет поднялся с посадочной площадки и направил свой нос на юг. Девушка повернулась к Питту и улыбнулась.

— Директор проекта всегда работает носильщиком?

— Как сказал один человек, — засмеялся Питт, — мне всё равно.

Через несколько минут после того, как он показал ей каюту, она вошла в обеденный салон с пачкой документов и села рядом с ним.

— Как твоя поездка?

— Продуктивно, — ответила она. — А как вы?

— Мы прибыли на площадку вчера днем, на восемнадцать часов раньше графика, и поставили «Оушен венчерер» над обломками кораблекрушения.

— Что будете делать дальше?

— Спустим небольшой беспилотный подводный аппарат с дистанционным управлением и с камерами для съемок «Императрицы». Видеоданные поступят на наши мониторы, и мы их проанализируем.

— Под каким углом лежит корабль?

— Под углом сорок пять градусов на правом борту.

Хейди нахмурилась.

— Паршиво.

— Почему?

Она стала раскладывать на столе бумаги. Размер некоторых был очень большим, их пришлось развернуть.

— Прежде чем я отвечу на твой вопрос, взгляни на копию списка пассажиров на борту «Императрицы» в последнем рейсе. Сначала я подумала, что начала расследование не с того конца, когда не смогла найти имя Харви Шилдса среди пассажиров первого класса Затем до меня дошло, что он мог путешествовать в каюте более низкого класса, чтобы не афишировать свое присутствие. На большинстве трансатлантических лайнеров предусмотрены шикарные каюты на палубе второго класса для богатых, но скромных оригиналов или государственных чиновников высокого уровня, которые не хотят, чтобы их присутствие на борту стало достоянием общественности. Вот так я и нашла его. Верхняя палуба «Д», каюта сорок шесть.

— Отличная работа. Нашла иголку в стоге сена. Теперь нам не придется резать на части весь корабль.

— Это хорошая новость, а теперь плохая.

— Рассказывай.

— «Сторстад», норвежский угольщик, который потопил «Императрицу», ударил в середину правого борта лайнера почти прямо между трубами, проделывая клинообразную пробоину шириной более пятнадцати футов и высотой почти пятьдесят футов. Нос угольщика врезался в котельное отделение ниже ватерлинии, секция кают второго класса размещалась непосредственно над ним.

— Ты хочешь сказать, что «Сторстад» уничтожил каюту Шилдса?

— Нужно учитывать и наихудшие варианты.

Хейди расстелила на столе поверх морских карт копию планов «Императрицы Ирландии». Кончиком карандаша показала на небольшой обведенный участок.

— Номер сорок шесть был внешней каютой на правом борту. Либо она находилась очень близко к центру удара, либо удар пришелся непосредственно на эту каюту.

— Этим можно объяснить, почему не было найдено тело Шилдса.

— Возможно, он погиб во сне.

— Что ты имела в виду, сказав «паршиво», когда я сообщил тебе угол, под которым лежат останки лайнера?

— При крене в сорок пять градусов на правый борт каюта сорок шесть должна находиться на дне реки, — ответила Хейди. — Вся внутренняя часть похоронена в иле.

— Подведем итоги. Ил предохранит от разрушения то, во что завернут договор, но найти его почти невозможно.

Хейди молча сидела, наблюдая, как Питт барабанил пальцами по столу, поглощенный размышлениями об этих данных. Взгляд его глубоких зеленых глаз был устремлен вдаль.

Она протянула руку и коснулась его кисти.

— О чем ты думаешь?

— Об «Императрице Ирландии», — спокойно ответил Питт. — О корабле, забытом всем миром. О могиле, в которой покоится тысяча душ. Только Господу известно, с чем нам придется столкнуться, когда мы попадем внутрь лайнера.

43

— Надеюсь, вы не возражаете, что я прибыл так быстро, — сказал президент, выходя из лифта.

— Конечно, нет, — просто ответил Сандекер. — Всё готово. Прошу вас.

Президент жестом приказал сопровождающим из секретной службы ждать у лифта. Затем последовал за адмиралом к большой двойной двери из кедра. Сандекер открыл дверь и отступил в сторону.

— После вас, господин президент.

Комната оказалось круглой, стены обиты тканью темного пурпурного цвета. Окон не было, единственным предметом мебели был огромный стол в форме почки, стоящий в центре. Его поверхность освещалась голубыми и зелеными точечными светильниками. Президент подошел к столу и стал пристально рассматривать объект длиной три фута на слое мелкозернистого песка.

— Так вот как это выглядит, — сказал он уважительным тоном.

— Могила «Императрицы Ирландии», — подтвердил Сандекер. — Наше миниатюрное творение создано на основе видеоизображений, переданных с борта «Оушен венчерера».

— Это корабль для подъема затонувшего лайнера? — спросил президент, указывая на другую модель, подвешенную на прозрачной пластиковой пластине на высоте около двух футов над моделью «Императрицы».

— Да, модели выполнены в точной пропорции относительно друг друга. Расстояние между ними соответствует глубине от поверхности до дна реки.

В течение нескольких секунд президент изучал модель «Императрицы». Затем с удивлением покачал головой.

— Договор такой маленький, а корабль огромный. С чего начнете поиски?

— Наш научный сотрудник изучила этот вопрос, — сказал Сандекер. — Она смогла определить расположение каюты Харви Шилдса.

Он жестом показал на участок в центре корабля на правом борту корпуса, погруженного в песок.

— Она находится где-то здесь. К сожалению, есть вероятность того, что каюта уничтожена при столкновении с угольщиком.

— Каким образом предполагаете добраться до каюты?

— После того как команда проведет обследование внутренней части лайнера с помощью беспилотного дистанционного поискового аппарата, — ответил Сандекер, — операция по подъему лайнера начнется со шлюпочной палубы и продолжится вниз к заданному месту.

— Похоже, что они выбрали трудный путь, — сказал президент. — Я начал бы снаружи, с нижней части корпуса.

— Легко сказать! Установлено, что каюта Шилдса лежит под тоннами ила. Поверьте мне на слово, господин президент, выемка грунта со дна реки — опасная, кропотливая и трудоемкая процедура, занимающая огромное количество времени. При работе из внутренней части корабля у людей будет прочная платформа, с которой они смогут действовать, но еще важнее то, что они смогут ориентироваться в соответствии с судостроительными планами в любое время проведения операции.

— Вы убедили меня, — сказал президент, соглашаясь.

Сандекер продолжил:

— У нас четыре различные системы для прохождения через внутреннюю часть корабля. Во-первых, это подъемный кран, мы видим его на борту судна. Рассчитанный на подъем груза массой до пятидесяти тонн, он обеспечит выемку более тяжелых обломков. Во-вторых, погружаемый подводный аппарат с экипажем из двух человек, оснащенный механическими рычагами, предназначенными для работы в качестве универсальной системы поддержки.

Президент взял модель и изучал ее.

— Думаю, что это и есть погружаемый подводный аппарат в миниатюре?

Сандекер кивнул.

— «Сапфо I». Одно из четырех глубоководных средств для подъема предметов со дна океана, применявшихся в проекте «Титаник» в прошлом году.

— Не хотел прерывать вас, продолжайте, пожалуйста.

— Третья система является основным средством операции, — сказал Сандекер.

Он взял фигуру в виде куклы, которая представляла собой механического белого медведя с иллюминаторами в голове, имеющей форму луковицы.

— Комплексная сочлененная глубоководная водолазная система, работающая при атмосферном давлении, которую обычно называют костюмом «ДЖИМ». Изготовлена из магния и стекловолокна. Человек, находящийся внутри, способен находиться на огромнейших глубинах в течение многих часов за одно погружение, одновременно устранена необходимость в декомпрессии. Два таких костюма позволят шести водолазам работать в затонувшем корабле круглосуточно.

— Выглядит очень тяжелым и громоздким.

— В воздухе, с оператором внутри, весит тысячу сто фунтов. Под водой всего около шестисот. Отличается удивительной подвижностью. Можно сказать, что обеспечивает возможность пешеходной прогулки по дну моря.

Президент взял фигуру из предлагающей руки Сандекера и подвигал крошечные членистые руки и ноги.

— Водолазы с аквалангами сразу же устаревают по сравнению с этим.

— Не совсем, — отвечал Сандекер. — Водолаз, способный двигаться в трех измерениях, по-прежнему остается основой любой операции по подъему затонувших объектов. Четвертое и последнее средство — барокамера.

Он жестом указал на модель в форме цилиндрического резервуара.

— Команда водолазов будет жить здесь, дыша смесью гелия и кислорода. Камера обеспечивает возможность проведения подводных работ в течение длительных периодов времени, не создавая опасности растворения легочных газов в потоке крови с образованием пузырьков, что вызывает боли при декомпрессии. В дополнение к этому им не

нужно проходить декомпрессию до тех пор, пока работы не будет закончены.

Президент слушал молча. Будучи по образованию и роду деятельности юристом, точным аналитическим человеком, он не мог оценить все научные данные. Но президент не хотел показаться глупцом. Он тщательно подбирал слова, чтобы высказать свои соображения.

— Уверен, что ваши люди не собираются буквально голыми руками прокладывать путь через акр стали.

— Нет, конечно. Есть метод лучше.

— Возможно, взрывчатка?

— Слишком рискованно, — ответил Сандекер. — Сталь затонувшего корабля находилась под воздействием элементов, вызывающих коррозию, в течение семидесяти пяти лет. Она стала пористой. Прочность на разрыв значительно снизилась. Слишком мощный или заложенный не в том месте заряд — и весь корабль может разрушиться сам по себе. Нет, мы прорежем себе путь.

— Значит, с помощью ацетиленовых резаков.

— Пироксеновых.

— Никогда не слышал о таких.

— Пластичное зажигательное вещество, способное гореть под водой при невероятно высокой температуре в течение предварительно установленного отрезка времени. После покрытия поверхности, предназначенной для разделения, пироксеном, он воспламеняется по электронному сигналу. При температуре горения пироксена три тысячи градусов Цельсия можно расплавить все преграды, стоящие на пути, включая горные породы.

— Трудно представить.

— Будут ли еще вопросы, на которые я могу ответить?

Президент сделал удовлетворенный жест.

— Нет, вполне достаточно. Вы и ваши люди делаете замечательную работу.

— Если мы не найдем договор, то вы должны знать, что мы сделали все возможное с технической точки зрения.

— Похоже, вы не питаете особых надежд.

— Если откровенно, господин президент, то у нас столько же шансов, сколько их у лягушки в клюве цапли.

— Каковы ваши соображения относительно договора в «Манхеттен лимитед»?

— Приберегу все свои комментарии до того времени, когда мы найдем поезд.

— По меньшей мере, мне известна позиция, которую вы занимаете, — улыбаясь, сказал президент.

Внезапно взгляд Сандекера стал хищным.

— Сэр, у меня вопрос.

— Задавайте.

— Можно ли мне спросить, для чего затеяна вся эта чертова возня?

Теперь взгляд президента стал хищным.

— Вы можете спрашивать сколько угодно, адмирал, но я могу лишь сказать вам, что это вообще безумный план, — сказал он, зловеще сверкнув глазами. — Самый безумный план, которым когда-либо приходилось заниматься президенту Соединенных Штатов.

44

Безмолвие в плотных зеленых глубинах реки Святого Лаврентия было нарушено странным жужжащим шумом. Затем яркий, тонкий луч голубоватого света пронзил холодную воду, медленно увеличиваясь в размере, пока не превратился в большой прямоугольник. Стайка любопытной рыбной молоди, привлеченная ярким свечением, кругами неторопливо направилась к нему, похоже, не опасаясь расплывчатых теней, нависших над ней.

Внутри огромного колодца в центре «Оушен венчерера» команда инженеров готовила аппарат дистанционного поиска, подвешенный на кабеле небольшого крана. Один регулировал систему фонарей для трех камер, другой подсоединял источник питания на батареях.

Аппарат дистанционного поиска имел форму удлиненной слезы, длина составляла три фута, диаметр десять дюймов, на его гладкой титановой поверхности не было никаких выступов. Управление и поступательное движение обеспечивались небольшим гидроструйным насосом с переменными стартовыми ускорителями.

— Странное ощущение, — сказала Хейди. — Смотришь на воду внутри корабля и не понимаешь, почему мы не тонем.

— Потому что ты стоишь на четыре фута выше поверхности, — ответил ей Руди Ганн с широкой улыбкой. — До тех пор пока река не сможет проникнуть ниже ватерлинии, мы останемся на плаву.

Один из инженеров помахал ей рукой.

— Всё герметично.

— И нет центрального кабеля электронного управления? — спросила Хейди.

— «Бэби» управляется дистанционными акустическими импульсами на расстоянии до трех миль под водой, — коротко объяснял Ганн.

— Ты называешь аппарат «Бэби»?

— Потому что он постоянно мокрый, — засмеялся Питт.

— Мужчины и их детский юмор, — сказала Хейди, покачав головой.

Питт повернулся к колодцу.

— Водолаз, на выход, — скомандовал он.

Человек в водолазном костюме с подогревом поправил маску на лице и перевалился за борт. Он направлял аппарат дистанционного поиска во время спуска в колодец и отпустил его, когда они оба оказались ниже киля.

— А теперь пойдем в контрольную рубку и посмотрим, что происходит там, — сказал Питт.

Спустя несколько минут они уже смотрели на три различных обзорных экрана, смонтированных горизонтально. В противоположном конце помещения несколько техников изучали данные на круговых шкалах и записывали показания приборов, установленных блоками. У другой стены несколько компьютеров начали регистрировать передаваемые данные.

Жизнерадостный полный мужчина с вьющимися рыжеватыми волосами и морщинами, избороздившими его лицо, широко улыбнулся, сверкая белоснежными зубами, когда Питт представил его Хейди.

— Дуг Хоукер, познакомься с Хейди Миллиган, — сказал Питт, не называя военно-морского звания Хейди. — Дуг исполняет роль матери «Бэби».

Хоукер приподнялся со стула перед огромным пультом и пожал ей руку.

— Всегда рад прекрасной слушательнице.

Она ответила на комплимент улыбкой.

— Это приятное сообщение, которое мне не хотелось бы пропустить.

Хоукер повернулся к пульту и мгновенно ушел с головой в дело.

— Проходим глубину восемьдесят футов, — бубнил он, правая ладонь лежала на ручке управления авиационного типа. — Температура воды — тридцать четыре градуса.

— Обойди корабль с кормы, — сказал Питт.

— Слушаюсь.

На цветных видеоэкранах появилось дно реки на глубине 165 футов, грязноватая поверхность размытого коричневатого цвета, совершенно безжизненная, исключая лишь одиночного краба и отдельные редкие заросли водорослей. Видимость под интенсивным освещением аппарата дистанционного поиска была лишь немногим более чем десять футов.

Но вот в верхней части экрана возник, медленно увеличиваясь, темный объект. Вскоре появилось четкое изображение его огромных рулевых крюков.

— Замечательное ощущение направления, — сказал Питт Хоукеру. — Ты вывел его прямо на руль.

— Появилось что-то еще, — объявил Ганн. — Движитель, если судить по виду.

Четыре огромных бронзовых лопасти, которые когда-то множество раз доставляли громадный корабль из Ливерпуля в Квебек, проплыли перед глазами камеры аппарата дистанционного поиска.

— Около двадцати футов от кончика до кончика, — определил Питт. — Масса, по меньшей мере, тридцать тонн.

— «Императрица» была судном с двойным винтом, — мягко сказала Хейди. — Один с левого борта был поднят в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом.

Питт повернулся к Хоукеру.

— Продвинься еще на пятьдесят футов и пройдись вперед вдоль шлюпочной палубы по правому борту.

Глубоко у них под ногами небольшой подводный аппарат повиновался командным импульсам и проплыл над ограждением кормы, едва не задевая флагшток, на котором когда-то развевался флаг порта приписки «Императрицы».

— Сбита мачта на корме, — монотонно сказал Питт. — Похоже, нет такелажа.

Появилось изображение шлюпочной палубы. На некоторых балках оставались стальные спасательные шлюпки. Вентиляторы застыли в молчаливой агонии, с них давно слезла вся краска, но не было двух труб, которые десятилетия назад увязли в иле.

Несколько минут царило полное безмолвие. Словно все они погрузились в далекое прошлое и почувствовали присутствие перепуганных мужчин, женщин и детей, снующих в смятении по палубам, беспомощно понимая, что судно под ними тонет с ужасающей скоростью.

В груди у Хейди бешено заколотилось сердце. У всей этой сцены была траурная аура. Водоросли, прилипающие к корпусу старого корабля, изъеденного ржавчиной, плавно раскачивались течением назад и вперед. Она непроизвольно задрожала и сжала руки, сложив их вместе, чтобы прекратить дрожь.

Наконец молчание нарушил Питт:

— Направь внутрь.

Хоукер достал носовой платок из кармана и вытер шею сзади.

— Две верхние палубы разрушены, — прошептал он, словно говорил в церкви. — Мы не можем проникнуть внутрь.

Питт развернул чертежи интерьера корабля на столике для морских карт и пальцем проследил линию.

— Опустись в нижнюю прогулочную палубу. Вход в вестибюль первого класса должен быть свободен.

— Неужели «Бэби» действительно войдет в корабль? — спросила Хейди.

— Именно для этого аппарат и предназначен, — ответил Питт.

— Там все люди погибли. Это кажется почти кощунством.

— Полстолетия люди спускались под воду на «Императрицу», — мягко сказал Ганн, словно говорил с ребенком. — Музей в Римуски заполнен предметами, поднятыми из внутренней части корабля, потерпевшего кораблекрушение. В дополнение к этому нам нужно обязательно узнать, что нас ожидает, когда начнем резать корабль.

— Я проник внутрь, — прервал Хоукер.

— Иди помедленней, — сказал Питт. — Деревянные потолки, скорее всего, обрушились и загораживают проходы.

В течение ряда следующих секунд на мониторах появлялись только плавающие в воде отдельные частицы. Затем аппарат дистанционного поиска осветил веерообразную лестницу. Всё еще сохранились

изогнутые линии поручней, поддерживаемые прогнувшимися колоннами. Персидские ковры, которыми некогда были устланы нижние отсеки, давно истлели.

— Думаю, пора отправиться к проходу на корму, — сказал Хоукер.

— Входи, — кратко скомандовал Питт.

Призрачной процессией проплыли перед камерой дверные проемы кают, когда аппарат дистанционного поиска проходил над кучами упавших обломков. Через тридцать футов проход оказался чистым, они проверили каюту. От комфорта, которым славился злополучный корабль, ничего не осталось. Просторные кровати и украшенные шкафы давным-давно исчезли в безжалостных водах.

Путешествие во времени проходило в мучительно замедленном темпе. Аппарату дистанционного поиска потребовалось почти два часа, чтобы добраться до зоны отдыха.

— Где мы? — спросил Ганн.

Питт снова проконсультировался с чертежами.

— Должны быть на входе в главный обеденный зал.

— Да, мы находимся именно там, — взволнованно сказала Хейди. — Огромный дверной проем справа на экране.

Питт взглянул на Ганна.

— Стоит проверить. Согласно планам, каюта Шилдса находится на палубе, расположенной прямо под ним.

Луч света аппарата дистанционного поиска поочередно освещал огромную комнату, бросая призрачные тени между колоннами, которые поддерживали останки потолков с лепниной над обеденными альковами. Только овальные зеркала на стенах, стекла которых покрылись десятилетними слоями ила, молчаливо свидетельствовали о роскошном декоре, который когда-то увеличивал удовольствие обедающих пассажиров.

Внезапно что-то зашевелилось по краю лучей света.

— Что это, черт возьми? — вырвалось у Ганна.

Все, находившиеся в контрольном помещении, пристально смотрели на эфирное облако, наплывающее в изображении камеры.

Довольно долго казалось, что оно зависло, его внешние края были расплывчатыми и медленно колыхались. Затем оно стало отдаленно

напоминать человеческую фигуру, окруженную полупрозрачной молочной оболочкой.

Хейди не могла произнести ни слова, кровь застыла у нее в жилах. Хоукер сидел подобно гранитной глыбе у пульта, на лице читалось полное непонимание происходящего. Странно, но Ганн наклонил голову набок и изучал призрак клиническим взглядом хирурга, размышляющего над рентгеновским снимком.

— В своих самых дерзких мечтах, — сказал он хриплым голосом, — никогда не подозревал, что увижу привидение.

Кажущаяся собранность Ганна не могла обмануть Пита. Он видел, что маленький человечек находится на грани обморока.

— Отвести «Бэби» назад, — сказал он спокойно Хоукеру.

Сопротивляясь страху, который он никогда не испытывал раньше, Хоукер собрался с силами и зашевелил пальцами, переключая средства управления. Сначала волнообразно колеблющаяся форма отступила на задний план, затем снова начала увеличиваться.

— О Боже, он преследует, — прошептала Хейди.

Быстрый взгляд на напряженные, окаменевшие лица свидетельствовал, что у всех на уме было одно и то же. Они застыли как парализованные, всё внимание сосредоточилось на мониторах.

— Ради Бога, что же он делает? — отрывисто крикнул Ганн.

Ответа не последовало, все, находившиеся в помещении управления аппаратом, лишились дара речи. Все, кроме Питта.

— Поверни «Бэби» назад и выходи оттуда, быстро! — отрывисто крикнул он.

Хоукер заставил себя оторвать взгляд от сверхъестественного зрелища и включил полную мощность.

Небольшой поисковый аппарат не был рассчитан на быстрое передвижение. Максимально возможная скорость движения вперед составляла три узла. Он начал с трудом разворачиваться. Камеры в носу развернулись от нависшей угрозы, прошли над открытыми пробоинами, зияющими по левому борту в свете, отраженном от поверхности, мимо поверхности зеркал, в которых более ничего не отражалось. Казалось, что маневр в 180 градусов занял бесконечно много времени.

И произошло это слишком поздно.

Второй прозрачный призрак, дрейфующий над порогом дверного проема каюты для отдыха, протянул свои призрачные руки и манил к себе.

45

— Проклятие! — выругался Питт. — Еще один!

— Что мне-то делать? — голос Хоукера был умоляющим, почти полным отчаяния.

Недостаточно сказать, что Питт внимательно следил за всеми находящимися в помещении управления аппаратом. Они были потрясены до ужаса его ледяным самообладанием. До них стало доходить, почему адмирал Сандекер так высоко ценил его. Если кто-то и был на нужном месте в нужное время, то им был Дирк Питт, стоящий на палубе корабля и указывающий способ борьбы со сверхъестественным.

Они ни за что не смогли бы догадаться, о чем он думает. Но по выражению его лица смогли понять, что злость исчезла, ее место заняло глубокое размышление.

Если правило «Действуй, а там посмотрим» сработало с призрачным поездом, рассуждал Питт, то терять было нечего и следовало повторить игру. Он кивнул Хоукеру:

— Протарань негодяя!

Сразу же настроение резко изменилось. Сила Питта передавалась каждому. Их страх постепенно перерос в решимость разоблачить то, что можно было принять за души мертвых, обитающие в разрушенном океанском лайнере.

Аппарат дистанционного поиска остановился и нанес удар по призрачному препятствию в дверном проеме. Сначала, казалось, он не встретил никакого сопротивления. Расплывчатая фигура отступила, но затем поплыла вперед, ее оболочка поглотила аппарат. В камерах исчез фокус, на мониторах было изображение только неясных теней.

— Оказывается, наши призраки имеют плоть, — разговорился Питт.

— «Бэби» не реагирует на команды, — отозвался Хоукер. — Его средства управления ведут себя так, словно их погрузили в овсяную кашу.

— Постарайся перевести толкатели на реверс.

— Ничего не получается, — покачал головой Хоукер. — Чем бы ни были эти штуки, они сделали аппарат неподвижным.

Питт подошел к пульту управления и над головой Хоукера посмотрел на показания приборов.

— Почему индикатор направления колеблется?

— Похоже, что они борются с «Бэби», — ответил Хоукер. — Скорее всего, пытаются утащить его куда-то.

Питт сжал ему плечо.

— Отключи все системы, кроме камер.

— А что делать с огнями?

— Выключи их тоже. Пусть эти призраки с сильными руками считают, что они повредили источник питания «Бэби».

Мониторы медленно темнели, пока их экраны не стали совершенно черными. У них был вид холодных и бездействующих, только иногда было заметно какое-то неясное слабое движение. Если в это помещение вошел бы незнакомец, то он списал бы всех как умственно неполноценных: группа людей, поглощенная наблюдением за темными телевизионными экранами, всегда была мечтой психологов.

Десять минут превратились в двадцать, двадцать в тридцать. Никаких изменений. Окружающая среда была насыщена ожиданием. Никаких изменений. Затем очень постепенно, настолько постепенно, что сначала никто ничего не заметил, экраны начали светиться.

— Что ты сделал? — спросил Питт Хоукера.

— Объяснить ничего не могу. Без питания нельзя прочитать показания систем.

— Включи приборы, но только на такое время, чтобы компьютеры смогли зарегистрировать данные.

— Ты говоришь о микросекундах.

— Так сделай это.

Проворному указательному пальцу Хоукера было достаточно и доли секунды для включения системы обработки данных.

— Позиция — четыреста метров, направление нуль-двадцать-семь градусов. Глубина — тринадцать метров.

— Поднимается к поверхности, — сказал Ганн.

— Появление на поверхности на расстоянии четверть мили от кормы правого борта, — подтвердил Хоукер.

— Сейчас могу определить цвет, — сказала Хейди. — Темно-зеленый превращается в темно-синий.

Появились первые проблески в тумане перед камерами. Затем на видеоэкранах возникло яркое оранжевое сияние.

— Это солнце, — объявил Хоукер. — «Бэби» на поверхности.

Не произнося ни слова, Питт выбежал из комнаты и далее по трапу направился на мостик. Схватил бинокль, свисающий со шлема, и стал смотреть в него на реку.

На небе не было ни облачка, позднее утреннее солнце отражалось в воде. Легкий бриз дул с моря и поднимал небольшие волны вверх по течению реки. Был виден лишь танкер, идущий в сторону Квебека, да флотилия из пяти рыболовных лодок на северо-востоке, идущих в разных направлениях.

Появился Ганн и встал за спиной Питта.

— Что-нибудь видишь?

— Нет, опоздал, — коротко сказал Питт. — «Бэби» исчез.

— Исчез?

— Наверное, слово «похищен» подходит лучше. Возможно, его подняли на борт одной из тех рыболовных лодок.

Он сделал паузу и передал бинокль Ганну.

— Думаю, это старый синий траулер, а может быть, и красный с желтой рулевой рубкой. Их сети повешены таким образом, что нельзя увидеть происходящее на дальней стороне палуб.

Ганн молча смотрел на воду какое-то время. Затем опустил бинокль.

— «Бэби» стоит двести тысяч долларов, — зло сказал он. — Нужно остановить их.

— Боюсь, канадцам не понравится, что иностранное судно насильно захватывает лодки в их территориальных водах. К тому же нам нельзя афишировать наши операции. Меньше всего президенту нужен неблагоприятный инцидент по поводу какого-то оборудования, которое легко заменить за счет налогоплательщиков.

— Это неправильно, — ворчал Ганн.

— Нам следует забыть о справедливом гневе, — сказал Питт. — Перед нами только одна проблема: кто и почему. Были ли это просто водолазы-любители или люди, действующие с каким-то умыслом?

— Нам могут рассказать камеры, — сказал Ганн.

— С этим они могут справиться, — сказал Питт, с едва заметной улыбкой. — При условии, что похитители не выдернули вилку «Бэби». — Он встал и вышел.

Вернувшись, Дирк в удивлении застыл на пороге. Хейди сидела на стуле, ее трясло; все краски исчезли с ее лица, глаза потухли. Юный компьютерный техник держал стакан бренди и пытался заставить ее выпить его. У нее был такой вид, словно она увидела третьего призрака за день.

Хоукер и три инженера склонились над платой со схемой, проверяя ряды потухших индикаторных лампочек, бесплодно манипулируя ручками и переключателями. Питт понял, что связь с аппаратом дистанционного поиска окончательно прекратилась.

Хоукер взглянул на Питта, когда увидел его.

— У меня есть кое-что интересное, могу показать тебе.

Питт кивнул в сторону Хейди.

— Что с ней?

— Она увидела что-то такое, что вывело ее из себя.

— На мониторах?

— Непосредственно перед тем, как оборвалась передача, — объяснил Хоукер. — Понаблюдай тут, пока перекручу видеозапись.

Питт наблюдал. Появился Ганн и встал рядом с ним, пристально глядя на экраны. Темные экраны медленно начали светиться, и они вновь увидели аппарат дистанционного поиска при солнечном освещении. Сияние уменьшилось, затем несколько раз последовательно возникало вновь.

— Это когда «Бэби» поднимали из воды, — наблюдательно заметил Питт.

— Да, — согласился Хоукер. — Сейчас не пропусти следующее действие.

На мониторах появились серии горизонтальных линий помех, затем внезапно левый экран потух.

— Неуклюжие варвары, — горько пожаловался Хоукер. — Не узнали хрупкой части аппарата. Уронили «Бэби» на левую камеру, разбили цветную приемную трубку.

В этот момент оболочку потащили обратно, она попала в фокус. Сейчас можно было безошибочно определить вид материала, из которого она была сделана.

— Пластик, — объяснил Ганн. — Тонкий кусок непрозрачного пластика.

— Этим объясняется протоплазма, — сказал Питт. — Вот тебе и соседи-привидения.

Две фигуры в каучуковых водолазных костюмах, стоя на коленях, исследовали аппарат дистанционного поиска.

— Жаль, что не можем увидеть их лица, скрытые под масками, — сказал Ганн.

— Вскоре увидишь одного из них, — сказал Хоукер. — Наблюдай.

В поле зрения камеры появились две ноги в длинных резиновых сапогах и в брюках из хлопчатобумажной ткани для производственной одежды. Владелец всего этого остановился за водолазами, наклонился и посмотрел в линзы камеры.

На нем был свитер в британском стиле «коммандос» с кожаными заплатами на плечах и локтях. Вязаная шапка была надета под углом; седеющие волосы на висках аккуратно зачесаны за уши. Казалось, что ему около шестидесяти. На лице отражалась жестокая самоуверенность, характерная для мужчин, которым часто приходилось сталкиваться с опасностью. Темные глаза отличались бесстрастным интересом снайпера, который смотрит в телескопический прицел на приближающуюся к нему жертву.

Внезапно его глаза едва заметно расширились, напряженное выражение стало злобным. Рот искривился от непроизнесенных вслух слов, он быстро исчез из вида.

— Я не умею читать по губам, — сказал Питт, — но похоже на то, что он сказал: «Вы дураки».

Они продолжали наблюдать за тем, как на аппарат дистанционного поиска набросили что-то, напоминающее брезент, мониторы потемнели в последний раз.

— Это всё, что удалось записать, — сказал Хоукер. — Контакт был потерян через минуту, когда они уничтожили передающую схему.

Хейди поднялась со стула и пошла вперед, словно в трансе. Указала на бездействующие мониторы, губы у нее дрожали.

— Я знаю его, — сказала она, голос едва можно было расслышать. — Человек на изображении… Я знаю, кто он.

46

Доктор Отис Коули вставил сигарету в мундштук с золотым наконечником, зажал его между искусственными зубами и закурил. Затем продолжил изучение электронного сердца аппарата дистанционного поиска через открытую панель доступа.

— Чертовски умны эти американцы, — произнес он под впечатлением того, что увидел. — Читал научные статьи об этом, но не видел ни одного так близко.

Коули, директора Квебекского института морской техники, завербовал Анри Вийон. Это было настоящее страшилище: бочкообразная грудная клетка, круглое лицо с нависшими бровями. Седые волосы, ниспадающие ниже воротника, усы под тонким коротким носом, словно обрезанным ножницами для стрижки овец.

Брайан Шо стоял рядом с Коули с озабоченным лицом.

— Что будешь делать с этим?

— Оригинальное технологическое решение, — сказал Коули тоном молодого человека, поглощенного рассматриванием «Плейбоя». — Визуальные данные транслируются и передаются с помощью ультразвуковых волн на корабль — носитель, где они декодируются и обрабатываются компьютером. Получаемое в результате изображение переносится на видеоленту с удивительной четкостью.

— Итак, в чем же жульничество? — проворчал Фосс Глай.

Он сидел на ржавой лебедке, установленной на палубе в носовой части синей рыболовецкой лодки.

Шо старался сдержать его темперамент.

— Жульничество, как ты соизволил выразиться, в том, что камеры продолжали передавать изображение после того, как ты притащил эту штуку на борт. Люди на корабле Государственного агентства подводных и морских научных исследований не только узнали, что за ними ведется наблюдение, но смогли записать наши лица на видеоленту.

— Каким образом это касается нас?

— В эту минуту их директор проекта, вероятно, вызывает вертолет, — ответил Шо. — Еще до наступления ночи лента будет в Вашингтоне. А к этому времени завтра они уже проведут опознание.

— Скорее всего, опознан будешь ты, — сказал Глай, ухмыляясь. — Мы с моим партнером были в масках. Помнишь?

— Ущерб уже причинен. Американцы поймут, что мы не местные водолазы, совершающие хищение с останков кораблей, потерпевших кораблекрушение. Они узнают, кто действует против них, с чем им придется иметь дело, и примут все превентивные меры.

Глай пожал плечами и начал расстегивать молнию на своем водолазном костюме.

— Если бы эта механическая рыба не прервала нас, мы спокойно заложили бы взрывчатку, взорвали старый корпус и не оставили бы им почти ничего, что можно поднять со дна.

— Нас постигла неудача, — сказал Шо. — Насколько вам удалось продвинуться в работе?

— Мы едва успели приступить к делу, как увидели огни, которые загорелись на корме.

— Где взрывчатка?

— Осталась на палубе в носовой части корабля, потерпевшего крушение, где мы хранили ее.

— Сколько фунтов?

На мгновенье Глай задумался.

— Мы с Гаррисом спускались по шесть раз каждый с герметичными контейнерами весом двести фунтов.

— Две тысячи четыреста фунтов, — сосчитал Шо.

Он повернулся к доку Коули.

— Что будет, если мы ее взорвем?

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

— Масса за массу, тризинол в три раза мощнее тринитротолуола.

Коули сделал паузу, пристально всматриваясь через воду в «Оушен венчерер».

— Ударные волны от взрыва разрушат заднюю часть корабля Государственного агентства подводных и морских научных исследований.

— И «Императрицу Ирландии».

— Уничтожат носовую часть и снесут носовую часть надстройки. Этот момент поглотит основную силу взрыва. Прогнется дальняя часть кормы, несколько переборок. Рухнет несколько палуб.

— Но центральная часть остова корабля останется целой.

— Совершенно верно, — кивнул Коули. — Единственным вашим достижением будет смерть массы невинных людей.

— Мало смысла в реализации этого плана, — задумчиво сказал Шо.

— Конечно, я не хочу принимать никакого участия в этом.

— Итак, что же нам остается? — спросил Глай.

— В настоящее время — сидеть тихо, — ответил Шо. — Жди и наблюдай, а также найди нам другую лодку. Американцы, вне всяких сомнений, охотятся за этой.

На лице Глая появилось презрительное выражение.

— Это лучшее из всего, что ты можешь предложить?

— Я удовлетворен. Если у тебя нет других соображений.

— Предлагаю разнести негодяев в клочья и покончить с этим сейчас, — холодно сказал Глай. — Если у тебя не хватает мужества, то я сделаю это.

— Достаточно! — крикнул Шо, пристально глядя на Глая. — Мы не находимся в состоянии войны с американцами, в моих инструкциях нет ничего, чем можно оправдать убийство. Только кровожадные идиоты убивают тогда, когда в этом нет никакой необходимости. Что же касается тебя, инспектор Глай, то больше никаких дебатов. Будешь делать то, что тебе прикажут.

Глай самодовольно пожал плечами, неохотно соглашаясь, и ничего не сказал. Он не любил произносить слова впустую. Но Шо не знал, и никто не знал, что он вставил радиодетонатор в один из контейнеров с тризинолом.

Простым нажатием кнопки он мог взорвать взрывчатку в любое время, когда у него будет соответствующее настроение.

47

Мерсьер сидел за ленчем с президентом в семейной столовой Белого дома. Он испытывал благодарность к своему боссу за то, что, в отличие от остальных генеральных управляющих, он разрешал подать коктейли до пяти часов. Второй коктейль «Роб-Рой» показался лучше первого, хотя и был недостаточно уместным дополнением к бифштексу.

— Последние данные службы разведки говорят о том, что русские выдвинули еще одну дивизию к индийской границе. Это составит уже десять дивизий, вполне достаточно сил для вторжения.

Президент с жадностью ел вареную картошку.

— Парни в Кремле уже обожгли себе пальчики, оккупировав Афганистан. И теперь у них на руках развивающееся восстание мусульман, которое охватит всю Россию. Мне бы очень хотелось, чтобы они вторглись в Индию. Это даже больше того, на что мы могли надеяться.

— Мы не могли сидеть сложа руки и остаться в стороне от этого.

— О, мы бряцали своими саблями и произносили страстные речи в Организации Объединенных Наций, осуждая еще один пример коммунистической агрессии. Послать несколько авианосцев в Индийский океан. Организовать новое эмбарго на торговлю.

Мерсьер занялся салатом.

— Другими словами, та же самая реакция, как обычно. Стоять и выжидать.

— Советы роют себе могилу сами, — прервал президент. — Напасть на семисотмиллионное население, живущее в нищете, — безумие. Поверь мне, Россия проиграет, одержав победу.

Мерсьер не был согласен с мнением президента, но где-то глубоко внутри он знал, что, вероятно, глава государства прав. Он оставил эту тему и перешел к проблеме, которая была ближе к дому.

— На следующей неделе состоится референдум за полную независимость Квебека. Кажется, эта попытка окажется удачной.

Президент не обратил внимания на это заявление, так как подцепил полную вилку горошка.

— Если французы думают, что полная суверенность приведет к благоденствию, то их ждет горькое разочарование, когда они очнутся.

Мерсьер выпустил пробный шар.

— Мы можем остановить это, продемонстрировав силу.

— Ты никогда не сдаешься, Ален, правда?

— Медовый месяц закончился, господин президент. Это всего лишь вопрос времени, скоро оппозиция в конгрессе и новостные средства массовой информации начнут называть вас нерешительным лидером.

Абсолютная противоположность тому, что вы обещали во время избирательной кампании.

— И только потому, что я не вступил в войну на Среднем Востоке или не послал войска в Канаду?

— Существуют и другие средства продемонстрировать решительность, менее резкие.

— Нет причин терять жизнь даже одного американца, вызывая истощение нефтяных месторождений в пустыне. Что же касается Канады, то всё урегулируется само по себе.

Мерсьер коснулся непосредственно этого вопроса.

— Почему ты хочешь видеть Канаду разделенной, господин президент?

Тот холодно посмотрел на него через стол.

— Именно так ты думаешь? Что я хочу увидеть, как соседняя страна разорвана на части и в ней начинается хаос?

— А чему еще я должен верить?

— Верь мне, Ален, — выражение на лице президента было дружественным. — Верь в то, что я собираюсь сделать.

— Разве я могу? — спросил сконфуженный Мерсьер. — Я даже не знаю, о чем ты говоришь.

— Ответ простой, — отвечал президент с печальной ноткой в голосе. — Я веду отчаянную игру для спасения опасно больных Соединенных Штатов.

Это, должно быть, очень плохие новости. По кислому выражению лица Гаррисона Муна президент понял, что они не могут быть другими. Он отложил речь, редактированием которой занимался, и откинулся на спинку кресла.

— У тебя такой вид, словно возникли проблемы, Гаррисон.

Мун положил папку на стол.

— Боюсь, британцы вступили в игру.

Президент открыл папку и стал пристально разглядывать глянцевый фотоснимок человека, который оглядывался на камеру.

— Это только что доставили с борта «Оушен венчерера», — объяснил Мун. — Аппарат подводного наблюдения зондировал обломки корабля,

когда его похитили два неопознанных водолаза. Перед тем как связь прекратилась, на мониторах появилось это лицо.

— Кто это?

— В течение последних двадцати лет жил под именем Брайан Шо. Как следует из доклада, бывший британский тайный агент. Его послужной список очень интересный. Получил известность в пятидесятых. Стал слишком хорошо известен, чтобы продолжать свою деятельность. Над ним нависла угроза быть убитым советским агентом из контрразведки СМЕРШ. Вынужден был уйти в отставку и вести уединенный образ жизни. Секретная служба причислила его к убитым при исполнении служебных обязанностей в Вест-Индии.

— Каким образом удалось так быстро установить всё это?

— Коммандер Миллиган находится на борту «Оушен венчерера». Она узнала его на мониторах. ЦРУ нашло истинные данные о нем в своей картотеке.

— Она знает Шо? — с любопытством спросил президент.

Мун кивнул.

— Познакомилась с ним на званом вечере в Лос-Анджелесе месяц назад.

— Я полагал, что она в море.

— Заблуждение. Никому и в голову не приходило проверить тот факт, что ее кораблю приказали зайти на три дня в Лонг-Бич. В дополнение к этому, ничего не было сказано о том, чтобы запретить ей выходить на берег.

— Их встреча? Не была ли она подстроена?

— Кажется, что именно так и есть. ФБР сразу выследило Шо после его прибытия из Британии. Обычная процедура, когда представители посольства встречают заморских гостей. Шо эскортировали до самолета, летевшего в Лос-Анджелес. Там он встретился с Грэмом Хамберли, хорошо известным доносчиком на содержании британской разведки, который и устроил их встречу.

— Следовательно, коммандер Миллиган разболтала то, что знала о договоре.

Мун пожал плечами.

— У нее не было инструкций держать рот на замке.

— Как они пронюхали о том, что нам известно о договоре?

— Мы не знаем, — сказал Мун.

Президент прочитал доклад о Шо.

— Странно, что британцы могли доверить назначение такого масштаба человеку, возраст которого приближается к семидесяти.

— С первого взгляда может показаться, что «МИ-6» присваивает низкий приоритет нашим поискам договора. Но если подумать, то Шо является прекрасным выбором для секретной работы. Если коммандер Миллиган не узнала бы его, сомневаюсь, что мы смогли бы связать его с британской разведкой.

— С тех пор, как Шо был в списке действующих агентов, времена изменились. Возможно, он чувствует себя, как рыба, вынутая из воды, выполняя это задание.

— Я бы не сказал, что это так, — возразил Мун. — Парень не сентиментальный чудак. Он следил за каждым нашим шагом.

Какое-то время президент сидел молча.

— Возможно и то, что наша тщательно спланированная тайная концепция раскрыта.

— Да, сэр, — Мун мрачно кивнул. — Через несколько дней или даже часов кораблю «Оушен венчерер» прикажут покинуть реку Святого Лаврентия. Ставки слишком велики, чтобы британцы могли оставить нас в покое, не найдя договора.

— Тогда мы спишем «Императрицу Ирландии» как гиблое дело.

— Если, — произнес Мун, словно размышляя вслух, — Дирк Питт не найдет договор за оставшееся время.

48

Питт смотрел на экраны, которые показывали, как команда, поглощенная подъемом корабля, потерпевшего катастрофу, занимается своим делом на остове под водой. Делая огромные прыжки в замедленном темпе, костюмы «ДЖИМ» и их обитатели тщательно размещали пироксен на верхней надстройке. Людям было комфортно работать под давлением, равным атмосферному, в ограниченном пространстве сочлененных аппаратов, в то время как снаружи на тела водолазов со специальными дыхательными приборами воздействовало давление семьдесят пять фунтов на квадратный дюйм, сжимая их. Питт повернулся к Дугу Хоукеру, поглощенному тонкой настройкой мониторов.

— Где погружаемый подводный аппарат?

Хоукер включил прибор и начал изучать карту, выходящую из ультразвукового самописца.

— «Сапфо I» плавает в двадцати метрах от носа по левому борту «Императрицы». Пока мы не подготовимся к уборке обломков, я приказал экипажу аппарата патрулировать по периметру в четверти мили вокруг останков корабля.

— Хорошая мысль, — сказал Питт. — Есть какие-либо признаки появления нарушителей?

— Ответ отрицательный.

— На этот раз мы хотя бы готовы.

Хоукер сделал жест, полный сомнения.

— Не могу обеспечить тебе совершенную систему детектирования. Видимость слишком паршивая, чтобы камеры могли видеть очень далеко.

— Что скажешь о гидролокаторе бокового сканирования?

— Его датчики охватывают диапазон в триста шестьдесят градусов на расстоянии триста метров, но опять-таки никаких гарантий. Человек — слишком маленькая мишень.

— Есть ли какие-нибудь надводные корабли?

— Десять минут назад прошел нефтеналивной танкер, — отвечал Хоукер. — С верховий реки приближается что-то, похожее на буксир, который тащит мусорную баржу.

— Наверное, собирается сбросить свой груз дальше где-нибудь в заливе, — предположил Питт. — Не пропусти что-нибудь.

— Готов сгореть на посту, — объявил Руди Ганн, глядя на мониторы.

— Отлично, убери водолазов, чтобы не мешали, — приказал Питт.

В зал управления вошла Хейди в светло-коричневом вельветовом комбинезоне и с подносом, на котором были аккуратно расставлены десять чашек горячего кофе. Она прошла к команде инженеров. Последняя чашка досталась Питту.

— Я ничего не пропустила? — спросила она.

— Ты прекрасно рассчитала время. Собираемся приступить к резке. Скрести пальцы, чтобы мы положили нужное количество пироксена в нужном месте.

— А что произойдет, если вы не справитесь с этим?

— Если количество окажется недостаточным, то ничего не добьемся. Слишком много не в том месте — прогнется половина борта корабля, что будет нам стоить много дней, а это мы не можем себе позволить. Можешь сравнить нас с бригадой, выполняющей аварийно-спасательные работы, которая разрушает здание постепенно, этаж за этажом. Взрывчатое вещество должно быть установлено в стратегических позициях, чтобы внутренняя часть рухнула на точно заданный участок.

— Прибор установлен, пошел отсчет, — доложил Ганн.

Питт предвидел, какой следующий вопрос хочет задать Хейди.

— Этот прибор представляет собой устройство для электронной настройки времени воспламенения пироксена.

— Водолазы отошли от корабля, мы считаем, — сказал Ганн.

— Десять секунд.

Все, кто находился в зале управления, сфокусировали взгляд на мониторах. Обратный отсчет тянулся слишком долго, пока они напряженно ожидали результатов. Затем накалившуюся атмосферу разрядил голос Ганна:

— Поджигаем.

Ярая вспышка охватила верхнюю часть правого борта «Императрицы Ирландии», две ленты белого свечения вырвались из одного источника и пронеслись по палубе и переборкам, соединяясь вместе и образуя огромную сферическую область сверхтеплоты. Облако пара образовалось над огненной дугой и направилось на поверхность.

Вскоре основание в центре начало оседать. Оно висело почти целую минуту, отказываясь падать. Затем пироксен расплавил последние цепкие связи, и старая сталь бесшумно рухнула внутрь и исчезла на палубе внизу, оставляя отверстие диаметром двадцать футов. Расплавленный ободок кольца раскалился докрасна, затем стал серым, вновь закаляясь под действием холодной воды.

— Выглядит великолепно! — взволнованно сказал Ганн.

Хоукер подбросил вверх свою клавиатуру и завизжал. Все смеялись и аплодировали. Первое возгорание, самое проблемное, было успешным.

— Опустить захваты, — резко сказал Питт. — Давайте не будем терять ни минуты, уберем обломки.

— У меня контакт.

Не все внимательно следили за мониторами. Человек с лохматой шевелюрой за самописцем гидролокатора бокового сканирования не отрывал взгляда от распечатки.

Питт оказался за его спиной, сделав всего три шага.

— Можешь идентифицировать?

— Нет, сэр. Расстояние слишком велико, чтобы определить какую-нибудь деталь. Похоже, что-то выбрасывают с той баржи, которая проходит по левому борту.

— Падение происходит со скольжением под углом?

Оператор гидролокатора покачал отрицательно головой.

— Всё падает прямо вниз.

— Непохоже на водолаза, — сказал Питт. — Возможно, экипаж выбрасывает утиль или мусор за борт.

— Продолжать наблюдение?

— Да, и будь особенно внимательным, если заметишь какое-нибудь передвижение.

Питт повернулся к Ганну.

— Кто управляет погружаемым аппаратом?

Ганн на минуту задумался.

— Сид Клингер и Марв Пауэрс.

— Гидролокатор зарегистрировал странный контакт. Хотелось бы, чтобы они прошли над ним.

Ганн посмотрел на него.

— Думаешь, наши гости могут вернуться?

— Показания вызывают сомнения, — пожал Питт плечами.

— Но ведь никогда не знаешь, что может произойти.

Как только Фосс Глай прыгнул за борт баржи, он сразу же поплыл прямо на дно. Тащить с собой дополнительный запас воздушных баллонов было непростым делом, но они понадобятся ему на обратный путь и необходимую декомпрессию, которая должна завершиться прежде, чем он сможет снова вынырнуть на поверхность. Он выпрямился и пошел по дну реки, отталкиваясь ластами в неторопливом ритме. Ему предстояло пройти длинный путь и многое сделать.

Не успел он пройти и пятидесяти метров, как услышал навязчивое приглушенное гудение, идущее откуда-то из черной пропасти. Застыл на месте, прислушиваясь.

Акустика воды рассеивала звук, он не мог точно определить направление источника шума. Теперь его глаза различили тусклое желтое сияние, которое разрасталось и расширялось сверху и справа. У него не возникло никаких сомнений. Управляемый человеком погружаемый аппарат с борта «Оушен венчерера» плыл прямо на него.

Не было возможности где-либо спрятаться на плоском дне реки, не было ни гор, ни зарослей бурых водорослей, где можно было бы найти убежище. Как только высокоинтенсивный луч погружаемого аппарата поймает его, он окажется точно в таком положении, как беглый заключенный, спрятавшийся у стены тюрьмы под яркими лучами прожекторов.

Он бросил запасные баллоны с воздухом и прижался телом к илу, представляя в своем воображении лица экипажа, прижатые к смотровым иллюминаторам, пытающиеся взглядом пронзить бесконечную темноту. Затаил дыхание, чтобы предательские пузырьки воздуха не выходили из его респиратора.

Экипаж проплыл за его спиной и уплыл дальше. Глай сделал большой вдох, но не поздравил себя. Он знал, что экипаж продублирует поиски, наблюдая еще внимательнее.

Сейчас Фосс стал понимать, почему его не заметили. Ил поднялся со дна и замаскировал его фигуру. Он сильно оттолкнулся ластами и с облегчением увидел, что свет погружаемого аппарата не было видно в вихре осадков, поднятых со дна реки. Он набрал целые горсти ила и рассеял его вокруг себя. За какие-то секунды его уже совершенно не было видно в этом облаке. Включил свет, но плавающая грязь отражала его лучи. Если он совершенно ослеп и ничего не видел, то также ослепли и ничего не видели люди внутри погружаемого аппарата.

Глай пошарил вокруг, его руки нащупали запасные баллоны с воздухом. Проверил направление «Императрицы» по светящемуся компасу, поплыл, задевая за дно и поднимая ил по своему следу.

— Докладывает Клингер из «Сапфо», — сказал Ганн.

Питт отошел от мониторов.

— Дай мне поговорить с ним.

Ганн снял шлемофон и подал ему Питт надел его на голову и начал говорить в крошечный микрофон.

— Клингер, это Питт. Что нашли?

— Какое-то возмущение на дне реки, — отозвался Клингер.

— Можешь назвать причину?

— Ответ отрицательный, — повторил Клингер. — Что бы его ни вызвало, оно утонуло в иле.

Питт посмотрел в гидролокатор бокового сканирования.

— Какие-нибудь контакты?

Оператор отрицательно покачал головой.

— Кроме грязи, поднявшейся в виде облака, с этой стороны погружаемого аппарата, на распечатке совершенно ничего нет.

— Может быть, нам следует вернуться и предложить помощь в подъеме останков корабля? — спросил Клингер.

Питт некоторое время молчал. Странно, но вопрос Клингера беспокоил его. Глубоко внутри он чувствовал, что пропущено что-то неопределенное.

Холодная логика подсказывала, что человеческий разум был значительно менее надежным, чем машины. Если приборы ничего не обнаружили, то была вероятность того, что там и обнаруживать нечего. Преодолевая свои собственные сомнения, Питт подтвердил запрос Клингера.

— Клингер.

— Продолжай.

— Возвращайся, но иди медленно зигзагообразным курсом.

— Понял. Будем зорко смотреть. «Сапфо», вперед.

Питт передал канал связи Ганну.

— Как развиваются события?

— Прекрасно, — ответил Ганн. — Смотри сам.

Расчистка галереи шла максимально быстро для работы на такой глубине. Команда водолазов из сатурированной камеры резала металл на мелкие части, работая ацетиленовыми резаками и гидравлическими ножницами. Двое из них подставляли алюминиевые подпорки под раскачивающиеся переборки, чтобы они не прогибались и не обрушивались.

Люди в костюмах «ДЖИМ» работали захватами, свисающими с вышки на борту «Оушен венчерера», направляя их к самой тяжелому участку с искореженными обломками. Пока один управлял подъемным кабелем, сгибая его под наиболее подходящим углом, второй человек держал небольшую коробку в зажимах манипулятора, управляемого руками и контролирующего огромные клещи. Если они были удовлетворены тем, что правильно отрегулировали их, то клешни закрывали, и оператор лебедки, находящийся на вышке, осторожно вытаскивал груз из того, что с любовью называли карьером.

— При работе с такой скоростью, — сказал Ганн, — мы сможем подобраться к участку, где находится каюта Шилдса, через четыре дня.

— Четыре дня, — повторил Питт, медленно произнося слова. — Только Богу известно, будем ли мы тогда здесь.

Внезапно он замер и уставился на экраны.

Ганн посмотрел на него.

— Что-нибудь не так?

— Сколько водолазов должно выйти из камеры в эту смену?

— Четыре, — ответил Ганн. — Почему ты спрашиваешь?

— Потому что я насчитал пять.

49

Глай проклинал себя, что пошел на такой глупый риск, но, лежа под одной из проржавевших спасательных шлюпок, он не мог наблюдать ни за какими деталями деятельности, которая имела место там, в пробоине, где работала команда спасателей судна. Идея смешаться с ними казалась до абсурда простой, хотя и опасной.

Он заметил лишь незначительную разницу между их костюмами и своим. Баллоны с воздухом у него на спине более ранней модели, но цвет был одинаковым. Кто распознает во мраке такого похожего противника?

Он поплыл к ним и приближался с одной стороны, пока его ласты не задели обо что-то твердое: стальная крышка люка, сорванная со своего места, лежала на палубе. Не успел он подумать о том, что делать дальше, как один из команды подплыл к нему и показал на люк. Глай преувеличенно кивнул головой в знак понимания, вместе они с трудом подкатили стальную пластину к фальшборту и сбросили ее за борт.

Здесь не было невидимых ловушек. Глай остро чувствовал опасность и продолжал внимательно следить за ситуацией. Он энергично работал

вместе со всеми, будто делал это с самого начала. По его мнению, это был тот классический случай, когда наиболее очевидное было наименее очевидным.

Вместе они проработали значительно больше времени, чем он думал. Люди из Государственного агентства подводных и морских научных исследований были похожи на шахтеров, которым известно точно, где проходит основная жила, и они копали свою шахту в соответствие с этим знанием. По его расчетам, они убирали тонну металлолома каждые три часа.

Он обошел вокруг полости, приблизительно измерив ее ширину. Перед ним стояли два следующих вопроса. До какой глубины они должны пройти? Сколько времени потребуется, чтобы добраться до нее?

Затем он почувствовал, что все пошло как-то по-другому. Внешне все казалось прежним. Люди из команды, занимающейся подъемом корабля, были настолько поглощены работой, что не замечали Глая. Однако произошло какое-то совершенно незначительное изменение.

Глай ушел в тень и поплыл, дыша неглубоко и ровно. Прислушивался к усиленным подводным звукам и наблюдал человеческие движения костюмов «ДЖИМ». Его переутомленное шестое чувство подсказывало ему, что пора уходить.

Но он опоздал.

Что было невозможно воспринять секундой раньше, сейчас проявилось со всей откровенностью. Остальные водолазы, похоже, сосредоточенно работали, но не делали ничего. Ковш не вернулся на место после того, как доставил последнюю порцию груза. Водолазы из барокамеры лениво копались в мусоре, но не собирали его и не выбрасывали за борт.

Они медленно и постепенно окружали Глая полумесяцем, беря его в полукольцо. Только теперь до него дошло. Его присутствие было зафиксировано с корабля-носителя. Он не заметил телевизионные камеры, прикрепленные к прожекторам, потому что их скрывал яркий свет, не понимал он до этого момента и то, что спасатели могли получать инструкции из центра управления по миниатюрным приемникам, установленным внутри их колпаков.

Он отступал, пока спиной не уперся в переборку. Костюмы «ДЖИМ» образовали перед ним барьер, остальные водолазы вертелись на флангах, перекрывая последний путь к спасению. Сейчас они все пристально смотрели на него, совершенно не выражая никаких эмоций.

Глай достал из ножен восьмидюймовый нож и присел, словно перед прыжком, сжимая нож в руке ладонью наверх, применяя непрофессиональный, но всё же смертельный прием уличного бойца.

Это действие было совершенно бесполезным, сделанным исключительно рефлекторно. У остальных водолазов также были ножи, опасные лезвия из нержавеющей стали, пристегнутые к ногам. А зажимы манипуляторов костюмов ДЖИМ обладали нечеловеческой силой и могли нанести страшные раны.

Они окружили его, стоя совершенно неподвижно, словно статуи на могилах. Один из водолазов достал пластиковую пластину из массивного пояса и что-то быстро написал на ней жирной палочкой желтоватого цвета. Закончил писать и показал пластину Глаю, держа ее перед его носом.

Сообщение было коротким и по существу. Оно гласило: «ПРОВАЛИВАЙ».

На мгновенье Глай остолбенел.

Он не рассчитывал на подобный прием. Не ожидая, что его будут умолять сделать это, он согнул колени и бросил тело вверх, энергично проплывая точно над головой водолазов из Государственного агентства подводных и морских научных исследований. Они не предприняли даже малейшей попытки остановить его, всего лишь поворачиваясь и наблюдая, как он исчезает во тьме.

— Ты позволил ему уйти, — спокойно сказал Ганн.

— Да, позволил ему уйти.

— Думаешь, это мудро?

Питт безмятежно продолжал стоять и не дал ответа сразу, его невероятно зеленые глаза сузились в догадке. На лице была улыбка, но и не совсем улыбка. Выражение было почти угрожающим, выражением льва, подстерегающего в засаде проходящую мимо добычу.

— Ты видел нож, — наконец произнес Питт.

— У него не было шансов. Наши парни скормили бы его рыбам.

— Этот человек — убийца.

Это было просто утверждение, не более.

— Но мы еще можем схватить его, когда он вынырнет на поверхность, — настаивал Ганн. — Тогда он будет беспомощным.

— Не думаю.

— Задумал что-то особенное?

— Элементарное, — сказал Питт. — Используем эту маленькую рыбку как приманку, чтобы поймать крупную.

— Так в этом и всё дело, да? — сказал Ганн неуверенно. — Подождем, пока он встретится со своими приятелями, сформируем отряд и окружим всех вместе. Потом всех сдадим властям.

— Насколько я понимаю, это и есть власти.

Ганн пришел в полное замешательство, чего с ним никогда не происходило раньше.

— Почему ты уверен в этом?

— Наш гость выполнял лишь миссию разведчика. В следующий раз он может привести с собой друзей, вот тогда он будет по-настоящему опасен. Нам нужно выиграть время. Полагаю, стоит на время остановить их часы.

Ганн как-то по-особенному скривил губы и кивнул.

— Я с тобой, но нам лучше что-то предпринять. Тот парень окажется на борту следующего судна, которое будет проходить мимо.

— Никакой спешки, — сказал Питт, чувствуя себя совершенно расслабленно. — Ему нужно пройти декомпрессию в течение получаса. Возможно, у него есть запасной комплект баллонов с воздухом, спрятанных где-нибудь на дне реки.

В мозгу Ганна возник еще один вопрос.

— Ты сказал, что незваный гость — убийца. Почему ты так решил?

— Он слишком быстро взялся за нож, слишком спешил воспользоваться им. Те, кто родился с инстинктом убийцы, никогда не испытывают сомнений.

— Таким образом, мы встали на борьбу с людьми, имеющими лицензию на убийство, — задумчиво сказал Ганн. — Далеко не приятная мысль.

50

Перед рассветом в порту Римуски было спокойно и безлюдно, тишину подчеркивало отсутствие ветра.

Было слишком рано для появления докеров, вечно пронзительно кричащих морских чаек, дизельных локомотивов, доставляющих разгруженные товары в ближний индустриальный район.

К одному из доков был пришвартован буксир, который тащил пустую баржу по реке за судном «Оушен венчерер» всего несколько часов назад.

Полосы красной ржавчины и следы тридцатилетнего интенсивного использования испещрили его поверхность. Свет, зажженный в каюте капитана под рулевой рубкой, через иллюминаторы отражался в черной воде.

Шо проверил свои часы и нажал крошечный переключатель на предмете, который мог бы сойти за карманный калькулятор. Закрыв глаза, на мгновенье задумался, затем стал нажимать ряды кнопок.

Ничего похожего на былое время, думал он, когда агенту приходилось прятаться на чердаках и тихо бормотать в микрофон радиопередатчика. Сейчас цифровые сигналы через спутник передавались на компьютер в Лондоне. Там сообщение расшифровывали и посылали по назначению с помощью волоконно-оптической технологии.

Окончив работу, Шо положил электронный блок на стол и встал, чтобы расправить затекшие члены. Мышцы онемели, спина болела. Неблагоприятные последствия наступающей старости. Он открыл портфель и достал бутылку «Канадиен клаб», купленную после прибытия в аэропорт Римуски.

Канадцы называли этот напиток виски, но на британский вкус он несколько отличался от американского бурбона.

Вдруг понял, что пить его теплым слишком примитивно, только шотландцы предпочитают употреблять этот напиток в таком виде, но на обветшавших буксирах нет такого современного удобства, как морозильная камера.

Шо сел в кресло и закурил одну из сигарет, изготовленных по специальному заказу. Хоть что-то осталось от прошлого. Ему недоставало лишь теплой компании. В такие дни, оставаясь наедине с бутылкой и размышляя о своей жизни, он сожалел, что не женился во второй раз.

Его задумчивость была прервана тихим сигналом небольшого устройства, стоящего на столе. Затем из него выскользнул тонкий лист бумаги шириной не более четверти дюйма. Чудо высокоразвитой технологии; он всегда восхищался ее достижениями.

Надел очки для чтения, еще одно тяжкое напоминание о надвигающейся старости, и приступил к изучению текста, кратко сформулированного на бумаге. Полный текст занимал почти полметра. Закончив чтение, снял очки, выключил передатчик-приемник и положил его в карман.

— Последние новости из доброй старой Англии?

Шо взглянул и увидел Фосса Глая, стоящего на пороге.

Глай не пытался войти. Он просто пристально смотрел на Шо из-под вопросительно поднятых бровей, выражение его глаз было похоже на взгляд шакала, нюхающего воздух.

— Всего лишь подтверждение моего отчета о том, что ты увидел, — небрежно ответил Шо.

Он начал наматывать бумажную ленту с сообщением вокруг указательного пальца рулончиком.

Глай уже переоделся. Сменил водолазный костюм с подогревом на рабочие брюки из хлопчатобумажной саржи и теплый свитер с высоким воротником.

— До сих пор содрогаюсь от ужаса. Не возражаешь, если выпью глоток твоего напитка?

— Будь моим гостем.

Двумя глотками Глай выпил полстакана «Канадиен клаб». Он напомнил Шо невероятно натренированного медведя, который у него на глазах залпом выпил бадью эля.

Глай глубоко вздохнул.

— От этого я вновь почувствовал себя человеком.

— По моим подсчетам, — разговорчиво сказал Шо, — этап твоей декомпрессии был на пять минут короче. Ощущаешь какие-нибудь неприятные последствия?

Глай сделал движение, словно хотел налить себе еще.

— Ощущение незначительного покалывания, и ничего больше.

Молниеносно протянул руку через стол и сжал запястье Шо железной хваткой.

— Это сообщение не имеет ко мне ни малейшего отношения, не так ли, папаша?

Шо весь напрягся, когда ногти вонзились ему в кожу. Вытянул ноги на полу, планируя выбросить тело назад из кресла. Но Глай понял его намерения.

— Давай без фокусов, папаша, или я переломаю тебе кости.

Шо осел в кресле. Не из-за страха. От злости, что оказался в невыгодном положении.

— Ты переоцениваешь себя, инспектор Глай. Зачем британской секретной службе беспокоиться о тебе?

— Тысяча извинений, — усмехнулся Глай, не снижая давления. — Я подозрительный тип. Лжецы вызывают у меня раздражение.

— Невежливое обвинение невежественного ума, — сказал Шо, вновь обретая равновесие. — Ничего другого я и не ожидал, учитывая источник.

Губы Глая искривились.

— Умные слова, супершпион. Допустим, ты сказал мне, что не связывался с боссом в Лондоне и не получил подтверждение около двух часов назад.

— А если я скажу, что ты ошибаешься?

— Ничего хорошего. Я немного поболтал с доком Коули в камбузе. Неужели твоя память настолько изменяет тебе, что ты забыл, что он помог тебе составить отчет о той небольшой технической новинке? Или что ты добавил приписку поле того, как ушел Коули. Запрос на устранение Фосса Глая. Ты знаешь это, я знаю это. Ответ у тебя в руке.

Люк открылся, и Шо провалился в него. Он проклинал свою беспечность. У него почти не возникало сомнений, что страшный человек пойдет на убийство, если ему будет предоставлена хоть малейшая возможность. Единственная надежда была на то, что он сможет отвлечь Глая, сбить его ход мыслей. Он рискнул.

— Мистер Вийон мимоходом упомянул, что ты можешь проявить неустойчивость. Пришлось поверить ему на слово.

От злости глаза Глая расширились, Шо понял, что наступил на больное место, и продолжил завинчивать гайки.

— Полагаю, что он употреблял даже слово «психопат».

Реакция была не такой, какой он ожидал. Совсем не такой.

Вместо холодной ярости выражение глаз Глая внезапно стало просветленным. Он отпустил запястье Шо и сел.

— Итак, красноречивый болтун нанес мне удар в спину, — пробормотал Глай. — Мне следовало бы догадаться, что он, в конце концов, узнал о моих планах.

Он сделал паузу и с любопытством посмотрел на Шо.

— Теперь я понял, почему меня всегда посылали делать грязную подводную работу. Когда-то вы узнали бы, что я благополучно утонул в результате несчастного случая.

Шо растерялся. Ничто из сказанного не укладывалось в его намерения. Он, правда, не понимал, о чем говорил Глай. У него не было выбора, он должен двигаться только вперед. Очень осторожно он размотал сообщение с пальца другой рукой и положил его на стол перед Глаем, изучая его глаза. Тот лишь бросил взгляд на бумагу не более чем на секунду. Но этого было вполне достаточно.

— Меня удивляет лишь то, что ты рискуешь своей жизнью ради правительства и человека, который хочет тебя убить.

— Возможно, мне нравятся привилегии, предоставляемые компанией.

— Остроумие тебе не свойственно, мистер Богус, инспектор Глай.

— Что же успел рассказать тебе Вийон обо мне?

— Он особенно не распространялся, — сказал Шо, стряхивая пепел сигареты в пепельницу и замечая, что Глай следит за каждым его движением. — Он только предполагал, что я сделаю Канаде одолжение, устранив тебя. Откровенно говоря, мне не нравится играть роль наемного политического убийцы, особенно не зная, почему ты заслуживаешь смерти.

— Что же изменило твое мнение?

— Ты.

Шо видел, что интерес Глая достиг апогея, но он всё-таки не понимал, чем это всё кончится.

— Начал изучать тебя. Ты хорошо знаешь французский язык. Но твой английский — вот в этом всё дело. Не твой акцент, имей в виду, а твоя терминология. Слова «выпивка», «новые штучки» и некоторые выражения являются чистыми американизмами. Любознательность — это лучшее, что у меня есть. Я запросил Лондон проверить данные о тебе. Ответ перед тобой на столе. Ты заслуживаешь смерти, мистер Глай. И если кто-то вообще заслуживает смерти, то это ты.

В свете каюты желтым блеснули зубы улыбающегося Глая.

— Неужели ты думаешь, что способен взять меня, папаша.

Шо схватился руками за край стола, думая, каким образом Глай собирается убить его. Глай мог бы воспользоваться пистолетом с глушителем или, возможно, ножом. Шумная ссора может привлечь внимание Коули и экипажа буксира. Глай сидел, скрестив руки на груди. У него был спокойный расслабленный вид, слишком расслабленный.

— Мне не придется беспокоиться. Мистер Вийон изменил свои намерения. Он решил сдать тебя полиции.

Шо выбрал неправильный путь. По лицу Глая он понял, что допустил ошибку.

— Славная попытка, отец, но ты придумал это. Вийон не может позволить себе оставить меня живым. Я могу засадить его за решетку до следующего ледникового периода.

— Просто прощупываешь почву, — сказал Шо с притворным безразличием. — Сообщение касается Вийона, а не тебя, — он кивнул на то, что лежало на столе. — Прочитай сам.

Глай на мгновенье опустил глаза.

Шо со всей силы толкнул стол, разворачивая его, угол стола нанес таранный удар по свитеру выше линии пояса.

Единственной реакций был резкий возглас. Глай смягчил инерцию движения и успел отскочить. Любой другой человек, перелетев через всё помещение, корчился бы в агонии. А Глай схватил стол за ножку и без усилия поднял тяжелый дубовый предмет к потолку.

Пораженный Шо застыл на месте. Стол весил, по меньшей мере, сто пятьдесят фунтов.

Глай медленно опустил стол и отставил его в сторону так же мягко, как ребенок укладывает куклу в игрушечную коляску, и выпрямился. Шо схватил стул и взмахнул им. Но Глай просто перехватил стул в середине движения, вывернул его из рук Шо и аккуратно поставил под стол.

В глазах Глая, смотревших, не мигая, в глаза Шо на расстоянии всего в три фута от него, не было ни злобы, ни свирепости.

— У меня есть пистолет, — сказал Шо, стараясь контролировать свой голос.

— Да, знаю, — ответил Глай с дьявольской усмешкой. — Невообразимо старомодная «беретта» двадцать пятого калибра. Я обнаружил его в сапоге рядом с твоей койкой. Он и сейчас всё еще там. Проверил прежде, чем вошел сюда.

Шо понял, что не получит пулю или удар ножом. Глай собирался проделать всё голыми руками.

Шо избавился от приступа слабости и нанес удар ногой. С тем же успехом он мог бить носком ноги по дереву. Глай отпрыгнул в сторону и нейтрализовал удар в пах, принимая его на бедро. Пошел в наступление, не предпринимая ничего, чтобы прикрыть себя. У него был такой же бессмысленный взгляд, как у мясника, приближающегося к говяжьей туше.

Отступая, пока его спина не уперлась в переборку, Шо оглядывался по сторонам в поисках оружия, лампы или книги, которые он мог бы бросить, чего угодно, что могло бы приостановить движение двухсот фунтов мышц. Но каюты буксира были рассчитаны на аскетический образ жизни, кроме картины, привинченной к панели, не было ничего, что можно было бы схватить.

Шо сложил руки, прижав ладони друг к другу, и размахнулся, нанося рубящий удар в шею Глая сбоку. Он знал с болезненной определенностью, что это было последним актом полного пренебрежения смертельной опасностью. Он мог с тем же результатом ударить по бетону. Задохнулся от шока и боли. Почувствовал, как хрустнули кости обеих ладоней.

Глай, не проявляя никаких признаков боли, обхватил мощной рукой Шо за талию, а второй рукой со всей силы ударил Шо в грудь, вдавливая ее. Затем Фосс медленно увеличил давление с двух сторон, и позвоночник Шо начал прогибаться и трещать.

— Прощай, британский дурачок.

Шо сжал зубы, когда внезапно внутри стала нарастать дикая боль. Весь воздух из легких был выдавлен. В висках бешено пульсировала кровь, каюта стала туманной и поплыла у него перед глазами. Последний крик пытался вырваться сквозь сжатые зубы, но замер. Сейчас уже ничего не осталось, кроме дикой боли в спине. Смерть была единственным избавлением.

Где-то на расстоянии раздался громкий треск. Шо решил, что всё кончено. Безжалостное давление ослабло, боль уменьшилась. Он мягко осел на палубу.

Шо спрашивал себя, что будет дальше. Долгое путешествие по темному туннелю к ослепительному свету? Его почему-то огорчало, что не было музыки. Он начал разбирать по пунктам свои ощущения. Вдруг понял, что продолжает ощущать боль, и это было странно. Ребра и позвоночник будто бы горели в огне. Со страхом Шо открыл глаза. Потребовалось некоторое время на то, чтобы они смогли что-нибудь рассмотреть.

Первые предметы, которые ему удалось различить, оказались парой ковбойских сапог.

Он поморгал, но они оставались на месте. Телячья кожа с рисунком по бокам, высокий каблук и измененный заостренный носок. Он повернул голову и взглянул в грубоватое лицо, глаза которого, похоже, улыбались.

— Ты кто? — пробормотал он.

— Питт. Дирк Питт.

— Странно, ты не похож на дьявола.

У Шо никогда не возникало сомнений, куда он отправится после смерти.

Сейчас улыбнулись губы.

— Есть и такие, кто не согласится с этим.

Он опустился на колени и просунул свои руки Шо под мышки.

— Ну-ка, дай-ка я помогу тебе, папаша.

— Господи, как бы мне хотелось, — раздраженно пробормотал Шо, — чтобы меня перестали называть папашей.

51

Глай лежал в позе мертвеца. Руки безжизненно вытянуты по бокам, ноги слегка согнуты. Как плоский резиновый шар без воздуха.

— Как тебе удалось это? — спросил ошеломленный Шо.

Питт показал огромный гаечный ключ.

— Одинаково хорош для завинчивания болтов и пролома черепов.

— Он умер?

— Сомневаюсь. Его можно уничтожить разве что пушкой.

Шо сделал несколько глубоких вдохов и помассировал руки.

— Благодарю за своевременное вмешательство, мистер...

— Меня зовут Питт, мистер Шо. И можешь прекратить этот театр. Мы оба знаем всё друг о друге.

Шо перевел разговор на другую тему. Только благодаря удаче он смог едва живым избавиться от одного противника, но перед ним немедленно возник другой.

— Ты рискуешь, мистер Питт. В любой момент в дверях может появиться мой экипаж.

— Если кто-то и придет сюда, — сказал Питт беспечным тоном, — то это будет мой экипаж. Пока ты вальсировал с ходячей мышцей, твоих людей надежно спрятали в машинном отделении.

— Мои комплименты, — ответил Шо. — Ты вошел тихо и принес большой гаечный ключ.

Питт засунул инструмент в боковой карман ветровки и сел.

— Они очень старались сотрудничать. Но я думаю, что это происходит со всеми людьми, когда они пристально смотрят на дуло автомата.

Боль волнами распространялась по спине Шо назад и вперед. Лицо было бледным. Он несколько раз пытался согнуться, но от этого ему стало еще хуже.

Питт наблюдал за ним.

— Думаю, тебе следует обратиться к остеопату после того, как ты уведомишь «МИ-6» о последних событиях.

— Спасибо за заботу, — пробормотал Шо. — Откуда тебе известно так много?

— Ты мгновенно стал знаменитостью после того, как посмотрел в камеры нашего аппарата. Хейди Миллиган узнала твое лицо, ЦРУ раскопало твое прошлое.

Глаза Шо сузились.

— Коммандер Миллиган на борту твоего корабля?

— Она сказала мне, что вы старые друзья. Красивая и умная девушка. Она проводит научное исследование по нашей истории.

— Понимаю, — сказал Шо. — Она разработала план операции по подъему останков судна.

— Если ты хочешь сказать, что Хейди определила расположение каюты Харви Шилдса, то да.

Шо всегда поражался откровенности американцев. Питта, с другой стороны, постоянно раздражало то, что англичане предпочитали ходить вокруг да около.

— Почему ты здесь, мистер Питт?

— Понял, что пора предупредить вас, чтобы вы уходили отсюда.

— Уходили?

— Не существует закона, который бы гласил, что вы не можете сидеть на скамейках для зрителей, мистер Шо. Но держите своих парней подальше от района наших операций. Последний пытался вести жесткую игру.

— Ты говоришь, наверное, об этом мистере Глае?

Питт посмотрел на неподвижное тело на полу.

— Я должен был догадаться.

— Было время, когда я был подходящим для него соперником, — с тоской сказал Шо.

Питт улыбнулся, и от его улыбки атмосфера в помещении стала теплее.

— Мне остается только надеться, что в свои шестьдесят шесть я буду в такой же форме, как ты.

— Лестное предположение.

— Вес сто семьдесят фунтов, рост шесть футов и один дюйм, правша, многочисленные шрамы. Никаких предположений, мистер Шо. У меня есть твоя биография. У тебя была интересная жизнь.

— Возможно, но твои подвиги далеко превосходят мои, — впервые улыбнулся Шо. — Видишь, у меня тоже есть картотека на тебя.

Питт взглянул на часы.

— Мне пора на борт «Оушен венчерера». Было приятно познакомиться с тобой.

— Провожу тебя до твоей лодки. Самое малое, что я могу сделать для человека, который спас мне жизнь.

На открытой палубе стояли два охранника. Размером и формой они напоминали белых медведей. Один из них заговорил голосом, исходящим, казалось из самой утробы.

— Проблемы, сэр?

Питт отрицательно покачал головой.

— Никаких. Вы готовы отчалить?

— Все на борту, кроме нас.

— Вперед, я догоню вас.

Оба охранника бросили на Шо суровый взгляд и, перевалив через борт, поднялись на борт катера, пришвартованного у буксира.

Питт повернулся и сказал:

— Передай мои наилучшие пожелания генералу Симмсу.

Шо взглянул на Питта с бесконечным уважением.

— Есть ли что-нибудь, чего ты не знаешь?

— Я не знаю массу вещей, — сказал Питт с невинным выражением. — Прежде всего, у меня никогда не было времени научиться играть в триктрак.

«Боже, — подумал Шо, — этот человек просто чудо!» Но он был слишком высоким профессионалом, чтобы не заметить ледяную проницательность, скрывающуюся под внешней оболочкой теплого дружелюбия.

— С удовольствием как-нибудь научу тебя. Я довольно хорошо играю в эту игру.

— Буду ждать с нетерпением.

Питт протянул руку.

За всё время опасного шпионского бизнеса впервые в своей жизни Шо обменялся рукопожатием с противником. Он долго и пристально смотрел Питту в глаза.

— Прости, что не желаю тебе удачи, мистер Питт, но тебе не позволят найти договор. Твоя сторона может многое выиграть всё. Моя — всё потерять. Ты должен понимать это.

— Нам обоим ставки известны.

— Мне было бы очень неприятно, если пришлось бы тебя убить.

— Мне это тоже не понравилось бы. — Питт сел верхом на поручни, сделал паузу и помахал рукой. — Сломай ногу, мистер Шо.

Затем он прыгнул на палубу своего катера.

Шо постоял еще немного, наблюдая, пока крошечная лодка не скрылась в темноте. Устало спустился в машинное отделение и освободил доктора Коули и экипаж буксира.

Когда он вернулся в каюту, Фосса Глая там не было.

52

Толпа почти в пять тысяч человек стояла перед резиденцией премьер-министра, аплодируя и размахивая плакатами на французском и английском языках, расписанными вручную, желая Шарлю Сарве благополучия после его прибытия домой из больницы. Врачи настаивали, чтобы его транспортировали домой на машине скорой помощи, но он твердо отказался от этого предложения и поехал в официальном лимузине, одетый в безукоризненный костюм, купленный специально для этого случая, раненые руки были спрятаны под детскими варежками очень большого размера.

Кто-то из советников его партии предложил оставить бинты открытыми, чтобы вызвать сочувствие общественности. Но Сарве не захотел принимать участия в политике ловкачества. Это был не его путь.

Боль в бедре была мучительной. Руки покрылись рубцовой тканью, каждая попытка пошевелить ими вызывала приступ ужасной боли. Сарве был рад, что толпа и репортеры были слишком далеко и не видели пот, выступавший у него на лице, когда он улыбался сжатыми губами и махал рукой, отвечая на их приветствия.

Машина проехала через ворота и остановилась перед ступенями у входа. Даниэла подбежала к дверце и распахнула ее.

— Добро пожаловать домой, Шарль.

Слова застряли у нее в горле, когда она увидела исстрадавшееся мертвенно-бледное лицо с неизгладимыми следами страшных мук.

— Помоги мне здесь, внутри машины, — прошептал он.

— Позволь мне пригласить полицейского.

— Нет, — отрезал он. — Нельзя, чтобы меня считали инвалидом.

Он изогнулся на заднем сиденье и поставил ноги на землю. Он выждал момент, чтобы собраться с силами, затем одной рукой обнял Даниэлу за талию и, качаясь, принял вертикальное положение.

Она чуть не упала под тяжестью его тела. Ей пришлось приложить все силы, чтобы удерживать его в вертикальном положении. Даниэла почти ощущала боль, исходящую от него, когда они медленно поднимались по ступеням в дом. В дверях он повернулся, улыбнулся знаменитой улыбкой Шарля Сарве группе репортеров в проезде и поднял вверх большой палец.

Едва захлопнулись двери, как выдержка покинула его, он начал оседать на ковер. Полицейский быстро отодвинул Даниэлу в сторону и подхватил Сарве за плечи. Появились врач и две медсестры, все вместе отнесли его наверх в комнату.

— Вы сошли с ума, разыгрывая героя, — выговаривал доктор Сарве, уложив его в постель. — Еще далеко не срослись ваши переломы. Вы нанесли себе страшный ущерб и отсрочили выздоровление.

— Небольшой риск, чтобы убедить народ, что его лидер не овощ, — слабо улыбнулся Сарве.

Вошла Даниэла и села на край постели.

— Ты добился своего, Шарль. Нет необходимости так напрягаться.

Он поцеловал ей руку.

— Прошу прощенья, Даниэла.

Она смущенно посмотрела на него.

— Прощенья?

— Да, — тихо сказал он, чтобы не слышали присутствующие в комнате. — Я недооценивал твой дух. Всегда смотрел на тебя как на богатую девочку, единственной целью жизни которой было любование прекрасным и увлечение фантазиями Золушки. Я ошибался.

— Не уверена, что понимаю, — с сомнением в голосе сказала она.

— Во время моего отсутствия ты оказалась на моем месте и приняла бразды правления с достоинством и решительностью, — искренне сказал он. — Ты поистине доказала, что Даниэла Сарве — первая женщина на земле.

Неожиданно она почувствовала глубокую жалость к нему. Во многих вещах он казался наивным. Только сейчас он начал ценить ее способности. И всё-таки ее желания были совершенно недоступны ему. Он не мог догадаться о степени ее коварства.

Когда он узнает ее полностью, будет слишком поздно.

Когда тем же вечером Сарве в халате сидел на диване и смотрел телевизор, в комнату вошел Анри Вийон. Корреспондент стоял в центре улицы Квебек, окруженный огромной толпой радующихся людей.

— Спасибо, что пришёл, Анри.

Вийон посмотрел на телеэкран.

— Сделано, — сказал он спокойно. — Закончился референдум за полную независимость. Квебек стал страной.

— Теперь наступит хаос, — сказал Сарве.

Он нажал кнопку на пульте управления, и экран погас. Повернулся к Вийону и показал на стул.

— Как ты относишься к этому?

— Уверен, что переход пройдет гладко.

— Ты слишком оптимистичен. До тех пор пока не состоятся всеобщие выборы нового правительства, парламент Квебека будет в смятении, великолепная возможность для «Общества свободного Квебека» выползти из коллектора и затеять игрища с применением силы. — Он грустно покачал головой. — Смерть Жюля Гуэррьера не могла произойти в худшее время. Мы с ним могли бы работать вместе для смягчения перехода. Сейчас — не знаю.

— Тебе, вероятно, необходимо заполнить вакуум, оставленный Жюлем?

— А кем? Может, тобой?

В глазах Вийона появилась жесткость.

— Нет более подготовленного человека. Мои усилия были не напрасны в организации референдума. Меня поддерживали профсоюзы и финансовые институты. Я уважаемый лидер партии, но самое важное в том, что я француз, который пользуется высшим уважением остальной части Канады. Квебек нужен мне, Шарль. Я выставляю свою кандидатуру на пост президента, и я выиграю.

— Таким образом, Анри Вийон собирается возглавить Квебек и вывести его из дикости, — ядовито сказал Сарве.

— Французская культура расцвела сейчас, как никогда раньше. Мой священный долг — поддержать ее.

— Прекрати размахивать геральдическими лилиями, Анри. Это не идет тебе.

— Испытываю глубочайшие чувства к своей родной земле.

— Ты испытываешь глубокие чувства только к Анри Вийону.

— Так плохо думаешь обо мне? — вырвалось у Вийона.

Сарве пристально посмотрел ему в глаза.

— Когда-то у меня было высокое мнение о тебе. Но я видел, как слепые амбиции превратили преданного идеалиста в лукавого интригана.

Вийон ответил точно таким же взглядом.

— Полагаю, что ты должен объясниться.

— Для начала, что заставило тебя отключить электростанцию в Джеймс-Бее и погрузить во тьму треть Соединенных Штатов?

Выражение лица Вийона стало безмятежным.

— Почувствовал, что это необходимо. Кратковременное отключение электричества предупредило американцев, чтобы они не совали свой нос во французские дела.

— Откуда у тебя такие безумные идеи?

Вийон бросил на него озадаченный взгляд.

— От тебя, конечно.

Выражение на лице Сарве стало удивленным.

Внезапно Вийон разразился смехом.

— Ты на самом деле не помнишь, да?

— Не помню что? — механически переспросил Сарве.

— В больнице после катастрофы самолета твой разум был под действием анестезии. Ты негодовал по поводу того, что Канада находится в величайшей опасности, если ненужные люди обнаружат уязвимость пульта управления в Джеймс-Бее. Ты туманно высказывался. Но велел Даниэле передать мне, чтобы я проконсультировался у Макса Рубека, давно усопшего убийцы, совершавшего свои злодеяния с помощью удавки.

Сарве онемел.

— Чертовски умная загадка, учитывая, что она возникла в больном разуме, — продолжал Вийон. — Мне потребовалось время, чтобы найти параллель между любимым орудием Рубека и удушением с помощью энергии. Благодарю тебя за это, Шарль. Ты невольно подсказал мне, как заставить американцев танцевать при простом выключении рубильника.

Какое-то время Сарве не произносил ни слова, затем посмотрел на Вийона и сказал:

— Не невольно.

Вийон удивился.

— То есть?

— Даниэла услышала не бред безумца. Конечно, боль была ужасной, но ум оставался ясным, когда я сказал ей, что ты должен проконсультироваться с Максом Рубеком.

— Ты затеял какую-то детскую игру, Шарль?

Сарве проигнорировал его вопрос.

— Один мой старинный и близкий друг сказал, что ты предашь мое доверие и веру канадского народа в тебя. Я не мог заставить себя поверить, что ты предатель, Анри. Но мне нужно было проверить это. Ты проглотил наживку и угрожал Соединенным Штатам энергетической блокадой. Роковая ошибка с твоей стороны.

Рот Вийона застыл в безобразной ухмылке.

— Итак, ты полагаешь, что тебе кое-что известно. Черт с тобой, да и с Соединенными Штатами. Пока Квебек контролирует реку Святого Лаврентия и электричество гидроэлектростанции Джеймс-Бей, мы будем диктовать правила игры им и западной Канаде. Праведные и

благочестивые причитания американцев сделают их посмешищем в глазах всего мира. Они погрязли в своей идиотской морали, думая только о доходах и банковских счетах. Америка — загнивающее государство, готовое развалиться. Инфляция добьет их экономическую систему. Если они осмелятся и попытаются наложить санкции на горло Квебека, мы отрежем их сети.

— Дерзкие речи, — сказал Сарве. — Но в отличие от многих других, ты на своей шкуре поймешь, что недооценка их решимости никогда не окупится. Когда их припирают к стене, американцы привыкли отвечать оружием.

— У них не хватит наглости, — глумился Вийон.

— Ты дурак. — Сарве не мог подавить холодок, пробежавший по спине. — Ради блага Канады я сорву твою маску и уничтожу тебя.

— Ты не можешь уничтожить продавца лавчонки, — издевался над ним Вийон. — У тебя нет ни единой улики против меня. Нет, Шарль, скоро англоязычные негодяи вышвырнут тебя из офиса, а уж я позабочусь, чтобы тебя не хотели видеть в Квебеке. Тебе уже пора проснуться и понять то, что ты человек без страны.

Вийон поднялся на ноги и вытащил запечатанный конверт из нагрудного кармана. Грубо бросил его на колени премьер-министру.

— Моя отставка из кабинета.

— Принята, — сказал Сарве с мрачным видом.

Вийон не мог уйти, не оскорбив на прощанье хозяина.

— Ты жалкое создание, Шарль. Ты еще так ничего и не понял, но у тебя не осталось ничего, даже твоей драгоценной Даниэлы.

В дверях Вийон повернулся, чтобы бросить прощальный взгляд на Сарве, ожидая увидеть человека, убитого отчаянием и поражением, разбитыми надеждами и разрушенными до основания планами.

Вместо всего этого он увидел человека, лицо которого было озарено необъяснимой улыбкой.

Вийон направился прямо в свой кабинет в парламенте и начал разбирать письменный стол. Он не желал откладывать это до утра и мучительно выслушивать прощальные слова от множества мужчин, которых не любил и не уважал.

Главный помощник постучался в дверь и вошел.

— Несколько посланий.

Вийон махнул рукой, останавливая его.

— Меня это не интересует. Уже час, как я больше не министр внутренних дел.

— Одно сообщение от Брайана Шо, оно, похоже, очень срочное. В дополнение к этому лично сам генерал Симмс пытался связаться с вами.

— Да, это дело с Североамериканским договором, — сказал Вийон, даже не взглянув. — Вероятно, они просят еще людей и снаряжение.

— На самом деле это запрос, чтобы наши военно-морские силы эскортировали американский корабль от места крушения «Императрицы Ирландии».

— Составь соответствующие документы и подпишись на них моим именем. Затем свяжись командующим военно-морскими силами и попроси его выполнить наш запрос.

Помощник повернул и пошел в свой кабинет.

— Подожди! — внезапно Вийона охватила французская лихорадка. — Еще одно. Проинформируй генерала Симмса и мистера Шо, что суверенное государство Квебек больше не одобряет британское присутствие на своей территории, они должны прекратить всякую деятельность, связанную с наблюдением, и немедленно. Затем отправь сообщение нашему наемному другу мистеру Глаю. Сообщи ему, что его ждет огромная премия за организацию шумного прощального вечера кораблю Государственного агентства подводных и морских научных исследований. Он поймет.

53

Они появились поздно следующим утром. Развевались знамена. Половина команды выстроилась на палубе и с интересом уставилась на «Оушен Венчерер». Пена отлетала от носа, образуя плавную волну, работа двигателей замедлилась и прекратилась, как только канадский эсминец плавно остановился на параллельном курсе в двухстах ярдах к югу.

Радист подошел к Питту и Хейди, они стояли на крыле мостика.

— От капитана канадского эсминца «Гурон». Запрашивает разрешение подняться на борт.

— Приятно и учтиво, — пробормотал в раздумье Питт. — Даже спросил.

— Как ты думаешь, что у него на уме? — спросила Хейди.

— Я знаю, что у него на уме, — ответил Питт.

Он повернулся к радисту.

— Передай капитану мои комплименты. Разрешаю подняться на борт, но только если он удостоит нас чести остаться на ленч.

— Так интересно посмотреть, как он выглядит, — пробормотала Хейди.

— Кому еще, кроме женщин, это интересно? — засмеялся Питт. — Скорее всего, надраенный до блеска тип, холодный, педантичный и очень официальный, говорит на азбуке Морзе.

— Ты просто разозлен, — засмеялась Хейди.

— Вот увидишь, — ухмыльнулся в ответ Питт, — могу поклясться, что он поднимется по трапу, насвистывая «Кленовый лист навсегда».

Лейтенант Раймонд Уикс был полной противоположностью словам Дирка. Жизнерадостный человек со смеющимися серо-голубыми глазами и добродушным лицом. Приятный звонкий голос, раздающийся из невысокого тела с заметным брюшком. В соответствующем костюме и гриме он мог бы быть образцовым Санта-Клаусом в универмаге.

Он легко перепрыгнул через поручни и безошибочно направился к Питту, стоящему немного в стороне от встречающих.

— Мистер Питт, я Рэй Уикс. Это поистине честь. Меня потрясла ваша работа при подъеме «Титаника». Меня даже можно назвать вашим поклонником.

Совершенно обезоруженный, Питт смог только пробормотать:

— Как поживаете?

Хейди толкнула его в бок.

— Надраенный до блеска?

Уикс переспросил:

— Прошу прощенья?

— Ничего, — бодро ответила Хейди. — Наша корабельная шутка.

Питт пришел в себя и познакомил его со всеми. С его точки зрения, это была пустая формальность. Было очевидно, что Уикс хорошо проинформирован. Казалось, он знает всё о каждом. Он рассказал о морском археологическом проекте, о котором Руди Ганн почти забыл, хотя и был его полевым директором. Уикс был особенно внимателен к Хейди.

— Если бы все мои офицеры выглядели как вы, коммандер Миллиган, я никогда не ушел бы в отставку.

— Лесть достойна награды, — сказал Питт. — Возможно, смогу убедить Хейди познакомить вас с кораблем.

— Мне бы очень хотелось этого.

Затем выражение лица Уикса стало серьезным.

— Вы не будете столь гостеприимными, как только узнаете цель моего визита.

— Вы хотите сообщить нам, что игра отменяется из-за политической непогоды.

— Ваша формулировка абсолютно точна, — пожал плечами Уикс. — У меня приказ. Прошу прощенья.

— За какое время мы должны отвести людей и снаряжение?

— Сколько времени вам требуется?

— Двадцать четыре часа.

Уикс не был глупым человеком. Он достаточно знал об операциях по подъему останков кораблекрушения и понял, что Питт хочет получить невозможное.

— Могу дать вам восемь.

— Мы не сможем поднять барокамеру меньше, чем за двенадцать часов.

— Вы хорошо торговались бы на турецком базаре, мистер Питт. — в ответ улыбнулся Уикс. — Чтобы вас здесь не было через десять часов.

— При условии, что отсчет времени начнется после ленча.

— Итак, всё решено, лейтенант Уикс, — сказала Хейди, — следуйте за мной, и я познакомлю вас с операцией.

В сопровождении двух офицеров его корабля Уикс помог Хейди спуститься по трапу к рабочей платформе внутри центрального колодца. Питт и Ганн повернулись и медленно направились в рубку управления.

— Зачем с человеком, который вышвыривает нас отсюда, обращаться как с очень важной персоной? — с раздражением спросил Ганн.

— Мне удалось получить десять часов, — тихим голосом произнес Питт. — И я собираюсь воспользоваться каждой минутой, чтобы парни смогли работать.

Ганн остановился и взглянул на него.

— Ты хочешь сказать, что не прекращаешь работу над проектом?

— Черт возьми, да, — искренне и серьезно сказал Питт.

— Ты спятил, — удивленно покачал головой Ганн. — Нам нужно, по меньшей мере, еще два дня, чтобы пробиться к каюте Шилдса. Ты не сможешь вымолить это время.

Питт криво улыбнулся:

— Может быть, и нет, но ей-богу, собираюсь попытаться.

Сквозь глубокий сон Мун почувствовал, что кто-то трясет его. Он оставался в своем офисе круглосуточно с тех пор, как «Оушен венчерер» бросил якорь над «Императрицей Ирландии». Спать приходилось урывками. Открыв глаза, он увидел перед собой мрачное лицо директора Белого дома по связи.

Зевнув, сел.

— Каковы последние известия?

Директор по связи подал ему лист бумаги.

— Прочти и поплачь.

Мун изучил документ. Затем поднял глаза.

— Где президент?

— Он беседует с группой мексиканских и американских лейбористских лидеров в розовом саду.

Мун быстро надел туфли и поспешил по коридору, на ходу натягивая пиджак и поправляя галстук. Президент только что попрощался с делегацией, пожав всем руки, и направлялся в Овальный кабинет. Мун перехватил его на полпути.

— Еще плохие новости? — спросил президент.

Мун кивнул и подал сообщение.

— Последнее слово от Питта.

— Прочитай вслух, пока я иду в офис.

— Он сообщает: «Получил приказ от канадских военно-морских сил уйти из реки Святого Лаврентия. Добился отсрочки на десять часов, чтобы упаковать чемоданы. Эсминец стоит...»

— Это всё?

— Нет, сэр, еще кое-что.

— Прочти.

Мун продолжил чтение.

— «Намерен пренебречь уведомлением о выводе судна. Операции по подъему продолжаются. Готовимся отразить взятие на абордаж». Подписано Питтом.

Президент замер на месте.

— Что-что?

— Сэр?

— Последняя часть, прочитай еще раз.

— «Готовимся отразить взятие на абордаж».

Президент в изумлении покачал головой.

— Боже, приказа отразить взятие на абордаж не было в течение сотни лет.

— Если судить по характеру Питта, то он имеет в виду только то, что говорит.

Президент задумался.

— Итак, англичане и канадцы ломятся в дверь.

— Боюсь, это ультиматум, — сказал Мун. — Должен ли я связаться с Питтом и приказать ему остановить работы? Любое другое действие может спровоцировать военное вмешательство.

— Правда, мы идем по туго натянутому канату, но хорошие старомодные приемы заслуживают награды.

Мун испытал приступ внезапного страха.

— Вы же не предлагаете бросить Питту спасательный леер?

— Предлагаю, — сказал президент. — Пришло время и нам проявить свой характер.

54

Они нежно стояли рядом, словно это происходило в первый раз, наблюдали, как на востоке поднимается молодая луна, и гадали о назначении кораблей, появившихся внизу на реке. Вверху на мачте

горели два красных огня, обозначая судно, пришвартованное над местом кораблекрушения, но, чтобы они могли рассмотреть лица друг друга, света было достаточно.

— Даже представить не могла, что дело дойдет до этого, — тихо сказала Хейди.

— Ты вызвала это волнение, — ответил Питт, — оно нарастает до сих пор.

Она прильнула к нему.

— Странно, что открытие старого измятого письма в университетском архиве может коснуться такого большого количества жизней.

Питт обнял ее и нежно прижал к себе. Хейди посмотрела на канадский эсминец. Палубы и прямоугольная надстройка ярко освещены, слышен шум генераторов. Она задрожала, по реке пополз туман.

— Что может произойти, когда мы нарушим крайний срок, установленный Уиксом?

Питт посмотрел на часы в тусклом свете огней мачты.

— Через двадцать минут узнаем.

— Мне так стыдно.

Питт посмотрел на нее.

— Что это, час исповеди?

— Этого корабля здесь не было бы, если бы я не выболтала всё Брайану Шо.

— Не переживай.

— Но я же спала с ним. Это ухудшает дело. Если кто-то и пострадал, то только я.

Ей не хватало слов, она замолчала, а Питт крепче обнял ее.

Они молчали до тех пор, пока немного позднее тихое, вежливое покашливание не вернуло их в реальность. Питт повернулся и увидел Руди Ганна, стоящего на крыле мостика над ними.

— Лучше тебе прийти, Дирк. Уикс становится всё настойчивее. Заявляет, что не видит доказательств нашего ухода. У меня не хватает слов для извинений.

— Разве ты не сказал ему, что на корабле бубонная чума и возник бунт?

— Не время для юмора, — серьезно сказал Ганн. — У нас также сообщение по радиолокационной станции. В нашем направлении по главному каналу идет корабль. Боюсь, что наш гость на ленче вызвал подкрепление.

Уикс пристально смотрел через иллюминаторы на мостике на надвигающийся туман. В одной руке у него была полная чашка кофе, который уже остыл. Его обычное добродушно-веселое настроение сошло на нет в результате раздражающего безразличия корабля Государственного агентства подводных и морских научных исследований на его информационные запросы. Он повернулся к своему первому офицеру-заместителю, склонившемуся к индикатору радиолокационной станции.

— Что ты скажешь об этом?

— Большой корабль, ничего более. Возможно, каботажный танкер или контейнеровоз. Ты видишь их огни?

— Только когда они появятся на горизонте. Мешает туман. Проклятие этой реки, — сказал офицер-заместитель. — Всегда неизвестно, когда он появится.

Уикс взял бинокль и посмотрел на «Оушен венчерер», но его огни уже расплывались в надвигающемся тумане. Через несколько минут его совершенно не будет видно.

Первый офицер выпрямился и потер глаза.

— Объект явно идет по курсу столкновения.

Уикс схватил микрофон.

— Радиорубка, говорит капитан. Переключите меня на частоту безопасности.

— Контакт запаздывает, — сказал первый помощник.

Уикс подождал, пока включилась громкая связь на мостике, и послышался треск статического электричества. Затем он начал передачу.

— Кораблю на курсе вверх по реке, на ноль-один-семь градусов от Пойнт-о-Пар. Говорит корабль канадских ВМС «Гурон». Пожалуйста, ответьте. Конец.

Ответом было только молчаливое потрескивание статического электричества.

Он вызывал корабль еще два раза, ответа по-прежнему не было.

— Снизил скорость до трех узлов, но по-прежнему идет на сближение. Расстояние тысяча двадцать ярдов.

Уикс приказал матросу дать сигнал кораблю на якоре о тумане на внутреннем водном пути. Прозвучали четыре сигнала сирены «Гурона», которые разнеслись над черными водами: один короткий, два длинных, один короткий.

В ответ последовал длинный пронзительный скрежет, прорезавший туман.

Уикс пошел к дверям, взгляд был устремлен в ночь. Приближающийся незваный гость оставался невидимым.

— Кажется, он хочет проскользнуть между нами и «Оушен венчерером», — докладывал первый офицер-заместитель.

— Почему, черт возьми, они не отвечают? Почему эти идиоты не отходят?

— Возможно, нам лучше воспользоваться угрозами?

В глазах Уикса мелькнул хитрый блеск.

— Думаю, это сработает.

Нажал на кнопку передачи микрофона и сказал:

— Кораблю по левому борту моей кормы. Это эсминец «Гурон» канадских ВМС. Если вы немедленно не назовете себя, мы откроем огонь на поражение.

Прошло, наверное, секунд пять. Затем из громкоговорителя на мостике раздался голос с явно техасской манерой растягивать слова.

— Это крейсер-ракетоносец США «Финикс». Сообщите, когда будете готовы, партнер.

55

Местные фермеры, наверное, радовались дождю, пролившемуся на долину реки Гудзон, но экипаж «Де Сото» был совершенно подавлен им. Поиски «Манхеттен лимитед» не дали ничего, кроме проржавевших останков моста Гудзон-Дьювилль, лежавших на дне, будто разбросанные кости исполинского динозавра.

Проходил час за часом, экипаж приник к приборам, рулевой проходил над одними и теми же местами по пять или шесть раз, каждый раз

пытаясь определить что-то, что могло быть пропущено. Три раза зонды, которые тащили за кормой судна, цеплялись за подводные препятствия, вызывая задержки на несколько часов.

Линия рта Джиордино стала еще напряженнее, когда он, склоняясь над картами с координатными сетками, отмечал обломки, которые обнаружил гидролокатор с боковым сканированием. Наконец он повернулся к Глену Чейзу.

— Да, мы не имеем представления о том, где он находится, но зато совершенно точно знаем, где его нет. Надеюсь, команде водолазов повезет.

Посмотрел на большой бронзовый хронометр на стене рулевой рубки.

— Сейчас они уже должны подниматься на поверхность.

Чейз неторопливо просматривал доклад об истории крушения «Манхеттен лимитед», составленный Хейди Миллиган. Он задержался на двух последних страницах и прочитал молча.

— Разве может быть, что поезд подняли со дна спустя несколько лет, когда он уже стал «старой новостью», и не взяли на себя труд, чтобы сообщить об этом в газетах?

— Не думаю, — ответил Джиордино. — Крушение было слишком крупным событием в этих районах, чтобы успешный подъем поезда остался незамеченным и незарегистрированным.

— Есть хоть доля истины в заявлениях водолазов, что они нашли локомотив?

— Ничего нет, что можно было бы проверить и подтвердить. Один парень даже поклялся, что сидел в будке машиниста и звонил в звонок паровоза. Другой говорит, что проплыл по пульмановскому вагону, в котором было полно скелетов. Покажи неразгаданную тайну, а я покажу тебе сертифицированное заключение колдуна со всеми ответами.

Фигура в водолазном костюме, с которого стекала вода, материализовалась в дверях и затем вошла в рулевую рубку. Николас Райли, главный водолаз проекта, опустился на палубу, спиной прижимаясь к переборке, и сделал глубокий вдох.

— Это течение в три узла просто убийство, — устало сказал он.

— Что-нибудь нашел? — нетерпеливо спросил Джиордино.

— Настоящий хлам, — ответил Райли. — Секции моста разбросаны по всему дну реки. Некоторые фермы разломаны на части, словно развалились при взрыве.

— Здесь дано объяснение этого, — сказал Чейз, поднимая доклад. — Инженерные войска взорвали верхнюю часть обломков в тысяча девятьсот семидесятом году, потому что они создавали угрозу для навигации.

— Есть какие-нибудь признаки поезда? — настаивал Джиордино.

— Ни единого колеса.

Райли сделал паузу, чтобы высморкаться.

— Геология дна — один мелкозернистый песок, очень мягкий. В нем может без следа утонуть все, что угодно.

— На какой глубине проходит коренная порода?

— По данным лазерного зонда, — ответил Чейз, — на глубине тридцати семи футов.

— Можно накрыть поезд, и еще останутся двадцать футов в запасе, — сказал Райли.

Глаза Джиордино сузились.

— Если гениев награждали бы розами, а идиотов скунсами, я получил бы десять скунсов.

— А может, всего лишь семь скунсов, — съязвил Чейз. — К чему такое самобичевание?

— Я слишком тупой, чтобы не понять решения этой загадки. Почему протонный магнетометр не дает четких показаний. Почему поддонный профилограф не может выявить всего поезда под осадочной породой.

— Хочешь поделиться открытием? — спросил Райли.

— Все принимают как само собой разумеющееся то, что ослабленный мост обрушился под весом поезда, и они рухнули вместе, локомотив и вагоны вперемешку со стальными фермами, вниз в воду, — резко сказал Джиордино. — Но что, если поезд упал сначала через центральный пролет, а уже только потом весь мост обрушился сверху и накрыл его?

Райли уставился на Чейза.

— Думаю, в этом кое-что есть. Масса всей этой стальной конструкции вполне могла глубоко вдавить поезд в мягкий песок.

— Его теория также объясняет, почему наши детекторы выходят из строя, — согласился Чейз. — Разрушенная масса конструкции моста может прекрасно искажать и блокировать сигналы зонда от любых объектов под ней.

Джиордино посмотрел на Райли.

— Есть какое-нибудь средство для туннельной проходки под обломками?

— Такого средства нет, — проворчал Райли. — На дне зыбучий песок. К тому же течение слишком сильное и мешает моим водолазам нормально работать.

— Нам нужна баржа с краном и драга, чтобы поднять этот мост со дна, если мы хотим добраться до поезда, — сказал Джиордино.

Райли устало поднялся на ноги.

— Ладно, мои парни проведут подводную съемку, чтобы мы знали, куда опускать ковш крана.

Джиордино снял шапку и рукавом стер пот со лба.

— Интересно, как все это получается. Я-то думал, что мы здесь хорошо проведем время, пока Питт и его команда будут трудиться в поте лица.

— Только Богу известно, с чем приходится иметь дело на реке Святого Лаврентия, — сказал Чейз. — Я бы не поменялся с ними местами.

— А я не знаю, — пожал плечами Джиодино. — Если Питт строго придерживается формы, то, скорее всего, сидит на стуле на палубе с красивой женщиной с одной стороны и бутылкой с другой, наслаждаясь канадским солнцем.

56

Странный туман, несущаяся вихрем красноватая пелена закрывала свет и плотным слоем проплывала перед глазами Питта. Несколько раз он отчаянно пытался пробиться к другому борту, который, наконец, появился перед ним.

Времени подготовиться к этому удару не было, не было времени, чтобы понять, не было времени даже для того, чтобы удивиться. Дирк стер темно-красную жидкость, появившуюся у него над бровями, и потрогал рану на лбу длиной четыре дюйма и, слава Богу, небольшой глубины. Череп остался цел.

Питт с трудом поднялся на ноги, не веря своим глазам, и уставился на тела, лежащие вокруг него.

На Питта смотрел Руди Ганн, его лицо было белым как полотно, глаза смотрели растерянно, без всякого выражения. Он раскачивался на четвереньках, тихо бормоча:

— О Боже! О Боже! Что случилось?

— Не знаю, — ответил Питт напряженным голосом, который был незнаком даже ему самому. — Я не знаю.

На берегу Шо замер как в параличе, сжав губы так, что рта вообще не было видно, лицо перекосилось от слепой и дикой ярости.

Игнорируя приказ Вийона покинуть Канаду, он устроил лагерь на восточной оконечности мыса Фазерс-Пойнт, в двух с половиной милях от места подъема затонувшего судна. Собрал оптический прибор дальнего действия S-66 разведки британской армии, который позволял прочитать заголовки газет на расстоянии в пять миль, и приступил к утомительному наблюдению за кораблями, стоящими над «Императрицей Ирландии».

Катера постоянно плавали между двумя военно-морскими кораблями. Шо представлял себе, какие напряженные переговоры ведутся между американскими и канадскими офицерами.

«Оушен венчерер» казался неподвижным и мертвым. Никто не ходил по палубам, но Шо четко видел, что кран продолжал работать, его огромная лебедка поднимала кусок металла, покрытого илом.

Шо отодвинулся от прибора, чтобы дать передышку глазам и проглотить парочку сладких полосок, которые полагались на завтрак. Тут он увидел приближающийся глиссер, мчащийся со скоростью около девяноста миль в час.

Любопытство взяло верх, и англичанин вернулся к оптическому прибору наблюдения.

Корпус выкрашен краской металлического золотого цвета, на корме ярко выделялась темно-красная полоса. Создавалось впечатление, словно стрела вонзается в солнце. Шо подождал, пока сияние уменьшится, и установил стрелку прибора на ноль. Единственный человек за ветровым стеклом был в очках, но Шо узнал сломанный нос и холодное, жесткое лицо.

Фосс Глай.

Шо завороженно смотрел, как глиссер описал большой круг вокруг трех кораблей, почти целиком выскакивая из воды. Удерживать оптический прибор направленным на прыгающую лодку было трудно, но Шо удалось сделать это и получить четкий обзор открытой кабины.

Правой рукой Глай сжимал штурвал, а в левой руке высоко поднимал небольшую коробку. На солнце блеснул тонкий провод, Шо понял, что это антенна.

— Нет! — закричал он ветру, когда ужасная правда намерений Глая стала ему понятна. — Нет, будь ты проклят, нет!

Внезапно безмятежность утра была нарушена раскатами грома, которые доносились, казалось, издалека, но затем с ужасающей скоростью всё ближе и выше. Вокруг «Оушен венчерера» образовался котел кипящей воды.

Научно-исследовательское судно, казалось, подпрыгнуло над водоворотом, несколько секунд висело в воздухе, затем упало на правый борт и почти полностью скрылось под массивным столбом воды.

Даже на берегу от сильного взрыва сбивало с ног. Шо ухватился за треногу оптического прибора и пристально смотрел, не веря своим глазам.

Водные брызги поднялись вверх огромным белым облаком, вихрем крутясь над мачтами «Гурона» и «Финикса», и обрушились потоками проливного дождя, промочив насквозь надстройки обоих кораблей. Все, находившиеся в этот момент на палубах, были либо сбиты с ног, либо выброшены за борт.

Когда Шо снова настроил оптический прибор на Глая, глиссер уже на полной скорости мчался вверх по реке в сторону Квебека. С каменным лицом, страдая от своей беспомощности, Шо мог лишь наблюдать с болезненной безысходностью, как Глаю вновь удается скрыться.

Он повернулся к «Оушен венчереру».

У него был вид мертвого корабля. Корма страшно просела, корпус кренился на правый борт. Медленно и пугающе вышка наклонилась в сторону, зависла, затем тяжело перевернулась и свалилась за борт с чудовищным плеском, оставляя за собой огромное количество обломков и оборванных кабелей на палубах. Только Богу известно, сколько людей погибло или искалечено внутри стальных стен.

Шо не мог больше смотреть на всё это. Он собрал оптический прибор и тяжелой поступью пошел прочь от берега.

57

По какой-то необъяснимой причине «Оушен венчерер» отказался погибнуть.

Возможно, тяжелый двойной корпус, сконструированный с расчетом на использование его в качестве ледокола, спас корабль. Многие наружные пластины обшивки отлетели, разошлись швы, сильно пострадал киль. Повреждения были обширными и серьезными, но корабль всё-таки выжил.

Питт наблюдал, как упала вышка. Окаменев, он смотрел через разбитые иллюминаторы рубки управления, затем открыл дверь и побрел, не контролируя себя, к пульту Хоукера, чувство равновесия подсказывало ему то, в чем отказывали глаза. Палуба накренилась под углом тридцать градусов.

Его первой мыслью было мрачное признание того факта, что корабль смертельно пострадал. Затем пришло беспокойство за водолазов, работавших на «Императрице». Подавив тупую боль, пытающуюся завладеть его разумом, Питт приступил к действиям.

Он схватил телефон и позвонил главному инженеру. Прошла почти целая минута, прежде чем ответил незнакомый голос, явно ошеломленный шоком:

— Машинное отделение.

— Метц, ты?

— Говорите громче, я не слышу.

До Питта дошло, что людям на нижних палубах и в машинном отделении этот грохот мог травмировать уши. Он закричал в телефон:

— Метц, это Питт!

— Хорошо, теперь уже лучше, — ответил Метц металлическим тоном. — Что, черт возьми, происходит?

— Я думаю, но это только мои догадки, что где-то внизу произошел взрыв.

— Проклятие, я подумал, что канадцы всадили в нас торпеду.

— Доложи о повреждениях.

— Работаем здесь в условиях, будто открылась сразу сотня водопроводных кранов. Вода поступает отовсюду. Сомневаюсь, что насосы могут справиться с ней. Вот всё, что могу сказать тебе, пока не проверю корпус.

— Какие травмы?

— Нас здорово тряхануло. Думаю, что Джексон сломал ногу, у Гилмора трещина в черепе. Добавь к этому лопнувшие барабанные перепонки и океан ушибов.

— Связывайся со мной каждые пять минут, — приказал Питт. — Но что бы ты ни сделал, обеспечь работу генераторов.

— Нечего мне напоминать об этом. Если они будут работать, мы будем на ходу.

— Ты все понял.

Питт грохнул трубку на аппарат и с беспокойством посмотрел на Хейди.

Ганн стоял перед ней на коленях, поддерживая руками её голову. Она беспомощно лежала напротив столика для морских карт, почти без сознания, глядя невидящими глазами на свою левую ногу. Нога согнулась под странным углом.

— Забавно, — прошептала она. — Ни капельки не больно.

«Больно обязательно будет», — подумал Питт. Ее лицо стало белым от шока. Он взял ее за руку.

— Просто лежи, не двигаясь, пока мы принесем носилки.

Дирк хотел бы сказать что-нибудь еще, чтобы утешить ее, но времени не было. Он неохотно повернулся на страдальческий голос Хоукера:

— Борта нет.

Хоукер тупо уставился на потемневшую панель пульта и мониторы.

— Так ты зафиксируй проклятую штуку! — заорал Питт. — Нам нужно знать, что произошло с подводной командой.

Он надел наушники и подключился ко всем станциям «Оушен венчерера». На палубах и ниже палуб ученые и инженеры Государственного агентства подводных и морских исследований начали приходить в себя и изо всех сил старались спасти свой корабль. Тех, кто был тяжело ранен, отнесли в госпитальный отсек, который вскоре был переполнен, людей рядами укладывали в проходах. Те, у кого не было важной работы, занимались уборкой обломков вышки или герметизировали пробоины и трещины в корпусе, стоя по пояс в холодной воде. Команда водолазов поспешно готовилась к спуску в воду.

Сообщения продолжали поступать и тогда, когда Питт руководил восстановительными работами. Всё еще не пришедший в себя радист повернулся к нему.

— Радиограмма от капитана «Финикса». Хочет знать, нужна ли нам помощь?

— Да, чёрт возьми, нам нужна помощь! — закричал Питт. — Попроси, чтобы он привел свой корабль к нашему борту. Нам нужен каждый свободный насос, имеющийся у них, и все ремонтники, которых он сможет выделить.

Закончив, Дирк взял влажное полотенце и приложил себе ко лбу, нетерпеливо ожидая ответа.

— Пришло сообщение: «Держитесь, мы встанем у вашего правого борта», — взволнованно передал радист. И еще через несколько секунд он добавил.

— Лейтенант Уикс с «Гурона» спрашивает, покидаем ли мы корабль.

— Ему так хотелось бы этого, — заворчал Питт. — Это решило бы все его проблемы.

— Ждет ответа.

— Скажи ему, мы покинем корабль, когда сможем ступить на дно. Потом повтори запрос на людей и насосное оборудование.

— Питт? — в наушниках послышался голос Метца.

— Продолжай.

— Похоже, корма приняла всю силу взрыва на себя. Начиная от средней части и дальше вперед весь корпус герметичный и сухой. А от середины в противоположную сторону трещин больше, чем на картинке-загадке. Боюсь, что мы здорово пострадали.

— Сколько времени ты можешь продержать нас на плаву?

— При такой скорости поступления воды она должна затопить генераторы и закоротить их через двадцать или двадцать пять минут. Тогда мы потеряем все насосы. После этого, возможно, еще десять минут.

— Помощь уже близко. Открой бортовые загрузочные двери, чтобы перенести раненых и насосное оборудование.

— Им бы следовало поторопиться, а то мы не сможем обеспечить им хороший прием.

Радист жестом позвал Питта, тот направился к нему по наклонной палубе.

— Мне удалось восстановить контакт с «Сапфо I», — сказал радист. — Свяжу тебя по телефону.

— «Сапфо I», это Питт, пожалуйста, ответьте.

— Это Клингер с «Сапфо I» или того, что от нее осталось.

— Каково ваше состояние?

— Находимся на глубине ста пятидесяти метров на юго-восток от «Императрицы», наш нос увяз в глине. Корпус вздыбился от сотрясения, сидим как в звонящем колоколе, но треснуло одно из смотровых отверстий, прибывает вода.

— Системы жизнеобеспечения функционируют?

— Понял. Они должны в течение какого-то времени обеспечивать наше здоровье. Проблема в том, что мы утонем на добрых пятнадцать часов раньше, чем кончится запас кислорода.

— Свободно подняться можете?

— Я могу, — ответил Клингер. — При ударе я только потерял зуб. А вот Марв Пауэрс в плохом состоянии. Сломаны обе руки и сотрясение мозга. Не сможет подняться на поверхность.

На мгновенье Питт закрыл глаза. Ему не нравилось, как Бог играл жизнью людей. Когда снова открыл глаза, решение было принято.

— Нужно немного продержаться, Клингер. Мы придем к вам по возможности быстрее. Связывайся со мной каждые десять минут.

Питт ушел с крыла мостика и посмотрел вниз. Перебираясь через борт, в воду ушли четыре водолаза.

— У меня картинка, — триумфально сказал Хоукер, когда засветился экран одного из видеомониторов.

На мониторах появился вид котлована, показанного с верхней прогулочной палубы. Опорные колонны рухнули, и палубы, находящиеся ниже, упали внутрь. Нигде не было признаков двух костюмов «ДЖИМ» или водолазов из барокамеры.

Холодный глаз камеры видел только кратер, заполненный чудовищно искореженной сталью, но для Питта это зрелище было подобно открытой могиле.

— Да поможет им Бог, — прошептал Хоукер, затаив дыхание. — Все они, наверное, уже умерли.

58

На расстоянии семидесяти миль от «Оушен венчерера» капитан Тошно Дзюбари, крепкий, закаленный мужчина в расцвете своих сорока лет, сидел на стуле мостика, напряженно всматриваясь в движение малых судов впереди. Был отлив, вода уходила в море, контейнеровоз «Хондзё мару» шел на постоянной скорости пятьдесят узлов. Дзюбари решил переждать и снизить скорость до двадцати узлов после того, как корабль обогнет остров Кейп-Бретон.

«Хондзё мару» доставил 400 новых электромобилей из Кобе и совершал обратный рейс с грузом бумаги. Массивные рулоны, заполняющие контейнеры, были значительно тяжелее на единицу объема, чем машины, корпус сидел в воде низко, едва ли на три дюйма выше ватерлинии.

Первый помощник Шигахару Сакаи появился из рулевой рубки и встал рядом с капитаном. Подавил зевок и потер покрасневшие глаза.

— Веселая ночь на берегу? — спросил Дзюбари, посмеиваясь.

Сакаи пробормотал неразборчивый ответ и сменил тему.

— Удачно, что мы не вышли в воскресенье, — сказал он, кивая на флотилию плавающих шлюпов, соревнующихся по заданному курсу приблизительно в миле от их носа по левому борту.

— Да, мне говорили, что по уик-эндам движение настолько оживленное, что можно буквально перейти реку по яхтам.

— Будет ли хорошо, если я предложу сменить тебя на мостике, чтобы ты мог насладиться полуденной едой?

— Спасибо, — ответил Дзюбари, глядя прямо вперед, — но я предпочитаю остаться здесь, пока мы не выйдем в залив. Хотя ты можешь попросить стюарда принести мне миску лапши с уткой и пиво.

Сакаи уже почти пошел, но остановился, не сделав и шага, указывая на реку.

— Вот мчится отважная или очень безрассудная душа.

Дзюбари уже заметил глиссер и завороженно смотрел на него, как смотрят все любители высоких скоростей.

— Он идет на скорости почти девяносто узлов.

— Если он врежется в один из тех шлюпов, не останется почти ничего, чтобы сделать даже палочки для еды.

Дзюбари вскочил на ноги.

— Дурак направляется прямо на них.

Глиссер врезался в массу шлюпов, как койот в выводок цыплят. Шкиперы спешно бросили свои лодки врассыпную по всем направлениям, теряя ветер, паруса внезапно повисли, развеваясь бесконтрольно и бесполезно.

Неотвратимое произошло, когда глиссер врезался в нос одной яхты, отрывая ее бушприт и теряя при этом ветровое стекло. Затем он

вырвался на свободу, оставляя за собой разбросанную по воде флотилию, продолжающую тяжело качаться в его кильватере.

Дзюбари и Сакаи были потрясены безумными выкрутасами глиссера, когда он, сделав резкий поворот, взял курс на «Хондзё мару». Небольшое молниеносное суденышко сейчас уже было достаточно близко.

Внезапно они отчетливо осознали, что водитель был ранен, когда бушприт шлюпа снес ветровое стекло.

Не было времени прокричать команды или дать предупредительные сигналы сирены, не было времени, чтобы Дзюбари и Сакаи вообще могли сделать что-нибудь. Они остались стоять, скованные бессилием, как пешеходы на углу улицы, ставшие свидетелями дорожно-транспортного происшествия.

Японцы инстинктивно пригнулись, когда глиссер врезался прямо в бимс левого борта «Хондзё мару» и взорвался мгновенными ослепительными языками бензинового пламени. Двигатель отлетел от основания высоко в воздух, а потом грохнулся на бак контейнеровоза. Рассеянные огненные обломки обрушились на корабль, как шрапнель. Несколько иллюминаторов рулевой рубки разбились вдребезги. Всё это летело с неба в течение нескольких секунд, осыпая корабль и с плеском падая в воду.

Удивительно было то, что на борту контейнеровоза никто не пострадал. Дзюбари отдал команду «Полный стоп», двигатели остановились. С борта спустили лодку для поиска участка на корме, откуда сочилась нефть и собиралась небольшими пятнами.

Обугленная кожаная куртка и сломанные пластиковые солнцезащитные очки — вот всё, что осталось от водителя глиссера.

59

По мере того как день приближался к вечеру, в настроении команды корабля «Оушен венчерер» можно было заметить осторожный оптимизм. Непрерывный поток людей и снаряжения поступал на борт с «Финикса» и «Гурона». Вскоре вспомогательные насосы уменьшили поступление воды, хлынувшей на нижние палубы. После расчистки палубы от всех остатков вышки крен уменьшился до девятнадцати градусов.

Большую часть людей, получивших тяжелые травмы, включая Хейди, перенесли в более просторные медицинские помещения военных кораблей. Питт встретил ее на палубе, когда носилки несли снизу наверх.

— Не очень похоже на круиз, правда? — сказал он, осторожно поправлял ее пепельные волосы, убирая их с глаз.

— Ни за что на свете не хотела бы пропустить его, — ответила она, храбро улыбаясь.

Он наклонился и поцеловал ее.

— Навещу тебя при первой возможности.

Затем повернулся и поднялся по наклонному трапу в рубку управления. В дверях его встретил Руди Ганн.

— Костюм «ДЖИМ» заметили, когда он плыл вниз по реке, — сказал он. — Его буксирует катер с «Финикса».

— Есть хоть что-нибудь от спасательной команды водолазов?

— Начальник команды Арт Даннинг докладывал всего минут назад. Они еще не нашли камеру, но он сказал, что центр взрыва находился где-то около носа «Императрицы». Весь бак разрушен. Загадка в том, откуда появилась взрывчатка?

— Она была заложена еще до нашего прибытия, — задумчиво сказал Питт.

— Или после.

— Невозможно пронести такое большое количество взрывчатки через кольцо нашей службы безопасности.

— Эта обезьяна Шо может пройти через любую систему.

— Один раз — вполне возможно, но не несколько раз, таща тяжелые контейнеры с подводной взрывчаткой. Они, наверное, хранили ее в носовом отсеке «Императрицы», пока не поняли, как следует ее разместить на судне, чтобы вызвать самые крупные разрушения.

— Взорвать останки кораблекрушения и договор до того, как мы появимся из-за горизонта.

— Но мы пришли рано и нарушили их временной график. Вот поэтому они украли зонд. Боялись, что он может детектировать наличие тайника с взрывчаткой.

— Неужели Шо так отчаянно стремился остановить нас, что пошел на массовое убийство?

— Этот вопрос занимает и меня тоже, — согласился Питт. — Он не произвел на меня впечатления человека, стремящего к этому. Он не мясник.

Взгляд Питта блуждал в раздумье. Неожиданно он увидел главного инженера Метца, который медленно приближался к рубке управления. У него был вид человека, готового упасть на ходу. Лицо усталое и изможденное, одежда промокла от фуражки до сапог, от него пахло дизельным топливом.

— Попробуешь догадаться? — улыбнулся он усталой улыбкой. — Старушка сделает это. «Венчерер» не будет тем, чем был раньше, но ей-богу, он доставит нас домой.

Эта была самая хорошая новость, которую услышал Питт после взрыва.

— Вам удалось остановить поступление воды?

Метц кивнул.

— Мы уже на восемь дюймов уменьшили ее уровень по сравнению с тем, какой был час назад. Как только ты смог выпустить водолазов, самые страшные пробоины были заделаны снаружи.

— «Гурон», — взволнованно сказал Питт. — Ты можешь отсоединить насосы «Гурона»?

— Думаю, да, — ответил Мерц. — Они нечто среднее между нашим оборудованием и насосами с «Финикса», должны справиться.

Питт больше не терял времени. Он закричал в микрофон наушников:

— Клингер!

Ответ последовал через несколько секунд, голос был не совсем четким.

— Эй, говорит капитан Немо с подводной лодки «Наутилус». Всё.

— Ты кто?

— Парень из «Двадцати тысяч лье под водой». Ты знаешь. Мировое кино. Смотрел, когда еще был малышом в Сиэтле. Лучшая часть — полет с гигантским головоногим.

Питту чертыхнулся.

— Клингер! — закричал он, и все, находившиеся в рубке управления, повернули головы. — У тебя слишком высокий уровень диоксида углерода! Ты понял? Проверь установку очистки воздуха. Повтори. Проверь свою установку очистки воздуха.

— Эй, а что с ней, — жизнерадостно ответил Клингер. — Индикатор показывает, что мы дышим десятью процентами CO_2.

— Проклятье, Клингер, слушай меня! Тебе нужно снизить его содержание до пяти процентов. У тебя развивается кислородное голодание.

— Очиститель включен. Что ты так волнуешься?

Питт вздохнул с облегчением.

— Продержись еще немного и активируй устройство передачи коротких высоких звуковых сигналов локатора. К тебе на помощь идет «Гурон». Тебя поднимут на борт.

— Как скажешь, — ответил Клингер неразборчивым голосом.

— Что с течью?

— Через два-три часа затопит батареи.

— Увеличь подачу кислорода. Понял? Увеличь подачу кислорода. Ждем тебя к обеду.

Он повернулся, чтобы поговорить с Ганном, маленький человечек предвидел это. Он уже был в дверях.

— Буду руководить извлечением «Сапфо I» с «Гурона» лично, — сказал Ганн и ушел.

Питт посмотрел через открытый иллюминатор и увидел, что уже подошел катер с «Финикса», и небольшой кран поднимает костюм «ДЖИМ» из воды. Купол отвинтили и открыли. Три члена экипажа «Финикса» протянули руки внутрь, достали фигуру, не проявляющую никаких признаков жизни, и положили ее на палубу. Затем один из них взглянул на Питта и поднял вверх большой палец.

— Он жив! — раздался крик.

Живы два человека в погружаемом аппарате, жив один оператор костюма «ДЖИМ», корабль всё еще на плаву — подвел итоги Питт. Только бы удача не изменила им.

Даннинг и его команда нашли барокамеру почти в двадцати ярдах от того места, где она стояла на якоре. Люк в отсек внешнего входа заело в закрытом положении, четыре человека трудились в унисон ломиками длиной четыре фута каждый, чтобы открыть его. Затем все уставились на Даннинга, глядя на него через свои маски: никто из них не хотел первым войти в барокамеру.

Даннинг проплыл внутрь так, чтобы голова оказалась в воздухе под давлением. Он добрался до небольшой полки и снял свой дыхательный

баллон, немного поколебался, но затем пробрался в главную камеру. Электрический кабель, идущий к «Оушен венчереру», оторвался, и была полная темнота. Даннинг включил свой водолазный фонарь и направил его луч на небольшое помещение.

Все люди, находившееся в барокамере, погибли, они лежали друг на друге, как дрова. Кожа была темного багряно-синего цвета, кровь из сотен открытых ран собралась в одну огромную лужу на полу. От холода она уже свернулась. По тонким струйкам, сочившимся изо рта и ушей, Даннинг понял, что все они умерли мгновенно в результате ужасающего сотрясения, когда камера крутилась над дном реки, подхваченная круговращательным движением страшной силы.

Даннинг присел, тошнота поднялась к горлу, началась спазматическая рвота. Его трясло от слабости и запаха смерти. Прошло долгих пять минут прежде, чем он смог вызвать «Оушен венчерер» и говорить членораздельно.

Питт принял сообщение, закрыл глаза и тяжело облокотился на панель дисплея. Он чувствовал не злость, а только глубочайшую скорбь. Хоукер взглянул на него и прочитал эту печальную драму в складках сильного выразительного лица.

— Водолазы?

— Это был Даннинг, — сказал Питт, глаза уставились в пространство. — Люди в барокамере… никого не осталось в живых. Все умерли от контузии. Двоих нет. Если они были снаружи и подверглись воздействию взрыва, надежды нет. Он сказал, что они достанут тела.

Хоукер молчал. Он сразу очень постарел, вид у него был совершенно потерянный. Внезапно Питт почувствовал, что слишком устал. Пустая затея, весь проект — жалкая пустая затея. Они не добились ничего, кроме смерти десяти хороших людей.

Сначала он не услышал слабого голоса в наушниках. Наконец ему удалось прорваться, преодолевая полное отчаяние. Кто бы ни старался связаться с ним, голос был слабым и очень далеким.

— Питт слушает. В чем дело?

Последовал неясный и искаженный ответ.

— Говори громче, ничего не слышу. Постарайся увеличить громкость.

— Так лучше? — прорезался голос в приемниках.

— Да, сейчас слышу тебя, — эхом прозвучал собственный голос Питта. — Кто это?

— Коллинз.

Несколько следующих слов были искажены помехами.

— Я старался наладить телефонную связь, как только прибыл. Не знаю, что произошло. Внезапно начался настоящий ад. Только сейчас удалось пробиться.

Имя Коллинз ни о чем не говорило Питту. В те несколько коротких дней на борту «Оушен венчерер» он был слишком занят, чтобы запомнить сотни имен и лиц.

— В чем проблема? — нетерпеливо спросил Питт, его разум был поглощен другими заботами.

Наступила долгая пауза.

— Думаю, можно сказать, что я попал в ловушку, — последовал ответ, полный сарказма. — И если это хоть как-то возможно, я бы не отказался от помощи, чтобы выбраться из этого ада…

Питт похлопал Хоукера по плечу.

— Кто такой Коллинз?

— Разве не знаешь?

— Знал бы — не спрашивал, — проворчал Питт. — Говорит, что попал в ловушку и нуждается в помощи.

Хоукер недоверчиво посмотрел на него.

— Коллинз — один из операторов костюма «ДЖИМ».

Питт почти завопил в микрофон:

— Коллинз, сообщи свое положение и точное местонахождение.

— Костюм цел и невредим. Несколько вмятин и царапин, больше ничего. Система жизнеобеспечения показывает, что есть еще двадцать часов при условии, что я не буду заниматься аэробикой.

Питт усмехнулся про себя, оценив юмор Коллинза, и почувствовал сожаление, что не знал этого человека.

— Где я? Если бы я знал точно. Весь костюм до самого кончика в глине, облеплен мусором. Едва могу пошевелить руками.

Питт перевел взгляд на Хоукера, который ответил ему любопытным опустошенным взглядом.

— Есть ли у него возможность отсоединить подъемный канат, освободиться от груза и совершить свободный подъем, как его коллега? — спросил Хоукер.

Питт отрицательно покачал головой.

— Он наполовину в иле и придавлен обломками корабля.

— Ты сказал, он в иле?

Питт кивнул.

— Тогда он, скорее всего, провалился на палубу второго класса.

Такая возможность тоже приходила в голову Питту, но он опасался делать какие-то предположения, даже просто выразить надежду.

— Спрошу его, — спокойно сказал Питт. — Коллинз?

— Здесь, никуда не ушел.

— Ты можешь определить, не упал ли ты на нужный нам участок?

— Нет, хоть убейте, — ответил Коллинз. — Сплошная темнота после большого взрыва. Всё смешалось. Только сейчас начинает проясняться, появляется хоть какая-то видимость.

— Посмотри вокруг. Опиши, что видишь.

Питт нетерпеливо ждал ответа, костяшки пальцев бессознательно стучали по компьютеру. Взгляд, блуждая, остановился на «Гуроне», стоящем над «Сапфо I», посмотрел на кран на палубе кормовой части, свешивающийся за борт. Внезапно раздался треск в наушниках, он напрягся.

— Питт?

— Слушаю.

Самоуверенность исчезла, голос Коллинза прозвучал странно подавленно.

— Думаю, что нахожусь там, где нос «Сторстада» протаранил «Императрицу». Разрушения вокруг меня старые, много коррозии и значительное обрастание.

Он отключился, не закончив описания. После некоторого молчания он вернулся на связь; голос стал ледяным.

— Здесь кости. Я насчитал два, нет, три скелета. Они покрыты обломками. Боже, ощущение, что стою в катакомбах.

Питт попытался представить себе картину, которую видел Коллинз.

— Продолжай. Что еще есть там?

— Останки несчастных созданий, кем бы они ни были. Могу почти дотянуться до них рукой и потрогать их головы.

— Хочешь сказать — черепа?

— Да. Один меньше, возможно, череп ребенка. Остальные, похоже, принадлежали взрослым. Хочу взять один себе.

Питт подумал, не теряет ли Коллинз связь с реальностью.

— Зачем? Чтобы сыграть роль Гамлета?

— Черт возьми, нет, — с возмущением ответил Коллинз. — В челюстях полно золота, они стоят, наверное, тысячи четыре баксов.

Где-то в разуме Пита зазвонил колокольчик, он старался вспомнить изображение на фотографии.

— Коллинз, слушай меня внимательно. В верхней челюсти, вверху в центре вокруг двух крупных кроличьих зубов нет ли золотых коронок?

Коллинз не ответил сразу же, молчание сводило Питта с ума. Он не мог даже представить, что Коллинз был потрясен и не сумел ответить сразу.

— Невероятно! Совершенно невероятно, — пробормотал Коллинз в телефон в полном недоумении. — Ты абсолютно точно описал данные парня.

Это сообщение было таким неожиданным, таким невероятным, что Питт на минуту лишился дара речи, потрясенный до глубины души. Он мог лишь понять, что они нашли склеп, где похоронен Харви Шилдс.

60

Сарве подождал, пока закрылась дверь за его секретарем, затем заговорил.

— Ваш доклад я прочитал, он вызывает глубокую обеспокоенность.

Шо не отвечал, ответа и не требовалось. Он посмотрел на премьер-министра через письменный стол. Премьер выглядел старше, чем казался на экране телевизора. Шо был поражен тоской в его глазах и перчатками на руках. Хотя он и знал о травмах Сарве, тем не менее казалось странным, что за письменным столом работает человек в перчатках.

— Вы выдвигаете очень тяжелые обвинения против мистера Вийона, ни одно из них не подтверждается никакими вескими доказательствами.

— Я не адвокат дьявола, премьер-министр. Всего лишь представил факты такими, какими они известны мне.

— Почему вы обратились с этим ко мне?

— Полагал, что вы должны знать об этом. Генерал Симмс разделяет мою точку зрения.

— Понимаю. — Сарве немного помолчал. — Вы уверены, что этот Фосс Глай работал на Вийона.

— В этом не возникает никаких сомнений.

Сарве глубже сел в кресло.

— Вы сделали бы мне великое одолжение, забыв об этом.

На лице Шо отразилось полное удивление.

— Сэр?

— Анри Вийон не является более членом моего кабинета. А этот парень Глай, как вы сказали, погиб.

Шо не ответил, Сарве воспользовался его сомнениями и продолжал:

— Ваша теория о наемном политическом убийце туманна и невразумительна, мягко говоря. Нет даже достаточной базы косвенных доказательств, чтобы приступить к предварительному расследованию. Одни разговоры.

Шо бросил на Сарве свой лучший испепеляющий взгляд.

— Генерал Симмс полагает, что даже поверхностное расследование покажет, что за вашей авиационной катастрофой и недавней кончиной премьера Гуэррьера стоит небезызвестный мистер Глай, который и является исполнителем.

— Да, этот человек, без сомнений, способен... — Сарве остановился, не договорив до конца.

Глаза расширились, лицо стало напряженным. Он облокотился на письменный стол.

— Что это? На что вы намекаете? — В его голосе слышалось изумление.

— У Анри Вийона была причина желать смерти вам и Гурэррьеру, и он — я доказал это, по меньшей мере, себе самому — нанял известного киллера. Согласен, что два плюс два не всегда четыре, но в этом случае приемлемым ответом может быть даже три.

— То, что предлагаете вы с генералом Симмсом, отвратительно, — хрипло сказал Сарве с явным негодованием. — Канадские министры не убивают друг друга сплошь и рядом для того, чтобы занять более высокий пост.

Шо понял, что любые доводы будут бесполезными.

— Простите, что пока не могу предложить вам более точной информации.

— И я тоже, — холодно сказал Сарве. — Не исключено, что ошибка, допущенная вами или вашими людьми, вызвала этот неприятный беспорядок с американцами на реке Святого Лаврентия. А сейчас вы пытаетесь уйти от ответственности, перекладывая всю вину на кого-то другого.

Шо почувствовал, как внутри поднимается злоба.

— Уверяю вас, премьер-министр, что это совсем не так.

Сарве пристально посмотрел на Шо.

— Государства управляются не на основе вероятности, мистер Шо. Пожалуйста, поблагодарите генерала Симмса и передайте ему, чтобы он считал этот вопрос закрытым. И пока вы все ещё этим занимаетесь, проинформируйте его, что я больше не вижу причин, чтобы продолжать заниматься вопросом Североамериканского договора.

Шо от удивления не мог двинуться с места.

— Но, сэр, если американцы найдут экземпляр договора, они могут...

— Они не могут, — резко прервал его Сарве. — Всего доброго, мистер Шо.

Сжав кулаки, Шо встал и, не произнося ни слова, покинул кабинет.

Как только щелкнула задвижка, Сарве схватил телефон и набрал номер по своей частной линии связи.

Спустя сорок минут в комнату вошел комиссар Королевской конной полиции Гарольд Финн.

Это был незаметный маленький человек в помятой одежде, того типа, который теряется в толпе или сливается с мебелью во время званого ужина. Его угольно-черные волосы были причесаны на прямой пробор и контрастировали с густыми кустистыми седыми бровями.

— Простите, что заставил вас так срочно явиться ко мне, — извинился Сарве.

— Никаких проблем, — каменным голосом ответил Финн.

Он взял стул и начал что-то лихорадочно искать в портфеле.

Сарве не терял времени напрасно.

— Каковы ваши выводы?

Финн достал очки и, держа их перед глазами, начал просматривать пару открытых папок.

— У меня материал по аутопсии и доклад о Жане Ваучере.

— Человек, который обнаружил тело Жюля Гуэррьера?

— Да, телохранитель и шофер Гуэррьера. Он обнаружил останки, когда утром пришел будить премьера. В докладе коронера говорится, что Гуэррьер умер где-то между девятью и десятью часами накануне вечером. Вскрытие не смогло установить точную причину смерти.

— Уверен, что у них были какие-то соображения.

— Разнообразные, — сказал Финн, — но ни одно из них не убеждает. Жюль Гуэррьер одной ногой был в могиле. В соответствии с заключением судебно-медицинского патологоанатома, который проводил вскрытие, у него была эмфизема, желчнокаменная болезнь, атеросклероз — это последнее заболевание, вероятно, и погубило его, — ревматоидный артрит и рак предстательной железы. — Финн взглянул, едва улыбаясь. — Чудо, что человек сумел прожить так долго с этими заболеваниями.

— Следовательно, Жюль умер естественной смертью.

— У него было много причин для этого.

— А что об этом Жане Ваучере?

Финн прочитал то, что было в докладе.

— Выходец из добропорядочной семьи. Хорошее образование. Арестов нет, ничто не указывает на причастность к делу радикалов. Женат, двое детей, девочки, замужем за честными тружениками. Гуэррьер нанял Ваучера в мае шестьдесят второго года. Насколько нам известно, он был абсолютно предан премьеру.

— Нет ли у вас причин подозревать нечестную игру?

— Откровенно говоря, нет, — ответил Финн. — Но смерть известной личности требует строгого внимания к деталям, чтобы не возникали сомнения и споры позднее. Этот случай следовало бы отнести к разряду

рутинных. К сожалению, Ваучер бросил тень сомнения на расследование.

— Каким образом?

— Он клянется, что Анри Вийон навещал Гуэррьера тем вечером, о котором идет речь, и был последним человеком, который видел премьера живым.

У Сарве был вид человека, сбитого с толку.

— Это невозможно. Вийон выступал с речью на открытии центра искусств на расстоянии двести миль. Его видели тысячи людей.

— На самом деле миллионы, — сказал Финн. — Событие транслировали по национальному телевидению.

— Мог ли Ваучер убить Жюля и выдумать все эти сказки в качестве алиби?

— Не думаю. У нас нет даже намека на доказательство того, что Гуэррьер был убит по политическим мотивам. Аутопсия ясная. Ваучеру не требуется алиби.

— Но его заявление, что Вийон приходил к Гуэррьеру? Какая цель во всем этом?

— По нашим данным, она не установлена, ее нет, но его утверждение непоколебимо.

— Возможно, у него галлюцинации, — сказал Сарве.

Финн наклонился вперед в кресле.

— Он не сумасшедший, мистер Сарве. Вот в чем дело. Ваучер потребовал, чтобы ему дали сыворотку истины, ввели в гипнотическое состояние и затем тестировали на детекторе лжи. — Финн перевел дыхание. — Мы назвали это блефом, но результаты оказались убедительными, он не блефовал. Ваучер говорит правду.

Сарве уставился на него, не в силах произнести и слова.

— Мне хотелось бы, чтобы у полиции были все ответы на все вопросы, но у нас их нет, — признался Финн. — Весь дом проверили эксперты из нашей лаборатории. За одним-единственным исключением, все отпечатки пальцев, которые они сняли, принадлежали Гуэррьеру, Ваучеру, горничной и повару. К сожалению, все отпечатки на ручке двери спальни стерты.

— Вы упомянули исключение.

— Мы обнаружили странный отпечаток правого указательного пальца на звонке входной двери. Нам еще предстоит его идентифицировать.

— Это еще ничего не доказывает, — сказал Сарве. — Он может принадлежать продавцу, почтальону или даже кому-то из ваших людей, проводящих расследование.

Финн улыбнулся.

— Если это было бы именно так, компьютер в нашем отделе идентификации определил бы его за две секунды или даже менее. Нет, это кто-то из тех, кого нет в нашей картотеке.

Он сделал паузу, изучая страницу в папке.

— Довольно интересно то, что мы приблизительно установили время, когда неизвестные звонили в дверь. Секретарь Гуэррьера, миссис Молли Сабан, принесла ему тарелку куриного супа, он же болел гриппом. Пришла около восьми тридцати, нажала кнопку звонка, передала суп Ваучеру и ушла.

Она была в перчатках, поэтому следующий обнаженный палец того, кто пришел, оставил четкие отпечатки.

— Куриный суп, — сказал Сарве, — вечное лекарство от всех болезней.

— Благодаря миссис Сабан нам известно, что кто-то подходил к дому Гуэррьера где-то после восьми тридцати в тот вечер, когда он умер.

— Если мы поверим словам Ваучера, то каким образом Вийон мог быть в двух местах одновременно?

— Не представляю.

— Расследование закрыто официально?

Финн кивнул.

— Продолжение не приведет ни к какому положительному результату.

— Я хочу, чтобы вы вновь открыли его.

Единственной реакцией была вопросительно поднятая Финном одна бровь.

— Сэр?

— В конце концов, в этой истории Ваучера может что-то и оказаться, — сказал Сарве.

Он передал через стол Финну доклад Шо.

— Только что получил от английского секретного агента. Здесь предполагается связь между Анри Вийоном и известным киллером. Проверьте, есть ли что-нибудь, что могло бы подтвердить такую возможность. И нужно провести повторное вскрытие.

Вопросительно поднялась и вторая бровь Финна.

— Получение разрешения на эксгумацию может оказаться сложным делом.

— Разрешения на эксгумацию не будет, — резко сказал Сарве.

— Ясно, премьер-министр, — сказал Финн, понимая, о чем говорит Сарве. — Всё будет выполнено под покровом строжайшей секретности. Лично сам прослежу за всеми деталями.

Финн положил папки в портфель и встал, чтобы попрощаться.

— Еще одно, — сказал Сарве.

— Да, премьер-министр.

— Когда вы узнали о романе моей жены с Вийоном?

Обычно непроницаемое выражение лица Финна стало болезненным.

— Ну, сэр... приблизительно два года назад это попало в поле моего зрения.

— И вы не пришли ко мне?

— До тех пор пока нам известно, что не совершен акт государственной измены, политика полиции не предусматривает вмешательства в частную жизнь канадских граждан.

Затем добавил:

— Безусловно, это распространяется на премьер-министра и членов парламента.

— Разумная политика, — строго сказал Сарве. — Благодарю, комиссар. Это пока все на данный момент.

61

На рассвете над рекой висела пелена темного тумана.

Двое тяжело раненных умерли, погребальный звон должен был прозвучать уже двенадцать раз. Тело одного пропавшего водолаза прибило к южному берегу в шести милях вниз по течению реки. Второго так и не нашли.

Команда «Оушен венчерера», оцепеневшая от усталости и исстрадавшаяся душой, выстроилась вдоль поручней своего корабля, провожая в последнее путешествие домой своих мертвых. Они стояли в полном молчании, отдавая последний долг погибшим, тела которых торжественно переносили на борт «Финикса». Для некоторых это было страшным сном, который, в конце концов, будет забыт, для других трагедией, которая останется навсегда ярким воспоминанием.

После извлечения Коллинза из обломков и подъема его на борт воздуха в костюме «ДЖИМ» оставалось всего на три часа. Питт отменил проведение всех дальнейших операций с останками кораблекрушения. Метц доложил, что машинное отделение достаточно просохло, и «Оушен венчерер» может обойтись без посторонней помощи, крен составлял уже всего десять градусов. Специалистов по ремонту повреждений с военно-морских кораблей отпустили, убрали длинные шланги поддерживающих насосов. Научно-исследовательское судно пойдет в порт приписки своим ходом, но только на одном двигателе. Вал винта второго двигателя поврежден и потерял центровку.

Питт спустился в колодец на палубе, надел костюм с подогревом. Затянул пояс с грузом и уже расправлял лямки на баллонах со сжатым воздухом, когда к нему подошел Ганн.

— Собираешься вниз, — просто сказал он.

— После всего, что произошло, было бы преступлением уйти, не получив то, за чем мы пришли, — ответил Питт.

— Думаешь, разумно погружаться одному? Почему не разрешить Даннингу и его людям пойти с тобой?

— Они не могут, — ответил Питт. — Они превысили допустимый предел погружений, поднимая тела погибших. В крови накопилось избыточное содержание азота.

Ганн знал, что он скорее может сдвинуть гору, чем переубедить Дирка Питта. Он прекратил бессмысленные попытки, лицо помрачнело.

— Это твои похороны.

Питт ухмыльнулся.

— Ценю доброе напутствие.

— Не оторву глаз от мониторов, — сказал Ганн. — А если ты плохой мальчик и вернешься домой позже назначенного времени, могу даже принести баллоны с воздухом, потому что твоя декомпрессия беспокоит меня.

Питт кивнул, благодаря его. Невозмутимо терпеливый, спокойный и непритязательный, Ганн был вечным страховым полисом, человеком, который проверял и видел все мельчайшие детали, пропущенные остальными. Его не нужно было просить. Он планировал на основе глубокого и тщательного обдумывания, а потом просто выполнял то, что нужно сделать.

Питт надел маску на лицо, салютовал Ганну и бросился в холодную пропасть.

На глубине двадцать футов он перевернулся на спину и посмотрел вверх на днище «Оушен венчерера», висящее сверху, как огромный темный аэростат заграждения. На глубине сорока футов его очертания стали теряться и исчезли вообще. Мир неба и облаков казался несуществующим.

Вода была плотной и непрозрачной, тускло-зеленой. По мере увеличения давления на тело у Питта возникло навязчивое желание вернуться обратно, лечь на спину на солнце, надолго уснуть и забыть обо всем на свете. Он отогнал соблазн и включил водолазный фонарь, зеленые сумерки стали черными.

Затем из мрака материализовался огромный корабль.

Над остовом «Императрицы Ирландии» висело гнетущее безмолвие. Это был корабль-призрак.

Питт проплыл над круто наклонившейся шлюпочной палубой, мимо иллюминаторов и внушающих ужас интерьеров кают. Он добрался до вырытого котлована и остановился, испытывая сомнения. Вода стала заметно холоднее на этом уровне. Дирк наблюдал за воздушными пузырями, выходящими из регулятора дыхания и поднимающимися на поверхность. Направил на них водолазный фонарь, и они засверкали, как пена вдоль берега при полной луне.

Питт позволил себе медленно скользнуть в искусственную полость. На глубине пятидесяти футов он ощущал себя таким же невесомым, как лист на донном иле. Питт находился в искалеченном чреве каюты Харви Шилдса.

Ледяной холодок пробежал у него по спине, но не от холодной воды, потому что термический водолазный костюм обеспечивал достаточный комфорт, но от призраков, возникающих у него в воображении. Он видел кости, описанные Коллинзом. В отличие от собранных воедино белых скелетов в аудиториях медицинских школ, эти кости были коричневого с табачным оттенком цвета и лежали отдельно друг от друга.

Перед небольшим отверстием в искореженной стали за более крупным из двух черепов лежала куча скопившегося мусора. Частично она покрылась глиной и грязью. Он подплыл ближе и порылся в ней руками.

Ему попался какой-то круглый и мягкий предмет. Дирк вытащил его. Перед его лицом в маске поднялось целое облако пылевидных частиц и крошечных кусочков материи. Предмет оказался старым спасательным поясом.

Питт проник в отверстие и покопался в обломках. Водолазный фонарь оказался почти бесполезным. Вихреобразное возмущение воды было камнем преткновения для луча света, он отражался от него, как от полосы густого тумана.

Попалась проржавевшая опасная бритва, рядом с ней кружка для бритья. Затем встретилась довольно хорошо сохранившаяся туфля, потом небольшая склянка для лекарства. Она по-прежнему была закрыта герметично, вода не попала внутрь.

С настойчивостью археолога, просеивающего слои времени, Питт пальцами исследовал разлагающееся тряпье. Он не чувствовал холода, проникающего через его термический водолазный костюм. Не заметив, наткнулся на острые металлические края, которые вонзились ему в кожу через защитное покрытие. Из нескольких порезов на спине и на ногах сочились парообразные струйки крови.

Сердце начало учащенно биться, когда ему показалось, что он нашел. Но это была всего лишь изогнутая ручка какого-то багажа. Он взялся за нее рукой и слегка потащил. Насквозь проржавевший механизм замка большого чемодана открылся. Питт простился со своими ложными надеждами и продолжал поиски.

Через два фута его взгляд упал на другую ручку, эта была меньше. Он сделал паузу и посмотрел на водолазные часы.

Воздуха оставалось на пять минут. Ганн уже ждет. Сделал длинный вдох и медленно вытащил ручку из мусора.

Питт понял, что пристально смотрит на остатки небольшого дорожного несессера. Кожаные бока и донце, хотя прогнили почти насквозь, оставались целыми. Не смея надеться, он открыл его.

Внутри был пакет, покрытый грязью. Питт понял, что у него в руках Североамериканский договор.

Доктор Абнер Макговерн сидел за письменным столом, глубокомысленно разглядывая труп, лежащий на столе из нержавеющей стали, и попутно жевал сэндвич с яйцом и специями.

Макговерн недоумевал. Безжизненное тело Жюля Гуэррьера не содействовало достижению цели. Большинство тестов на трупе проводили по четыре или пять раз. Он и его ассистенты бесконечно анализировали лабораторные данные, тщательно изучали результаты, полученные полицейским коронером Квебека. И все-таки точную причину смерти установить было невозможно.

Макговерн относился к тем упрямым людям, которые отказываются сдаваться. Они готовы сидеть ночи напролет, чтобы закончить роман или положить на место последний кусочек картинки-загадки. Он тоже отказывался сдаваться сейчас. Жизнь не кончается просто так безо всякой на то причины.

Физическое состояние Гуэррьера было жалким. Но этот человек славился своей великолепной конституцией. Его воля к жизни не могла погаснуть, как лампа по щелчку выключателя.

Причина была в чем-то другом, а не в прекращении телесных функций. Она связана с каким-то внешним фактором.

Проведены все тесты на яды, даже на экзотические. Все дали только отрицательные результаты. Не было также свидетельств о наличии крошечных проколов от иглы шприца под волосами или под ногтями, между пальцами рук и ног, внутри отверстий тела.

Мысль о возможности удушья постоянно возвращалась к Макговерну. Кончина от недостатка кислорода оставляет немного уличающих признаков.

За сорок лет службы в штате судебно-медицинских патологоанатомов полиции он мог припомнить лишь горстку случаев, в которых жертвы были задушены.

Врач надел новую пару перчаток и подошел к трупу. В этот день он уже в третий раз внимательно изучал внутреннюю полость рта. Все было так, как должно было быть. Не было синяков, не было бледности за губами.

Еще один тупик.

Доктор вернулся к письменному столу и удрученно опустился в кресло, руки безвольно повисли на коленях, глаза уставились отсутствующим взглядом на плитку пола. Затем заметил незначительное обесцвечивание на большом пальце одной из перчаток. Лениво потер его о лист бумаги, осталось жирное розовое пятно.

Он вновь быстро склонился над Гуэррьером. Осторожно протер полотенцем между внутренней частью губ и внешней частью десен. Затем посмотрел на них через лупу.

— Изобретательно, — пробормотал он вслух, словно разговаривая с трупом. — Действительно изобретательно.

Сарве чувствовал страшную усталость. Его позиция невмешательства в независимость Квебека встретила бурю возражений со стороны его собственной партии и англоязычных приверженцев существующего режима на западе. Члены парламента из приморских провинций особенно негодовали по поводу его отказа от государственной целостности. Были основания ожидать озлобленности с их стороны. Новое государство Квебек изолировало их от остальной части Канады.

Он сидел в своем кабинете, неторопливо пил вино, пытаясь забыть о событиях дня, когда раздался телефонный звонок. Секретарь сказала, что звонит комиссар Финн.

Он вздохнул и подождал, когда его соединят.

— Мистер Сарве?

— У телефона.

— Это убийство, — прямо сказал Финн.

— Есть доказательства?

— Вне всяких сомнений.

Сарве крепче сжал трубку. «Боже, — подумал он, — когда это кончится?»

— Как?

— Премьера Гуэррьера задушили. Чертовски умно со стороны убийцы. Он использовал театральный грим, чтобы скрыть улики. Как только мы поняли, что нужно искать, то нашли следы, оставленные зубами на ткани подушки в постели.

— Присмотрите за Ваучером.

— Нет необходимости, — сказал Финн. — Как нельзя кстати оказался ваш доклад из британской разведки. Отпечаток на дверном звонке совпадает с правым указательным пальцем Фосса Глая.

Сарве закрыл глаза. «Оцени всё в истинном свете, — говорил он себе, — ты должен оценить всё в истинном свете».

— Но каким образом мог Ваучер принять Глая за Вийона?

— Не могу сказать. Однако, судя по фотографии в докладе, есть некоторое сходство. Возможно, ключом к разгадке будет грим. Если Глай смог одурачить наших патологоанатомов, возможно, он мастер изменения и своей внешности.

— Вы говорите о Глае, будто он жив до сих пор.

— У меня такая привычка. Пока что никто не видел его трупа, — ответил Финн. — Вы хотите, чтобы я продолжал расследование?

— Да, но хочу, чтобы всё было конфиденциально, — сказал Сарве. — Можете положиться на своих людей, чтобы они молчали?

— Абсолютно, — ответил Финн.

— Держите Вийона под строжайшим наблюдением и верните Гуэррьера в его могилу.

— Прослежу за этим.

— И еще одно, комиссар.

— Сэр?

— Начиная с этого момента, докладывайте мне лично. Телефонная связь может прослушиваться.

— Понял. Скоро ждите доклада. До свидания, премьер-министр.

Еще в течение нескольких секунд после того, как Финн отключился, Сарве крепко сжимал трубку. «Неужели возможно, что Анри Вийон и неуловимый лидер „Общества свободного Квебека“ — одно и то же лицо? — задавал он себе вопрос. — И Фосс Глай. Зачем он выдавал себя за Вийона?»

Чтобы получить ответ, он потратил целый час и внезапно почувствовал, что усталости как не бывало.

63

Элегантный правительственный реактивный самолет с аквамариновыми эмблемами Государственного агентства подводных и морских исследований с ревом опустился на взлетно-посадочную полосу и, промчавшись по ней, остановился в двадцати футах от Сандекера и Муна, встречавших его. Открылась дверь пассажирского салона, и Питт спустился по трапу. Обеими руками он нес большой алюминиевый контейнер.

Во взгляде Сандекера появилась глубокая озабоченность, как только он увидел изможденное лицо человека, который слишком долго жил на пределе напряжения и сейчас шел неуверенными шагами. Он пошел

навстречу и обнял Питта за плечи после того, как Мун взял у него коробку.

— Ты ужасно выглядишь. Когда ты спал в последний раз?

Питт взглянул на него глазами, подернутыми пеленой.

— Потерял счет времени. Что у нас сегодня?

— Пятница.

— Точно не помню. Кажется, ночью в понедельник.

— Боже мой, да это же четыре дня назад.

Подъехала машина, Мун аккуратно поставил коробку в багажник. Все трое сели на заднее сиденье, и Питт мгновенно уснул. Ему показалось, что он едва успел закрыть глаза, а Сандекер уже будил его. Водитель остановился перед входом в лабораторию Арлингтонского археологического колледжа.

В дверях появился человек в белом лабораторном халате в сопровождении двух охранников в форме службы безопасности. Ему перевалило за шестьдесят, и он шел, слегка сутулясь. Его лицо напоминало лицо доктора Джекилла после того, как он стал мистером Хайдом.

— Доктор Мелвин Галассо, — представился он, не подавая руки. — Привезли?

Питт жестом показал на алюминиевый ящик, который из багажника доставал Мун.

— Вон там.

— Надеюсь, вы не допустили, чтобы он просох. Важно, чтобы внешняя оболочка оставалась гибкой.

— Дорожная сумка и клеенчатый пакет до сих пор погружены в воду.

— Каким образом удалось найти это?

— Ушёл в ил по самую ручку.

Галассо удовлетворенно кивнул, не произнося ни слова. Затем повернулся к дверям лаборатории.

— Хорошо, джентльмены, — сказал он через плечо. — Посмотрим, что у вас.

Хотя у доктора Галассо, к сожалению, отсутствовали хорошие манеры поведения в обществе, зато терпения у него было более чем достаточно.

Он потратил целых два часа на то, чтобы только снять клеенку с дорожной сумки, детально описывая каждый шаг этой процедуры, словно объясняя своим ученикам в аудитории.

— Глина, скопившаяся на дне, оказалась для вас спасительной, — разъяснял он. — Кожа, как мы видим, прекрасно законсервировалась и осталась достаточно мягкой.

Умело и педантично он хирургическим скальпелем вырезал прямоугольное отверстие в боку дорожной сумки, делая это чрезвычайно осторожно, чтобы не повредить содержимое. Затем подобрал такой тонкий пластиковый лист, размер которого был немного больше размера пакета, и вставил его в отверстие.

— Вы проявили мудрость, мистер Питт, в том, что не тронули обертку, — продолжал бубнить он. — Если вы попытались бы вытащить его из сумки, то материал раскрошился бы.

— Неужели клеенка не сохранилась бы в воде? — спросил Мун.

Галассо уставился на него ученым взглядом.

— Вода — растворитель. Грубо говоря, воздействуя в течение продолжительного времени, она способна растворить линейный корабль. Клеенка представляет собой просто кусок ткани, обработанный химическим способом, причем обычно только с одной стороны. Поэтому это непрочный материал.

Закончив с Муном, Галассо вернулся к работе.

Когда он был полностью удовлетворен тем, что пластик правильно разместился под пакетом, начал вытаскивать пакет, не торопясь, несколько миллиметров за один раз, до тех пор, пока впервые за семьдесят пять лет не появился весь бесформенный предмет, с которого всё еще капала вода.

Стояла полная тишина. Казалось, что даже Галассо почувствовал всё значение торжественности этого момента; ему нечего было сказать. У Муна началась такая дрожь, что ему пришлось ухватиться руками за раковину, чтобы не упасть. Сандекер теребил бороду, а Питт медленно допивал четвертую чашку черного кофе.

Не произнося ни слова, Галассо сконцентрировался на том, чтобы снять оберточный материал. Сначала он осторожно положил бумажное полотенце на поверхность, полностью высушивая ее. Затем изучил ее с каждого угла, как ювелир, определяющий точку, в которой можно нанести удар по драгоценному камню в пять карат, зондируя здесь и там с помощью крошечного маркировочного карандаша.

Наконец он начал снимать ее. С чудовищной медлительностью он упорно разворачивал хрупкую ткань. После того, что людям, непрерывно ходящим по полу, показалось бесконечностью, Галассо добрался до последнего слоя. Он сделал паузу, чтобы стереть пот, блестевший на его лице, и размять онемевшие пальцы. Теперь он был готов продолжать.

— Момент истины, — произнес он с важным видом.

Мун схватил телефон, который оказался рядом, и установил прямую связь с президентом. Сандекер подошел ближе и напряженно смотрел через плечо Галассо. Лицо Питта было бесстрастным.

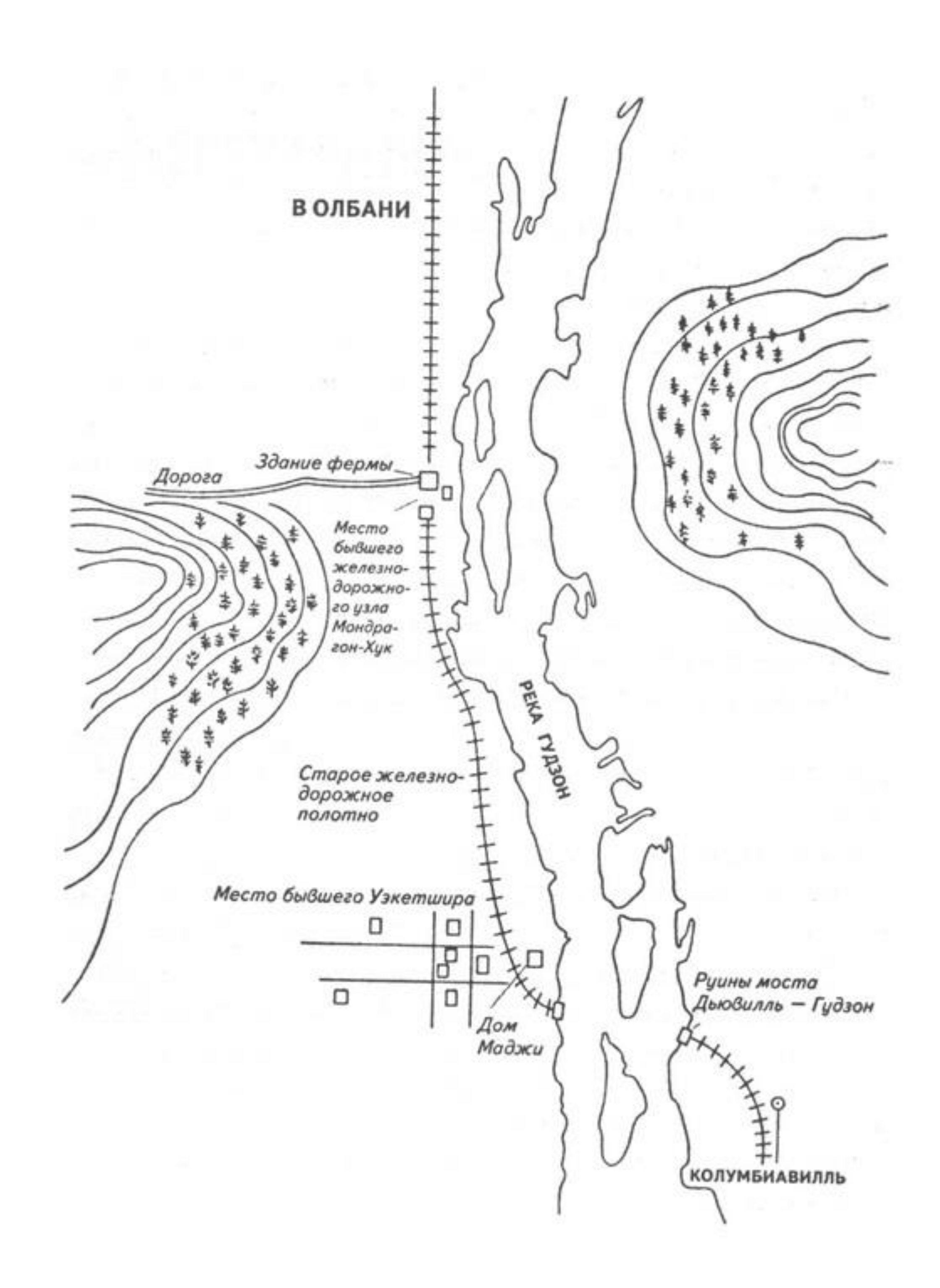
Галассо осторожно приподнял тонкий хрупкий откидной клапан и быстро вернул его на место.

Они надеялись встретиться с невозможным, но единственной наградой было разочарование, за которым последовала сокрушающая горечь.

Безразличная река проникла через клеенку и превратила британский экземпляр Североатлантического договора в пастообразное нечитабельное месиво.

Часть V

«МАНХЕТТЕН ЛИМИТЕД»

Май 1989 г. Квебек, Канада

64

Рев двигателей реактивного самолета стал затихать сразу после того, как «боинг 757» поднялся в воздух с взлетно-посадочной полосы аэропорта Квебек. Когда погасло табло с надписью «Не курить», Хейди расстегнула ремни безопасности, удобнее положила ногу в гипсе от лодыжки до бедра и посмотрела в окно.

Внизу на солнце блестела длинная лента реки Святого Лаврентия, оставаясь далеко позади самолета, развернувшегося на юг к Нью-Йорку.

Ее мысли постоянно возвращались к событиям нескольких прошлых дней в калейдоскопе туманных образов. Шок и боль, последовавшие после взрыва. Значительное внимание со стороны хирурга и моряков на борту «Финикса», на гипсе на ноге оставлено больше рисунков, чем в альбоме с образцами в салоне татуировки. Доктора и сестры в больнице Римуски, где ей вправляли и лечили плечо и добродушно смеялись над ее жалкими попытками говорить по-французски. Все они казались сейчас какими-то далекими персонажам из снов. Ей стало грустно. Может быть, больше не придется встретиться с ними вновь.

Она не замечала, что на место у прохода рядом с ней сел мужчина, до тех пор, пока он не дотронулся до ее руки.

— Привет, Хейди.

Она взглянула в лицо Брайана Шо и настолько опешила, что не могла произнести и слова.

— Знаю, что ты можешь подумать, — тихо сказал он, — но мне нужно поговорить с тобой.

Удивление, испытанное Хейди с самого начала, быстро сменило презрение.

— Из какой дыры тебе удалось выползти?

Он увидел, как она покраснела от злости.

— Не буду отрицать, что это было холодным, расчетливым совращением. Прошу простить меня за это.

— Все по линии долга, — с сарказмом сказала она. — Затащить женщину в постель, чтобы извлечь информацию, потом воспользоваться ею, чтобы убить двенадцать невинных людей. В мою книгу, мистер Шо, ты записан как паршивец.

Какое-то время он молчал. Американские женщины, размышлял он, выражают себя совершенно по-другому, чем английские.

— Достойная сожаления и совершенно бессмысленная трагедия, — сказал он. — Хочу, чтобы вы с Питтом знали, что я не имею никакого отношения к этому.

— Ты лгал и раньше. Зачем же отказываться от своих привычек?

— Питт поверит мне, когда я расскажу ему, что взрывчатку установил Фосс Глай.

— Фосс Глай?

— Питту известно это имя.

Она скептически посмотрела на него.

— Ты мог бы сообщить всё это по телефону. А зачем ты здесь сейчас? Выкачать из меня еще информацию? Узнать, удалось ли нам найти экземпляр договора в «Императрице Ирландии»?

— Вы не нашли договор, — сказал он тоном, не допускающим возражений.

— Попал пальцем в небо.

— Мне известно, что Питт вылетел из Вашингтона в Нью-Йорк, поиски на реке Гудзон продолжаются. Это вполне достаточное доказательство.

— Ты не сказал мне, что тебе нужно, — настаивала она.

Он пристально посмотрел на нее.

— Ты должна доставить послание от моего премьер-министра вашему президенту.

Она бросила на него враждебный взгляд.

— Ты сошел с ума.

— Ничего подобного. Нет оснований полагать, что в Англии знают о планах вашего правительства, поэтому еще не наступило время для открытой конфронтации. Так как ситуация слишком деликатная для двух дружественных государств, чтобы проходить по обычным дипломатическим каналам, вся связь должна осуществлять окольными путями. Это вполне обычная практика.

— Но я не могу просто позвонить президенту по телефону, — сказала она, сбитая с толку.

— Нет необходимости. Просто передай послание Алену Мерсьеру. Он примет его.

— Советнику по госбезопасности?

— Да.

У Хейди был растерянный вид.

— Что я должна сказать ему?

— Ты просто должна сказать, что Британия не отдаст одну из стран Содружества из-за какого-то клочка бумаги. И мы не допустим никакого вторжения извне.

— Неужели ты предлагаешь открытую борьбу между Америкой и...

— Ты победила, конечно, но это станет концом Атлантического пакта и НАТО. Премьер-министр выражает надежду, что ваша страна не захочет платить столь высокую цену, чтобы захватить Канаду.

— Захватить Канаду, — повторила она. — Это смешно.

— Разве? Почему же еще ваши люди идут на нарушение всех наших запретов, чтобы найти экземпляр договора?

— Должны быть другие причины.

— Возможно. — Он колебался, беря ее руку в свою. — Но почему-то я так не думаю.

65

— Итак, поезд лежит, похороненный под рухнувшим мостом, — сказал Питт.

Глен Чейз кивнул.

— Всё указывает именно на это.

— Больше он нигде не может находиться, — добавил Джиордино.

Питт облокотился на перила рабочего помоста, переброшенного через всю ширину баржи, предназначенной для подъема поезда, потерпевшего крушение. Наблюдал, как длинная стрела крана поднялась и выбросила из ковша проржавевшие детали ферм моста в главный трюм. Затем развернулась и погрузила свой ковш обратно в реку.

— Работая в таком темпе, мы потратим целую неделю, прежде чем сможем прозондировать дно.

— Мы не сможем приступить к экскаваторным работам до тех пор, пока не уберем все обломки, — сказал Джиордино.

Питт повернулся к Чейзу.

— Пусть один из твоих рабочих удалит несколько фрагментов оригинальных соединений фермы с помощью газового резака. Хочу сдать их на анализ в лабораторию аналитической химии.

— Что ты предполагаешь там обнаружить? — спросил Чейз.

— Возможно, причину обрушения моста, — ответил Питт.

Служащий в каске, перекрикивая шум дизельного двигателя крана, объявил в портативный громкоговоритель:

— Мистер Питт, вас к телефону.

Питт извинился и вошел в командный офис баржи. Звонил Мун.

— Что нового?

— Ничего, — ответил Питт.

Последовала пауза.

— Президент должен получить экземпляр договора к понедельнику.

Питт был ошеломлен.

— Но это уже через пять дней!

— Если вы придете с пустыми руками к часу дня в понедельник, все работы, связанные с поисками, будут отменены.

Губы Питта плотно сжались.

— Чёрт возьми, Мун! Ты не можешь устанавливать невозможные предельные сроки для такого проекта, как этот.

— Простите, но это именно так.

— Почему предупреждаешь об этом так поздно?

— Могу сказать только то, что чрезвычайно важна срочность.

Костяшки пальцев руки Питта, сжимающей телефонную трубку, стали цвета слоновой кости. Ему нечего было сказать в ответ.

— Вы еще здесь? — спросил Мун.

— Да, здесь.

— Президент с нетерпением ждет доклада о ваших успехах.

— Каких успехах?

— Вы должны работать по возможности быстрее, — сказал Мун с раздражением.

— Всё зависит от того, когда мы найдем поезд и вагон, в котором ехал Эссекс.

— Можете сообщить мне сроки?

— Среди археологов пользуется популярность старинная поговорка, — сказал Питт. — Нельзя ничего найти до тех пор, пока оно не захочет, чтобы его нашли.

— Уверен, что президент предпочел бы более оптимистический доклад. Что ему передать относительно возможности получения им договора к понедельнику?

— Передай президенту, — сказал Питт ледяным голосом, — что его шансы — один из миллиона.

Питт добрался до аналитических лабораторий Фонда Хайзера в Бруклине в полночь. Припарковал грузовой пикап перед погрузочным доком и выключил зажигание. Там его ждали доктор Вальтер Маккомб, главный химик, и два ассистента. Питт сказал:

— Благодарю, что вы задержались так поздно.

Маккомб, на пятнадцать лет моложе Питта и приблизительно на семьдесят фунтов тяжелее, поднял один из массивных фрагментов моста, не охнув, и пожал плечами.

— У меня никогда еще не было запроса из Белого дома. Разве я мог отказать?

Вчетвером они поставили стальной обломок в угол небольшого хранилища. Служащие лаборатории электрическими пилами с волшебными стальными полотнами разрезали его на образцы, погрузили в специальный раствор и очистили с помощью акустических методов. Затем рассортировали образцы по лабораториям для проведения различных анализов.

В четыре часа утра появился Маккомб с ассистентами и направился к Питту, сидевшему в комнате отдыха.

— Полагаю, что у меня есть кое-что интересное для вас, — сказал он, усмехаясь.

— Насколько интересное? — спросил Питт.

— Мы разгадали тайну разрушения моста Дьювилль-Гудзон.

Маккомб жестом пригласил Питта следовать за ним в помещение, заполненное химическими приборами экзотического вида. Дал Питту лупу и показал на два предмета на столе.

— Смотрите сами.

Питт сделал, как ему сказали, и вопросительно посмотрел на Маккомба.

— Что я должен увидеть?

— В металле, который разрушается под воздействием больших напряжений, остаются трещины. Их четко видно в образце слева.

Питт посмотрел еще раз.

— Да, я вижу их.

— Теперь обратите внимание, что на образце, полученном с моста, который лежит справа от вас, трещин нет. Деформация была чрезвычайно большой и не могла быть вызвана естественными причинами. Мы проанализировали образцы с помощью электронного сканирующего микроскопа, который показал нам, что в каждом элементе присутствуют характерные электроны. Результаты анализа показали присутствие радикалов сульфида железа.

— Что всё это значит?

— А это значит, мистер Питт, что мост Дьювилль-Гудзон взорвали.

66

— Ужасное дело, — воскликнул Престон Битти со странным оттенком удовольствия. — Одно дело — безжалостно разделать тело человека, но совершенно другое — подать его на обед.

— Не хотите ли еще пива? — спросил Питт.

— Пожалуй. — Битти проглотил остатки пива в своем стакане. — Потрясающие люди. Хетти и Натан Пилчер. Можно сказать, что они нашли прекрасный способ, как избавляться от останков людей, убитых ими. — Он показал в сторону бара, оживленно обслуживающего толпу, требующую не менее двух порций выпивки на каждого вечернего завсегдатая. — Эта таверна построена на остатках фундамента гостиницы Пилчера. Горожане Поукипси сожгли первое строение в 1823 году, когда узнали о страшных делах, происходивших за его стенами.

Питт жестом позвал официантку бара.

— Вы хотите сказать, что Пилчеры убивали гостей, остающихся на ночь, а затем включали их в меню?

— Именно это.

Было понятно, что Битти сел на своего конька. Он пересказывал события с наслаждением.

— Конечно, никто не может сосчитать, сколько было тел. Некоторые отдельные кости откопали. По некоторым данным, Пилчеры использовали от пятнадцати до двадцати невинных путешественников для приготовления блюд за те пять лет, что они были в деле.

Профессора Битти считали ведущим специалистом по нераскрытым преступлениям. Его книги бойко продавались в Канаде и Соединенных

Штатах, иногда они попадали в список бестселлеров документальной литературы. Он удобнее устроился в кабинке и с любопытством смотрел на Питта своими зеленовато-голубыми глазами над просоленной и проперченной бородой. Ему, как Питт догадался по жестким чертам лица в складках и по седеющим волосам, было около пятидесяти. По виду он больше напоминал пирата, чем писателя.

— Но поистине невероятно то, — продолжал Битти, — как были раскрыты убийцы.

— Ресторанный критик написал на них плохую рецензию, — предположил Питт.

— Вы значительно ближе к истине, чем думаете, — рассмеялся Битти. — Однажды вечером морской капитан в отставке остановился на ночь. Его сопровождал слуга-меланезиец, привезенный им на борту корабля много лет назад с Соломоновых островов. К несчастью для Пилчеров, меланезиец когда-то был людоедом, его вкусовые железы безошибочно распознали мясо в тушеном блюде.

— Не очень аппетитно, — сказал Питт. — Так что же случилось с Пилчерами? Их казнили?

— Нет, пока ждали суда, они бежали, больше их никто никогда не видел.

Принесли пиво, Битти молчал, пока Питт подписывал счет.

— Я изучил старые уголовные дела здесь и в Канаде, пытаясь найти общее между их способом действий и более поздними нераскрытыми убийствами, но они были преданы забвению вместе с Джеком-Потрошителем.

— И Клементом Масси, — сказал Питт, обдумывая тему.

— Ах, да, Клемент Масси, известный по прозвищу Деппер Дойл, — произнес Битти, словно нежно вспоминая любимого родственника. — Грабитель, намного опередивший свое время. Он бы мог преподнести уроки лучшим из сегодняшних преступников.

— Настолько хорош?

— У Масси был свой стиль. Этот человек отличался невероятной проницательностью. Он так планировал все свои дела, чтобы они походили на работу соперничающих банд. Насколько мне известно, он ограбил шесть банков и три поезда, причем обвинили в этих преступлениях совсем других людей.

— Откуда он взялся?

— Выходец из богатой бостонской семьи. Окончил Гарвард с отличием. Преуспевал, был настоящим баловнем судьбы. Женился на женщине из высшего общества, родившей ему пятерых детей. Дважды выбирался в сенат Массачусетса.

— Зачем же ему было грабить банки? — скептически спросил Питт.

— Ради удовольствия, — ответил Битти. — Оказалось, что он передавал каждый пенни своих нечестно полученных доходов на благотворительные цели.

— Почему же его не прославили газеты?

— Он исчез со сцены задолго до того, как его преступления связали с ним, — ответил Битти. — А это стало известно только после того, как какой-то предприимчивый репортер не доказал, что Клемент Масси и Деппер Дойл — одно и то же лицо. Естественно, его влиятельные друзья и коллеги позаботились о том, чтобы скандал быстро замять. В любом случае, не было достаточного количества веских улик для суда над ним.

— Трудно поверить, что Масси никто так и не узнал во время ограбления.

— Он сам редко ходил на дело, — засмеялся Битти. — Как правило, руководил боем, оставаясь за линией фронта. Всегда оставался в тени. Все ограбления совершались за пределами штата, даже его собственная банда не знала его истинной личности. На самом деле он был узнан в одном из тех немногих случаев, когда непосредственно руководил ограблением. Над показаниями свидетелей смеялся руководитель расследования. В конце концов, кто мог поверить, что уважаемый сенатор штата был тайным бандитом.

— Странно, что Масси не носил маску.

— Просто психологическая прихоть, — сказал Битти. — Возможно, он стремился только к тому, чтобы почувствовать возбуждение, возникающее у человека, который хочет испытать свою удачу. Двойная жизнь для некоторых людей — верх блаженства и вызов всему обществу. И всё-таки где-то глубоко внутри они хотят, чтобы их поймали. Как муж, обманывающий свою жену, который подбрасывает носовые платки, испачканные губной помадой, в семейную корзину для грязного белья.

— Тогда зачем ограбление депо Уэкетшира? Почему Масси рисковал всем всего из-за ничтожных восемнадцати баксов?

— У меня было много бессонных ночей, когда, глядя в потолок, пытался разрешить эту загадку, — Битти посмотрел на стол, передвигая по нему свой стакан. — Исключая эту выходку, Масси никогда не брался за работу, которая не приносила менее чем двадцать пять тысяч.

— Сразу после этого он исчез.

— Я тоже исчез бы, если стал бы причиной сотни смертей. — Битти сделал большой глоток пива. — Он вошел в анналы преступлений как кровожадный серийный убийца, а не как новый Робин Гуд, потому что игнорировал просьбу железнодорожного служащего, умоляющего его остановить поезд, и позволил женщинам и детям погибнуть в холодной реке.

— Как вы поняли это?

— Он хотел ограбить поезд, — ответил Битти как само собой разумеющееся. — Но что-то не сложилось. Той ночью была ужасная буря. Поезд шел с опозданием. Возможно, он шел не по расписанию. Не знаю. Что-то нарушило его планы.

— Что же было в поезде для грабителя? — спросил Питт.

— Два миллиона долларов в золотых монетах и слитках.

Питт взглянул на него.

— Ничего не читал о доставке золота на «Манхеттен лимитед».

— Двадцатидолларовые золотые монеты были отчеканены в тысяча девятьсот четырнадцатом году на монетном дворе Филадельфии для банкирских домов Нью-Йорка. Думаю, что Масси прослышал об этом. Администрация железной дороги решила, что поступает разумно, изменяя маршрут вагона с золотом и направляя его обходными путями по сельской местности, а не по главному железнодорожному пути. Ходили слухи, что вагон прицепили к поезду в Олбани. Конечно, доказать все это невозможно. О потере, если таковая была, никогда не сообщали. Важные персоны в банках, возможно, решили, что для поддержания своего имиджа им лучше замять это дело.

— Этим можно объяснить то, что железная дорога едва не разорилась, пытаясь поднять поезд со дна реки.

— Может быть.

На некоторое время Битти погрузился в прошлое. Затем сказал:

— Из всех преступлений, тщательно изученных мною во всех полицейских архивах мира, больше всего меня интригует то, что предшествовало грошовому ограблению Масси в Уэкетшире.

— Здесь пахнет другим.

— Как так?

— Этим утром лаборатория нашла следовые концентрации сульфида железа в образцах, взятых из моста Дьювилль-Гудзон.

Глаза Битти сузились.

— Сульфид железа используют в черном порохе.

— Именно так. Похоже, что Масси взорвал мост.

От этого откровения Битти онемел.

— Но почему? Каков его мотив?

— Мы найдем ответы, — сказал Питт, — когда найдем поезд.

Питт механически вел машину. Ему не давала покоя одна мысль, которую он всячески отгонял от себя. Сначала он воспринял ее в штыки, но ее невозможно было игнорировать. Затем она стала совершенно отчетливой и обрела смысл.

Остановился около телефонной будки на парковке супермаркета и набрал номер Вашингтона. Его быстро соединили, ответил хриплый голос.

— Сандекер.

Питт не удосужился представиться.

— Сделайте одолжение.

— Понял.

— Мне нужен «воздушный крючок».

— Продолжай.

Питт почти видел, как, зажав сигару во рту, Сандекер оставил на ней следующую отметину.

— Мне нужен «воздушный крючок». Я должен справиться к полудню завтрашнего дня.

— С чем, черт побери?

Питт перевел дыхание и рассказал ему.

67

Вийон развернул правительственный реактивный самолет влево от полуденного кучевого облака, ручка управления перемещалась у него под руками совершенно незаметно. Через иллюминатор второго пилота

Даниэла любовалась ковром канадских сосен, скользящим под самолетом.

— Всё так красиво, — сказала она.

— С борта авиалайнера всего этого не видно, — ответил Вийон. — Они летают на слишком большой высоте, поэтому любоваться пейзажем во всех его подробностях невозможно.

На Даниэле были темно-синий облегающий свитер и такого же цвета широкая хлопчатобумажная вязаная юбка до колена. Вид у нее был довольно самоуверенный, но неспособный полностью скрыть ту теплоту, с которой она смотрела на Вийона.

— Твой новый самолет тоже очень красивый.

— Подарок моих хорошо обеспеченных сторонников. В названии, конечно, нет моего имени, но летаю на нем только я.

Некоторое время они сидели молча, пока Вийон вел самолет по твердому курсу над центральной частью национального парка. Повсюду вокруг них блестели голубые озера, как крошечные бриллианты в изумрудной оправе. Они могли различить даже едва различимые лодки с рыбаками, ловящими гольца.

Наконец Даниэла заговорила.

— Я счастлива, что ты пригласил меня. В последний раз это было так давно.

— Всего две недели назад, — ответил он, не взглянув на нее. — Был очень занят проведением кампании.

— А я думала, что, может быть, ты больше не хочешь меня видеть.

— Откуда у тебя такие мысли?

— Последний раз в коттедже…

— Ты о чем? — невинно спросил он.

— Нельзя сказать, чтобы ты был очень радушным.

Он слегка наклонил голову набок, стараясь вспомнить. Ничего не получилось, пожал плечами, списывая всё на женскую чувствительность.

— Прости, наверно, голова была занята другими мыслями.

Вийон сделал вираж к берегу и включил автопилот. Улыбнулся.

— Успокойся, я всё сделаю так, как тебе нравится.

Он взял ее за руку, и они вышли из кабины.

Длина пассажирского салона до туалета составляла двадцать футов. В нем были кресла и диван на полу, покрытом толстым ковром, бар, полный напитков, обеденный стол. Вийон открыл дверь в личный спальный салон и наклонился к кровати королевских размеров.

— Настоящее любовное гнездышко, — сказал он. — Интимное, уединенное и далекое от любопытных глаз.

Постель осветили яркие лучи солнца, проникающие через иллюминаторы. Даниэла села, когда из кабины появился Вийон и предложил ей выпить.

— Разве нет закона, запрещающего подобные вещи? — спросила она.

— Секс на высоте пять тысяч футов?

— Нет, — сказала она между глотками «кровавой Мэри». — Такого, который запрещал бы самолету летать кругами в течение двух часов с пустой кабиной без пилота.

— Ты собираешься сдать меня?

Она соблазнительно растянулась в постели.

— Так и вижу заголовки газет: «Нового президента Квебека застали в летающем доме терпимости».

— Я еще не президент, — засмеялся он.

— Будешь после выборов.

— До этого еще шесть месяцев. Всё может случиться в этот период.

— Опрос общественного мнения свидетельствует в твою пользу.

— А что говорит Шарль?

— Он тебя больше не упоминает.

Вийон сел на кровать и провел пальцами по ее животу, слегка касаясь его.

— Сейчас, когда парламент проголосовал за вотум недоверия, его могущество испарилось. Почему ты не уходишь от него? Для нас всё было бы проще.

— Лучше я останусь рядом с ним еще немного. Смогу узнать многое, что важно для Квебека.

— Раз уж мы затронули эту тему, есть нечто, касающееся меня лично.

Она начала извиваться.

— Что это?

— Президент Соединенных Штатов на следующей неделе выступит с обращением к парламенту. Мне бы хотелось знать, что он намерен сказать. Ты что-нибудь слышала об этом?

Она взяла его руку и стала перемещать ее вниз.

— Шарль говорил об этом вчера. Беспокоиться не о чем. Он сказал, что президент собирается обратиться с призывом об организованном переходе к независимости Квебека.

— Это я знаю, — улыбаясь, сказал Вийон. — Американцы хотят найти свой подход.

Даниэла уже начала терять терпение и протянула к нему руки.

— Надеюсь, ты заполнил топливные баки перед тем, как мы покинули Оттаву, — невнятно пробормотала она.

— У нас достаточно топлива еще на три летных часа, — сказал он и лег на нее.

— А ошибки не может быть? — спросил Сарве по телефону.

— Абсолютно никакой, — ответил комиссар Финн. — Мой человек видел, как они поднимались на борт самолета мистера Вийона. Мы проследили за ними с помощью радара военно-воздушных сил. Они кружат над парком уже около часа.

— Ваш человек уверен, что это был Анри Вийон?

— Да, сэр, никаких сомнений не может быть, — уверял его Финн.

— Спасибо, комиссар.

— Не стоит, премьер-министр. Я остаюсь на месте.

Сарве положил трубку и подождал, чтобы успокоить свои чувства. Затем произнес в интерком:

— Сейчас можете разрешить ему войти.

Лицо Сарве стало наряженным в самый первый решающий момент, когда он испытал шок. Он был уверен, что глаза обманывают его, а разум вытворяет фокусы с воображением. Ноги отказывались

повиноваться, у него не хватало сил, чтобы подняться из-за письменного стола. Затем посетитель прошел по комнате и встал, глядя вниз.

— Спасибо, что принял меня, Шарль.

На лице было знакомое холодное выражение, голос звучал точно так, как обычно. Сарве старался сохранить внешнее спокойствие, но внезапно почувствовал слабость и головокружение.

Человек, стоящий перед ним, был Генри Вийоном во плоти, он чувствовал себя совершенно свободно, проявлял то же высокомерное самообладание, которое никогда его не подводило.

— Я думал, что ты занимаешься своей избирательной кампанией в Квебеке, — запинаясь, произнес Сарве.

— Я взял тайм-аут, чтобы прибыть в Оттаву и попробовать заключить перемирие.

— Пропасть между нашими разногласиями слишком глубока, — сказал Сарве, медленно приходя в себя.

— Канада и Квебек должны научиться жить вместе без каких-либо трений, — сказал Вийон. — И мы с тобой тоже.

— Хочу выслушать причины.

В голосе Сарве чувствовалось скрытое напряжение.

— Садись, Анри, и расскажи мне, что у тебя на уме.

68

Ален Мерсьер закончил чтение содержимого папки с пометкой «Совершенно секретно», затем вновь всё перечитал. Он онемел. Сколько бы он ни перелистывал страницы назад, стараясь здраво оценивать прочитанное, ему было чрезвычайно трудно поверить в то, что он видел собственными глазами. У него был вид человека, который держит в руках тикающую бомбу.

Напротив него сидел президент, который, казалось, терпеливо ждал. В комнате было очень тихо. Единственным звуком было редкое потрескивание поленьев в камине. На кофейном столике, который стоял между ними, стояли два подноса с едой. Мерсьер был слишком поглощен чтением и не мог есть, но президент с жадностью доедал запоздалый обед.

Наконец Мерсьер закрыл папку и торжественно снял очки. Поразмышлял минуту, затем взглянул на президента.

— Должен задать вопрос, — сказал он. — Неужели весь этот безумный вздор на самом деле реален?

— Всё до последнего слова в последнем предложении.

— Замечательная концепция, — вздохнул Мерсьер. — Я бы так назвал это.

— Согласен.

— Мне трудно поверить, что в течение всех этих лет не было утечки информации.

— В этом нет ничего удивительного, если учесть, что об этом знали всего два человека.

— Об этом знал Дуг Оутс из госдепартамента.

— Только после инаугурации, — признался президент. — После того, как мне были переданы бразды правления, первый шаг, необходимый шаг, который я должен был предпринять, заключался в том, чтобы довести это до сведения госдепартамента.

— Но не до сведения госбезопасности, — сказал Мерсьер с холодным оттенком в голосе.

— Ничего личного, Ален. Всего лишь расширял ближний круг по мере необходимости.

— А теперь очередь дошла и до меня.

Президент кивнул.

— Хочу, чтобы ты и твои люди завербовали и организовали влиятельных канадцев, которые разделяют мои взгляды.

Мерсьер приложил носовой платок к лицу, промокая выступивший пот, покрывавший его.

— Боже мой. Если дело приведет к неожиданным последствиям, а за ним появится наше объявление о государственном банкротстве?..

Его заявление повисло в воздухе.

— Этого не будет, — мрачно сказал президент.

— Ты можешь слишком далеко зайти.

— Но если это будет принято, то подумай о возможностях.

— Ты увидишь первые признаки, когда выскажешь все это канадскому парламенту в понедельник.

— Да, тогда все будет совершенно очевидно.

Мерсьер положил папку на стол.

— Должен вручить это тебе, господин президент. Когда ты сидел молча и отказывался вмешиваться в требование Квебеком независимости, я думал, что ты допускаешь ошибку. Теперь начинаю понимать, что стояло за этим безумием.

— Мы открыли только первую дверь, — философски заметил президент, — в длинный коридор.

— А не слишком ли ты рассчитываешь на то, что Североамериканский договор найдут?

— Да, думаю, ты прав.

Президент пристально рассматривал в окно Вашингтон, не видя его.

— Но если на реке Гудзон в понедельник произойдет чудо, у нас появится право создания нового флага.

69

«Воздушный крючок» был именно тем, что предполагало название: вертолетом, способным транспортировать массивное оборудование на крыши высотных зданий и тяжелое снаряжение через реки и горы. Длина скошенного изящного фюзеляжа составляла 105 футов, приспособление для приземления перевозимого оборудования свисало вниз в виде надежных вертикальных опор.

Людям на рабочей площадке неуклюжая машина казалась чудовищным богомолом, появившимся из японского научно-фантастического фильма. Они заворожено наблюдали, как он пролетал над рекой на высоте двухсот футов. От чудовищного вращения его лопастей вода в реке пенилась от берега до берега.

Из-за клинообразного предмета, свисавший из брюха «воздушного крючка», его вид был еще более странным. За исключением Питта и Джиордино, все члены команды Государственного агентства подводных и морских научных исследований впервые видели «Дудлбаг».

Питт руководил операцией приземления доставленного снаряжения по радио, инструктируя пилота опустить свой груз перед «Де Сото». «Воздушный крючок» очень медленно затормозил движение вперед и завис в ожидании, когда «Дудлбаг» перестанет раскачиваться, как маятник. Затем стали разматываться двойные тросы, плавно опуская научно-исследовательское судно в реку. Когда напряжение ослабло, через борт «Де Сото» протянулся кран, водолазы поднялись вверх по трапу на вертикальный корпус. Крюки тросов сняли с подъемных

петель, «воздушный крючок», освобожденный от груза, поднялся в небо, и, описав широкий полукруг, направился обратно вниз по реке.

Все стояли вдоль поручней, тараща глаза на «Дудлбаг», не понимая его назначения. Внезапно, увеличивая всеобщее замешательство, открылась крышка люка, из него появилась голова, и пара глаз с тяжелыми веками осмотрела изумленных зрителей.

— Где, черт возьми, этот Питт? — закричал незнакомец.

— Здесь, — закричал Питт в ответ.

— Сможешь догадаться, что произошло?

— Наверно, ты нашел в своей койке еще одну бутылку с лекарством на змеином яде.

— Откуда ты знаешь? — ответил Сэм Квейл, смеясь.

— Ласки с тобой?

— Внизу, меняет электрическую монтажную схему средств управления балластом для работы на мелководье.

— Тебе представилась хорошая возможность прокатиться внутри на всем пути из Бостона.

— Может быть, но во время перелета мы сэкономили время на активацию электронных систем.

— Когда будете готовы опуститься под воду?

— Дай нам еще час.

Перед Джиордино появился Чейз.

— Что это за механическое извращение? — спросил он.

— Если ты представлял бы себе, сколько оно стоит, — ответил Джиордино с непроницаемой улыбкой, — ты не обзывал бы его неприличными словами.

Через три часа «Дудлбаг» медленно продвигался по дну реки. По мере того, как он обходил разрушенные огромные части моста, приближаясь к ним на опасное расстояние, почти невыносимым было тревожное ожидание внутри него.

Питт, не отрываясь, следил за видеомониторами, а Билл Ласки маневрировал судном против течения. За ними Квейл уставился на системную панель, фокусируя внимание на показаниях приборов судна.

— Есть контакт? — в четвертый раз спросил Питт.

— Отрицательно, — ответил Квейл. — Я расширил луч, чтобы он охватывал двадцатиметровый путь на глубине ста метров в геологической структуре, но всё, что я считываю, лишь коренная порода.

— Мы забрались слишком далеко по течению реки, — сказал Питт, поворачиваясь к Ласки. — Пройди еще раз.

— Приближаемся под другим углом, — подтвердил Билл, держа руки на кнопках и переключателях контрольной консоли.

Еще пять раз «Дудлбаг» проходил через затонувшие остатки моста. Дважды слышали, как обломки крушения со скрежетом задевали за корпус. Питт прекрасно знал, что в случае повреждения оболочки его обвинят в потере судна стоимостью шестьсот миллионов долларов.

Казалось, Квейл не думал об опасности. Он был взбешен, потому что его прибор остается безмолвным. Он злился на себя, считая это своей виной.

— Наверно, какая-то поломка, — пробормотал он. — Сейчас я должен подойти к цели.

— Можешь определить, в чем проблема? — спросил Питт.

— Нет, будь она неладна! — резко выпалил Квейл. — Все системы функционируют нормально. Видимо, допустил ошибку в расчетах, когда перепрограммировал компьютеры.

Ожидания быстрого открытия начали улетучиваться. Разочарование усугублялось ложными надеждами и предположениями. Затем, когда они развернулись для следующего прохода в соответствии с координатной сеткой поиска, течение реки резко надавило на правый борт «Дудлбага», зарывая киль в глинистый берег. Ласки сражался со средствами управления почти в течение целого часа, прежде чем удалось освободить судно.

Питт сообщал координаты нового курса, когда по громкой связи раздался голос Джиордино.

— «Де Сото» — «Дудлбагу». Слышите?

— Говори, — напряженно сказал Питт.

— Твои парни что-то совсем притихли.

— Нечего докладывать, — ответил Питт.

— Лучше давай-ка закрывай лавочку. Надвигается ужасный грозовой фронт. Чейз предпочитает обезопасить наше электронное чудо раньше, чем налетит ураганный ветер.

Питт ненавидел сдаваться, но продолжать было бесполезно. Время вышло. Даже если они найдут поезд в ближайшие несколько часов, вряд ли команда подъема сможет откопать нужный вагон и найти договор до обращения президента к парламенту.

— Ладно, — сказал Питт. — Готовься принять нас. Мы закругляемся.

Джиордино стоял на мостике и кивком головы показывал на темные тучи, сгущающиеся над кораблем.

— Этот проект был обречен с самого начала, — мрачно бубнил он. — Будто у нас и так мало проблем, теперь еще и погода.

— Кому-то там в вышине мы не нравимся, — сказал Чейз, указывая на небо.

— Ты обвиняешь Господа, варвар?

— Нет, — ответил Чейз с торжественным видом. — Призрак.

Питт повернулся к нему.

— Призрак?

— Объект, витающий здесь повсюду, который никто не хочет даже упомянуть, — сказал Чейз. — Никому не нравится соглашаться с тем, что видел его.

— Отвечай только за себя, — улыбнулся Джиордино. — Мне довелось только слышать о нем.

— Его свет был ярче адского огня, когда он несся по старой насыпи к мосту прошлой ночью. Луч света освещал половину восточной береговой линии. Не понимаю, как вы пропустили это.

— Подожди, — прервал Питт. — Ты говоришь о поезде-призраке?

Джиордино уставился на него.

— Ты знаешь?

— А разве все не знают? — спросил Питт с напускной серьезностью. — Все только и говорят, что призрак обреченного поезда все еще стремится пройти по мосту Дьювилль-Гудзон на другой берег.

— Ты не веришь этому? — осторожно спросил Чейз.

— Верю, что что-то существует на старом железнодорожном полотне, проходит по полотну с пыхтением по ночам. На самом деле это чертовски близко от меня.

— Когда?

— Месяца два назад, когда приезжал сюда, чтобы осмотреть место.

Джиордино отрицательно покачал головой.

— По меньшей мере, не стоит приближаться к этому сомнительному месту в одиночку.

— Как часто призрак досаждал тебе?

Джиордино посмотрел на Чейза, ища поддержки.

— Три раза.

— Ты говоришь, что иногда по ночам слышишь шум, но не видишь огней?

— Два первых явления сопровождались шипением пара и ревом локомотива, — объяснил Чейз. — На третий раз мы увидели всё по полной программе. Лязг сопровождался ослепительным светом.

— Я тоже видел свет, — медленно сказал Питт. — Каковы были погодные условия?

Чайз задумался на мгновенье.

— Как помнится, было ясно, но стало чернее смолы, когда появился свет.

— Правильно, — добавил Джиордино. — Один только шум слышен в лунные ночи.

— Вот перед нами и схема, — сказал Питт. — Во время его появления передо мной луны не было.

— Все эти разговоры о призраках нисколько не приближают нас к решению задачи, — вежливо сказал Джиордино. — Думаю, что нам пора вернуться к реальности и найти способ добраться до поезда в течение следующих, — он заколебался и посмотрел на свои часы, — семидесяти четырех часов.

— А у меня другое предложение, — сказал Питт.

— Какое?

— Послать всё к черту.

Джиордино взглянул на него, готовый улыбнуться этой шутке. Но Питт не шутил.

— Что ты собираешься сказать президенту?

На лице Питта появился странный, отчужденный взгляд.

— Президенту? — туманно повторил он. — Я собираюсь сказать ему, что мы ловим рыбку в мутной воде, тратя неимоверное количество времени и денег в поисках иллюзии.

— К чему ты клонишь?

— К «Манхеттен лимитед», — ответил Питт. — Его нет на дне реки Гудзон. И никогда там не было.

70

На заходящее солнце внезапно набежали тучи. Небо потемнело, стало угрожающим. Питт и Джиордино стояли на старом железнодорожном полотне, прислушиваясь к глухим раскатам грома приближающейся грозы. Затем небо озарили вспышки молнии, прогремел гром и пошел дождь.

Ветер промчался по деревьям с демоническим завыванием. Насыщенный парами воздух, заряженный электричеством, стал тяжелым и удушливым. Вскоре свет померк, исчезли все краски, осталась только сплошная темень, пронзаемая краткими вспышками. Потоки дождя, гонимые порывами ветра, горизонтальными полосами били в лицо.

Питт плотнее застегнул воротник плаща, ссутулил плечи, словно прячась от бури, и пристально уставился в ночную тьму.

— Почему ты уверен, что он появится? — перекрикивая грозу, спросил Джиордино.

— Условия точно такие же, как в ночь исчезновения поезда, — прокричал в ответ Питт. — Ставлю на призрака, обладающего мелодраматическим чувством времени.

— Я даю ему еще один час, — сказал совершенно несчастный Чейз. — А потом отправлюсь обратно на судно, чтобы принять глоток «Джека Даниэлса».

Питт жестом позвал их следовать за собой.

— Пошли, прогуляемся по железной дороге.

Чейз и Джиордино неохотно последовали за ним. Молнии сверкали почти без перерыва, а с берега само судно «Де Сото» казалось серым призраком. Над рекой на мгновенье блеснула огромная молния, и корабль превратился в темные очертания. Единственным признаком жизни был белый свет на мачте, вызывающе яркий наперекор ливню.

Пройдя около полмили, Питт остановился и наклонил голову, словно прислушиваясь.

— Кажется, я что-то слышу.

Джиордино приложил руки, сложив их чашечкой, к ушам. Подождал, пока замрет последний раскат грома, прокатившись по холмах. Теперь он тоже услышал печальное завывание свистка поезда.

— Ты вызывал его, — сказал Чейз. — Он прибыл точно по расписанию.

Никто не произносил ни слова в течение нескольких секунд, пока становился всё громче и громче приближающийся звук. Затем услышали звон колокола и пыхтенье паровоза, выпускающего пар. Следующий раскат грома заглушил все звуки. Позднее Чейз клялся, что он почувствовал, как остановился ход времени.

В этот момент на повороте вспыхнул свет, освещая их, его лучи были жутко искажены дождем. Так они и стояли, глядя друг на друга, освещенные желтым светом.

Они пристально смотрели вперед, не веря тому, что видят, но точно зная, что это не было игрой их воображения. Джиордино повернулся, чтобы что-то сказать Питту, и пришел в полное недоумение, увидев, что тот улыбается, глядя на расширяющееся сияние.

— Не двигаться, — сказал Питт с невероятным спокойствием. — Повернитесь, закройте глаза и сверху прикройте их еще руками, чтобы не ослепнуть от ярчайшего света.

Интуиция подсказывала им, что нужно поступить совершенно наоборот. Стремление к самосохранению преобладало над осознанными чувствами и велело бежать или, по меньшей мере, броситься на землю и лежать. Слова Питта были единственным, что удерживало их.

— Спокойно. Готовьтесь открыть глаза по моей команде.

Боже, это было сказано совершенно спокойно.

Джиордино напрягся для удара, который может превратить его плоть и кости в отвратительное месиво красного и белого. Он уже приготовился умереть, и в этот момент всё и произошло.

Оглушающий грохот раздавался непосредственно над ними, разрывая барабанные перепонки. Их охватило такое ощущение, словно их бросили в какой-то странный вакуум, в котором все доводы двадцатого столетия были неуместны.

Затем, словно по волшебству, над ними пронеслось что-то совершенно невероятное.

— Сейчас! — воскликнул Питт, перекрикивая грохот.

Все опустили руки, пристально всматриваясь, глаза всё еще настроены на темноту. Сейчас свет был направлен далеко вперед и перемещался по заброшенному железнодорожному полотну, оставляя их позади, шум локомотива уменьшался вслед за светом. Они ясно видели черный прямоугольник, расположенный в центре сияния на высоте около восьми футов от земли. Заворожено смотрели, как он становился всё меньше, затем повернул к мосту, где погас, а сопровождающие его лязг и грохот растворились в буре.

— Что, черт возьми, это было? — наконец пробормотал Чейз.

— Головной прожектор старинного локомотива, свисток и усилитель, — ответил Питт.

— Ах, так? — скептически проворчал Джиордино. — Тогда как же он движется по воздуху?

— На проволоке, закрепленной на старых телеграфных столбах.

— Скверно, что оказалось логическое объяснение, — печально сказал Чейз, качая головой. — Ненавижу, когда опровергают хорошие легенды.

Питт жестом показал на небо.

— Продолжайте наблюдать. Сейчас в любой момент твоя легенда может вернуться.

Они столпились вокруг ближнего телеграфного столба и уставились вверх, в темень. Через минуту появился черный объект и бесшумно проскользнул над ними. Затем слился с тенями и исчез.

— Только черт знает, как одурачил меня, — признался Джиордино.

— Откуда эта штука появляется? — спросил Чейз.

Питт ответил не сразу. Его внезапно осветила вспышка молнии, блеснувшая на дальнем поле; у него был задумчивый вид.

Наконец он сказал:

— Знаете, что я думаю?

— Нет, а что?

— Думаю, нам всем следует выпить по чашечке кофе и съесть по куску горячего яблочного пирога.

К тому времени, когда они постучали в дверь Энсела Маджи, все были похожи на промокших крыс. Огромный скульптор сердечно пригласил их войти и снять мокрые куртки. Пока Питт их знакомил, Анни Маджи,

оправдывая ожидания, поспешила на кухню за кофе и пирогом, на этот раз оказавшимся вишневым.

— Что заставило вас выйти на улицу в такую ужасную ночь? — спросил Маджи.

— Гонялись за призраками, — ответил Питт.

Глаза Маджи сузились.

— И вам сопутствовала удача?

— Можно поговорить об этом в офисе депо?

Маджи кивнул одобрительно.

— Конечно. Проходите, проходите.

Он не заставил себя долго упрашивать и рассказал Чейзу и Джиордино историю офиса и его служащих. Одновременно с этим он растопил пузатую печку. Питт сидел молча за бюро Сэма Хардинга. Он слышал рассказ раньше, и его мысли были далеко.

Маджи был в середине рассказа о том, как пуля попала в шахматную доску Хирама Мичума, когда вошла Анни с подносом, на котором были чашки и тарелки.

После того как исчезла последняя крошка пирога, Маджи посмотрел на Питта через офис.

— Вы так и не сказали, нашли ли вы призрака.

— Нет, — ответил Питт. — Призрака нет. Но мы нашли умное приспособление, которое имитирует поезд-фантом.

Широкие плечи Маджи обвисли, и он пожал ими.

— Всегда знал, что когда-нибудь кто-нибудь раскроет эту тайну. Мне удалось одурачить даже местное население. Не то чтобы кто-то из них возражал. Они скорее гордятся, что у них есть привидение, которое оно могут назвать своим. Своего рода то, что позволяло им хвастаться перед туристами.

— Когда вы поняли, что это такое? — спросила Анни.

— В ту ночь, когда приходил к вам. Чуть раньше я стоял у моста, когда вы включили фантом. Он еще не успел добраться до меня, как свет погас, а звук затих.

— Тогда вы и увидели, как это действует?

— Нет, был ослеплен сиянием. К тому времени, когда глаза снова привыкли к темноте, все уже кончилось. Сначала я был совершенно сбит с толку, но инстинктивно искал на уровне земли. Мое замешательство только увеличилось, когда не нашел рельсов в снегу. Но я человек очень любознательный. Мне было непонятно, почему снесли старое железнодорожное полотно до последней шпалы, а телеграфные столбы оставили на месте.

Администрация железной дороги — прижимистый народ. Они не привыкли оставлять оборудование, годное для повторного использования. Я пошел от столба к столбу, пока не дошел до последнего столба в ряду. Он стоит у дверей в сарай перед вашей частной железнодорожной линией. Заметил и то, что на вашем локомотиве нет головного прожектора.

— Должен отдать вам должное, мистер Питт, — сказал Маджи. — Вы первый, кто открыл правду.

— Как же эта штука действует? — спросил Джиордино.

— Принцип такой же, как в подъемнике на горнолыжных курортах, — объяснил Маджи. — Прожектор и четыре громкоговорителя подвешены на непрерывный кабель, натянутый на поперечины телеграфных столбов. Когда они достигают старого моста Дьювилль, дистанционный выключатель отключает батареи. Устройство делает разворот на сто восемьдесят градусов и возвращается в сарай.

— Почему иногда ночью мы слышали лишь звук, а свет не видели? — спросил Чейз.

— Головной прожектор локомотива довольно большой, — ответил Маджи. — Его очень легко распознать. Поэтому в лунные ночи я снимаю его и запускаю только звуковую систему.

Джиордино широко улыбался.

— Не буду отрицать, что мы с Чейзом готовы были принять всё за чистую монету, когда это нанесло нам первый визит.

— Надеюсь, что не причинил вам ненужных неудобств.

— Совсем нет. Это давало столько поводов для разговоров.

— Мы с Анни почти каждый день стоим на берегу реки, наблюдая за вашими операциями. Мне кажется, что у вас возникли проблемы. Удалось поднять хоть какие-нибудь фрагменты «Манхеттен лимитед»?

— Ни заклепки, — ответил Питт. — Мы закрываем весь проект.

— Это позор, — искренне сказал Маджи. — Я желал вам успеха. Думаю, вообще никто не предполагал, что вы найдете поезд?

— Во всяком случае, не в реке.

— Кому еще кофе? — предлагала Анни с кофейником в руках.

— Мне, пожалуйста, — сказал Питт. — Спасибо.

— Вы говорили… — попытался сказать что-то Маджи.

— У вас есть одна из таких небольших машин, на которых ездят бригады железнодорожников, когда ремонтируют железнодорожные пути? — спросил Питт, меняя тему разговора.

— У меня есть ручная дрезина восьмидесятилетней давности.

— Можете одолжить ее мне вместе со снаряжением фантомного поезда?

— А когда вам это может понадобиться?

— Сейчас.

— В эту ночь с грозой и бурей?

— Именно так.

71

Джиордино устроился на платформе возле железнодорожной насыпи. В одной руке он держал большой фонарь. Ветер немного утих, и, прячась за углом депо, Эл укрылся от проливного дождя.

Чейзу повезло меньше. Он стоял, съежившись, на ручной дрезине в четверти мили от Джиордино. Он в очередной раз просушивал терминалы батареи и проверял провода, ведущие к головному прожектору локомотива и к громкоговорителям, временно установленным на передней части дрезины.

В дверях появился Питт и рукой подал сигнал. Джиордино подтвердил его и затем прыгнул на железнодорожное полотно и посветил своим фонарем в темноте.

— В такое проклятое время, — про себя пробормотал Чейз, включая батареи, и начал работать рычагами дрезины.

Луч головного прожектора осветил мокрые рельсы, и раздался пронзительный свисток, которому вторил порыв ветра. Питт колебался, рассчитывая в уме время движения вперед ручной дрезины. Удовлетворенный тем, что Чейз приближается с достаточной скоростью, он вернулся в офис и погрелся у печки.

— Мы поехали, — коротко сказал он.

— Что вы надеетесь узнать, воссоздавая картину ограбления? — спросил Маджи.

— Через несколько минут всё станет понятно, — уклончиво ответил Питт.

— Полагаю, что это возбуждает.

— Анни, вы выступаете в роли Хайрама Мичума, телеграфиста, а я в роли станционного агента Сэма Хардинга, — проинструктировал Питт. — Мистер Маджи, вы главный. Я доверяю вам исполнить роль Клемента Масси и воспроизвести все события шаг за шагом.

— Попытаюсь, — сказал Маджи. — Но невозможно воссоздать точный диалог и движения семидесятипятилетней давности.

— Нам и не требуется абсолютная точность, — усмехнулся Питт. — Годится приблизительное воспроизведение событий.

Маджи пожал плечами.

— Ладно, посмотрим. Мичум сидел за столом перед шахматной доской. Хардинг отвечал по телефону диспетчеру из Олбани, поэтому стоял около телефона, когда вошел Масси.

Он прошел к дверям и повернулся, вытягивая руку, будто в ней пистолет. Шум локомотива приближался, смешиваясь с раскатами грома. Он постоял несколько секунд, прислушиваясь, затем кивнул головой.

— Это ограбление, — сказал он.

Анни посмотрела на Питта, не зная, что делать и что говорить.

— После того как прошло удивление от неожиданности нападения, — сказал Питт, — железнодорожники должны были привести какие-то доводы.

— Да, они пытались объяснить Масси, что в депо нет денег, но он не хотел и слушать. Настаивал, чтобы кто-нибудь из них открыл сейф.

— Они колебались, — предположил Питт.

— Сначала, — сказал Маджи загробным голосом. — Потом Хардинг согласился, но только после того, как он просигналит поезду. Масси отказался пойти на это, считая, что это просто уловка. Он терял терпение и выстрелил в шахматную доску Мичума.

Анни вела себя нерешительно. Но затем, поддаваясь своему воображению, сбросила доску со стола и разбросала шахматы по полу.

— Хардинг умолял, пытаясь объяснить, что моста нет. Масси ничего не хотел слушать.

Луч головного прожектора на дрезине промелькнул в окне. Питт по глазам Маджи понял, что тот погрузился в другое время.

— Что произошло потом? — подсказывал Питт.

— Мичум схватил фонарь и попытался посветить на платформу, чтобы остановить поезд. Масси прострелил ему бедро.

Питт повернулся.

— Анни, ваша очередь.

Анни встала со стула, сделала несколько шагов к дверям и упала на пол, словно ее ранили.

Дрезина была уже на расстоянии каких-нибудь ста ярдов. В свете головного прожектора Питт мог прочитать даты на календаре, висевшем на стене.

— Дверь? — завопил Питт. — Открыта или закрыта?

Маджи молчал, пытаясь думать.

— Быстро, быстро! — торопил Питт.

— Масси быстро захлопнул ее.

Питт закрыл дверь.

— Что было дальше?

— Открой этот проклятый сейф! Да, именно это сказал Масси, согласно Хардингу.

Питт кинулся к сейфу и встал на колени перед старым железным сейфом.

Через пять секунд дрезина, в которой уже вспотел Чейз, прокатила по рельсам снаружи, низкий звук громкоговорителей гулко прогремел по старому деревянному зданию. Джиордино, стоя, широкими круговыми движениями размахивал фонарем перед окнами вслед за промчавшейся дрезиной, создавая впечатление, что мимо окон проносится поезд. Не хватало лишь единственного звука, лязганья стальных колес вагонов по рельсам.

Мурашки пробежали по спине Маджи до самого затылка. У него возникло ощущение, словно он погружается в прошлое, прошлое, которого у него не было, которое он не знал по-настоящему.

Анни встала с пола и сложила руки под грудью. Она взглянула ему в лицо, ее взгляд был удивительно проницательным.

— Всё было так реально, — пробормотал Маджи. — Реально до ужаса.

— Только потому, что мы воссоздали сцену точно так, как всё это произошло в тысяча девятьсот четырнадцатом году, — сказал Питт.

Маджи повернулся и пристально взглянул на Питта.

— Но тогда был настоящий «Манхеттен лимитед».

Питт отрицательно покачал головой.

— Тогда не было «Манхеттен лимитед».

— Вы ошибаетесь. Хардинг и Мичум видели его.

— Их ввели в заблуждение, — спокойно сказал Питт.

— Не может быть... — начал было Маджи, но замолчал, широко открыв глаза в полном непонимании. Потом вновь произнес:

— Не может быть, они были опытными железнодорожниками и не могли обмануться.

— Мичум лежал с раной в бедре на полу. Дверь была закрыта. Хардинг наклонился к сейфу, спиной к железнодорожной линии. Они видели всего лишь свет. Слышали только звуки. Звуки граммофонной записи проходящего поезда.

— Но мост? Он же рухнул под весом поезда. Это нельзя подделать.

— Масси взорвал мост по секциям. Он понимал, что один большой взрыв услышит половина долины. Поэтому он взрывал небольшие заряды пороха в ключевых точках конструкции, действуя во время грозы, чтобы взрывы совпадали с ударами грома, до тех пор, пока центральный пролет не упал в реку.

Маджи, совершенно сбитый с толку, не мог ничего сказать.

— Ограбление станции было всего лишь мистификацией, прикрытием. У Масси на уме были более крупные дела, чем несчастные восемнадцать долларов. Он нацелился на груз золотых монет и слитков на два миллиона долларов, который перевозил «Манхеттен лимитед».

— Тогда зачем вся эта затея? — с сомнением спросил Маджи. — Он мог просто остановить поезд, задержать его и забрать свои монеты.

— Так только Голливуд может изобразить это в фильме, — сказал Питт. — Но в реальной жизни все намного сложнее. Вес всей партии золота равнялся более чем трем тоннам. Это не просто какой-то ящик, который могут легко разгрузить и унести несколько человек до того, как администрация железной дороги выяснит причину запаздывания поезда и отправит отряд полицейских к месту происшествия.

— Хорошо, — сказал Джиордино. — Буду возражать и задам вопрос, который у всех на уме. Если поезд здесь не проходил и не падал в реку Гудзон, то куда он делся?

— Думаю, что Масси захватил локомотив и повернул его с главной железной дороги на какую-то другую ветку и спрятал. Там он находится и по сей день.

Если Питт заявил бы, что он инопланетянин с Венеры или реинкарнация Наполеона Бонапарта, его слова не могли бы быть восприняты с большим недоверием. Маджи был совершенно сбит с толку. Только у Анни было задумчивое выражение.

— До некоторой степени теория мистера Питта не столь уж странная, как кажется, — сказала она.

Маджи уставился на нее, как на заблудшее дитя.

— Нет ни одного пассажира, ни члена паровозной бригады, которые выжили бы, чтобы пересказать случившееся, ни грабителя, дающего признательные показания на смертном ложе, нет даже ни одного трупа, на который можно было бы сослаться. Ни фрагмента от поезда не появилось за все прошлые годы. Вряд ли это возможно.

— Это самое крупное исчезновение всех времен, — добавил Чейз.

У Питта был такой вид, словно он не слышал всего этого разговора. Внезапно он повернулся к Маджи.

— Далеко ли отсюда до Олбани?

— Около двадцати пяти миль. Почему вы спрашиваете?

— В последний раз «Манхеттен лимитед» видели, когда он вышел со станции Олбани.

— Но ведь вы, на самом деле, не верите...

— Люди верят в то, во что хотят поверить, — сказал Питт. — Мифы, приведения, религия, сверхъестественное. По моему глубокому убеждению, этот материальный объект был просто перемещен на три четверти столетия в такое место, где никому не приходит в голову поискать его.

Маджи вздохнул.

— И какие же у вас планы?

У Питта был такой вид, словно этот вопрос удивил его.

— Собираюсь внимательно осмотреть каждый дюйм заброшенного железнодорожного полотна, начиная от этого места до Олбани, — мрачно сказал он, — до тех пор, пока не найду старую подъездную ветку, которая ведет в тупик.

72

В 11.15 вечера зазвонил телефон. Сандекер отложил книгу, которую читал в постели, и ответил:

— Сандекер.

— Снова Питт.

Адмирал заставил себя сесть и сосредоточиться на разговоре.

— Откуда звонишь на этот раз?

— Олбани. Кое-что стало проясняться.

— Еще одна проблема с проектом по подъему поезда?

— Я закрыл его.

Сандекер сделал глубокий вдох.

— Не возражаешь, если попрошу объяснить мне причины?

— Мы ищем не в том месте.

— О, Боже, — простонал он. — Это добьет меня. Проклятье. Сомнений нет никаких?

— Нет, у меня нет.

— Подожди.

Сандекер достал сигару из установки для увлажнения рядом с кроватью и раскурил ее. Хотя эмбарго на торговлю с Кубой сняли в 1985 году, он всё равно предпочитал более мягкий аромат сигар из Гондураса, листья которых были не так плотно свернуты, как в гаванских. Он всегда верил, что хорошая сигара может обеспечить порядок в мире. Затянулся, выпуская клубящееся облако дыма, и вернулся на линию.

— Дирк?

— Всё еще здесь.

— Что мне сказать президенту?

Воцарилось молчание. Затем Питт начал медленно и совершенно четко говорить:

— Скажите ему, что шансы повысились с миллиона к одному до тысячи к одному.

— Что-нибудь нашел?

— Я не говорил этого.

— Тогда над чем ты сейчас работаешь?

— Только интуитивное предчувствие.

— Что тебе нужно от меня? — спросил Сандекер.

— Пожалуйста, свяжитесь с Хейди Миллиган. Она остановилась в отеле «Гремерси парк» в Нью-Йорке. Попросите ее покопаться в старых железнодорожных архивах и найти любые карты, на которых показаны железнодорожные пути, боковые ответвления и тупики Северной железной дороги «Нью-Йорк — Квебек» на участке между Олбани и мостом Дьювилль-Гудзон за период, начиная с тысяча восемьсот восьмидесятого до тысяча девятьсот четырнадцатого года.

— Ладно. Позабочусь об этом. У тебя есть номер ее телефона?

— Вам придется достать его в справочном бюро.

Сандекер глубоко затянулся сигарой.

— Каковы перспективы на понедельник?

— Мрачные. С этими вещами нельзя спешить.

— Президенту необходим экземпляр договора.

— Зачем?

— А ты не знаешь?

— Мун отказался разговаривать на эту тему, когда я спросил его.

— Президент выступает перед палатой общин и сенатом канадского парламента. Мерсьер просветил меня сегодня утром. В связи с тем, что Квебек стал независимым, прибрежные морские провинции приобретают статус штата. Президент надеется уговорить присоединиться также и западные провинции. Вот здесь должен сыграть свою роль подписанный экземпляр Североамериканского договора. Не для принуждения и не для угрозы, а для того, чтобы устранить бюрократическую волокиту перехода и не допустить возражений или

вмешательства со стороны Великобритании. Его речь с призывом к объединению Северной Америки состоится всего через пятьдесят восемь часов. Предпримешь что-нибудь?

— Да, — угрюмо сказал Питт. — Теперь понял. И пока вы занимаетесь этим, поблагодарите президента и его ближний круг за то, что просветили меня в последнюю минуту.

— Изменилось бы что-нибудь, если все было бы по-другому?

— Нет, думаю, нет.

— Как Хейди связаться с тобой?

— Я оставил «Де Сото» пришвартованным у бывшего моста, это командный пункт. Все звонки могут передаваться оттуда.

Больше говорить было не о чем. Поэтому Сандекер просто сказал:

— Удачи.

— Спасибо, — ответил Питт.

Связь прервалась.

Сандекер получил номер телефона отеля, где остановилась Хейди, менее чем за минуту. Он сразу же набрал его и ждал соединения.

— Добрый вечер, отель «Гремерси парк», — ответил сонный женский голос.

— Номер коммандера Миллиган, пожалуйста.

Пауза.

— Да, номер триста шестьдесят семь. Я позвоню.

— Алло, — ответил мужчина.

— Это номер коммандера Миллиган? — нетерпеливо спросил Сандекер.

— Нет, сэр, это помощник менеджера. Коммандера не будет весь вечер.

— Имеете хоть какое-нибудь представление о том, когда она вернется?

— Нет, сэр, она не останавливалась у стойки, когда уходила.

— У вас должна быть фотографическая память, — подозрительно сказал Сандекер.

— Сэр?

— Вы узнаете всех своих гостей, когда они проходят по вестибюлю?

— Если это очень привлекательные леди, ростом шесть футов и одна нога в гипсе, то узнаю.

— Понимаю.

— Могу передать ей сообщение?

Сандекер на минуту задумался.

— Никаких сообщений, я позвоню еще раз.

— Одну минуту, сэр. Думаю, что она появилась и вошла в лифт, пока мы разговаривали. Если останетесь на линии, я позвоню ей в комнату по коммутатору и соединю вас.

В комнате триста шестьдесят семь Брайан Шо положил телефонную трубку и прошел в ванную. Хейди лежала в ванне, покрытая пеной, ее загипсованная нога неуклюже торчала на краю ванны. На голове пластиковая шапочка, в руке пустой стакан.

— Венера, рожденная из пены морской, — засмеялся Шо. — Хотел бы иметь такую картину.

— Не могу дотянуться до шампанского, — сказала она, указывая на винную бутыль, вмещающую две кварты брюта «Таттигер» из коллекционных запасов, стоящую в ведерке со льдом на раковине. Он кивнул и наполнил ее стакан. Затем он вылил оставшееся охлажденное шампанское ей на грудь.

Она вскрикнула и хотела обрызгать его, но он, пригнувшись, нырнул в дверь.

— Я отомщу за это, — крикнула она.

— Перед тем, как объявишь войну, ответь на телефонный звонок.

— Кто это?

— Не спросил. Похоже, еще один грязный старик.

Он кивнул на настенный телефон между ванной и комодом.

— Можешь снять трубку. Я сделал удлинитель.

Как только ее голос послышался в трубке, Шо нажал на соединение и плотно приложил ухо к трубке. Сразу после того, как Хейди и Сандекер закончили разговор, он подождал, чтобы Хейди повесила трубку. Она не вешала ее.

«Умная девушка», — подумал он.

Не доверяет ему.

Через десять секунд он услышал, что она отсоединилась, когда положила трубку на рычаг. Теперь он набрал коммутатор отеля.

— Чем могу помочь вам?

— Не могли бы вы позвонить в номер триста шестьдесят семь через минуту и попросить Брайана Шо? Пожалуйста, не говорите, кто вы.

— Больше ничего?

— Когда ответит лично Шо, просто нажмите кнопку и отсоединитесь.

— Да, сэр.

Шо вернулся в ванную и заглянул в дверь.

— Перемирие?

Хейди взглянула на него и улыбнулась.

— А тебе понравилось бы, если я сделала бы с тобой то же самое?

— Ощущение было бы не таким. У меня другое сложение, чем у тебя.

— Теперь я вся пропахла шампанским.

— Звучит вкусно.

Зазвонил телефон в номере.

— Наверно, тебя, — небрежно сказал он.

Она дотянулась до трубки и ответила, затем передала трубку ему.

— Просят Брайана Шо. Возможно, ты захочешь поговорить в другой комнате.

— У меня секретов нет, — сказал он с хитрой усмешкой.

Он пробормотал что-то в трубку, которая уже была отсоединена от линии, затем повесил ее. На лице возникло раздраженное выражение.

— Проклятье, это из консульства. Нужно с кем-то встретиться.

— В такое время, среди ночи?

Он наклонился и поцеловал ей палец на ноге, торчащий из гипса.

— Наслаждайся в ожидании. Вернусь через два часа.

Куратор железнодорожного музея Лонг-Айленда был стареющим пенсионером-бухгалтером, который всю жизнь питал страсть к стальному коню. Он, зевая, прошел мимо реликвий, выставленных для

осмотра, беспрестанно бранясь на то, что его внезапно разбудили среди ночи, чтобы открыть здание для агента ФБР.

Он подошел к старинной двери, на стекле которой был выгравирован лось, стоящий на горе и смотрящий вниз на локомотив со стальной трубой, выпускающий огромный шлейф дыма на крутом повороте. Он долго искал на кольце с множеством ключей нужный ему ключ. Найдя его, открыл замок, распахнул дверь и включил свет.

Он сделал паузу, выставил руку, загораживая проход и не пропуская Шо.

— Вы точно человек из ФБР?

Шо вздохнул на глупую формулировку вопроса и протянул наспех подделанное удостоверение в третий раз. Терпеливо ждал, пока куратор прочитает отличную печать.

— Уверяю вас, мистер Рейнхольд...

— Рейнгольд. Как пиво.

— Простите, но уверяю, что бюро не стало бы беспокоить вас, если дело не было бы таким срочным.

Рейнгольд посмотрел на него.

— Можете объяснить мне, с чем всё это связано?

— Боюсь, что нет.

— Скандал Амтрек. Клянусь, вы расследуете скандал Амтрек.

— Не могу сказать.

— Может быть, ограбление поезда? Наверное, очень конфиденциально. Я не видел никакого упоминания в шестичасовых новостях.

— Можно попросить вас поскорее закончить со всем этим, — нетерпеливо сказал Шо. — Очень тороплюсь.

— Ладно, просто спрашиваю, — сказал расстроенный Рейнгольд.

Он провел его вниз в проход, стены которого были уставлены высокими полками, забитыми объемистыми томами по железнодорожным делам, большинство из них давно устарело. Остановился в конце около одного из книжных шкафов, в котором хранились большие портфели, посмотрел через нижние линзы своих бифокальных очков и вслух прочитал названия.

— Итак, посмотрим, планы железнодорожных путей. Ага, вот где это, Северная дорога «Нью-Йорк — Квебек».

Принес портфель на стол и развязал завязки на футляре.

— В свое время знаменитая железная дорога. Длина железнодорожного полотна более двух тысяч миль. Крушение поезда «Манхеттен лимитед». Интересуетесь каким-нибудь определенным участком?

— Смогу сам найти его, спасибо, — сказал Шо.

— Не хотите ли чашечку кофе? Могу приготовить вверху, в офисе. Займет всего пару минут.

— Вы цивилизованный человек, мистер Рейнгольд. Кофе — это прекрасно.

Рейнгольд кивнул и пошел обратно по коридору. Во время пути останавливался и оглядывался, пока не дошел до самых дверей. Шо сидел за столом, изучая выцветшие старые карты.

Когда он вернулся с кофе, портфель быть аккуратно завязан и поставлен в свою нишу на полке.

— Мистер Шо?

Ответа не было. Библиотека была пуста.

73

Питт почувствовал воодушевление и решительность, даже опьянение успехом.

Глубокое ощущение знания того, что он открыл дверь, которую в течение целых поколений никто даже и не заметил, действовало на него как стимулирующее средство. С оптимизмом, которого раньше не чувствовал, на небольшом пустующем пастбище он ждал, когда двухмоторный реактивный самолет пойдет на посадку.

При обычной процедуре приземления это было бы невозможно: поле было усеяно старыми пнями деревьев и изрезано пересохшими канавами. Самый большой плоский участок имел не более пятидесяти футов в длину и заканчивался каменной стеной, покрытой мхом. Питт думал, что прилетит вертолет, и уже стал беспокоиться, не случилось ли что-нибудь непредвиденное.

Затем он зачарованно наблюдал, как крылья и двигатели начали медленно поворачиваться, а фюзеляж и хвост сохраняли горизонтальное положение. Когда угол поворота составил девяносто градусов, самолет прекратил поступательное движение вперед и начал медленно опускаться на неровную землю.

Вскоре после того, как шасси коснулись травы, Питт подошел к кабине и открыл дверь. Мальчишеское лицо в веснушках расплылось в радостной улыбке.

— Доброе утро. Ты Питт?

— Так и есть.

— Поднимайся.

Питт поднялся, закрыл дверь и сел на место второго пилота.

— Это «ВВИП», не так ли?

— Да, — ответил пилот. — Вертикальный взлет и посадка, сделан в Италии, «Синлетти-440». Хороший небольшой летательный аппарат, правда, временами слишком капризный. Но я напеваю ему Верди, и он становится послушным в моих руках.

— Ты не летаешь на вертолете?

— Слишком много вибрации. К тому же вертикальное фотографирование получается лучше с высокоскоростного самолета.

Он сделал паузу.

— Между прочим, меня зовут Джек Вестлер.

Он не предложил руки для рукопожатия. Вместо этого он передвинул ручки управления до упора, и машина начала подниматься в воздух.

— С какого участка надо сделать фотокарты? — спросил Вестлер.

— С участка старого железнодорожного полотна вдоль западного берега Гудзона до Олбани.

— Это немного левее.

— Тебе знакомы эти места?

— Прожил всю свою жизнь в долине реки Гудзон. Ты слышал когда-нибудь о поезде-призраке?

— Избавь меня, — сказал Питт усталым голосом.

— О, хорошо. — Пилот переменил тему. — С какого места начнем снимать фильм?

— С участка Маджи.

Питт осмотрел заднюю часть кабины. Там не было оборудования.

— Говоришь о фильме. А где же камера и оператор?

— Ты хочешь сказать — камеры? Мы пользуемся двумя, их объективы установлены под разным углом для создания бинокулярного эффекта. Они смонтированы на подставках под фюзеляжем. Управляю ими отсюда, из кабины.

— На какой высоте полетим?

— Зависит от фокусных линз. Высота вычисляется математически и оптически. Мы полетим на высоте десять тысяч футов.

Вид на долину сверху был потрясающим. Красочный ландшафт простирался до самого горизонта, поблескивая свежей зеленью. С высоты пять тысяч футов река была похожа на огромного питона, ползущего между холмами, низкие острова, разбросанные кое-где по руслу, были подобны камушкам для перехода через небольшой ручей. Это была страна виноградников и садов.

Когда на альтиметре было десять тысяч, Вестлер слегка развернул машину на запад от севера. Внизу показался «Де Сото», похожий на модель на диораме.

— Камеры заработали, — объявил Вестлер.

— Ты говоришь так, будто снимаешь кинофильм, — сказал Питт.

— Почти. Каждый снятый кадр налагается на последующий кадр приблизительно на шестьдесят процентов. Каждый отдельный объект снимается два раза под немного другими углами при различном освещении. Можно разглядеть то, что нельзя увидеть, находясь на уровне земли, например, любые следы человеческого вмешательства в возрасте до тысячи лет.

Питт совершенно отчетливо видел нитку железнодорожного полотна, которая внезапно обрывалась и исчезала в поле люцерны. Питт показал вниз.

— Предположим, заданный объект совершенно исчез?

Вестлер посмотрел через лобовое стекло и кивнул.

— Понял, как раз этот случай. Если землю на интересующем участке используют для сельского хозяйства, растительность на таком участке будет иметь окраску, которая слегка отличается от окраски растений на девственных участках, что объясняется присутствием элементов, которых нет в природном составе почвы. Человеческий глаз может не воспринимать это различие, но оптика камер и более глубокие тона красок в фильме подчеркивают эти особенности почвы и растительности, делая их более заметными, чем они есть на самом деле.

Питту показалось, что буквально в тот же миг они подлетали уже к окрестностям столицы штата Нью-Йорк. Он смотрел вниз на океанские грузовые суда, стоящие в доках порта Олбани. Акры железнодорожных веток веером расходились от складов по всем направлениям, подобно паутине, сплетенной гигантским пауком. Здесь старое железнодорожное полотно исчезало окончательно под тяжелой поступью современных достижений.

— Давай сделаем еще заход, — сказал Питт.

— Пройдем вокруг, — подтвердил Вестлер.

Еще пять раз они летали над исчезающей железной дорогой, но едва заметная, разрушающаяся железнодорожная ветка, проходящая по сельской местности, оставалась по-прежнему сплошной линией, не разделяемой никакими видимыми ответвлениями.

Если камера не выявит то, что не способен обнаружить он, то единственной надеждой найти «Манхеттен лимитед» остается Хейди Миллиган.

Из железнодорожного музея пропали карты. У Хейди не возникало сомнений относительно того, кто выкрал их.

Той ночью Шо вернулся в отель поздно, они болтали и занимались любовью до самого утра. Но когда она проснулась, его не было. Слишком поздно она поняла, что Шо подслушал ее разговор с адмиралом Сандекером.

Во время секса она часто вспоминала о Питте. С ним было всё по-другому. Стиль Питта был всепоглощающим и неукротимым, он заставлял ее отвечать с такой же неукротимой энергией. Время, проведенное в постели с ним, было соревнованием, состязанием, в котором она никогда не одерживала победу. Питт топил ее, оставляя плавать в тумане опустошающего поражения. Её независимое эго было загнано глубоко внутрь, разум отказывался воспринимать его превосходство, но тело жаждало этого с греховной покорностью.

Акт с Шо был нежным, даже почтительным, она вполне контролировала свои ответные чувства. Вместе они подпитывали друг друга; врозь становились похожими на гладиаторов, кружащих вокруг друг друга, ища незащищенное место для нанесения сокрушительного удара. Питт всегда оставлял ее с ощущением полного опустошения, с чувством, что ее использовали. Шо тоже использовал ее, но для другой цели, и, как ни странно, это, казалось, не имело никакого значения. Она с нетерпением ждала возвращения к нему.

Она глубже устроилась на стуле в зале библиотеки музея и закрыла глаза. Но ведь были и другие источники данных о железных дорогах, другие архивы, частные коллекции или исторические общества. Шо было известно, что у нее нет времени на длительные путешествия для их поисков. Поэтому сейчас ей следовало подумать о другой методике проведения исследований. И Шо даже предположить не мог, не мог предусмотреть в своём извращенном разуме, что ее не удалось загнать в угол.

— Ладно, мистер разумный осёл, — пробормотала она безмолвным книжным полкам, — вот куда ты загнал себя.

Она позвала зевающего куратора, который до сих пор ворчал на не считающихся с остальными людьми агентов ФБР.

— Мне хотелось бы посмотреть старые диспетчерские записи и журналы регистрации.

Он радушно кивнул.

— Мы находим по каталогу старые диспетчерские материалы. Конечно, наш комплект не полный. Материалы слишком громоздки для хранения. Просто скажите, что вам требуется, я с радостью найду всё это.

Хейди сказала ему, и ко времени ленча у нее было всё, что она искала.

74

Хейди спустилась с трапа самолета в аэропорту Олбани в четыре часа дня. Ее встречал Джиордино. Она наотрез отказалась от кресла-каталки и настояла на том, что доберется до машины на своих костылях.

— Как продвигаются дела? — спросила она, когда Эл уже перестроился в ряду движения и повернул на юг.

— Пока плохо. Питт изучал аэрофотоснимки, когда я уходил с судна. Нигде нет и следов ответвлений железной дороги.

— Думаю, мне удалось кое-что найти.

— Может быть, нам наконец-то хоть чуть-чуть повезет для разнообразия, — пробормотал Джиордино.

— Не слышу никакого энтузиазма.

— Меня давно заставили забыть о приверженности традициям школы.

— Всё так плохо?

— Суди сама. Президент выступает с обращением к канадскому парламенту завтра днем. Дело дрянь. Как бы мы ни старались, но к

этому времени вряд ли сможем предоставить договор, даже если такой существует, в чем я глубоко сомневаюсь.

— А что думает Питт? — спросила она. — О том, что поезд находится где угодно, но не дне реки, полагаю?

— Он убежден, что поезд так и не доехал до моста.

— А что считаешь ты?

Эл безучастно смотрел на дорогу. Затем улыбнулся:

— Я полагаю, что с Питтом спорить бесполезно.

— Почему? Только из-за того, что он упрямец?

— Нет, — ответил Джиордино. — Потому что он, как правило, не ошибается.

Целыми часами Питт разглядывал через лупу увеличенные аэрофотоснимки, его разум пытался представить детали в трех измерениях.

Зигзагообразные ограждения, разделяющие пастбища и лесные массивы, автомобили и дома, желто-красный аэростат, наполненный теплым воздухом, яркое пятно на зеленом фоне ландшафта — всё было видно с потрясающей четкостью. Даже появляющиеся иногда шпалы можно было различить на поросшем травой железнодорожном полотне.

Раз за разом он прослеживал почти как стрела прямую линию между разрушенным мостом и предместьями индустриального района Олбани, его глаза пытались уловить самую незначительную деталь, самый незначительный намек на заброшенное ответвление железной дороги.

Секрет не поддавался разгадке.

Наконец он сдался и откинулся на спинку стула, давая отдых глазам, когда в каюту «Де Сото» вошли Хейди и Джиордино. Питт устало встал и обнял ее.

— Как нога? — спросил он.

— Лучше, спасибо, поправляется.

Они помогли ей сесть в кресло. Джиордино взял костыли и прислонил к переборке. Затем поставил ее портфель рядом с собой на пол.

— Эл сказал мне, что ты старался напрасно, — сказала она.

Питт кивнул.

— Похоже на то.

— У меня еще плохие новости для тебя.

Он ничего не ответил, ожидая.

— Брайан Шо всё знает, — просто сказала она.

Питт прочитал в ее глазах смущение.

— Всё охватывает огромное пространство.

Она покачала головой, чувствуя себя совершенно несчастной.

— Он выкрал карты старой железнодорожной линии из музея, отнимая у меня шанс изучить их.

— Сделай что-нибудь, чтобы он не понял их ценности.

— Думаю, он догадался, — тихо сказала Хейди.

Питт задумчиво сидел, отвергая всякую попытку подвергать Хейди перекрестному допросу. Зло уже причинено. Каким образом Шо догадался наложить руки на ключ к загадке, больше не имело значения. Невероятно, но он почувствовал ядовитое жало ревности. И не мог не задать себе вопрос, что Хейди нашла в этом совсем старом мужчине.

— Значит, он уже в этом районе.

— Возможно, бродит по сельской местности, ищет, — добавил Джиордино.

Питт посмотрел на Хейди.

— Карты ни о чем не скажут ему, окажутся совершенно бесполезными. На аэрофотоснимках нет ничего, что напоминало бы ответвление от главной дороги или тупик.

Она взяла портфель, поставила его себе на колени и открыла замки.

— Но там был тупик, — сказала она. — Он находился в железнодорожном узле Мондрагон-Хук.

Внезапно атмосфера каюты для карт накалилась.

Питт спросил:

— Где это?

— Не могу точно показать, не имея старой карты.

Джиордино быстро просмотрел несколько топографических карт местности.

— Здесь ничего нет, но эти съемки восходят к тысяча девятьсот шестьдесят пятому году.

— Как тебе удалось обнаружить этот Мондрагон-Хук? — спросил Питт.

— Путем элементарного рассуждения, — пожала плечами Хейди. — Просто задала себе вопрос, где я спрятала бы локомотив и семь пульмановских вагонов так, чтобы их никто не смог найти в течение всей жизни. Единственный ответ: под землей. Поэтому стала искать старые материалы и проверила диспетчерские записи, сделанные в Олбани до тысяча девятьсот четырнадцатого года. Попала в точку и нашла восемь различных грузовых поездов, которые состояли из вагонов для руды и были загружены известняком.

— Известняком?

— Да, груз отправлялся из железнодорожного узла, называемого Мондрагон-Хук, и был предназначен для цементного завода в Нью-Джерси.

— Когда?

— В тысяча восемьсот девяностых годах.

У Джиордино был скептический вид.

— Этот Мондрагон-Хук мог находиться в сотнях миль отсюда.

— Он должен быть ниже Олбани.

— Откуда у тебя такая уверенность?

— В записях не говорится о том, что вагоны для перевозки руды, груженные известняком, проходили через Олбани. Но я наткнулась на упоминание о них в диспетчерском журнале железнодорожной сортировочной станции Джермантауна, где менялись локомотивы.

— Джермантаун, — сказал Питт. — Это в пятнадцати милях вниз по течению реки.

— Мой следующий шаг заключался в изучении геологических карт, — продолжала Хейди.

Сделала паузу и вытащила одну карту из своего портфеля, разворачивая ее на столе.

— Единственный известняковый карьер между Олбани и Джермантауном находится здесь.

Сделала отметку карандашом на карте.

— Приблизительно в девяти милях севернее моста Дьювилль-Гудзон, западнее на три четверти мили.

Питт поднес лупу к глазам и начал просматривать аэрофотоснимки.

— Здесь, восточнее площадки, где был карьер, находится молочная ферма. Дом и двор с амбаром стоят на месте железнодорожного узла.

— Да, вижу, — взволнованно сказала Хейди. — Есть мощеная дорога, ведущая к автостраде штата Нью-Йорк.

— Ничего нет удивительного, что ты потерял железную дорогу, — сказал Джиордино. — Страна покрыла ее асфальтом.

— Если посмотреть более внимательно, — сказал Питт, — то можно узнать участок старого железнодорожного балласта на кривой от дороги, протяженностью сто ярдов, который заканчивается у подножья крутого холма, или горы, как называют его местные жители.

Хейди тоже посмотрела в бинокль.

— Удивительно, насколько всё становится ясным, когда знаешь, что нужно искать.

— Тебе удалось найти какую-нибудь информацию о карьере? — спросил её Джиордино.

— Это было легко, — кивнула Хейди. — Собственность и интересующий нас участок дороги принадлежали компании «Форбс экскавейшн», которая разрабатывала карьер, начиная с тысяча восемьсот восемьдесят второго до тысяча девятьсот десятого года, когда им встретились подземные воды. Все работы были остановлены, землю продали соседним фермерам.

— Ненавижу быть человеком, расхолаживающим других, — сказал Джиордино. — Но допустим, что карьер был открытым котлованом?

Хейди бросила на него внимательный взгляд.

— Понимаю, что ты имеешь в виду. Если компания «Форбс» не разрабатывала бы известняк внутри горы, то спрятать поезд было бы негде.

Она вновь внимательно изучила снимок.

— Слишком много растительности, чтобы можно было сказать наверняка, но терраса кажется целой, ненарушенной.

— Думаю, нам нужно это выяснить на месте, — сказал Питт.

— Хорошо, — согласился Джиордино. — Я отвезу вас.

— Нет, я пойду один. А ты тем временем позвони Муну и обеспечь, чтобы сюда прислали еще людей, лучше всего — взвод морских пехотинцев на тот случай, если Шо вызовет подкрепление. И передай ему, чтобы прислал хорошего горного инженера. Поищи старожилов в этой местности, которые могут помнить какие-нибудь странные дела в карьере.

Хейди, если чувствуешь себя достаточно хорошо, вытащи из постели местных издателей и покопайся в старых газетах, поищи сообщения относительно разрушения моста Дьювилль-Гудзон. Когда я осмотрю карьер, то смогу лучше разобраться в состоянии наших дел.

— Осталось совсем мало времени, — мрачно сказал Джиордино. — Президент выступает с речью через девятнадцать часов.

— Мне не нужно напоминать.

Питт взял свое пальто.

— Сейчас нам прежде всего нужно проникнуть внутрь горы.

75

Солнце село, его сменил месяц. Вечерний воздух был свежим и морозным. Шо, устроившись на выгодной позиции над входом в старый карьер, видел огни деревень и ферм, находящихся на расстоянии многих миль. «Прекрасная и красочная земля», — лениво подумал он.

В полном безмолвии сельской местности раздался гул самолета с поршневым двигателем. Шо повернулся и посмотрел на небо, но ничего не увидел. Самолет летел без навигационных огней. Судя по гулу, он решил, что самолет кружит на высоте всего нескольких сотен футов над холмом. То и дело что-то закрывало свет звезд, Шо знал, что это парашютисты.

Через пятнадцать минут из-за деревьев внизу появились две тени и начали подниматься к нему. Первым шел Бертон-Ангус, за ним двигался человек мощного телосложения. В темноте он напоминал каменную глыбу. Это был Эрик Колдуэйлер, бывший управляющий угольной шахтой в Уэльсе.

— Как всё прошло? — спросил Шо.

— Отличный прыжок, сказал бы я, — ответил Бертон-Ангус. — Практически они приземлились на вершине, где был мой сигнальный свет. Командует лейтенант Маклин.

Шо пренебрег одним из основных правил скрытных ночных операций и закурил сигарету. Американцы всё равно очень скоро узнают об их присутствии.

— Вы нашли вход в карьер?

— Можете забыть о нем, — сказал Колдуэйлер. — Сползла половина склона холма.

— Он похоронен?

— Ну да, и намного глубже, чем погреб с виски у старого шотландца.

Шо сказал:

— Есть ли хоть какой-нибудь шанс пробраться через него?

Колдуэйлер отрицательно покачал головой.

— Даже если у нас был бы гигантский драглайн, канатный скребковый экскаватор, то и тогда мы говорили бы о двух или трех днях.

— Плохо. Американцы могут появиться в любую минуту.

— Можем найти вход через порталы, — сказал Колдуэйлер, раскуривая трубку, сделанную из древесины корня верескового дерева. — Если, конечно, мы найдем их в темноте.

Шо взглянул на него.

— Какие порталы?

— Для любой интенсивно разрабатываемой шахты необходимы два дополнительных отверстия: запасной выход на случай завала главного входа и вентиляционная шахта.

— Откуда начнем поиски? — нетерпеливо спросил Шо.

Колдуэйлер и не собирался спешить.

— Ну, давайте посмотрим. Думаю, что шахта представляла собой штольню, туннель в склоне холма, где на поверхность выходят породы. От этого места шахта, вероятно, проходит по пласту известняка. При этом запасной выход должен располагаться где-нибудь около подножия холма. Вентиляционный ствол — где-то выше на север.

— Почему на север?

— Преобладающие ветры. Упрощает вентиляцию.

— Значит, вентиляционный ствол потом, — сказал Шо. — Он должен быть надежнее скрыт в лесистом склоне холма и менее заметен, чем запасный портал внизу.

— Опять сафари с подъемом в гору, — пожаловался Бертон-Ангус.

— Тебе только на пользу, — сказал Шо, улыбаясь. — Избавься от лишнего веса, набранного в изысканных буфетах на приемах в посольстве.

Он пяткой растоптал сигарету.

— Пойду и встречу наших помощников.

Шо повернулся и исчез в густых зарослях недалеко от подножья холма приблизительно в тридцати метрах от старого железнодорожного тупика. Он споткнулся о корень на краю ложбины и упал, вытянув руки, чтобы смягчить удар. Но вместо этого покатился по склону, покрытому ковром сорной травы, и приземлился спиной на слой гравия.

Задыхаясь, Шо лежал там, когда над ним неожиданно материализовалась фигура, силуэт которой был четко виден на фоне звезд. В следующее мгновенье ему ко лбу было приставлено дуло винтовки.

— Хотел бы надеяться, что вы мистер Шо, — сказал вежливый голос.

— Да, я Шо, — нашел в себе силы произнести Шо скрипучим голосом.

— Я очень рад.

Ствол был убран.

— Позвольте мне помочь вам подняться, сэр.

— Лейтенант Маклин?

— Нет, сэр, сержант Бентли.

На Бентли был военный маскировочный ночной халат, брюки заправлены в сапоги в стиле парашютно-десантных войск. На голове черный берет, руки и ноги цвета чернил. В одной руке он держал сетчатую стальную каску.

Из темноты появился еще один человек.

— Проблема, сержант?

— Мистер Шо споткнулся и упал.

— Вы Маклин? — спросил Шо, восстановив дыхание.

В темноте ярко блеснул ряд белых зубов.

— Разве не узнаете?

— Под этим негритянским гримом вы все мне кажетесь на одно лицо.

— Сожалею, сэр.

— Вы сосчитали своих людей?

— Все четырнадцать, живы и здоровы. Это кое-что для прыжка в темноте.

— Мне нужно, чтобы вы поискали портал в холме. Любые признаки входа или понижения в земле. Начните с подножия холма и идите к вершине по северному склону.

Маклин повернулся к Бентли.

— Сержант, соберите людей и постройте их шеренгой на расстоянии десяти футов друг от друга.

— Да, сэр.

Бентли сделал четыре шага и растворился в зарослях.

— Хотел бы спросить, — лениво сказал Маклин.

— Что? — спросил Шо.

— Американцы. Как они отреагируют, когда обнаружат вооруженный десант английских морских пехотинцев в штате Нью-Йорк?

— Трудно сказать. Но у американцев хорошее чувство юмора.

— Они не будут смеяться, если мы подстрелим нескольких из них.

— Когда это было в последний раз? — задумчиво пробормотал Шо.

— Вы хотите спросить, когда тяжеловооруженные всадники вторглись в Соединенные Штаты?

— Что-то в этом роде.

— Полагаю, в тысяча восемьсот четырнадцатом, когда сэр Эдвард Паркенхем атаковал Новый Орлеан.

— Мы потеряли его.

— Янки рассвирепели, потому что мы сожгли Вашингтон.

Внезапно они оба напряглись. Послышался шум двигателя автомобиля. Затем свет двух фар свернул с ближней дороги на заброшенный железнодорожный тупик. Шо и Маклин автоматически бросились на землю и напряженно всматривались через траву, растущую по краю лощины.

Они наблюдали, как машина подпрыгивала на неровной поверхности и затем остановилась там, где железнодорожное полотно исчезало под

склоном холма. Двигатель затих, из машины вышел человек и встал перед фарами.

Шо спрашивал себя, что он должен сделать, когда вновь встретится с Питтом. Убить его? Тихая команда Маклину, даже просто сигнал рукой, и Питт рухнет на землю от ударов ножей, нанесенных солдатами, специально обученными искусству бесшумного убийства.

Питт продолжал стоять в течение одной долгой минуты, пристально глядя на холм, словно бросая ему вызов. Поднял камень и бросил его в темноту склона. Затем повернулся и вернулся за руль. Двигатель ожил, и машина развернулась.

Только когда задние огни превратились в туманные красные пятна, Шо и Маклин поднялись на ноги.

— В какой-то момент думал, что прикажете мне прирезать бродягу, — сказал Маклин.

— Такая мысль приходила мне в голову, — ответил Шо. — Нет смысла тревожить осиное гнездо. С наступлением дня атмосфера будет накаляться.

— Как вы думаете, кто это был?

— Это, — медленно сказал Шо, — был враг.

76

Приятно, что удалось найти момент, когда они могли побыть вдвоем. Даниэла великолепно выглядела в обеденном платье из шелкового набивного шифона зеленых тонов с декольте на спине. Волосы, причесанные на прямой пробор, с одной стороны украшены позолоченными цветами. На шее золотое спиральное колье. Свет свечей поблескивал, отражаясь у нее в глазах, когда она бросала взгляд через стол.

Как только служанка убрала посуду, Сарве наклонился и нежно поцеловал ей руку.

— Ты должна уйти?

— Боюсь, что да, — сказала она, наливая ему бренди. — Готов мой новый осенний гардероб у Вивонн, последняя примерка назначена на завтрашнее утро.

— Почему ты всегда летаешь в Квебек? Разве ты не можешь найти портних в Оттаве?

Даниэла, усмехнувшись, пригладила волосы.

— Потому что предпочитаю модельеров Квебека портнихам Оттавы.

— Нам, кажется, никогда не удается остаться наедине даже на короткое время.

— Ты всегда занят поездками по стране.

— Против этого ничего не могу возразить. Хотя если мне и удается выбрать время для тебя, ты всегда куда-то спешишь.

— Я жена премьер-министра, — рассмеялась она. — Не могу повернуться спиной к обязанностям, возложенным на меня.

— Не уходи, — сказал он монотонным голосом.

— Уверена, что ты хочешь, чтобы я хорошо выглядела при выполнении наших общественных обязанностей, — недовольно ответила она.

— Где остановишься?

— Где всегда, если предполагаю остаться на ночь в Квебеке, в городской квартире у Нэнси Соулт.

— Будет лучше, если вечером ты вернешься домой.

— Ничего не случится, Шарль, — она наклонилась и равнодушно поцеловала его в щеку. — Вернусь завтра днем. Тогда и поговорим.

— Я люблю тебя, Даниэла, — спокойно сказал он. — Самое заветное мое желание — состариться рядом с тобой. Хочу, чтобы ты знала это.

Стук двери, захлопнувшейся за ней, был единственным ответом.

Городская квартира была оформлена на имя Нэнси Соулт, но сама Нэнси не знала об этом.

Автор романов-бестселлеров, уроженка Канады, Нэнси жила в Ирландии, чтобы избежать ошеломляющих налогов, вызванных инфляцией. Она редко навещала родственников и друзей в Ванкувере и уже более двадцати лет не появлялась в Квебеке.

Как только официальная машина привезла Даниэлу в городскую квартиру и у ворот на посту появился полицейский, она начала ходить из комнаты в комнату, хлопая дверями, спустила воду в туалете, включила радио.

Утвердив свое присутствие, она прошла в кладовку, и, раздвинув одежду, оказалась перед дверью к редко используемой лестничной клетке, ведущей в соседнее здание.

Поспешила вниз по ступеням во внутренний гараж для одной машины, который выходил на задний проезд. Анри Вийон пунктуально ждал ее в своем «мерседесе». Он протянул руки и обнял ее, когда она наклонилась, чтобы сесть на переднее сиденье.

Даниэла расслабилась, чтобы автоматически ответить на поцелуй. Но проявление чувств было слишком мимолетным. Он отодвинулся от нее, принимая деловой вид.

— Думаю, что это важно, — сказал он. — Становится всё труднее оторваться.

— Это говорит человек, который так безответственно занимался со мной любовью в особняке премьер-министра?

— В то время я не готовился к выборам на пост президента Квебека.

Она отодвинулась на своем сиденье в машине и вздохнула. Даниэла почувствовала, что исчезало волнение, угасала страсть их тайных встреч. Иллюзия, которую можно было бы разрушить, отсутствовала. Она никогда не обманывала себя надеждой на то, что эти особые отношения могут продолжаться бесконечно. Сейчас оставалось лишь поглубже спрятать боль и остаться добрыми, если не близкими, друзьями.

— Пойдем куда-нибудь? — сказал он, нарушая ее задумчивость.

— Нет, просто покатаемся вокруг.

Он нажал на кнопку электрического замка двери гаража и задом выехал в проезд. Движение на дороге к реке не было оживленным. Он встал в небольшую очередь машин, ожидающих погрузки на борт парома, направляющегося на восточный берег.

Пока он въезжал на сходни и ставил автомобиль на носу парома, откуда можно любоваться огнями, отражающимися в реке, они не проронили ни слова.

— Приближается кризис, — наконец сказала она.

— Это касается тебя и меня или Квебека?

— Всех вместе.

— Ты рисуешь довольно мрачную картину.

— Это я и имела в виду, — сказала она и сделала паузу. — Шарль собирается уйти в отставку с поста премьер-министра Канады и баллотироваться на пост президента Квебека.

Он повернулся и пристально посмотрел на нее.

— Повтори это еще раз.

— Мой муж собирается выставить свою кандидатуру на пост президента Квебека.

От раздражения Вийон отрицательно покачал головой.

— Не могу поверить, что он пойдет на это. Это самая нелепейшая вещь из всех, о которых мне когда-либо приходилось слышать. Зачем? Нет никакой причины или повода для такого глупейшего решения.

— Полагаю, что это вызвано злостью.

— Он ненавидит меня до такой степени?

Она опустила глаза.

— Думаю, что он подозревает о нашей связи. Возможно, даже знает. Наверно, хочет отомстить.

— Шарль? Вряд ли. Он не подвержен детским реакциям.

— Я всегда была так осторожна. Вероятно, он следил за мной. Как еще он мог что-либо понять?

Вийон наклонил голову назад и рассмеялся.

— Потому что я был настолько добр, что рассказал ему.

— Ты не мог! — вырвалось у нее.

— К черту эту привередливую гадину. Пусть он мучается от жалости к самому себе, меня это ни капли не беспокоит. Этот гнусавый негодяй не может выиграть на выборах, как бы ему этого ни хотелось. У Шарля Сарве мало друзей среди жителей Квебека. Основная поддержка будет оказана мне.

Паромный док находился уже всего в сотне метров от них, когда из пятой машины за седаном Вийона вышел мужчина и присоединился к пассажирам, возвращающимся на парковочную палубу после того, как они ходили полюбоваться открывшимися видами.

Через заднее окно он увидел два профиля, приглушенные голоса были слышны через поднятые окна.

Он небрежно прошел вдоль «мерседеса», открыл заднюю дверь, словно машина принадлежала ему, и сел на заднее сиденье.

— Мадам Сарве, месье Вийон, добрый вечер.

Даниэла и Вийон пришли в полное замешательство, плавно переходящее в неверие, а затем в страх, когда они увидели револьвер

сорок четвертого калибра, медленно приставляемый то к одной, то к другой голове.

Причина для удивления была весомой.

У Вийона возникло ощущение, что он смотрит в зеркало.

Человек на заднем сиденье был его точной копией, двойником, клоном. Он четко видел все особенности лица в свете прожекторов причального дока, лучи которого проходили через лобовое стекло.

Даниэла лишь слабо застонала, но могла бы истерически закричать, если бы рядом с ее щекой не размахивали револьвером.

Кровь прихлынула к ее обычно безупречной коже, Даниэла судорожно дышала, хватая воздух ртом.

— Легко могу ударить женщину, не испытывая никаких угрызений совести, поэтому, пожалуйста, пожалейте себя и не оказывайте сопротивления.

Голос был точной имитацией голоса Вийона.

— Кто ты? — требовательно спросил Анри. — Чего ты хочешь?

— Польщен, что оригинал не может определить фальшивку.

Теперь в голосе появились новые оттенки интонации, такие, по которым Вийон с ужасом сразу узнал его.

— Я Фосс Глай, и я намерен убить вас обоих.

77

Начал моросить дождь, и Вийон включил дворники. Дуло пистолета было прижато к задней части шеи, давление ни на минуту не ослабевало после того, как они покинули паром.

Даниэла сидела рядом с ним, прижимая носовой платок, пропитанный кровью, к своему лицу. Каждые несколько минут из горла вырывались странные звуки. Она онемела от смертельного испуга.

Все вопросы и мольбы тонули в ледяном молчании. Глай открывал рот только для того, чтобы указать направление движения. Сейчас они проезжали по сельской местности, в которой виднелись только отдельные огни фермерских домов. Вийон не перечил, а выполнял всё, что ему велели. Он мог только надеяться и ждать возможности сделать что-нибудь, каким-то образом привлечь внимание проезжающих автомобилистов или, если повезет, дежурного полицейского.

— Тормози, — приказал Глай, — слева грунтовая дорога. Поверни.

Вийон, охваченный ужасом, свернул с магистрали. Дорогу недавно привели в порядок, по ней мог проезжать даже тяжелый транспорт.

— Я думал, что ты погиб, — сказал Вийон, пытаясь получить ответ.

Глай молчал.

— Агент британской разведки Брайан Шо говорил, что ты врезался на глиссере в борт японского грузового судна.

— Разве он не сказал, что мое тело так и не нашли?

Наконец-то удалось заставить Глая заговорить. Это было началом.

— Да, был взрыв.

— Я бросил руль, поставил на полный вперед и прыгнул за добрых пять миль до столкновения. Я знал, что лодка обязательно врежется в какое-нибудь судно.

— Зачем ты загримировался под меня?

— Разве непонятно? После того, как ты умрешь, я собираюсь занять твое место. Я, а не ты буду новым президентом Квебека.

Прошло пять секунд, пока потрясающая новость дошла до разума Вийона.

— Но это безумие!

— Безумие? Да нет же. Совсем наоборот.

— У тебя ничего не получится с твоими сумасшедшими планами.

— Как бы не так! Уже получилось, — голос Глая был спокойным, он стал разговорчивым. — Как, ты думаешь, я прошел через входную дверь Жюля Гуэррьера мимо телохранителя и убил его? Я сидел за твоим письменным столом, встречался с множеством твоих друзей, обсуждал политические разногласия с Шарлем Сарве, появился в зале палаты общин. Да что говорить, черт возьми, я спал с твоей женой и с твоей любовницей вот здесь, на переднем сиденье.

Вийон был потрясен.

— Неправда… Только не с моей женой.

— Да, Анри, это правда. Могу даже описать ее анатомию, начиная с…

— Нет! — закричал Вийон.

Он резко нажал на тормоза и повернул руль вправо до упора.

Но удача повернулась спиной к Вийону. Шины не затормозили на влажной земле, не последовала та жуткая реакция, которую он ожидал, ничего подобного не произошло. Не возникла центробежная сила, которая могла бы подхватить тела, дико бросая и сминая их. Вместо этого машина медленно и плавно закружилась на месте.

Сохраняя равновесие, Глай спустил курок.

Пуля задела ключицу Вийона и пробила лобовое стекло.

Изо рта Даниэлы вырвался отчаянный крик, замирающий в рыданиях от ужаса.

Машина постепенно мягко остановилась в мокрой траве рядом с дорогой. Руки Вийона разжались и отпустили руль. Он откинул голову на спинку сиденья, зажимая рану руками и сжав зубы от боли.

Глай вышел из машины и открыл дверь со стороны водителя. Грубо толкнул Вийона к Даниэле и сел за руль.

— Сейчас выведу ее отсюда, — злобно сказал он.

Приставил дуло пистолета Вийону в бок.

— Не вздумай сделать подобное еще раз.

Даниэле показалось, что снесена половина верхней части плеча Вийона. Она отвернулась, и ее вырвало на панель двери.

Глай развернул машину и вернулся на дорогу. В свете фар на расстоянии полумили появился огромный желтый бульдозер. Рядом с ним была вырыта канава глубиной десять и длиной пятьдесят футов. Вырытая земля была сложена на противоположной стороне. Когда Глай поехал мимо нее, Даниэла увидела, что по дну проходит бетонная труба большого диаметра.

Они проехали мимо безмолвного ряда грузовиков и машин для земляных работ. В офисе инженера, потрепанном старом домике-трейлере, было темно и пусто. Строительная дорожная бригада на ночь отправилась по домам.

Глай подъехал к месту, где дренажная канава была засыпана. Нажал на тормоза, определил угол наклона к трубе. Затем включил двигатель и въехал в канаву.

Передний бампер ударился о бетон, полетели искры. Задняя часть раскачивалась из стороны в сторону, пока машина полностью не остановилась.

Глай вытащил две пары наручников из кармана пальто. Одну пару застегнул на рулевой стойке и левой руке Вийона. Затем повторил процесс с другой парой наручников, надев их на Даниэлу.

— Что ты делаешь? — хриплым шепотом спросила Даниэла.

Фосс выдерживал паузу, пристально глядя на нее. Волосы цвета воронова крыла спутались, красивые черты лица перепачканы каплями крови. Глаза были глазами самки, парализованной ужасом.

На его лице появилась отвратительная ухмылка.

— Я застегнул их, чтобы вы могли остаться вместе навсегда.

— Нет причины убивать и ее, — простонал Вийон в агонии.

— Ради Бога, отпусти ее.

— Прости, — бессердечно ответил Глай. — Она часть сделки.

— Какой сделки?

Ответа не последовало. Глай хлопнул дверью и стал подниматься по наклонной поверхности наверх. Он быстро забрался на край канавы и растворился в темноте. Через несколько минут они услышали, как завели тяжелый дизельный двигатель.

Шум двигателя был таким, словно машина работала при большой нагрузке. Оглушающий рев приближался к ним, затем на краю канавы появился огромный серебристый ковш. Внезапно он наклонился вниз, и три с половиной кубических ярда грязи и земли обрушились на крышу «мерседеса».

У Даниэлы вырвался жалостливый крик.

— О, Мария, матерь Божья! Он собирается похоронить нас заживо! О, нет, умоляю, пожалуйста, не допусти этого!

Глай холодно игнорировал ее мольбу, наклоняя ковш для следующего забора земли. Он знал назначение каждого рычага. Тренировался целых две ночи, заполняя участки канавы с таким знанием дела, что бригада трубоукладчиков даже не заметила, что между рабочими сменами были зарыты еще двадцать футов проложенного трубопровода.

Даниэла в отчаянии старалась разбить цепь наручников. Кожа на запястьях превратилась в кровавое месиво.

— Анри!

Сейчас ее крик стал уже настоящим воплем.

— Не допусти, чтобы я умерла, только не так!

Казалось, Вийон не слышит ее. Его конец наступит быстрее. Он знал, что от смерти из-за потери крови его отделяют всего несколько минут.

— Странно, — прошептал он. — Странно, что последним человеком, который погибнет за свободу Квебека, буду я. Кто бы мог такое подумать…

Его голос затих.

Машина была уже почти полностью погребена под землей. Можно было увидеть только разбитое лобовое стекло, эмблему в виде трехконечной звезды на капоте и одну фару.

К краю канавы направилась фигура и остановилась в свете фары. Это был не Глай, это был другой человек. Он посмотрел вниз: лицо застыло в глубокой скорби, на щеках блестели слезы.

На какое-то краткое мгновенье Даниэла пристально смотрела на него, охваченная ужасом. Ее лицо было мертвенно-бледным. Она протянула руку к стеклу, умоляя. Затем медленно у нее в глазах блеснуло понимание. По ее губам можно было прочитать:

— Прости меня.

Снова наклонился ковш, вниз полетела грязь, теперь не осталось даже признаков присутствия машины.

Вскоре канава была зарыта до самого верха, шум уезжающего ковшового погрузчика затих.

Только тогда печальный Шарль Сарве повернулся и пошел прочь.

78

Аэродром Лак в северо-восточной части города Квебека принадлежал ранее канадским ВВС, но был закрыт в связи с сокращением бюджета. Взлетно-посадочная полоса длиной две мили не соответствовала требованиям коммерческой авиации, но ею все еще пользовались для тренировочных полетов и в качестве запасной при аварийных посадках.

Самолет Анри Вийона стоял перед старым металлическим ангаром. Перед ним был припаркован бензозаправщик, два человека в плащах проводили предполетную проверку. Внутри в офисе, в котором не было никакой мебели, кроме проржавевшей металлической рабочей стойки, Шарль Сарве и комиссар Финн молча наблюдали за всем происходящим в грязное окно. Моросящий дождь, который шел уже давно, стал проливным, и крыша ангара протекала во многих местах.

Фосс Глай удобно развалился на одеяле. Сложив руки под головой, он не обращал ни малейшего внимания на дождь, льющийся на цементный

пол рядом с ним. На его лице застыло выражение самоуверенности, почти самодовольства, когда он смотрел вверх на потолок с металлическими перекрытиями.

Маскарада под Вийона не было, он снова стал самим собой.

Снаружи пилот спрыгнул с крыла на землю и рысцой побежал к ангару. Он просунул голову в дверь офиса.

— Всё готово, — объявил он.

Глай сел.

— Что нашел?

— Ничего. Мы провели каждую систему, каждый квадратный дюйм, даже качество керосина. Ничто не повреждено. Всё чисто.

— Отлично, запускай двигатель.

Пилот кивнул и нырнул обратно в дождь.

— Итак, джентльмены, — сказал Глай, — думаю, мне пора.

Сарве молча кивнул комиссару Финну. Полицейский поставил два огромных чемодана на рабочую стойку и открыл их.

— Тридцать миллионов бывших в употреблении канадских долларов, — сказал Финн. Его лицо было невыразительным, как у истукана. Глай вытащил ювелирную лупу из кармана и начал исследовать выбранные наугад купюры. Через десять минут он положил лупу обратно и закрыл чемоданы.

— Ты не шутил, когда сказал «бывшие в употреблении». Большинство этих денежных знаков настолько измяты, что их достоинство можно разобрать лишь с большим трудом.

— Строго в соответствии с твоими инструкциями, — брезгливо сказал Финн. — За столь короткое время совсем не просто было набрать такое огромное количество валюты. Полагаю, ты убедишься в том, что все они вполне годные.

Глай подошел к Сарве и протянул руку.

— Приятно иметь с тобой дело, премьер-министр.

Сарве пренебрежительно отклонил руку, предложенную Глаем.

— Счастлив только тем, что нам удалось вовремя раскусить твой план с двойником.

Глай пожал плечами и убрал протянутую руку.

— Кто бы говорил? Из меня вышел бы чертовски хороший президент, может быть, даже лучший, чем Вийон.

— Мне просто страшно повезло, что у тебя ничего получилось, — сказал Сарве. — Если комиссар Финн не знал бы точно местонахождение Анри, когда ты нагло вошел в мой офис, тебя никогда не смогли бы ни в чем заподозрить. Но я искренне сожалею лишь о том, что не могу повесить тебя на виселице.

— Понимаю. Поэтому я для страховки все записываю, — высокомерно сказал Глай, — Журнал с хроникой моих действий по поручению «Общества свободного Квебека», магнитофонные записи моих разговоров с Вийоном, видеозаписи твоей жены в диких позах с твоим министром внутренних дел. Можно устроить такой грандиозный скандал. Сказал бы, что это хороший обмен за мою жизнь.

— Когда я получу всё это? — требовательно спросил Сарве.

— Пришлю тебе сообщение о месте, где всё это спрятано, когда окажусь там, куда ты не сможешь добраться.

— Какие гарантии у меня? Как мне поверить тебе, что ты не шантажируешь меня?

На лице Глая появилась нечеловечески жестокая ухмылка.

— Никаких, вообще никаких.

— Ты мерзавец, — зло прошипел Сарве. — Отбросы земли.

— А чем ты лучше? — выпалил в ответ Глай. — Ты молча стоял во всей своей святости и наблюдал, как я избавлялся от твоего политического соперника и твоей неверной жены. И потом у тебя хватило наглости заплатить за работу из государственных фондов. Ты жалишь больнее, чем я, Сарве. Основная часть сделки была придумана тобой. Поэтому оставь свои оскорбления и проповеди для зеркала.

Сарве дрожал, в нем закипала ярость.

— Думаю, тебе лучше убраться из Канады.

— С радостью.

Сарве нашел в себе силы сдержаться.

— Прощай, мистер Глай, возможно, встретимся в аду.

— Мы уже там встретились, — проворчал Глай.

Он закрыл чемоданы, вынес их на улицу и поднялся на борт самолета. Когда пилот доехал до конца взлетно-посадочной полосы, Глай расслабился в главном салоне и налил себе выпить.

Неплохо. Тридцать миллионов баксов, хоть и канадских, и реактивный самолет. Очень достойный и стильный финал.

Зазвонил телефон, он снял трубку. Звонил летчик.

— Мы готовы к взлёту. Можешь ли ты сейчас дать мне инструкции?

— Прямо на юг Соединенных Штатов. Иди на малой высоте, чтобы избежать зоны действия радаров. Через сто миль после границы поднимись на крейсерскую высоту. И возьми курс на Монтсеррат.

— Никогда о таком не слышал.

— Один из Малых Антильских островов на юго-востоке от Пуэрто-Рико. Разбуди меня, когда мы доберемся туда.

— Приятных сновидений, босс.

Глай тяжело опустился в кресло, не трудясь застегнуть ремни безопасности. В этот момент он чувствовал себя бессмертным. Усмехнулся про себя, глядя через иллюминатор салона на две фигуры, силуэт которых был хорошо виден на фоне огней ангара.

«Сарве — полный дурак», — подумал он. Если он сам был бы на месте премьер министра, то спрятал бы бомбу в самолете, обрекая его на уничтожение, или, может быть, приказал военно-воздушным силам сбить его. Это последнее было еще вполне возможно, хотя и вряд ли.

Но бомбы не было, все в самолете было проверено от носа до хвоста.

Он сделал это. Теперь он совершенно свободен.

Как только самолет набрал скорость и исчез в дождливой ночи, Сарвё повернулся к Финну.

— Как всё будет?

— Автопилот. Когда его включат, самолет начнет очень медленно набирать высоту. Альтиметры установлены для регистрации высоты только не более 11 000 футов. Система создания давления и аварийной подачи кислорода не включится. К тому времени как пилот поймет, что случилось, будет слишком поздно.

— Разве нельзя выключить автопилот?

Финн отрицательно покачал головой.

— Схема изменена. Он может разбить блок топором, но ничего путного не добьется. Восстановить ручное управление самолетом нельзя.

— Значит, они потеряют сознание от недостатка кислорода?

— И неизбежно упадут в океан, когда кончится горючее.

— Могут упасть и на землю.

— Чистый расчет, — объяснил Финн. — Учитывая дальность полета самолета с баками, полностью заправленными топливом, а также желание Глая приземлиться по возможности дальше от места отправления, один к восьми, что они упадут в воду.

На какое-то мгновение Сарве глубоко задумался.

— Пресс-релизы? — спросил он.

— Написаны и готовы для передачи в соответствующие службы.

Комиссар Финн раскрыл зонт, и они направились к лимузину премьер-министра. В углублениях на полосе подъезда транспорта к аэродрому уже образовались лужи. Один из служащих Финна выключил огни на взлетно-посадочной полосе и свет в ангаре.

В машине Сарве молча взглянул на эбеновое небо, когда последние звуки самолета замерли в дожде.

— Жаль, что Глай так и не поймет, как его перехитрили. Думаю, что он смог бы достойно оценить это.

На следующее утро международные службы теле- и радиовещания передали следующее сообщение:

«Оттава, 6/10 (Специальный выпуск). Этим утром самолет, на борту которого находились Даниэла Сарве и Анри Вийон, упал в Атлантический океан в 200 милях северо-восточнее Кайенны, Французская Гвиана.

Жена премьер-министра Канады и кандидат в президенты Квебека, получившего независимость, прошлой ночью вылетели из Оттавы, направляясь в город Квебек. В связи с тем, что от них не поступило сообщения о запланированной посадке, была объявлена тревога.

Вийон лично пилотировал собственный самолет, мадам Сарве была единственным пассажиром на борту. Все попытки связаться с ними по радио оказались безуспешными.

Поскольку канадские службы управления полетами не подозревали, что реактивный „альбатрос“ с двумя двигателями направляется в Соединенные Штаты, на бесполезные поиски между Квебеком и Оттавой

было потеряно много времени. Только после того, как „конкорд", принадлежащий компании „Эр Франс", сообщил, что самолет в неустойчивом полете направляется на юг к Бермудам на высоте 55 000 футов, а это на 8 000 футов выше максимальной высоты полета, на которую рассчитан „альбатрос" Вийона, были предприняты меры.

С борта авианосца военно-морских сил США, находящегося около Кубы, были подняты реактивные самолеты. Лейтенант Артур Хенкок первым заметил „альбатрос" и доложил, что в кресле пилота видит неподвижного человека. Он следовал за самолетом до тех пор, пока тот не начал медленно двигаться по спирали вниз и упал в океан.

— Нам неизвестна точная причина, — сказал Иэн Стоун, представитель Авиационного управления Канады. — Единственная теория сводится к тому, что мадам Сарве и мистер Вийон потеряли сознание от недостатка кислорода, самолет на автопилоте пролетел более 3000 миль, отклоняясь от заданного курса, а затем, когда кончилось топливо, упал.

Поиски не привели ни к каким результатам, не найдено никаких следов крушения самолета.

Премьер министр Шарль Сарве во время всего этого тяжелого испытания не появляется перед общественностью, комментарии отсутствуют».

79

Вся долина реки Гудзон была окутана туманом раннего утра, уменьшающим видимость до пятидесяти ярдов. На склоне холма, противоположном закрытому входу в карьер, Питт организовал командный пункт в доме на колесах, взятом напрокат у ближнего фермера, занимающегося фруктовым бизнесом. По иронии судьбы ни он, ни Шо не знали точного расположения противника, хотя находились всего в одной миле друг от друга, разделенные склоном холма, поросшего густым лесом.

Питт едва держался на ногах от слишком большого количества выпитого кофе и постоянного недосыпания. Ему очень хотелось проглотить бодрящий глоток бренди, чтобы избавиться от тумана перед глазами, но он понимал, что это будет несообразно. Казалось, что это поможет. Но одновременно он опасался, что возникнет обратная реакция, замедляющая способность думать, а это было самой последней вещью, которая ему была необходима.

Он стоял в дверях домика на колесах и наблюдал, как Николас Райли и команда водолазов с борта «Де Сото» разгружают свое снаряжение в то время, как Глен Чейз и Эл Джиордино вертелись около тяжелой металлической решетки, заделанной в каменную стену склона холма.

Как только они зажгли ацетиленовую горелку, раздался треск, за которым последовал шлейф искр после того, как голубое пламя коснулось проржавевших стержней решетки.

— Не даю никакой гарантии, что отверстие за решеткой будет запасным выходом, — сказал Джерри Лубин. — Но должен сказать это для безопасности.

Лубин всего несколько часов назад прибыл из Вашингтона в сопровождении адмирала Сандекера. Консультант по горному делу Федерального агентства минеральных ресурсов, Лубин был невысоким веселым человеком с носом ростовщика, ссужающего деньги под залог, и глазами ищейки.

Питт повернулся и взглянул на него.

— Мы нашли его там, где вы сказали.

— Мысль, подсказанная образованием, — сказал Лубин. — Будь я управляющим шахтой, поместил бы его именно в этом месте.

— Кто-то проделал огромную работу, чтобы люди не смогли в нее попасть.

— Фермер, которому когда-то принадлежала эта земля.

Эту реплику подала Хейди, устроившаяся на верхней койке.

— Откуда тебе известна эта сногсшибательная новость?

— Добрый редактор, кстати, женщина, поднялась из постели любовника, чтобы дать мне подшивки старых газет. Всё дело в том, что приблизительно тридцать лет назад три человека, занимавшихся подводным плаванием со специальным дыхательным аппаратом, утонули внутри шахты. Тела двоих так и не нашли. Фермер заделал вход, чтобы никто не погиб на его собственности.

— Нашла какое-нибудь сообщение об оползне? — спросил ее Питт.

— Тупик. Все подшивки погибли в пожаре до тысяча девятьсот сорок шестого года.

Сандекер задумался, почесывая свою рыжую бороду.

— Интересно, как далеко забрались эти глупцы перед тем, как утонули?

— Возможно, попали в главный карьер, потом у них кончился воздух, и они не смогли вернуться, — размышлял Питт вслух.

Хейди произнесла то, что было у всех на уме:

— Тогда они должны были увидеть то, что там находится.

Сандекер бросил на Питта тревожный взгляд.

— Не хочу, чтобы ты совершил такую же ошибку.

— Жертвы, вне всяких сомнений, были любителями подводного плавания, занимались этим по уик-эндам, не были достаточно подготовлены и не имели соответствующего снаряжения.

— Мне было бы легче, будь всё проще.

— Вентиляционная вытяжная скважина тоже может дать шанс, — сказал Любин.

— Ну, конечно! — воскликнул Сандекер. — В любой подземной шахте обязательно должна быть вентиляционная вытяжная скважина.

— Я не упоминал об этом раньше, потому что в таком тумане мы могли искать ее до бесконечности. К тому же, когда шахту закрывают, вентиляционный портал заваливают, Всегда существует опасность того, что корова или человек, особенно ребенок, могут провалиться и исчезнуть навсегда.

На лице Питта появилось многозначительное выражение.

— У меня возникло подозрение, что именно здесь мы встретимся с нашим другом Брайаном Шо.

Лубин вопросительно посмотрел на него.

— Конкурент, — сказал Питт. — Ему так же не терпится попасть внутрь этого холма, как и нам.

Лубин пренебрежительно пожал плечами.

— Тогда я не завидую ему. Проходка портала отверстием шириной, достаточной для того, чтобы через него смог пройти человек, чрезвычайно сложная работа.

Британцы не вступили с Лубином ни в какие споры.

Один из солдат лейтенанта Маклина буквально споткнулся о какую-то неровность на поверхности земли, под которой скрывалась вентиляционная вытяжная скважина, и упал на нее. Начиная с полуночи, десантники лихорадочно трудились, расчищая проход, заваленный гравием.

Работа была изнурительной. Только один человек мог поместиться в узком, ограниченном со всех сторон пространстве. Существовала постоянная угроза обвала. Ведра, спешно украденные из ближнего сада, заполняли и поднимали на веревках на поверхность. Затем их

опустошали и опускали вновь для следующей загрузки. Исполняющий роль крота копал по возможности быстрее и трудолюбивее. Если он уставал до изнеможения, его быстро заменяли другим. Работа шла безостановочно.

— На какой мы глубине? — спросил Шо.

— Приблизительно сорок футов, — ответил Колдуэйлер.

— Сколько еще придется нам копать?

Валлиец задумчиво нахмурился.

— Полагаю, что мы доберемся до главного карьера через сто двадцать футов. Насколько глубоко завалена вентиляционная скважина, не знаю. Возможно, мы наткнемся на нее на следующем футе, но вполне может быть, что придется бороться до последнего дюйма.

— Я настаиваю на следующем футе, — сказал Маклин. — Туман не может больше скрывать нас.

— Какие-нибудь признаки американцев?

— Только шум машин где-то за холмом.

Шо закурил еще одну свою специальную сигарету. Она была последней.

— Следовало бы подумать о том, что они начали подниматься по склону холма еще раньше.

— Их ждет горячий прием, когда они появятся, — сказал Маклин почти жизнерадостно.

— Я слышал, что американские тюрьмы переполнены, — пробормотал Колдуэйлер. — У меня не возникает желание провести остаток своей жизни в одной из них.

Шо ухмыльнулся.

— Но это просто подарок для человека с вашим опытом — выбраться победителем из этого дела.

Горняк вытряхнул пепел из трубки.

— В этом нет ничего смешного. А если серьезно, так не могу понять, какого черта я делаю здесь.

— Вы добровольно вызвались на это задание, как и все остальные, — сказал Маклин.

Шо выпустил огромное облако дыма, освобождая легкие.

— Если доживете до возвращения в Англию, премьер-министр лично приколет медаль на вашу грудь.

— И все это за то, чтобы найти клочок бумаги?

— Этот клочок бумаги значительно важнее, чем вы можете подумать.

— Тогда эта проклятая скважина могла бы быть и поудобнее, — проворчал Колдуэйлер.

Прибыл и остановился небольшой конвой бронемашин с военнослужащими. Офицер в полевой форме выпрыгнул из ведущей машины и прокричал приказ. Из машин появились морские пехотинцы, сжимающие автоматическое оружие. Они начали строиться в отряды.

Офицер, который сразу же определил, кто главный, подошел прямо к адмиралу.

— Адмирал Сандекер?

Сандекеру явно польстило, что его узнали.

— К вашим услугам.

— Лейтенант Санчес. — Он вскинул руку в приветствии. — Третье разведывательное подразделение морских пехотинцев.

— Рад приветствовать вас, — ответил Сандекер.

— Полученные мною приказы относительно дислокации мне не совсем понятны.

— Сколько человек в вашем распоряжении?

— Три отделения. Сорок, включая меня.

— Хорошо, одно отделение на оцепление данного участка, два на патрулирование леса вокруг холма.

— Слушаюсь, сэр.

— И вот еще что, лейтенант. Мы не знаем точно, чего ждать. Скажи своим солдатам, чтобы шли осторожно и бесшумно.

Сандекер повернулся и пошел к запасной шахте. Последний стержень решетки был распилен. Команда водолазов стояла в готовности броситься в сердце холма. Наступила удивительная тишина. Все пристально смотрели в черное отверстие, словно оно было зловещим входом в ад.

Питт надел водолазный костюм и подтягивал ремни баллона с воздухом. После того, как убедился, что его снаряжение в полном порядке, он кивнул Райли и команде водолазов.

— Порядок. Давайте организуем ночной рейд.

Сандекер взглянул на него.

— Ночной рейд?

— Старый термин водолазов для исследования подводных пещер в темноте.

Сандекер сразу помрачнел.

— Не рискуйте и останьтесь живыми и здоровыми...

— Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить, я найду там договор.

— Мы за тебя обеими руками. Другое дело, если Шо попадет туда раньше тебя.

— Да, — сухо произнес Питт. — Постоянно помню это.

Они вошли в манящий портал, и тьма поглотила их.

80

Старый запасной выход из главного карьера уходил под уклоном вниз к чреву холма. Высота стен составляла семь футов, на них остались следы отбойных молотков шахтеров. Воздух был влажным с едва ощутимым зловещим запахом мавзолея. Приблизительно через двадцать ярдов проход ушел в сторону, свет, поступавший снаружи, померк.

Включили водолазные фонари, и Питт пошел дальше, за ним следовали Райли и еще три человека, их шаги гулко отдавались в вечной темноте.

Прошли мимо пустой вагонетки, ее проржавевшие железные колеса навечно приросли к рельсам. Несколько отбойных молотков и лопат аккуратно составлены в выдолбленную нишу, словно ожидая, что мозолистые руки вновь возьмутся за черенки и рукоятки. Рядом валялись и другие предметы: негодный шахтерский фонарь, кувалда и выцветшие, слипшиеся страницы каталога «Монтгомери уорд».

Каталог так и остался открытым на страницах, рекламирующих пианолы.

Груда камней преградила им путь, на расчистку ушло целых двадцать минут. Каждый из них внимательно поглядывал на прогнившее дерево, провисающее под весом проваливающейся крыши. Никто не проронил ни слова. Страх перед возможностью остаться навсегда погребенными

внутри холма сковал разум. Наконец они проделали небольшое отверстие в завале и, едва протиснувшись через него, увидели, что дно туннеля покрыто несколькими дюймами воды.

Как только вода поднялась выше колена, Питт остановился и поднял руку.

— Скоро уровень воды поднимется еще выше, мы окажемся под водой, — сказал он. — Думаю, что команда, обеспечивающая безопасность, должна остановиться здесь и выполнить все необходимые операции.

Райли кивнул:

— Согласен.

Три водолаза, остающиеся здесь на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств, начали складывать запасные баллоны с воздухом и закреплять конец оранжевого флюоресцирующего шнура, намотанного на огромной катушке. Пока они занимались этим, свет водолазных фонарей хаотически плясал на стенах прохода, а голоса звучали совершенно незнакомо и очень громко.

Сняв сапоги и надев ласты, Питт и Райли взяли катушку и пошли дальше, канат безопасности разматывался с катушки по мере их продвижения вперед.

Вскоре вода поднялась до пояса. Остановились, чтобы надеть на лицо маски и взять в рот мундштуки регуляторов воздуха, зажав их между зубами. Затем бросились в бездну, заполненную водой.

Под поверхностью воды было холодно и мрачно. Видимость была поразительно ясной. Питт почти задрожал от сверхъестественного ужаса, когда выследил крошечную саламандру, глаза которой атрофировались почти до полной слепоты. Его поразило то, что в такой полной могильной изоляции вообще может существовать какая-то форма жизни.

Казалось, что запасная шахта карьера уходит вниз, как огромная наклонная бездонная яма. В этом было что-то зловещее, словно какая-то неведомая и злая сила притаилась в темных глубинах, куда не проникал свет водолазного фонаря.

Через десять минут по водолазным часам Питта они остановились, чтобы осмотреться. Глубиномеры зарегистрировали глубину, равную 105 футам. Питт, прячась под маской, изучал Райли. Старший водолаз быстро проверил показания манометра баллона, затем кивком дал знать, что всё в порядке и можно продолжать путь.

Шахта расширялась, превращаясь в полость, стены которой были грязного золотистого цвета. Наконец они добрались до галереи известнякового карьера. Дно выровнялось, Питт заметил, что глубина медленно уменьшалась до шестидесяти футов. Направил свой фонарь вверх. Луч света отразился от того, что было похоже на покров ртути. Дирк поднялся наверх подобно летающему призраку и внезапно оказался в воздухе.

Он вынырнул на поверхности воздушного кармана под потолком огромной сводчатой камеры. Вокруг него было множество сталактитов, похожих на сосульки, их конусообразные кончики заканчивались на расстоянии несколько дюймов от поверхности воды. Слишком поздно Питт нырнул, чтобы предупредить Райли.

Не способный ничего видеть из-за отражения от поверхности, Райли наткнулся маской на наконечник сталактита и разбил стекло. На переносице была глубокая рана, веки изрезаны. Только позднее он узнал, что потерял хрусталик левого глаза.

Питт осторожно пробрался через конусообразные сталактиты и подхватил Райли под руки.

— Что случилось? — пробормотал Райли. — Почему погас свет?

— Ты наткнулся на острый сталактит, — сказал Питт. — Твой фонарь сломался. Я потерял свой.

Райли не поверил этой лжи. Снял перчатку и ощупал лицо.

— Я ослеп, — просто сказал он.

— Ничего подобного.

Питт снял маску с Райли и осторожно убрал крупные осколки стекла. Кожа старшего водолаза настолько занемела от ледяной воды, что он не чувствовал боли.

— Что за чертово невезенье. Почему я?

— Перестань жаловаться. Пара швов — и твоя отвратительная физиономия будет как новенькая.

— Прости, что всё испортил. Думаю, на этом мы остановимся и пойдем обратно.

— Пойдешь обратно ты.

— Разве ты не собираешься вернуться?

— Нет, пойду вперед.

— А как у тебя с воздухом?

— Предостаточно.

— Тебе не обмануть старого пройдоху, парень. Его едва ли достаточно, чтобы добраться для команды поддержки. Пойдешь вперед и потеряешь свой обратный билет на поверхность.

Питт привязал к сталактиту шнур безопасности. Затем положил руку Райли на него.

— Просто иди по дороге из желтого кирпича, береги голову.

— Комедиант из тебя не вышел. Что сказать адмиралу? Он кастрирует меня, когда узнает, что я оставил тебя здесь.

— Скажи ему, — сказал Питт с напряженной усмешкой, — что я должен найти поезд.

Капрал Ричард Уиллапа чувствовал себя как дома, прокладывая тропы во влажных лесах штата Нью-Йорк. Прямой потомок индейцев племени чинуки с северо-западного тихоокеанского побережья, он провел почти всю свою юность, выслеживая дичь в дождливых лесах штата Вашингтон, оттачивая мастерство, которое позволяло ему приблизиться к дикому оленю на расстояние двадцать футов до того, как животное могло почуять его присутствие и убежать прочь.

Опыт помог ему прочитать знаки, оставленные человеком, который недавно прошел здесь. Следы ног принадлежали мужчине невысокого роста, рассуждал он, на котором были полевые сапоги седьмого размера, как у него самого. Влага тумана еще не успела поглотить все отпечатки, по которым тренированные глаза капрала смогли понять, что они оставлены не более, чем полчаса назад.

Следы шли из чащи и кончались около дерева, где они поворачивали обратно. Уиллапа с удивлением заметил тонкую струйку пара, поднимающегося от ствола дерева. Кто-то вышел из зарослей, помочился и вернулся обратно.

Он огляделся по сторонам, но не увидел никого из своего отделения. Сержант послал его вперед на разведку, остальные еще не появились.

Уиллапа крадучись забрался на развилку дерева и заглянул в заросли. С этой удобной позиции на дереве он увидел цепочку голов и плеч, ссутулившихся над упавшим бревном.

— Итак, — закричал он, — я знаю, что вы там. Выходите с поднятыми руками.

Ответом был ураган пуль, которые содрали кору с дерева, на котором он сидел.

— Боже всемогущий! — пробормотал он в полном недоумении.

Его никто не предупредил, что в него могут стрелять.

Он прицелился, взвел курок и обстрелял заросли.

Стрельба на холме усиливалась и разносилась эхом по всей долине. Лейтенант Санчес включил полевое радио.

— Сержант Райан, ты слушаешь?

Тот ответил почти сразу:

— Райан здесь, продолжайте, сэр.

— Что, черт возьми, происходит у вас там?

— Мы наткнулись на осиное гнездо, — отрывисто ответил Райан. — Это как битва за Балдж. У меня уже три выбывших из строя.

Санчеса парализовала потрясающая новость.

— Кто в вас стреляет?

— Не фермеры с вилами. Мы сражаемся с элитными войсками.

— Объясни.

— В нас стреляют из автоматов парни, которые очень хорошо знают, как пользоваться ими.

— Сейчас уже всё началось, — кричал Шо, наклоняя голову, когда непрерывными залпами огня снесло у него над головой листья с дерева. — Они наступают на нас с тыла.

— Эти янки не просто любители, — крикнул в ответ Маклин. — Они выжидают, но скоро искромсают нас в клочья.

— Чем дольше они будут ждать, тем лучше.

Шо подобрался к котловану, где Колдуэйлер и еще трое солдат продолжали отчаянно копать, не замечая сражения, разворачивающегося вокруг них.

— Есть ли шанс прорваться?

— Вы первым узнаете, если мы прорвемся, — проворчал валлиец.

Пот струился у него по лицу, когда он поднимал на поверхность ведро с огромным булыжником.

— Мы прошли почти семьдесят футов. Больше я ничего не могу сообщить вам.

Шо неожиданно пригнулся, когда пуля рикошетом отскочила от скалы, снеся левую пятку его сапога.

— Вы лучше полежите где-нибудь, пока я не позову вас, — спокойно сказал Колдуэйлер, словно делал замечание относительно погоды.

Шо не стал спорить. Он опустился в неглубокое углубление в земле рядом с Бертон-Ангусом, который, казалось, наслаждался, отвечая на огонь, открытый из окружающего леса.

— В кого-нибудь попал? — спросил Шо.

— Проклятые ублюдки не показываются, — сказал Бертон-Ангус. — Научились во Вьетнаме.

Он встал на колени и выпустил длинный неторопливый заряд в густой подлесок. Ему отвели градом пуль, которые с грохотом ложились вокруг него. Он внезапно вскочил, выпрямляясь во весь рост, и упал на землю, не произнеся ни звука.

Шо, присев, склонился над ним. Из трех отверстий, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга на груди Бертона-Ангуса, начинала сочиться кровь. Он взглянул на Шо, карие глаза помутнели, лицо уже побледнело.

— Странное головокружение, — произнес он скрипучим голосом. — Получить пулю на американской земле. Кто бы мог поверить в это...

Глаза стали невидящими, и он умер.

Сержант Бентли выскользнул из кустарника и посмотрел вниз, выражение лица было каменное.

— Сегодня умирает слишком много хороших людей, — медленно сказал он.

Затем его лицо стало напряженным, и он осторожно посмотрел поверх насыпи. Пуля, которой был убит Бертон-Ангус, летела с высоты. В листве дерева сержант заметил движение. Он поставил винтовку в режим полуавтоматического огня, тщательно прицелился и дал шесть залпов.

С мрачным удовлетворением он наблюдал, как с дерева медленно соскользнуло тело и упало на влажную землю.

Капрал Ричард Уиллапа больше никогда не будет выслеживать оленя в своем родном дождливом лесу.

81

Вскоре после того, как прекратилась стрельба, адмирал Сандекер включил радио для передачи чрезвычайных сообщений и вызвал докторов и скорую помощь из местной больницы. Ответ последовал без промедления. Вскоре послышались сирены приближающихся машин, с холма по склонам стали спускаться первые из ходячих раненых.

Хейди, хромая, переходила от одного раненого к другому, оказывая первую помощь, произнося слова утешения, едва сдерживая слезы. На вид всем не исполнилось еще и двадцати лет. Лица были бледными от испытанного шока. Они никогда не думали о том, что будут истекать кровью или вообще умирать на родной земле, сражаясь с противником, которого они даже и не видели.

Она случайно увидела, как два водолаза вывели из портала Райли, всё его лицо было в крови. Противный страх нарастал внутри ее, так как она не замечала никаких признаков присутствия Питта.

«О Боже, — думала она в отчаянии, — он погиб».

Сандекер и Джиордино заметили их одновременно с ней и поспешили навстречу.

— Где Питт? — спросил Сандекер, боясь ответа.

— Всё еще где-то там, — пробормотал Райли. — Отказался возвращаться. Я пытался, адмирал. Как перед богом клянусь, пытался уговорить его вернуться, но он не захотел слушать.

— Ничего меньшего я не ожидал от него, — безжизненно сказал Сандекер.

— Питт не тот человек, чтобы умереть, — выражение лица Джиордино было твердым, тон решительным.

— У меня от него сообщение для вас, адмирал.

— Какое сообщение?

— Он просил передать вам, что ему нужно найти поезд.

— Возможно, он сделает это в главном карьере, — сказал Джиордино, неожиданно давая всем надежду.

— Никаких шансов, — сказал Райли. — К этому времени у него должен кончиться воздух.

Смерть в адском мраке пещер глубоко внутри земли представляет собой то, о чем никто не хочет задумываться. Эта мысль слишком необычна и ужасна, чтобы сосредоточиться на ней. Известно, что заблудившиеся и попавшие в ловушку водолазы вонзали ногти пальцев рук буквально до костей в камень, пытаясь проложить себе путь через километровые скалы. Другие просто сдавались, веря, что вторично входят во чрево матери.

Смерть была на последнем месте в разуме Питта. Простой мысли о ней было достаточно, чтобы вселить панику. Он сфокусировал свое внимание на сбережении воздуха и на том, чтобы не заблудиться.

Стрелка манометра колебалась на последней отметке, за которой следовало «пусто». Сколько времени осталось у него? Одна минута, две, возможно, три перед тем, как он сделает вдох из пустого баллона.

Ластами он случайно поднял облако ила, которое совершенно закрыло луч света его фонаря. Он завис неподвижно, определяя направление пузырьков воздуха, поднимающихся мимо его маски. Последовал за ними вверх, пока вновь не попал в прозрачную воду, затем начал шагать, подпрыгивая, словно летая, по потолку пещеры, подтягиваясь на кончиках пальцев. Возникало необычное ощущение, словно гравитации не существовало вообще.

В темноте прохода мелькнула развилка. Он не мог позволить себе роскошь потратить время на принятие решения. Он перевернулся и, отталкиваясь, направился в левый проход. Внезапно луч света упал на разорванный и гниющий мокрый костюм, лежащий на иле. Он осторожно приближался к нему. На первый взгляд он казался разорванным, мятым, словно хозяин выбросил его. Луч света пробежал по ногам по участку провалившейся груди и остановился на маске на лице, которая была всё еще привязана вокруг капюшона. Пара пустых глазниц в черепе уставилась на Питта.

В испуге он начал отплывать назад от печального зрелища. Тело одного из пропавших водолазов спасло ему жизнь, или, по меньшей мере, продлило ее на какой-то срок. Этот проход, наверное, тупик. Кости второго водолаза, возможно, где-то глубоко во мраке.

Вернувшись на развилку, Питт повторно проверил свой компас. В этом не было необходимости. Пойти можно было только направо. Он уже давно бросил тяжелую катушку со шнуром безопасности. Уже давно не хватало воздуха на обратный путь.

Он попытался сдерживать дыхание, экономя воздух, но уже чувствовал, как уменьшается давление. Сейчас его оставалось только на несколько бесценных вдохов.

Во рту пересохло. Не мог глотать, ему стало очень холодно. Он слишком долго находился в ледяной воде, узнал первые симптомы переохлаждения. Его охватило странное спокойствие, когда он нырнул глубже и поплыл в манящий мрак.

Питт принял последнюю порцию воздуха как неизбежность и скинул бесполезные баллоны, в которых воздуха уже не осталось, на ил. Не почувствовал боли, когда ударился коленом о груду камней. Ему оставалась всего одна минута. Только такое время его сможет поддерживать воздух, остающийся в легких. Его разум переполняло отвращение к смерти, подобной смерти водолазов в том, другом проходе. Видение пустого черепа маячило перед ним.

Легкие страшно болели, голова была словно охвачена пламенем, бушующим внутри. Он плыл вперед, не смея остановиться до тех пор, пока его мозг не прекратит функционировать.

Что-то блеснуло вверху в проходе на свету. Казалось, что оно находится далеко, на расстоянии многих миль. Темнота надвигалась на его поле зрения, охватывая его со всех сторон. Сердцебиение отдавалось у него в ушах, в груди возникло ощущение, будто она разбита. В легких растворился последний атом кислорода.

Последние отчаянные мгновения приближали Питта к неизбежному финалу. Его ночной рейд закончился.

82

Медленно, но неумолимо стягивалось кольцо вокруг продолжающих сражаться, но уменьшающихся сил Маклина. Тела убитых и раненые лежали среди океана гильз расстрелянных патронов.

Солнце высушило туман. Сейчас они уже видели свои мишени, но и они были лучше заметны для солдат, окружающих их. Страха не было. С самого начала они знали, что у них нет шансов на спасение. Сражения вдали от берегов своего острова крепости не было новостью для британских солдат.

Маклин, прихрамывая, опирался на Шо. Левая рука лейтенанта лежала на поддерживающей окровавленной повязке, ступня замотана таким же окровавленным бинтом.

— Боюсь, мы исчерпали свои возможности. Больше не сможем отбиваться от них.

— Ваши солдаты проделали потрясающую работу, — сказал Шо. — Сделали значительно больше, чем можно было ожидать.

— Они хорошие парни, сделали всё, что могли, — устало сказал Маклин. — Есть какой-нибудь шанс прорваться через эту проклятую дыру?

— Если я еще хоть один раз спрошу Колдуэйлера, как дела, он, наверно, вышибет мне мозги лопатой.

— С тем же успехом он может там все взорвать и забыть об этом.

В течение какого-то мгновенья Шо задумчиво смотрел на него. Затем неожиданно перебрался через край ямы. У солдат, поднимающих на поверхность ведра, был такой вид, словно они готовы в любую минуту упасть от изнурения. Пот катился градом, дыхание было тяжелым и отрывистым.

— Где Колдуэйлер? — спросил Шо.

— Спустился вниз. Сказал, что никто не может копать быстрее, чем он.

Шо перегнулся через край. Воздушная вентиляционная скважина изгибалась, валлийца не было видно. Шо позвал его.

Глубоко внизу показалась груда грязи, по форме напоминающая человека.

— Что на этот раз, будь всё проклято?

— Наше время кончилось, — голос Шо многократно отражался от стен скважины. — Есть какой-нибудь шанс прорваться дальше, взорвав скважину?

— Не пойдет, — крикнул в ответ Колдуэйлер. — Стены обвалятся.

— Мы должны рискнуть.

Колдуэйлер опустился на колени в полном изнеможении.

— Слушаюсь, — хрипло сказал он. — Бросайте взрывчатку. Попытаюсь.

Спустя минуту сержант Бентли опустил в скважину ранец с пластиковой взрывчаткой. Колдуэйлер осторожно вставил гибкие заряды в глубокие отверстия, установил предохранители и подал сигнал. Когда его подняли на такую высоту, где до него можно было дотянуться руками, Шо взял его под мышки и вытащил из входа в котлован.

Колдуэйлер был потрясен видом кровавого боя. От первоначального состава отряда Маклина остались целыми и невредимыми только четыре человека, но они упорно продолжали стрелять по лесу.

Внезапно земля под ними задрожала, облако пыли вырвалось из вентиляционной воздушной скважины. Колдуэйлер немедленно снова

отправился вниз. Шо слышал, как он закашлялся, но рассмотреть что-нибудь через клубящуюся завесу пыли и дыма ничего не мог.

— Стены выдержали? — прокричал Шо.

Ответа не последовало. Затем он почувствовал, что веревка натягивается, и начал тащить ее. Вскоре на поверхности появилась голова Колдуэйлера, покрытая пылью.

Он бессвязно бормотал что-то и, наконец, прочистив горло, сказал:

— Мы вошли, — выпалил он, задыхаясь. — Мы прорвались. Поторопитесь, люди, пока вас всех не перестреляли.

Теперь появился и Маклин. Пожал руку Шо.

— Если нам не придется увидеться друг с другом вновь, желаю всего самого хорошего.

— Я тоже.

Сержант Бентли передал Шо фонарь.

— Он вам понадобится, сэр.

Колдуэйлер связал три веревки, сделав одну длинную.

— Вы сможете опуститься на самое дно карьера, — сказал он. — Удачи.

Шо опустился в скважину и начал спускаться вниз. На мгновенье задержался и посмотрел наверх.

Пыль от взрыва еще не осела, вид взволнованных лиц наверху был словно в тумане.

На самом краю участка по его периметру солдаты лейтенанта Санчеса, прячась за стволами деревьев и валунами, продолжали вести интенсивный огонь по густым зарослям в лощине. С начала боя они потеряли одного убитого и восемь раненых. Сам Санчес также был ранен, пуля прошла навылет через бедро. Он сорвал полевую куртку и завязал входное и выходное отверстия нижней рубашкой.

— Огонь противника слабеет, — прокомментировал сержант Хупер, отплевываясь табаком.

— Чудо, что там вообще остался кто-то живой, — сказал Санчес.

— Никто не сражается с таким отчаянием, кроме террористов-фанатиков.

— Они хорошо обучены. Не могу отказать им в этом.

Он замолчал, прислушиваясь. Затем поскреб ухо и посмотрел между двумя валунами, за которыми они прятались.

— Слышите?

Хупер насупил брови.

— Сэр?

— Они прекратили огонь.

— Это, возможно, уловка, чтобы мы попались на нее.

— Не думаю, — сказал Санчес. — Передай команду «прекратить огонь».

Вскоре над лесом, в котором шел бой, установилась странная тишина. Затем из зарослей медленно появился человек, поднимая винтовку высоко над головой.

— Сукин сын, — пробормотал Жупер. — Он в полной боевой форме.

— Наверное, купил из излишков военного обмундирования.

— Самодовольный ублюдок.

Санчес поднялся на ноги и небрежно закурил сигарету.

— Я пошел, если он вздумает свести со мной счеты, разрежьте его на две части.

— Отступите в сторону, сэр, чтобы у нас была прямая линия для прицеливания.

Санчес кивнул и пошел вперед. Отступил в сторону на один или два ярда от сержанта Бентли и осмотрел его с ног до головы. Увидел почерневшее лицо, сетчатый шлем с торчащими из него веточками и знаки различия военнослужащего. На лице не было и следа страха — только широкая улыбка.

— Доброе утро, сэр, — приветствовал Бентли.

— Командуешь здесь ты?

— Нет, сэр. Если вы согласитесь пойти со мной, я отведу вас к нему.

— Вы сдаетесь?

Бентли кивнул.

— Да, сэр.

Санчес опустил ружье.

— Ладно, тогда вслед за тобой.

Они прошли через заросли кустарника, оставшегося без листвы из-за интенсивного огня, в лощину. Санчес увидел разбросанные тела, землю, пропитанную кровью. Раненые солдаты безразлично смотрели ему вслед, не проявляя никакого интереса. Три солдата, по виду целые и невредимые, встали по стойке «смирно».

— Подравняйтесь, парни, — строго сказал Бентли.

Санчес совершенно растерялся. Эти люди не укладывались в его представление о террористах. Это были солдаты в военном обмундировании, дисциплинированные и профессионально подготовленные к бою. Бентли провел его к двум мужчинам, находящимся около выкопанной ямой. Один из них, грязный с головы до ног, склонился над другим, разрезая его сапог, наполненный кровью. Человек, лежащий на земле, взглянул на приближающегося Санчеса и вскинул руку, бодро приветствуя его.

— Доброе утро.

«Веселый парень», — подумал Санчес.

— Здесь командуете вы?

— Да, я, — ответил Маклин. — Не удостоите ли вы меня чести назвать свое имя, сэр?

— Лейтенант Ричард Санчес, морская пехота Соединенных Штатов.

— Бриллиант чистейшей воды. Я лейтенант Дигби Маклин, Королевская морская пехота Её Величества.

Санчес замер с открытым ртом. Он смог лишь пробормотать:

— Будь я проклят!

Это всё, на что он был способен.

Первое, что заметил Шо, когда спустился в вентиляционную скважину, было влажное и заплесневелое зловоние, которое встретило его, поднимаясь навстречу. Приблизительно через двадцать ярдов он более не мог ступить ногой на твердую почву и дотянуться до окружающих земляных стен. Он покрепче сжал веревку в руке и посветил фонарем в темноту.

Шо упал в огромную пещеру, высотой от основания до потолка, по меньшей мере, сорок футов. Там было пусто, кроме огромной кучи мусора в одном углу. Веревка кончалась на расстоянии около

двенадцати футов от земли. Он сунул фонарь под мышку, сделал глубокий вдох и разжал руку.

Он падал как камень, брошенный в темноту колодца, — ужасное испытание, через которое ему никогда не захочется пройти вновь.

Когда он приземлился, у него перехватило дыхание. Наверное, он все сделал правильно, основной удар пришелся на ноги. Но когда он падал набок, то запястьем вытянутой руки ударился обо что-то твердое и услышал отвратительный треск — оно сломалось.

Шо посидел две или три минуты, сжав губы от боли, жалея самого себя. Наконец, он взял себя в руки, вспомнив, что американцы могут любую минуту спуститься в вентиляционную скважину, и постарался сесть. Придвинув запястье к фонарю, включил его. Слава Богу, фонарь еще работал.

Он увидел, что находится около рельсов узкоколейки, которые вели из пещеры в туннель.

Неуклюже он расстегнул ремень и сделал себе перевязь для раненой руки, затем поднялся на ноги и пошел по железнодорожному полотну.

Он шел между рельсами, не наступая на выступающие шпалы. Железная дорога проходила по ровной поверхности на расстоянии пятидесяти ярдов, затем пошла вниз с небольшим уклоном. Через какое-то время он остановился и посветил фонарем в темноту.

На него из темноты смотрели два красных глаза, которые показались ему глазами чудовища.

Он осторожно пошел вперед, наступив носком ноги на что-то твердое, посмотрел вниз и увидел еще одну железнодорожную ветку. Колея была значительно шире, даже шире ширококолейной железной дороги, по которой ходили британские поезда. Он вышел из туннеля в следующую пещеру.

Но это была не простая пещера. Она была огромнейшей могилой, наполненной мертвыми.

Красные глаза были двумя фонарями, установленными в хвосте железнодорожного вагона. На площадке наблюдения лежали два тела, настоящие мумии, одежда на них полностью сохранилась, почерневшие черепа с пустыми глазницами уставились в вечную темноту.

Волосы на затылке Шо встали дыбом, он забыл о страшной боли в запястье. Питт был прав. Подземный карьер хранил тайну «Манхеттен лимитед».

Англичанин осмотрелся вокруг, почти ожидая увидеть закутанную в саван фигуру с косой в руках, грозящую костлявым пальцем. Прошел вдоль вагона, заметив к своему удивлению, что на нем не было ржавчины. На ступеньках лежал какой то гротескный сверток, из него свешивалась голова. Только из чистого любопытства Шо остановился и начал изучать её.

В свете фонаря кожа была темного коричнево-серого цвета. По мере того, как проходили месяцы и годы, тело высыхало и твердело, превращаясь в естественную мумию под воздействием сухого воздуха карьера. Круглая шапочка с козырьком на голове указывала на то, что этот человек был кондуктором.

Были и другие, множество тел, разбросанных в поезде, застывших в финальной позе смерти. Большинство людей смерть настигла в сидячем положении, некоторые лежали, распластавшись на полу. Хорошо сохранилась одежда, которая была на них, Шо без труда мог отличить мужчину от женщины.

Несколько мертвецов окоченели в сгорбленном положении под открытой дверью багажного вагона. Перед ними была гора поставленных друг на друга деревянных ящиков. Одна из мумий держала перед грудью слиток прямоугольной формы. Шо стер грязь с предмета и онемел, увидев, как цвет грязи изменился на золотое сияние.

«Боже мой, — подумал он. По сегодняшним ценам стоимость того, что здесь находится, составит более трехсот миллионов долларов».

Шо заставил себя пойти вперед, не поддаваясь соблазну задержаться около этого сокровища. Пот пропитал его одежду насквозь, но он чувствовал себя так, словно находился в холодильнике.

Машинист предпочел умереть в кабине своего локомотива. Огромный железный монстр был покрыт слоем вековой пыли, но Шо смог прочитать огромные цифры «88» и увидеть красную полосу, прочерченную на боку паровоза.

На расстоянии тридцати футов перед скотосбрасывателем лежал огромный валун, перекрывающий главный вход в карьер. Там тоже было много мертвых, которые до последнего дыхания отчаянно пытались прорыть проход, в руках они до сих пор сжимали лопаты и кирки. Им удалось убрать из заваленного прохода несколько тонн камня, но всё было бесполезно. Сто человек не могли проделать проход через такую гору камня и булыжника за месяц.

Как всё это произошло? Шо охватила бессознательная дрожь. Над этим местом витал явный ужас. Оказавшись в беспомощном положении в

холодной и темной подземной тюрьме, какие муки испытали эти люди, прежде чем смерть прекратила эти страдания?

Он продолжал осматривать локомотив и угольный тендер, затем поднялся по ступенькам в первый пульмановский вагон и прошел по коридору. Сначала он увидел женщину, лежащую на полке, крепко прижимавшую к себе двух маленьких детей. Шо отвернулся и пошел дальше. Он рылся во всем и во всех портфелях, вид которых хоть отдаленно был похож на то, в чем мог храниться Североамериканский договор. Поиски шли удивительно медленно, что огорчало его. Он заторопился, как только ледяные пальцы паники коснулись его разума. Свет фонаря тускнел. Батарей хватит только на несколько минут.

На седьмом и последнем пульмановском вагоне, том самом, с вызывающими суеверный страх мумиями на смотровой площадке, на двери была эмблема американского орла. Шо страшно проклинал себя за то, что не начал поиски с этого вагона. Он повернул дверную ручку и вошел внутрь. На какое-то мгновенье он оторопел от роскоши личного вагона.

Фигура с котелком на голове растянулась в красном бархатном вращающемся кресле. Ее лицо скрывала пожелтевшая газета. Два спутника склонились над обеденным столом из красного дерева, держа головы руками. Один был одет в то, что весьма напоминало куртку и брюки английского покроя. Второй был в тропическом шерстяном костюме. Именно он заинтересовал Шо, потому что в высохшей руке он сжимал ручку небольшого саквояжа.

Словно боясь разбудить владельца, Шо старательно и осторожно вытащил саквояж из застывших пальцев.

Внезапно он похолодел от ужаса. Ему показалось, что уголком глаза он заметил неуловимое движение. Но это была всего лишь иллюзия. От колеблющихся на стене теней разыгрались его фантазия и страхи. В его воображении при слабом освещении могло ожить всё, что угодно.

Но сейчас у него остановилось сердце. Кардиолог сказал бы, что это невозможно. Но его сердце остановилось, когда он, как парализованный, уставился на отражение в окне.

Позади него труп с котелком на голове зашевелился, выпрямляя спину и садясь удобнее в кресле. Затем эта ужасающая фигура опустила газету с лица и улыбнулась Шо.

83

— Ты не найдешь здесь то, что ищешь, — сказал Дирк Питт, кивая головой на саквояж.

Шо едва не лишился рассудка. Он рухнул на стул, надеясь, что его сердце забьется вновь. Сейчас он уже увидел, что на черный мокрый костюм Питта было накинуто старое пальто. Придя в себя окончательно, англичанин произнес:

— Твоя манера объявлять о своем присутствии приводит в замешательство.

Питт включил свой водолазный фонарь, увеличивая освещение, и затем небрежно кивнул на старую газету.

— Всегда чувствовал, что родился на восемьдесят лет позднее. Вот, пожалуйста, бывший в употреблении «Штуц беаркет спидстер» с небольшим пробегом всего за шестьсот семьдесят пять долларов.

Шо уже исчерпал ресурс своих эмоциональных реакций в течение предшествующих двенадцати часов и едва ли был в настроении, чтобы поддержать праздное веселье.

— Как тебе удалось попасть сюда?

Отвечая, Питт продолжал внимательно изучать рекламу автомобилей.

— Приплыл через запасную шахту. Почти утонул, когда кончился запас воздуха. Утонул бы обязательно, если мне не посчастливилось бы попасть в карман со спертым воздухом под старой потопленной камнедробилкой. Всего один вдох помог попасть в боковой туннель.

Шо жестом показал на вагон.

— Что здесь произошло?

Питт кивнул в сторону двух мужчин за столом.

— Мужчина с дорожным несессером — Ричард Эссекс, помощник госсекретаря, точнее, был им когда-то. Рядом с ним — Клемент Масси. Перед Масси прощальное письмо его жене. В нем рассказана вся эта трагическая история.

Шо взял письмо и склонился над ним, стараясь разобрать выцветшие чернила.

— То есть этот парень, Масси, был грабителем поезда.

— Да, он пришел за грузом золота.

— Я видел его. Достаточно, чтобы купить банк Англии.

— План Масси был невероятно сложным для того времени. Он вместе со своими людьми направил поезд на заброшенный железнодорожный узел Мондрагон-Хук. Затем они заставили машиниста повернуть на

старую железнодорожную ветку и далее в карьер, не давая пассажирам понять, что происходит.

— Судя по всему, он получил больше, чем рассчитывал.

— Да, но это касается не только добычи, — согласился Питт. — С охраной они расправились без каких-либо затруднений. Эта часть плана была хорошо отрепетирована. Но четыре охранника из службы безопасности, эскортирующие Эссекса и договор в Вашингтон, были полной неожиданностью. Когда огонь прекратился, все охранники погибли или были ранены, а Масси лишился троих из собственных людей.

— Но, судя по всему, это не остановило его, — сказал Шо, продолжая читать письмо.

— Да, он пошел дальше и фальсифицировал катастрофу на мосту Дьювилль-Гудзон; затем вернулся в карьер, заложил заряды черного пороха и взорвал их, завалив вход. Теперь у него было сколько угодно времени для разгрузки золота и ухода через запасной выход.

— Но разве это возможно, если выход был заполнен водой?

— Великолепно продуманный план и так далее, — сказал Питт. — Шахта запасного выхода проходит на более высоком уровне, чем глубокий конец карьера, где произошло первоначальное затопление. Когда Масси захватил «Манхеттен лимитед», выход не был затоплен. Но после взрыва входа ударные волны вскрыли подземные фиссуры или трещины, вода хлынула в шахту и отрезала путь к спасению, обрекая всех на медленную ужасную смерть.

— Несчастные, — сказал Шо. — Наверное, умирали от холода и голода в течение долгих недель.

— Непонятно, почему Масси и Эссекс оказались за одним столом в час смерти, — вслух размышлял Питт. — Хотелось бы понять, что общего было между ними в финале?

Шо направил свой фонарь так, чтобы его луч освещал Питта.

— Скажи мне, мистер Питт. Ты пришел один?

— Да, мой коллега-водолаз вернулся обратно на поверхность.

— Предполагаю, что договор уже у тебя.

Питт посмотрел на Шо поверх газеты, взгляд зеленых глаз непроницаемый.

— Ты правильно предполагаешь.

Шо вытащил руку из кармана и прицелился из пистолета «беретта».

— Тогда, боюсь, ты должен отдать его мне.

— Чтобы ты смог сжечь его?

Шо молча кивнул.

— Извини, — спокойно сказал Питт.

— Думаю, ты не понимаешь ситуацию полностью.

— Совершенно понятно, что у тебя есть пистолет.

— А у тебя нет, — уверенно сказал Шо.

Питт пожал плечами.

— Должен признаться, что не подумал захватить его с собой.

— Договор, мистер Питт, пожалуйста.

— Кто нашел, тот и владелец, мистер Шо.

Глубоко вздохнув, Шо молча выдохнул.

— Клянусь жизнью, с моей стороны было бы крайне неосмотрительно и подло убить тебя. Однако экземпляр договора для моей страны значит гораздо больше, чем наш личный долг друг перед другом.

— Ваш экземпляр уничтожен на борту «Императрицы Ирландии», — медленно произнес Питт. — Этот экземпляр принадлежит Соединенным Штатам.

— Возможно, но Канада принадлежит Британии. И мы не собираемся отказываться от нее.

— Империя не может существовать вечно.

— Индия, Египет, Бирма и некоторые другие страны никогда не были по-настоящему нашими, — сказал Шо. — Но Канада основана и построена британцами.

— Ты забыл свою историю, Шо. Первыми там были французы. Только после них пришли британцы. После вас появились иммигранты: немцы, поляки, скандинавы, даже американцы, которые двинулись на север в западные провинции. Ваше правительство держало в своих руках бразды правления, насаждая властные структуры, которыми руководили англичане. Это справедливо для всех стран вашего Содружества. Местным правительством и крупными корпорациями могли управлять служащие, являющиеся коренными жителями, но людей, принимающих основные решения, всегда присылали из Лондона.

— Система доказала, что является эффективной.

— География и расстояние, в конце концов, разрушат эту систему, — сказал Питт. — Ни одно правительство не может иметь неограниченную власть над миллионами людей, которые находятся на огромном расстоянии от него.

— Если Канада выйдет из состава Содружества, ее примеру могут последовать Австралия, Новая Зеландия, даже Шотландия и Уэльс. Не могу представить себе ничего ужаснее.

— Кто может сказать, где будут проходить государственные границы через тысячу лет. И кого это интересует вообще?

— Меня, мистер Питт. Пожалуйста, передай договор.

Питт не отреагировал: он, повернув голову, прислушивался. Из одного из туннелей эхо доносило едва слышные звуки голосов.

— Твои друзья последовали за мной через вентиляционную скважину, — сказал Шо. — Время вышло.

— Ты убьешь меня, они убьют тебя.

— Прости меня, мистер Питт.

Дуло пистолета было направлено точно между глаз Дирка.

Безмолвный мрак пещеры пронзил оглушительный звонкий хлопок. Не резкий треск выстрела из мелкокалиберной «беретты», а настоящий грохот автоматического маузера калибра 7.63. Голова Шо откинулась на бок, и он безвольно обвис на стуле.

Питт в течение краткого мгновенья смотрел на дымящееся отверстие в центре своей газеты, затем поднялся на ноги, положил маузер на стол, а Шо уложил на пол, стараясь устроить его удобно.

Когда Джиордино, как разъяренный бык, ворвался в карьер, Питт с улыбкой взглянул на него. Эл резко остановился и зачарованно уставился на котелок, который так и оставался на голове Питта. Затем заметил Шо.

— Он мертв?

— Моя пуля поцарапала ему череп. Старик крепкий. Головная боль пройдет, наложат пару швов, и он, вполне вероятно, снова начнет охоту за моей шкурой.

— Откуда у тебя оружие?

— Занял у него. — Питт жестом показал на мумию Клемента Масси.

— Договор? — нетерпеливо спросил Джиордино.

Питт вытащил большой лист бумаги, спрятанный между страницами газеты, и поднес его к свету водолазного фонаря.

— Североамериканский договор, — провозгласил он. — Кроме обугленной дырки между параграфами, он выглядит точно так же, как в тот день, когда его подписали.

84

В приемной палаты канадского сената по ковру нервно ходил президент Соединенных Штатов, лицо выдавало чувство глубокой озабоченности. Вошли Ален Мерсьер и Гаррисон Мун.

— Есть что-нибудь? — спросил президент.

Мерсьер отрицательно покачал головой.

— Ничего.

У Муна был напряженный и изможденный вид.

— Из последнего сообщения адмирала Сандекера следует, что Питт мог утонуть внутри карьера.

Президент так схватил за плечо Мерсьера, словно хотел вытрясти из него все силы.

— Я не имею права ожидать невозможного.

— Ставки стоили игры, — сказал Мерсьер.

Президент не мог справиться с ужасом, охватившим его.

— Любое оправдание провала повлечет массу последствий.

В дверях появился государственный секретарь Оутс.

— В палату сената прибыли премьер министр и генерал-губернатор, господин президент. Министры заняли свои места и ждут.

Глаза президента помрачнели от поражения.

— Кажется, джентльмены, кончилось время как для нас, так и для Соединенных Штатов.

Башня высотой 291 фут, составляющая центральный блок здания парламента, постепенно вырастала через лобовое стекло самолета «синлетти» с вертикальным взлетом и посадкой, когда он взял курс на аэропорт Оттавы.

— Если нас не задержат службы воздушного движения, — сказал Джек Вестлер, — мы должны приземлиться через пять минут.

— Забудь про аэропорт, — сказал Питт. — Приземлись на газон перед парламентом.

Глаза летчика расширились.

— Да не могу я сделать это. Потеряю лицензию пилота.

— Сейчас помогу тебе.

Питт достал старый пистолет маузер из дорожного несессера Ричарда Эссекса и приставил дуло к уху Вестлера.

— Теперь сажай нас.

— Стреляй. Застрели меня, и мы разобьемся, — пробормотал пилот.

— Кому ты нужен? — холодно усмехнулся Питт. — У меня больше летных часов, чем у тебя.

Вестлер, смертельно побледнев, пошел на снижение.

Туристы подняли головы к небу, услышав звуки двигателей, затем расступились, словно центробежный водоворот. Питт бросил пистолет на сиденье, открыл дверь и выпрыгнул из самолета, когда шасси еще не успели коснуться земли.

Он скрылся в смыкающейся толпе любопытных зевак настолько быстро, что пораженный полицейский даже не успел остановить его. Дверь осаждали туристы, чтобы хотя бы взглянуть на президента. Питт силой расчищал себе путь, не обращая никакого внимания на окрики охраны.

Оказавшись в мемориальном зале, он на мгновенье растерялся, не зная куда направиться. По полу проходили две дюжины кабелей.

Он стремительно побежал в ту сторону, куда они шли, зная, что они приведут к видеокамерам, передающим речь президента. Он почти добрался до двери палаты сената, но ему преградил дорогу полицейский размером с небольшую гору, одетый в ярко-пунцовую церемониальную форму.

— Не двигайтесь с места, мистер!

— Проведите меня к президенту, быстро! — приказал Питт.

Как только он произнес эти слова, сразу понял, насколько абсурдно они прозвучали.

Полицейский недоверчиво смотрел на странную одежду Питта.

У Питта едва хватило времени на то, чтобы снять верхнюю часть мокрого водолазного костюма и взять напрокат у Джиордино куртку, которая была на два размера меньше, чем он носил. На нем осталась нижняя часть водолазного костюма, ноги были босые.

Внезапно еще два полицейских подхватили Питта с двух сторон.

— Следите за ним, парни. У него может быть бомба в сумке.

— Там ничего нет, кроме листа бумаги, — сказал Питт, возмущенный до глубины души.

Вокруг них стали собираться туристы, щелкая своими камерами, стараясь удовлетворить свое любопытство и узнать, в чем дело.

— Лучше мы вышвырнем его отсюда, — сказал один из полицейских, схвативший дорожный несессер.

Питт никогда не чувствовал такого отчаяния.

— Ради всего святого, выслушайте меня!

Его начали выталкивать, не проявляя никакой осторожности, когда через толпу к ним протолкался человек в традиционном синем костюме. Он взглянул на Питта и повернулся к полицейским.

— В чем проблема, констебль? — спросил он, показывая удостоверение секретной службы США.

— Какой-то радикал пытается прорваться в палату сената.

Питт внезапно высвободился и бросился вперед.

— Если вы из секретной службы, помогите мне.

Сейчас он перешел на отчаянный крик, но не отдавал себе никакого отчета в этом.

— Успокойся, парень, — сказал синий костюм.

Рука потянулась к кобуре пистолета у него под мышкой.

— У меня важный документ для президента. Меня зовут Питт. Он ждет меня. Вы должен провести меня к нему.

Полицейские вновь устремились к Питту, но на этот раз в глазах у них уже блестел враждебный огонь. Агент секретной службы рукой преградил им дорогу.

— Держитесь подальше!

Он скептически посмотрел на Питта.

— Я не могу тебя провести к президенту, даже если бы хотел этого.

— Тогда проводите меня к Гаррисону Муну, — прорычал Питт, сытый по горло абсурдностью происходящего.

— Разве Мун знает тебя?

— Тебе лучше просто поверить в это.

Мерсьер, Оутс и Мун сидели в приемной сената и смотрели телевизор, когда дверь резко распахнулась и в помещение хлынула, словно приливная волна, толпа сотрудников секретной службы, полицейских и служащих из охраны здания, втаскивая Питта, по меньшей мере, полудюжиной пар рук.

— Уберите своих ищеек, — прокричал Питт. — Я достал его!

Мерсьер вскочил на ноги с открытым ртом. Он был слишком ошеломлен, чтобы отреагировать немедленно.

— Кто этот человек? — потребовал Оутс.

— Боже мой, это Питт! — удалось выдавить из себя Муну.

Питт со скованными руками и опухшим от подлого удара глазом кивнул в сторону потрепанного старого дорожного несессера в руках полицейского.

— Экземпляр договора вон там.

Пока Мерсьер занимался Питтом и выпроваживал людей из службы безопасности из помещения, Оутс изучал содержание договора.

Наконец он нерешительно поднял глаза.

— Он настоящий? Я имею в виду, не существует ли возможность фальсификации?

Питт рухнул в кресло, осторожно ощупывая увеличивающийся «фонарь» под глазом. По всей вероятности, его долгая миссия подошла к концу.

— Не волнуйтесь, господин секретарь, вы держите в руках подлинный документ.

Мерсьер вернулся, закрыв двери, и быстро внес изменения в экземпляр речи президента.

— Всего через две минуты он должен сделать заключительное заявление.

— Нам следует поторопиться и передать ему это, — скал Мун.

Мерсьер посмотрел на изнуренного человека в кресле.

— Полагаю, эта честь должна быть предоставлена мистеру Питту. Он представляет людей, погибших за это.

Питт резко сел.

— Мне? Я не могу появиться перед сотней миллионов телезрителей, которые смотрят прямую передачу из канадского парламента, и прервать обращение президента. Во всяком случае, не в этом наряде.

— В этом нет никакой необходимости, — сказал Мерсьер с улыбкой. — Я прерву президента сам и попрошу его зайти в приемную. Вы вручите договор здесь.

В палате сената, оформленной в глубоких красных тонах, сидели руководители канадского правительства, ошеломленные приглашением президента Соединенных Штатов приступить к переговорам о слиянии двух государств. Все они слышали об этом впервые. Только один Сарве сохранял полную невозмутимость, его лицо было спокойно и непроницаемо.

По палате прокатилась волна приглушенного шепота, когда советник по государственной безопасности подошел к кафедре и что-то прошептал президенту на ухо. Прерывание главного обращения было нарушением традиции и не могло пройти незамеченным.

— Прошу извинить меня, но я вынужден прерваться, — сказал президент, усиливая таинственность.

Он повернулся и вышел через двери в приемную.

В глазах президента Питт был похож на пришельца из ада. Он подошел и обнял его.

— Мистер Питт, вы не представляете себе, насколько я счастлив видеть вас.

— Простите, что так поздно. — Это было всё, что смог ответить Питт.

Затем он изобразил кривую улыбку и осторожно протянул продырявленный документ.

— Североамериканский договор.

Президент взял договор и внимательно прочитал текст. Когда он взглянул, Питт с удивлением увидел, что у него на глаза выступили

слезы. Это был тот редкий случай, когда президент проявил эмоции и, пробормотав приглушенно благодарность, ушел.

Мерсьер и Мун сели перед экраном телевизора и смотрели, как президент вернулся на кафедру.

— Приношу свои извинения за перерыв, но мне только что вручили документ огромнейшего исторического значения. Он называется Североамериканский договор...

Через десять минут президент торжественно заканчивал речь:

— ...и таким образом в течение семидесяти пяти лет, по условиям, изложенным выше, Канада и Соединенные Штаты по незнанию существовали как два государства, хотя по международному закону они были едины...

Мерсьер позволил себе глубоко вздохнуть.

— Слава Богу, он не дал им пощечину, заявив, что они принадлежат нам.

— Будущее не будет к нам благосклонно, — продолжал президент, — если нам не удастся воспользоваться тем потрясающим потенциалом, который подготовили для нас наши прошлые лидеры. Мы не должны больше существовать отдельно друг от друга, как было в прошлом. Мы не должны рассматривать себя как англо-канадцев или англо-американцев, или франко-канадцев, или мексиканских американцев. Мы все должны считать себя просто американцами. Потому что все мы — североамериканцы...

Министры парламента и премьеры провинций проявляли эмоции в разной степени. Некоторые были откровенно взбешены, другие сидели в задумчивости, третьи кивали головой, словно соглашаясь.

Было понятно, что президент не размахивал договором над их головами, как дубинкой. Не предъявлял никаких требований и не угрожал. Но никто ни минуту не сомневался в том, что сила была именно у него.

— ...наши истории тесно переплетаются, наш народ удивительно похож по образу жизни и взглядам. Единственным фундаментальным различием между нами является отношение к традициям. Если провинции Канады примут решение жить самостоятельно, то им предстоит долгое и трудное путешествие, которое может закончиться лишь столкновением друг с другом. Ради общего блага это не должно произойти. Поэтому я призываю вас присоединиться ко мне в построении самого могущественного государства на земле — Соединенных Штатов Канады.

На обращение президента палата сената отреагировала редкими и тихими аплодисментами. Аудитория сидела, онемев, не понимая, как следует отнестись к предложению о создании единого государства. Наконец-то было произнесено вслух самое невероятное.

Мерсьер вздохнул и выключил телевизор.

— Итак, начало положено, — тихо сказал он.

Оутс кивнул.

— Слава Богу, что договор получили вовремя, иначе мы могли бы стать свидетелями политической катастрофы.

Инстинктивно все повернулись, чтобы высказать благодарность человеку, который сделал очень многое. Они все были в долгу перед ним.

Но Дирк Питт крепко спал.

85

«Роллс-ройс» премьер-министра затормозил, останавливаясь перед огромным реактивным лайнером с президентским гербом. Сотрудники секретной службы заняли свои места вокруг пассажирской посадочной площадки.

В салоне машины Сарве наклонился вперед и откинул столик из орехового дерева со спинки переднего сиденья. Затем открыл шкафчик, достал хрустальный графин с виски и наполнил два небольших бокала.

— За двух старых и близких друзей, которые вместе прошли долгий путь.

— Так оно и есть, — сказал президент с усталым вздохом. — Если кто-нибудь когда-нибудь узнает, как мы с тобой тайно работали вместе все эти годы для того, чтобы сформулировать концепцию единого государства, то нас обоих должны расстрелять за государственную измену.

Сарве едва улыбнулся.

— Возможно, с позором изгнать с занимаемых постов, но, уж конечно, не расстрелять.

Президент задумчиво пил виски маленькими глотками.

— Странно, что случайная беседа между министром парламента и новичком из сената перед камином в охотничьем домике много лет назад может изменить ход истории.

— Правильное время и правильное место для случайной встречи двух мужчин, у которых была одна мечта, — сказал Сарве, вспоминая былое.

— Слияние Соединенных Штатов и Канады неизбежно. Если не в течение следующих двух лет, то в течение следующих двухсот лет. Мы с тобой просто поработали, опережая время.

— Надеюсь, мы не доживем до того времени, когда пожалеем об этом.

— Объединенный континент с населением и территорией Советского Союза — здесь не о чем жалеть. Это может оказаться спасением для обеих стран.

— Соединенные Штаты Канады, — сказал Сарве. — Мне нравится, как это звучит.

— Каким ты видишь будущее?

— Прибрежные провинции — Ньюфаундленд, Новая Шотландия и Нью-Брансуик — в настоящее время отрезаны от остальной части Канады независимым Квебеком. Они поймут, что в их собственных интересах просить статус штата в ближайшие месяцы. Манитоба и Саскачеван последуют за ними. Это самое простое решение, потому что у них всегда были тесные связи с вашими северо-западными сельско-хозяйственными штатами. Следующей, я полагаю, начнет переговоры Британская Колумбия. Затем уйдут тихоокеанские и атлантические порты, постепенно присоединятся остальные провинции.

— А Квебек?

— Французы какое-то время будут наслаждаться своей независимостью. Но из-за неизбежных экономических трудностей им придется, в конце концов, принять статус штата.

— А Британия? Как там будут реагировать?

— Точно так, как она реагировала на Индию, Южную Африку и другие колонии. Неохотно, но скажет слова прощания.

— Какие же у тебя планы, мой друг?

— Буду баллотироваться на пост президента Квебека, — ответил Сарве.

— Не завидую тебе. Борьба будет упорной и грязной.

— Да, но если я одержу победу на выборах, то победим мы. Квебек сделает еще один шаг в сторону присоединения к союзу. И что самое важное, у меня будет возможность гарантировать поступление электроэнергии из Джеймс-Бея и убедиться в том, что вы получите блага

от разработки открытого вами нефтяного месторождения в заливе Унгава.

Президент поставил пустой стакан на откидной столик и посмотрел на Сарве.

— Мне жаль Даниэлу. Решение сообщить тебе о ее связи с Анри Вийоном далось нелегко. У меня не было уверенности, что ты поверишь в это.

— Я поверил тебе, — грустно сказал Сарве. — Поверил тебе, так как знал, что это правда.

— Если бы существовал другой способ…

— Его не было.

Всё было сказано. Президент открыл дверь машины. Сарве взял его за локоть и вернул назад.

— Мы должны решить еще один последний вопрос, — сказал он.

— Продолжай.

— Североамериканский договор. Если всё потерпит неудачу, заставишь ли ты Канаду соблюдать условия?

— Да, — ответил президент, в глазах у него промелькнул жесткий огонек. — Сейчас нельзя поворачивать назад. Если буду вынужден, то без всяких сомнений проведу договор в жизнь.

86

В Нью-Йорке шел дождь, когда Хейди, хромая, вошла в зал ожидания для пассажиров авиакомпании «TWA» в аэропорту Кеннеди. Ливень срывал листву с деревьев и замедлял оживленное движение в час пик до скорости гусеницы. Под синим плащом была военно-морская форма, волосы в каплях дождя выбивались из-под белой фуражки установленного образца. Хейди поставила большой рюкзак на ковер и, балансируя на здоровой ноге, опустилась на свободное место.

После бурных событий прошедших недель ее угнетала перспектива возвращения к повседневным обязанностям. Она не видела Питта после его поспешного вылета в Оттаву, а морские пехотинцы, охраняющие Брайана Шо, не разрешили ей даже приблизиться к нему перед тем, как его в бессознательном состоянии на машине скорой помощи отправили в военный госпиталь.

О ней почти забыли в общей суматохе. Только благодаря предусмотрительности адмирала Сандекера ее направили в Нью-Йорк,

чтобы она, наконец, отоспалась в отеле, и заказали билет первого класса на самолет до Сан-Диего, вылетающий на следующий день.

Хейди пристально смотрела в окно на озера дождя на взлетно-посадочной полосе, в которых отражались многоцветные огни. Если бы она была одна, то позволила бы себе от души поплакать. Внезапно почувствовала острую тоску, вспоминая, как Шо касался ее. Этот пожилой англичанин вторгся в ее жизнь, и сейчас она злилась на то, что он возбудил в ней любовь. Но чувства раскаяния не было, только раздражение, потому что она сама потеряла контроль.

Не слыша и не видя людей, снующих вокруг, Хейди пыталась избавиться от чувств и воспоминаний о постыдных действиях, совершенных ею в течение ряда прошлых недель.

— Мне доводилось видеть грустные создания и раньше, — произнес знакомый голос позади нее, — но ты, леди, заслуживаешь приза.

— Неужели это так бросается в глаза? — спросила она, удивляясь тому, как спокойно прозвучал ее голос.

— Как черная туча на заходящем солнце, — ответил Питт с дьявольской улыбкой.

На нем была спортивная куртка синего цвета военно-морской формы, красные широкие брюки британского покроя и рубашка. Он смотрел на нее поверх чудовищной охапки разных цветов.

— Ты же не думала, что я позволю тебе улизнуть, не попрощавшись?

— Хоть кто-то вспомнил.

Она почувствовала себя покинутой, одинокой, усталой, уязвленной и отвергнутой.

— Не обращай внимания, если сказала что-то не так. Это ночь жалости к себе.

— Может быть, они помогут, — сказал он, кладя цветы ей на колени.

Букет был такой огромный, что она едва могла что-нибудь увидеть поверх него.

— Они великолепны, — сказала Хейди. — Думаю, что сейчас заплачу.

— Пожалуйста, не надо, — тихо рассмеялся Питт. — Мне всегда хотелось купить целый цветочный магазин для красивой девушки. Будешь смущать меня, и я не захочу повторить это вновь.

Она притянула к себе Питта, поцеловала его в щеку, глотая слезы.

— Спасибо, Дирк. Ты всегда был моим самым дорогим другом.

— Другом?

Он бросил на нее обиженный взгляд.

— Неужели это всё, на что я способен?

— Разве мы когда-нибудь сможем стать кем-то еще?

— Не знаю.

На лице у него появилось выражение нежности, он взял ее за руку.

— Интересно, что два человека, которых так много связывает, не могут влюбиться друг в друга.

— В моем случае это связано с другим.

— Женское непостоянство, — сказал он. — Вы всегда влюбляетесь в парней, которые обращаются с вами как с дрянью.

Она отвела глаза от его пристального взгляда и уставилась в окно.

— Мы так никогда и не научимся отрекаться от своих чувств.

— Неужели Шо любит тебя?

— Сомневаюсь.

— А ты любишь его?

— Перестаю быть сама собой, когда речь заходит о Брайане. Да, я люблю его за всё то добро, что он сделал для меня. Мы исчерпали друг друга до самого дна. У него были свои причины, у меня свои. Но если он позовет меня, я побегу к нему без оглядки. Но этого никогда не будет.

— И вновь печальное лицо, — сказал Питт. — Отказываюсь отправлять на борт самолета хныкающую женщину. Ты не оставляешь мне выбора, нужно развеселить тебя еще одним волшебным фокусом.

Хейди тихо рассмеялась, хотя глаза были влажными от слез.

— С каких это пор ты занялся волшебством?

Питт изобразил притворный обиженный взгляд.

— Разве ты никогда не слышала о Питте великолепном, иллюзионисте?

— Никогда.

— Ну и ладно, неверующая. Закрой глаза.

— Ты шутишь.

— Закрой глаза и сосчитай до десяти.

В конце концов Хейди сделала, что ей было сказано. Когда она открыла глаза, Питта не было, на его месте сидел Брайан Шо.

Плач, который она сдерживала, вырвался из ее груди, как только она обняла его, слезы градом покатились у нее по щекам, капая с подбородка.

— Думала, что тебя заперли где-нибудь далеко, — сопела она между рыданиями.

Шо поднял сложенный плащ, который закрывал его колени, и она увидела на его запястьях наручники.

— Питт всё устроил так, что я смог прийти.

Она нежно дотронулась до повязки, торчащей из-под твидовой шапки.

— С тобой всё в порядке?

— Почти исчезло моё двойное зрение, — ответил он, улыбаясь.

Служащий авиалинии за контрольной стойкой объявил о посадке на самолет Хейди.

— Что с тобой будет? — спросила она, боясь отпустить его.

— Подозреваю, что придется провести какое-то время в одной из ваших федеральных тюрем.

— Если скажу, что люблю тебя, ты будешь считать меня сентиментальной?

— Если я отвечу тебе то же самое, ты будешь считать меня лжецом?

— Нет, — сказала она.

И она почувствовала полное облегчение, потому что знала, что он не лжет.

Шо сказал:

— Обещаю тебе, что когда-нибудь мы будем вместе.

Но это было невозможно. Она ощутила глубокую боль в груди. Отстранилась от него.

— Мне пора, — прошептала она.

Он прочитал по ее глазам, что она обиделась, и понял всё. Помог ей встать и опереться на костыли. Подошел служащий и взял багаж и цветы Хейди.

— Прощай, Хейди.

Она слегка поцеловала его в губы.

— Прощай.

Как только Хейди прошла через контрольный пункт на посадку и исчезла из вида, появился Питт и встал рядом с Шо.

— Ужасно хорошая женщина, — сказал он. — Стыдись, что теряешь ее.

— Хорошая женщина, — с тоской согласился Шо.

— Если не поторопишься, она улетит без тебя.

Шо удивленно взглянул на него.

— О чем это ты?

Питт сунул пакет в нагрудный карман Шо.

— Твой посадочный талон и билет. Предусмотрел, чтобы ваши места оказались рядом.

— Но я арестован как вражеский агент, — сказал Шо в полной растерянности.

— Президент — мой должник, — пожал плечами Питт.

— Он знает, что ты делаешь?

— Еще нет.

Шо покачал головой.

— Ты напрашиваешься на неприятности, отпуская меня на свободу.

— Приходилось и раньше сталкиваться с этим.

Питт протянул руку.

— Не забудь: ты должен мне один урок в триктрак.

Шо изобразил рукопожатие обеими руками. Затем поднял их вверх, демонстрируя стальные браслеты.

— Эти штуки так раздражают.

— Взлом этого замка — детская забава для секретного агента.

Шо проделал ряд движений под плащом, и наручники оказались в его ладонях.

— Я немного засиделся. Обычно всегда делал это значительно быстрее.

— Джеймс Бонд гордился бы тобой, — сухо заметил Питт.

— Бонд?

— Да, я слышал, что вы были близки.

Шо вздохнул.

— Он существует только в литературе.

— Неужели?

Шо пожал плечами, затем пристально взглянул на Питта.

— Почему ты делаешь это после того, как я причинил Хейди такую боль?

— Она любит тебя, — просто сказал Питт.

— А тебе-то что из того?

— Ничего, что могло бы увеличить мой счет в банке.

— Тогда почему?

— Мне нравится совершать необычные поступки.

Шо не успел ничего ответить, как Питт повернулся и смешался с толпой в зале ожидания.

Дождь прекратился, Питт опустил откидной верх своей «кобры» и направился в сторону огней Вашингтона, мерцавших на фоне нависших туч. Ветер трепал его волосы, он глубоко вдохнул сладкий аромат влажной травы, поднимающийся с полей вдоль магистрали.

Питт крепче взялся за руль, нажал акселератор до упора и наблюдал, как стрелка тахометра медленно движется к красной отметке.

Об авторе

Клайв Касслер, подобно своему герою Дирку Питту, ведет жизнь, полную приключений. В дополнение к своей писательской деятельности он исходил пешком весь юго-запад в поисках золотоносных жил, занимался подводным плаванием со специальными дыхательными аппаратами в отдаленных озерах Скалистых гор в поисках пропавших самолетов, сейчас возглавляет экспедиции, совершающие поиски затонувших кораблей в Америке. В одной из таких экспедиций был обнаружен «Бонхомм Ричард» Джона Пола Джоунса, а совсем недавно Касслеру удалось откопать затонувшие останки одного из кораблей типа «Монитор». Известный «Мерримак» — еще один корабль, предметы с которого подняты со дна моря Касслером. В настоящее время он занимается поисками корабля «Ханли», знаменитой подводной лодки

конфедератов, которая первой среди судов этого типа потопила крейсер в морском сражении.

Известный коллекционер классических автомобилей, Касслер пишет свои триллеры-бестселлеры у себя дома у подножия Скалистых гор, откуда открывается вид на Денвер.